

ДЖОВАННИ АРРИГИ

АДАМ СМИТ В ПЕКИНЕ

Что получил
в наследство
XXI век

Джованни Арриги

Адам Смит в Пекине
Что получил в наследство
XXI век

Москва, 2009

Джованни Арриги

Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Джованни Арриги; [пер. с англ. Т. Б. Менская] М.: Институт общественного проектирования, 2009 г. — 456 с.

Джованни Арриги (р. 1937) — социолог и экономист, профессор социологии Университета Джона Хопкинса (Балтимор, США). Среди его научных интересов сравнительная и историческая социология, анализ мировых систем и экономическая социология. Опираясь на исследования процессов на рынке труда, в образовании и экономическом развитии, в своих работах Арриги рассуждает о причинах и последствиях неравенства в богатстве, о власти и о статусе наций. Одна из самых известных его работ — «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени».

В своей новой книге «Адам Смит в Пекине», написанной в продолжение и развитие предыдущих, автор рассматривает два главных фактора, которые предопределили расстановку политических и экономических сил в начале нового тысячелетия. Один из них — появление и провал неоконсервативного проекта «За новый американский век», другой — выдвижение Китая в качестве лидера восточноазиатского экономического возрождения. В свете теории экономического развития Адама Смита Арриги показывает, почему эпицентр мировой политической экономии перемещается из Северной Америки в Восточную Азию и какова роль двух государств — США и Китая — как главных действующих лиц разворачивающегося преобразования мира.

На обложке использовано фото М. Малышева

ISBN 978-5-903464-05-0

Original english edition, Adam Smith in Beijing

©Giovanni Arrighi

©АНО «Институт общественного проектирования», 2009 г.

©Верстка и оформление «Медиахолдинг Эксперт»

Посвящается Андре Гундеру Франку (1929–2005)

Оглавление

Предисловие и выражение благодарности	7
Введение	11
Часть I. Адам Смит и Новый азиатский век	21
Глава 1. Маркс в Детройте, Смит в Пекине	22
Глава 2. Историческая социология Адама Смита	50
Глава 3. Маркс, Шумпетер и «бесконечное» накопление капитала и власти	81
Часть II. Наблюдения за глобальной нестабильностью ...	111
Глава 4. Экономика глобальной нестабильности ...	112
Глава 5. Социальная динамика глобальной нестабильности	136
Глава 6. Кризис гегемонии	167
Часть III. Утрата гегемонии	195
Глава 7. Господство без гегемонии	196
Глава 8. Территориальная логика исторического капитализма	237
Глава 9. Мировое государство, которого никогда не существовало	279
Часть IV. Происхождение Нового азиатского века ...	307
Глава 10. Проблема «мирного подъема»	308
Глава 11. Государства, рынки и капитализм: Восток и Запад	343
Глава 12. Истоки и динамика подъема Китая	386
Эпилог	417
Библиография	430

Предисловие и выражение благодарности

Эта книга написана в развитие и продолжение предыдущих двух: «Долгий двадцатый век» (The Long Twentieth Century) и «Хаос и управление в современной мировой системе» (Chaos and Governance in the Modern World System¹). Здесь я специально останавливаюсь на двух особенностях развития, которые в большей степени, чем другие, определяют мировую политику, экономику и общественную жизнь. Одна заключается в появлении и провале неоконсервативного проекта «За новый американский век» (PNAC), другая особенность — выдвижение Китая в качестве лидера восточноазиатского экономического возрождения. Должное внимание здесь уделяется государственным и негосударственным акторам этого развития, но в первую очередь мне хотелось сосредоточиться на действиях двух государств — Соединенных Штатов и Китая как главных действующих лиц разворачивающегося преобразования мира.

Друзья, студенты и коллеги, прочитавшие рукопись и сделавшие свои замечания до того, как в нее были внесены последние исправления, очень по-разному оценили ее составляющие. Те главы, которые особенно понравились одним, совершенно не удовлетворяли других. Те, которые одним казались центральными звеньями книги, другим представлялись излишними. Такие расхождения в оценках читателей — вещь обычная, но не в такой степени, как это случилось с настоящей книгой. Я думаю, дело в том, что у книги была двойная цель (на что есть намек и в названии) и разные методы были применены в ее достижении.

Задача настоящей книги состоит не только в том, чтобы в свете теории экономического развития Адама Смита объяснить, почему эпицентр мировой политической экономики перемещается из Северной Америки в Восточную Азию, но и в том, чтобы предложить интерпретацию смитовского «Исследования о природе и причинах богатства народов» (далее — «Богатство народов») в свете этого перемещения. Эта двойная задача решается на протяжении всей книги, но некоторые ее части в большей степени посвящены теоретическим проблемам, другие — историческому анализу или явлениям современности. Человек, у которого недостает терпения читать теоретические рассуждения или рассказы о далеком и

¹ Arrighi (1994) and Arrighi and Silver (1999).

не известном ему прошлом либо об истории, которая еще только разворачивается, неизбежно почувствует искушение пропустить отдельные части или даже главы. Сознывая такую возможность, я изо всех сил постарался сделать так, чтобы эти читатели все же не упустили суть хотя бы двух общих установок этой книги: одной — относительно перемещения эпицентра мировой политической экономики в Восточную Азию и другой — касающейся «Богатства народов». Взамен я прошу только воспринимать эту книгу как целое, а не как собирание отдельных частей.

Настоящая книга готовилась долго, и велик теперь список тех, перед кем я в интеллектуальном долгу. Без помощи моих многочисленных восточноазиатских друзей я не получил бы доступа к важнейшим текстам, написанным по-китайски и по-японски; некоторые из них упомянуты в библиографическом списке. Икеда Сатоси (Ikeda Satoshi), Хэй Боу Кхён (Hui Pok-keung), Лу Айго (Lu Aiguo), Ши Миньвэнь (Shih Miin-wen), Хун Хофун (Hung Ho-fung), и Чжан Лу (Zhang Lu) — все они помогали мне в этом. Вдобавок Икеда познакомил меня с японской литературой о синоцентричной вассальной системе торговли (tribute trade system); Хэй научил меня читать Броделя в восточноазиатской перспективе; Хун руководил моими набегам на область социальной динамики позднеимператорского Китая; а Лу Айго сдерживала мой чрезмерный оптимизм относительно природы нынешних успехов этой страны.

Более ранняя и краткая версия части II была опубликована под названием «Социальная и политическая экономия глобальной нестабильности» в *New Left Review* II/20 (2003): 5–71. Как и в главе 1, в этой статье критически проанализирована работа Роберта Бреннера в рамках моих общих попыток убедить Бреннера относиться к исторической социологии серьезнее, чем к экономике. Я благодарен Бобу за интеллектуальную стимуляцию, а также за то, что он легко воспринимал мою критику.

Более ранняя версия части III была опубликована как «Утрата гегемонии-I» (*New Left Review* II/32 (2005): 23–80) и «Утрата гегемонии-II» (*New Left Review* II/33 (2005): 83–116). Эти две статьи были тщательно переработаны и переписаны, хотя многие высказанные в главе 8 идеи зародились на семинаре, который я вел вместе с Дэвидом Харви (David Harvey) в Университете Дж. Гопкинса. Я благодарен Дэвиду Харви и участникам семинара, которые помогли мне сформулировать некоторые ключевые

понятия более ранних работ («Долгий двадцатый век» и «Хаос и управление...») более сжато и аналитически связано.

Части глав 1, 11 и 12 взяты из публикации, подготовленной совместно с Хэй Боу Кхёном, Хун Хофуном и Марком Селденом (Mark Selden) и вышедшей под названием «Исторический капитализм: Восток и Запад» в *The Resurgence of East Asia. 500, 150 and 50 Year Perspectives (Historical Capitalism, East and West*, London: Routledge, 2003), а также из моей статьи «Государства, рынки и капитализм: Восток и Запад» (*States, Markets and Capitalism, East and West*) в *Worlds of capitalism. Institutions, Economic Performance, and Governance in the Era of Globalization* (London: Routledge, 2005). Я уже упоминал, что обязан Хёю и Хуну. Вдобавок я должен поблагодарить Марка Селдена за то, что он направлял мои попытки понять восточноазиатский опыт, а также сделал важные замечания по главе 1.

Бенджамин Брюер (Benjamin Brewer), Андре Гундер Франк (Andre Gunder Frank), Антонина Жантий (Antonina Gentile), Грета Криппнер (Greta Krippner), Томас Эрлих Райффер (Томас Ehrlich Reifer), Стив Шерман (Steve Sherman), Артур Стинчкомб (Arthur Stinchcombe), Сугихара Каору (Sugihara Kaoru), Чарльз Тилли (Charles Tilly) и Сьюзан Уоткинс (Susan Watkins) — все они сделали замечания к разным работам, которые затем вошли в эту книгу. Астра Бонини (Astra Bonini) и Дэниел Пашути (Daniel Pasciuti) помогли мне с расчетами, а Дэн также и с библиографическим обзором по некоторым темам. Барис Четин Ерен (Baris Cetin Eren) помог актуализировать материал к главе 7, а Равви Палат (Ravi Palat) и Кеван Харрис (Kevan Harris) постоянно выдвигали аргументы за и против моих теорий, что оказалось чрезвычайно важным для меня. Кеван также прочел всю рукопись целиком и сделал важные предложения как по существу, так и в качестве замечаний редактора. Патрик Лой (Patrick Loy) нашел замечательные цитаты, а Джеймс Гэлбрейт (James Galbraith) указал на важные моменты как в том, что касалось Адама Смита, так и в отношении современного Китая. Во время окончательного редактирования пригодились замечания Джоэла Андреаса (Joel Andreas), Николь Ашофф (Nicole Aschoff), Георгия Дерлугьяна, Эми Холмс (Amy Holmes), Ричарда Лахмана (Richard Lachman), Владимира Попова, Бенджамина Скалли (Benjamin Scully) и Чжань Саохуа (Zhan Saohua).

Как обычно, Перри Андерсон (Perry Anderson) и Беверли Силвер (Beverly Silver) были моими первыми советчиками.

Исполняя роль «доброго полицейского» (Перри) и «злого полицейского» (Беверли), они сыграли важнейшую роль в осуществлении этого проекта. Я благодарен обоим за интеллектуальное руководство и моральную поддержку.

Эта книга посвящена памяти моего доброго друга Андре Гундера Франка. В течение 36 лет, с тех пор как мы познакомились в 1969 году в Париже, мы старались — то вместе, то оппонируя друг другу — понять, где коренятся причины несправедливости в мире. Мы много спорили, но, двигаясь по одной дороге, в конце обнаружили, что шли в основном в одном направлении. Я знаю (Андре сам мне говорил), что он был по большей части не согласен с моей критикой Боба Бреннера; но я думаю, что он заметил бы, как сильно Бреннер повлиял на аргументацию моей нынешней книги.

Март 2007 года

Введение

В середине 1960-х годов Джеффри Барраклу (Geoffrey Barraclough) писал: «В начале XX века власть европейцев в Азии и Африке была сильна как никогда; казалось, не было такой нации, которая устояла бы перед натиском европейского оружия и торговли. Шестьдесят лет спустя остались лишь слабые следы былого господства европейцев... Во всей истории человечества не было других столь быстрых и столь революционных радикальных изменений». Именно перемены в положении народов Азии и Африки «стали несомненным признаком наступления новой эры». Далее Барраклу заявляет: когда (в далеком будущем) напишут историю первой половины XX века, которая для большинства историков все еще видится как история преимущественно европейских войн и европейских проблем, «не будет иной, более важной темы, чем восстание против Запада»¹. Содержание настоящей книги можно суммировать следующим образом: когда (в далеком будущем) напишут историю второй половины XX века, не будет более важной темы, чем экономическое возрождение Восточной Азии. В результате бунта против Запада сложились политические условия, в которых народы незападного мира могут развиваться социально и экономически. Экономическое возрождение Восточной Азии есть первый и надежнейший признак начала такого развития.

Мы называем этот процесс возрождением потому, что — воспользуемся словами Гилберта Розмана (Gilbert Rozman) — «Восточная Азия — великий регион прошлого, который в течение двух тысячелетий, вплоть до XVI, XVII и даже XVIII века, после чего он пережил сравнительно краткий, но болезненный упадок, находился на переднем крае мирового развития»². Современное возрождение протекало в виде стремительно развивавшихся, связанных друг с другом процессов, которые в целом ряде восточноазиатских стран приняли вид «экономического чуда». Возрождение началось в Японии в 1950–1960-е годы, а в 1970–1980-е стремительно распространилось на Южную Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзию и Таиланд. Оно достигло кульминации в 1990-е — начале 2000-х годов, когда Китай стал самым динамичным центром экономического и торгового развития в мире. Как утверждает Терутомо

¹ Barraclough (1967, 153–154).

² Rozman (1991: 6).

Одзава (Terutomo Ozawa), который первым использовал термин «лавинообразное развитие» для характеристики того, что происходило в Восточной Азии, «китайское чудо, хотя оно и находится еще в начальной стадии, без сомнения, станет... самым важным по своему вкладу в мировое развитие... в особенности по влиянию на соседние страны»¹. В том же смысле высказывается и Мартин Вольф (Martin Wolf): «Если Азия и дальше будет развиваться, как в последние десятилетия, она покончит с двухвековым мировым господством Европы и ее гигантского отпрыска — Северной Америки. Япония в свое время показала, каким может оказаться будущее Азии. Но Япония слишком мала и занята лишь собой, чтобы влиять на мир. Не таков идущий следом за ней Китай... Европа — это прошлое, США — настоящее, а Азия во главе с Китаем — это будущее мировой экономики. Представляется, что это будущее обязательно наступит. Вопрос лишь в том, как скоро и насколько безболезненно это произойдет»².

Обрисованное Вольфом будущее Азии, возможно, не столь неотвратимо, как он полагает. Но даже если он прав лишь отчасти, возрождение Восточной Азии означает, что оправдается наконец предсказание Адама Смита: завоеватель и покоритель Запад и не-Запад придут к равновесию сил. Как и Карл Маркс после него, Смит считал поворотным моментом мировой истории открытие европейцами Америки и пути в Индию мимо мыса Доброй Надежды. В отличие от Маркса, впрочем, он не очень оптимистично смотрел на то, как именно эти открытия отразятся на судьбе человечества. Последствия уже оказались весьма серьезными, хотя и невозможно оценить их в полной мере за столь короткий — всего два-три столетия — период. Никто не может предвидеть, какие еще преимущества или беды, вызванные этими событиями, нас ждут. Общая тенденция развития после этих великих открытий представлялась вполне благоприятной: оказались связанными (в той или иной степени) самые дальние уголки мира, возникла возможность удовлетворять потребности друг друга, доставлять друг другу больше радости, способствовать развитию промышленности друг друга. Однако для туземцев Индии и

¹ Ozawa (2003: 700; выделено в оригинале). «Снежный ком» появляется впервые в Ozawa (1993: 30–31).

² Asia is Awakening. The Financial Times, September 22, 2003.

Вест-Индии все последовавшие блага торговли потонули в жутких страданиях, которые эти блага с собой принесли... Когда эти открытия совершились, у европейцев было несомненное превосходство силы, и они могли безнаказанно совершать любые несправедливости в отдаленных открытых ими странах. Однако в будущем, возможно, либо население этих стран станет сильнее, либо ослабеют европейцы, но обитатели разных уголков Земли достигнут равенства отваги и силы и путем внушения взаимного страха превратят несправедливость в отношении независимых наций в своего рода уважение прав друг друга¹.

Однако пока население Европы не ослабело, а население неевропейских стран не стало сильнее, в течение почти двухсот лет после публикации «Богатства народов» «превосходство силы» европейцев и их потомков в Северной Америке, да и повсюду, все больше росло, как росла и возможность для них «безнаказанно совершать любые несправедливости» в неевропейском мире. И в самом деле, когда Смит писал свой труд, закат Восточной Азии еще не начался. Напротив, удивительный мир Китая, его процветание и рост его народонаселения в течение почти всего XVIII века были источником вдохновения для выдающихся деятелей эпохи европейского Просвещения. Лейбниц, Вольтер, Кенэ и другие «смотрели на Китай как на пример нравственности, развития институтов власти, искали в его опыте поддержку для своих самых разных построений: от просвещенного абсолютизма и меритократии до национальной экономики, основанной на сельском хозяйстве»². От европейских государств Китай отличался прежде всего размерами территории и численностью населения. По словам Кенэ, Китайская империя равнялась «всей Европе, если бы Европа объединилась под властью одного правителя» — отзвуки этого представления мы находим затем в замечании Адама Смита о том, что размеры внутреннего рынка Китая не сильно уступают рынку всех стран Европы, вместе взятых³.

В последующие пятьдесят лет громадный скачок в развитии европейского военного искусства поколебал положительный образ Китая. Купцы и путешественники из Европы давно

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М., 1993. Т. М., 1935. Smith (1961: II, 141).

² Adas (1989: 79); см. также: Hung (2003).

³ Quesnay (1969: 115); Smith (1961: II, 202).

уже говорили о военной уязвимости империи, где у власти находится класс ученых и землевладельцев, но в то же время горько жаловались на бюрократические и культурные препоны в торговле с Китаем. Эти обвинения и жалобы породили весьма негативное представление о Китае как о деспотической, бюрократической, но в военном отношении слабой империи. К 1836 году, за три года до того, как Британия развязала против Китая первую Опиумную войну (1839–1842), анонимный автор эссе, опубликованного в Кантоне, высказывал такие страшные мысли: нет, возможно, «более верного критерия цивилизованности и развития общества, чем уровень, которого общество достигло в “искусстве убивать”, в совершенстве и разнообразии средств взаимного уничтожения и в мастерстве, с каким эти средства употребляются». Затем он характеризует китайский императорский военный флот как «чудовищную карикатуру» и заявляет, что устаревшие пушки и армия, в которой нет дисциплины, сделали Китай «бессильным на суше», причем автор считал эти недостатки свидетельством фундаментальных пороков китайского общества в целом. Описывая эти взгляды, Майкл Адамс (Michael Adas) прибавляет, что, «поскольку европейцы, судя о достоинствах не-западных народов, все больше значения придают военному мастерству, это сулит мало хорошего китайцам, которые очень отстают от агрессивного “варварства” у своих южных ворот»¹.

После поражения Китая в первой Опиумной войне, упадок Восточной Азии превратился в то, что Кен Померанц (Ken Pomeranz) назвал Великим расхождением². Теперь эти два региона мира, которые ранее характеризовались сходными стандартами жизни, резко расходятся в политическом и экономическом отношении: Европа быстро поднимается и достигает зенита своей славы, а Восточная Азия идет к упадку. Китай становится беднейшей страной мира, Япония превращается в «полусуверенное» государство под военной оккупацией, а большинство других стран региона либо продолжают бороться с колониальными властями, либо их ждет участь разобщения в ходе холодной войны. Ни в Восточной Азии, ни в других регионах ничто не указывало на то, что вот-вот оправдается идея Смита и расширение и углубление обмена в

¹ Adas (1989: 89–93, 124–125, 185–186). См. также: Parker (1989: 98–99).

² Pomeranz (2000).

глобальной экономике уравнивает народы европейского и неевропейского происхождения. Конечно, Вторая мировая война дала мощный толчок восстанию против Запада. В Азии и Африке восстанавливаются прежние суверенные государства и создается множество новых. Но деколонизация сопровождалась созданием самого сильного и разрушительного государственного аппарата западного образца, какой только знало человечество¹.

Ситуация вроде бы начала меняться в конце 1960-х — начале 1970-х, когда мощная военная машина США так и не смогла вовлечь Вьетнам в разделение холодной войны. В связи с двухсотлетним юбилеем публикации «Богатства народов» и вскоре после того, как Соединенные Штаты решили уйти из Вьетнама, Паоло Силос-Лабини (Paolo Sylos-Labini) задавался вопросом, не пришло ли наконец время, когда, как предвидел Смит, «обитатели разных уголков Земли достигнут равенства отваги и силы и путем внушения взаимного страха смогут превратить несправедливость в отношении независимых наций в своего рода уважение прав друг друга»². Казалось, что и экономическая конъюнктура складывалась в пользу стран третьего мира³. Большим спросом пользовались их природные ресурсы, а также громадные ресурсы дешевого труда, которыми эти

¹ Как заметил С. Краснер, широчайшая сеть будто бы постоянных военных баз, размещенных Соединенными Штатами во время и после Второй мировой войны, «не имеет прецедента в истории; ни одно государство до этого не размещало свои войска на территории другого суверенного государства в таких количествах, так надолго и притом в мирное время». Krasner (1988: 21).

² Sylos-Labini (1976: 230–232).

³ Третий мир был продуктом бунта против Запада и холодной войны. В то время как исторические не-западные страны сгруппировались почти полностью в третий мир, исторический Запад распался на три отдельные составляющие. Самые преуспевающие члены (Северная Америка, Западная Европа и Австралия), к которым присоединилась Япония, составили первый мир. Один из менее процветающих членов (СССР с Восточной Европой) стал вторым миром, а Латинская Америка, присоединившись к не-западным странам, стала частью третьего мира. С окончанием холодной войны и исчезновением второго мира определения «первый» и «третий» мир стали анахронизмами и были заменены соответственно на «мировой Север» и «мировой Юг». Мы здесь пользуемся в зависимости от контекста и старыми, и новыми обозначениями.

страны обладали. Все более широким потоком течет капитал из стран первого мира в страны третьего (и второго) мира; быстрая индустриализация стран третьего мира подрывает концентрацию обрабатывающей промышленности в странах первого (и второго) мира; и, несмотря на идеологические разногласия, страны третьего мира объединяются, чтобы установить Новый международный экономический порядок.

Восемнадцатью годами позже я снова задумался над соображениями Силоса-Лабини и понял, что всякая надежда на неизбежное уравнивание возможностей разных народов мира воспользоваться преимуществами процесса все большей интеграции мировой экономики (или страх перед этим уравниванием) были преждевременными. В 1980-е годы подстегиваемая Соединенными Штатами эскалация конкуренции на мировых финансовых рынках вдруг остановила финансирование стран третьего и второго мира и вызвала сокращение мирового спроса на их продукцию. Условия торговли снова стали благоприятными для первого мира — столь же быстро и резко, как они обратились против него в 1970-е. Дезориентированная и дезорганизованная растущей нестабильностью мировой экономики, находившаяся под сильным давлением гонки вооружений, распалась советская империя. Мירוустройство, при котором две сверхдержавы вели между собой отчаянную борьбу, исчерпало себя, и третий мир вступил в конкуренцию с бывшими странами второго мира за доступ на рынки и к ресурсам первого мира. В то же время Соединенные Штаты и их европейские союзники воспользовались возможностями, возникшими в результате развала СССР, и начали претендовать (и не без успеха) на узаконенное «монопольное» использование в мировом масштабе средств насилия, полагая, будто их превосходство в силе стало не только наибольшим, но и практически неоспоримым¹.

Тогда же я отметил, что события не развивались буквально как ответный удар и отношения между странами не вернулись к тем, что были до 1970 года. Потому что ослабление Советов сопровождалось одновременным разрастанием того, что Брюс Камингс (Bruce Cumings) окрестил «капиталистическим архипелагом» Восточной Азии². Среди «островов» этого архипелага самым большим была Япония. Затем важнейшими были такие

¹ Arrighi (1994: 21–22).

² Cumings (1993a: 25–26).

«острова», как города-государства Сингапур и Гонконг, пограничное государство Тайвань и объединившая половину нации Южная Корея. Ни одно из этих государств не было сильным по общепринятым стандартам. Гонконг не был даже суверенным государством, а Япония, Южная Корея и Тайвань полностью зависели от Соединенных Штатов не только в военном отношении, но в значительной степени также в энергетике и поставках продовольствия, а равно и в реализации своей промышленной продукции. И тем не менее совокупная экономическая мощь архипелага, этой новой мировой «мастерской» и «денежного ящика», заставляла традиционные центры капитализма — Западную Европу и Северную Америку — реструктурировать и реорганизовывать свою промышленность, экономику и образ жизни¹.

Такого рода разветвление военной и экономической власти, считал я, не имеет прецедента в истории капитализма, и ее развитие может пойти тремя разными путями. Соединенные Штаты и их европейские союзники могут предпринять попытку использовать свое военное превосходство, чтобы получать у нарождающихся капиталистических центров Восточной Азии «плату за защиту». Если такая попытка увенчается успехом, появится первая в истории действительно мировая империя. Если попытка не будет даже предпринята или окончится неудачей, Восточная Азия может со временем стать центром всемирного рыночного общества, появление которого предвидел Адам Смит. Но возможно также, что это разветвление закончится беспредельным всемирным хаосом. Как я тогда это сформулировал, перефразируя Йозефа Шумпетера, прежде чем человечество задохнется (или насладится) в подземелье (или в раю) всемирной империи с центром на Западе или всемирного рыночного общества с центром в Восточной Азии, «оно вполне может сгореть в ужасах (или в славе) эскалации насилия, сопровождающего разрушение мирового порядка времен холодной войны»².

События и тенденции последовавших затем тринадцати лет решительно отменили возможность того, чтобы какой-то из трех вариантов воплотился в жизнь. В мире происходила дальнейшая эскалация насилия, и администрация Буша приняла проект «За новый американский век» в ответ на события 11 сентября 2001

¹ Arrighi (1994: 22).

² Arrighi (1994: 354–346), перефразируя Schumpeter (1954b: 163).

года, что по существу было попыткой создать первую в истории мировую империю. Полный провал проекта во время опытов в иракской лаборатории, впрочем, не покончил с надеждой все-таки построить когда-нибудь мировую империю, этот провал лишь сократил шансы на успех. Возросли и шансы бесконечного всемирного хаоса. При этом самым вероятным теперь представлялось формирование всемирного рыночного общества с центром в Восточной Азии. Эта перспектива казалась особенно реальной отчасти потому, что власть Соединенных Штатов в мире сильно покачнулась в связи с иракской авантюрой. Но прежде всего такая возможность была связана с фантастическим развитием экономики Китая с начала 1990-х годов.

(Китай) — это не только часть восточноазиатского капиталистического архипелага. Китай и не вассал Соединенных Штатов, как Япония или Тайвань. И хотя он не может сравниться с США в военной силе, а развитие его промышленности все еще зависит от экспорта в США, столь же велика (если не больше) зависимость благосостояния и власти Америки от импорта дешевых китайских товаров и от приобретения Китаем американских правительственных облигаций. К тому же Китай все активнее заменяет Соединенные Штаты в качестве движущей силы коммерческого и экономического развития в Восточной Азии и за ее пределами.

В связи с провалом проекта «За новый американский век» при одновременных успехах экономического развития Китая (спустя 250 лет после публикации «Богатства народов») как никогда возросла возможность реализации пророчества Смита о всемирном рыночном обществе на основе будущего равенства мировых цивилизаций. В этой книге я исследую истоки и взаимодействие этих двух направлений развития и пытаюсь определить современные тенденции. Книга состоит из четырех частей: одна часть — преимущественно теоретическая, другие три — главным образом фактические.

В части I изложены теоретические основания этого исследования. В начале я остановлюсь на том, что для понимания Великого расхождения Померанца опять пригодилась теория экономического развития Адама Смита. Реконструируя затем эту теорию, я сравню ее с теориями развития капиталистического производства Маркса и Шумпетера. Я придерживаюсь мнения, что Адам Смит не был ни сторонником, ни теоретиком развития капиталистического производства и что его теория рынка

как инструмента управления особенно важна для понимания некапиталистической рыночной экономики, какой была экономика Китая до его включения (на условиях подчиненности) в глобализованную европейскую систему государств и какой она вполне может стать снова в XXI веке, при совершенно иных внутренних и всемирно-исторических условиях.

В части II я развиваю идею будущего по Адаму Смиту, представленную в части I, и пытаюсь определить, какие мировые бури и потрясения привели к ситуации, когда США приступили к осуществлению проекта «За новый американский век», а в Китае начался экономический подъем. Причины этого я вижу в избыточном сосредоточении капитала в мировом контексте бунта против Запада и других революционных потрясений первой половины XX века. В мире наступил кризис гегемонии, на что Соединенные Штаты ответили усилением межгосударственного соперничества в отношении мобильного капитала и гонкой вооружений с СССР. И хотя в результате политические и экономические успехи США превзошли самые смелые ожидания авторов проекта, возникли и непредвиденные последствия — нарастание нестабильности в мировой политике и экономике и дальнейшее усиление зависимости благосостояния и мощи Соединенных Штатов от накоплений, капитала и кредитов иностранных инвесторов и правительств.

В части III рассматривается принятие администрацией Буша проекта «За новый американский век» как реакция на эти непредвиденные последствия политики США предшествующего периода. Проанализировав полную неудачу проекта, затем я рассматриваю его принятие и крах в широком контексте перспективы развития по Адаму Смиту, как она представлена в части I и развита в части II. С этой точки зрения иракская авантюра предстает как новое подтверждение приговора, вынесенного войной во Вьетнаме: превосходство Запада в силе достигло своего предела и определенно начинает утрачиваться. Более того, два приговора взаимно друг друга дополняют. Если поражение во вьетнамской войне вынудило Соединенные Штаты вновь ввести в мировую политику Китай, чтобы справиться с политическими последствиями военного поражения, то разгром в Ираке вполне может превратить Китай в истинного победителя в войне США с терроризмом.

В части IV эта возможность рассматривается подробно. Указав на трудности, с которыми столкнулись Соединенные Штаты в попытках затолкнуть обратно в бутылку джина китайской экономической экспансии, я констатирую, что попытки предвидеть будущее поведение Китая по отношению к Соединенным Штатам, своим соседям и всему миру исходя из опыта западной системы государств потерпели решительное поражение. Во-первых, западная система, постепенно охватывая мир, так изменила свой *modus operandi*, что прошлый опыт теперь бесполезен для понимания нынешних трансформаций. Еще важнее то, что значение исторического опыта западной системы государств уменьшилось, а значение прежней системы государств, имевших своим центром Китай, увеличилось. Насколько можно судить, основой Новой азиатской эпохи, если таковая наступит, станет тесное соединение этих двух наследий.

В эпилоге я суммирую причины того, что попытки США остановить усиление мирового Юга обернулись против самих Штатов, непреднамеренно создавая условия для установления именно такого цивилизационного содружества, какое представлялось наиболее желательным Адаму Смиту. Но до появления подобного содружества, хотя оно и возможно, пока еще далеко. Господство Запада воспроизводится, может быть, в более тонких формах, чем в прошлом, и, что еще важнее, не исчезла возможность дальнейшей эскалации насилия и бесконечного мирового хаоса. Какой мировой порядок (или беспорядок) в конце концов установится, зависит главным образом от способности самых густонаселенных южных государств (в первую очередь Китая и Индии) открыть для себя и мира социально более справедливый и экологически более приемлемый путь развития, чем тот, которым шел к своему богатству Запад.

Часть I

Адам Смит и Новый азиатский век

Глава 1

Маркс в Детройте, Смит в Пекине

«Попытка модернизации Китая, — писал Джон К. Фейрбенк (John K. Fairbank) накануне событий на площади Тяньаньмынь 1989 года, — разворачивается в таких гигантских масштабах, что ее трудно охватить. Может ли Китай перейти от командной экономики к свободному рынку товаров, капитала, трудовых ресурсов и даже идей? Если да, то сохранится ли партийная диктатура? Этап строительства железных дорог и городов, характерный для XIX века, приходится здесь на время расцвета постиндустриальных электронных технологий. Решая характерные проблемы западного Возрождения и Просвещения, Китай одновременно занят переоценкой собственных ценностей. Китай безудержно устремился вперед, развитие едва поспевает за переменами. И сейчас трудно обнаружить то единство теории и практики по Ван Янмину, которым здесь так восхищались начиная с XVI века. Неудивительно, что реформы Дэн Сяопина нам так же непонятны, как народ Китая»¹.

Успех реформ Дэн Сяопина был совершенно неожиданным. «Ни один экономист, — пишет Томас Равски (Thomas Rawski), — не предвидел колоссального динамизма Китая»². Его не понял даже Пол Кругман (Paul Krugman). Когда восточноазиатская экономическая экспансия вступила в китайскую фазу, он проводил параллель между восточноазиатским расчетом на крупные инвестиции и масштабную переброску трудовых ресурсов из деревни на фабрики и сходным положением в странах Варшавского договора в 1950-е годы. «В перспективе 2010 года, — заключает Кругман, — нынешние предсказания будущего превосходства Азии, основывающиеся на современных тенденциях, могут оказаться такими же глупыми, какими были предсказания 1960-х годов о будущем промышленном превосходстве Советов исходя из реалий брежневской эпохи»³. Ошибочное суждение было высказано также на конференции в Тайбэе в 1996 году: «Известный американский экономист» заявил, что Россия, а не Китай,

¹ Fairbank (1989: 17).

² Rawski (1999: 139).

³ Krugman (1994: 78). Более уравновешенное сравнительное описание советского экономического роста у Попова: V. Popov, *Life Cycle of the Centrally Planned Economy: Why Soviet Growth Rates Peaked in the 1950s*, доступно также в интернете: <http://www.nes.ru/%7Evpopov/documents/Soviet%20Growth-Boston.pdf>.

«выбрала более или менее правильный путь реформ». Эта точка зрения появляется на следующий год в *The Economist*: в журнале утверждалось, что экономические преобразования в Китае и его экономическое развитие не имеют будущего, если там не откажутся от постепенных реформ в пользу китайского варианта шоковой терапии¹.

А между тем, хотя во время восточноазиатского кризиса 1997–1998 годов экономический рост в Китае замедлился, Китай избежал катастрофических последствий, пережитых странами, которые последовали совету *The Economist*. Так, Джозеф Штиглиц (Joseph Stiglitz) высказывал противоположную *The Economist* точку зрения, основанную именно на том, что Китай избежал губительных последствий этого кризиса. Как писал Штиглиц, Китай выиграл именно потому, что не оставил идеи постепенного развития в пользу шоковой терапии, за которую горячо ратовал так называемый вашингтонский консенсус. В отличие от России, заявлял он, Китай «никогда не путал цели (благополучие населения) со средствами (приватизация и либерализация торговли)».

В Китае хорошо понимали, что для стабильности общества следует избегать массовой безработицы. Реструктуризация должна сопровождаться созданием новых рабочих мест. Так что Китай либерализовался постепенно и таким способом, что подвергавшиеся преобразованию ресурсы перегруппировывались для более эффективного использования, а не для бесплодной незанятости².

Поскольку пузырь «новой экономики» в США в 2001 году и экономический рост Китая стали главными движущими силами возрождения в Восточной Азии и за ее пределами, прежние предсказания о грядущем Новом азиатском веке уже не казались такими глупыми, как считал Кругман десятью годами ранее. Напротив, цель и социальные последствия поразительного экономического развития Китая подверглись тщательному изучению и в самом Китае, и за его пределами. Мало кто, кроме китайских коммунистов (да и мало кто из них,

¹ Rawski (1999: 140); *The death of gradualism, China Survey, The Economist, March 8, 1997.*

² Stiglitz (2002: 125–126). Два года позже Джошуа Купер Рамо, член совета по внешним связям Центра американской и внешней политики в Великобритании, заявил, что теперь уже можно говорить о возникновении «пекинского консенсуса». Ramo (2004).

насколько нам известно), казалось, принял всерьез заявление Дэн Сяопина, что целью реформ была *социалистическая рыночная экономика*. Через два года после того, как Дэн Сяопин повторил свой лозунг «Быть богатым — это прекрасно!», Элизабет Райт (Elisabeth Wright) писала в лондонской Times, что «деньги, вытеснив марксизм, стали богом в Китае». Даже освобожденные из тюрьмы тяньаньмыньские борцы за демократию склоняются к тому, чтобы «выбрать дорогу коммерции... часто объединяясь с отпрысками партийной элиты». Ослабевший было приток в компартию новых членов опять начинает нарастать, но теперь уже туда идут не из идеологических соображений, а по причине политической и коммерческой целесообразности. «Не случайно, — пишет Райт, — современная система Китая называется “рыночный ленинизм”»¹.

Скоро заговорили о разрушительных социальных последствиях погони за прибылью. Сначала в книге, опубликованной в Гонконге в 1997 году и переизданной на следующий год в Пекине (там она стала бестселлером), окончившая Фуданский университет Хэ Цинлянь (He Qinglian) заявила, что главными результатами реформ Дэн Сяопина стали громадное неравенство, всеобщая коррупция и разрушение моральных основ общества. По ее мнению, вместо изобилия в 1990-е годы случилось «разграбление» — государственную собственность передали тем, кто стоял у власти (и их прихлебателям), а государственные банки передали личные накопления простых граждан государственным предприятиям. Единственное, что просочилось к народу, — это цинизм и распад этики. Обсуждая взгляды Хэ, Лю Биньян и Перри Линк соглашаются с ней, что такая система саморазрушительна и потому неустойчива².

Марксисты на Западе с готовностью поддержали эти обвинения, заявляя, что в Китае не осталось никакого социализма, рыночного или иного. Так, в предисловии к статье (по объему сравнимой с книгой) Мартина Харт-Ландсберга (Martin Hart-Landsberg) и Поля Беркетта (Paul Burkett) «Китай и социализм»

¹ E. Wright, *To Be Rich is Glorious*. *World Press Review* 41/7, 1994: 10–11. Лозунг «Быть богатым — это прекрасно!» впервые появляется в 1982 году, но становится все более действенным только после 1992 года, когда посетивший южные провинции Китая Дэн призвал всех жителей идти в бизнес и обогащаться «еще смелее» и «еще быстрее», чем в 1980-е. Liu and Link (1998).

² Liu and Link (1998: 23).

редакция *Monthly Review* заявила, что как только постреволюционная (отказавшаяся от революционного развития) страна вступает на путь капиталистического развития, тем более если она пытается двигаться в этом направлении очень быстро, один шаг ведет к следующему, пока пагубные и разрушительные черты капитализма не восстановятся полностью. Для современного Китая характерно не появление нового «рыночного социализма», а невиданная скорость, с какой он разрушает прошлые достижения эгалитаризма, производит колоссальное неравенство, разрушает людей и экологию... К социализму нельзя идти дорогой рынка, если при этом не учитывать насущные потребности людей и не обещать им равенства¹.

Никто не отрицает, что вслед за реформами Дэн Сяопина пришел капитализм с его характерными чертами, однако природа этих капиталистических тенденций, их размеры и последствия по-разному оцениваются даже марксистами. Так, Самир Амин (Samir Amin) думает, что социализм в Китае не победил, но и не проиграл: «До тех пор, пока признается и действует принцип равного доступа к земле, время социального действия, способного повлиять на пока не определенную эволюцию, не упущено».

Революция и резкий переход к модернизации изменили китайцев больше, чем какой-либо еще народ сегодняшнего третьего мира. Народ Китая верит в свои силы, они по большей части не знают покорности. Социальные схватки здесь — обыденность, в них участвуют тысячи людей, они часто жестоки и не всегда заканчиваются поражением протестующих².

Недавние события подтверждают правильность оценки размаха и эффективности народной борьбы в Китае Самиром Амином. Столкнувшись с растущим неравенством и волнениями в деревне, китайское правительство в феврале 2006 года объявило о масштабных инициативах под лозунгом «Новая социалистическая деревня» в области здравоохранения, образования и пособий для крестьян, но приватизация земли вновь откладывалась. «Правительство сменило направление, сосредоточившись на растущем неравенстве, — объясняет Вэнь Тецзюнь (Wen Tiejun) из университета Ренмин. — Разрыв в экономическом положении, провоцирующий социальный конфликт, и собственно социальный конфликт становятся все более серьезной проблемой». Месяцем

¹ Magdoff and Bellamy Foster (2004: 6). Несмотря на то что есть и иные мнения, настоящая точка зрения преобладает среди западных леваков.

² Amin (2005: 268, 274–275).

позже впервые за последние десять лет Всекитайское собрание народных представителей занялось идеологической дискуссией о социализме и капитализме, что, как полагали многие, после долгого периода быстрого экономического роста Китая было уже невозможно. Никто не подвергал сомнению значение рыночных механизмов, но бросающийся в глаза разрыв между богатыми и бедными, процветающая коррупция, эксплуатация и захват земли были вопросами, поставленными на обсуждение. «Если рыночная экономика насаждается в такой стране, как Китай, где нет безусловного первенства закона, — говорил Лю Гогуан (Liu Guoguang) из китайской Академии социальных наук, — то следует подчеркивать социалистический дух справедливости и социальной ответственности, иначе насаждаемая рыночная экономика станет элитарной рыночной экономикой»¹.

Что такое «элитарная рыночная экономика»? Не то же ли самое, что капиталистическая рыночная экономика? Чем еще может быть рыночная экономика? Не является ли выражение «социалистическая рыночная экономика» оксюмороном, как считают повсеместно левые, правые и центристы? И если это не оксюморон, то что? И при каких условиях можно ждать, что она материализуется? Стремясь перебросить мостик через глубокие расхождения между официальной точкой зрения Пекина, настаивающего на «социализме с китайской спецификой», и практикой дикого капитализма, которой с удовольствием занимались партийные деятели, коммунистическая партия в 2005 году начинает среди политических лидеров и ведущих ученых кампанию по модернизации и развитию марксизма перед лицом того, что коммунистический лидер Ху Цзиньтао (Hu Jintao) называл «переменами, противоречиями и проблемами во всех областях». В ходе кампании предполагалось сделать новые переводы марксистской литературы, адаптируя тексты по марксизму для их изучения в средней школе и университетах, а также исследовать возможность того, как можно переформулировать марксизм, чтобы он оставался действенным орудием китайской политики даже тогда, когда основой экономики станет частное предпринимательство².

¹ J. Yardley, *China Unveils Plan to Aid Farmers, but Avoids Land Issue. The New York Times*, February 23, 2006. J. Kahn, *A Sharp Debate Erupts in China Over Ideologies. The New York Times*, March 12, 2006.

² E. Cody, *China Confronts Contradictions Between Marxism and Markets. The Washington Post*, December 5, 2005.

Каковы бы ни были результаты этой кампании, непонимание, окружающее реформы, симптоматично в смысле распространения неправильных представлений о том, как связаны между собой рыночная экономика, капитализм и экономическое развитие. Эти неверные представления принадлежат не только теории, но и практике. И вполне возможно и даже вероятно, что сначала они будут разрешены на практике и лишь затем в теории. Но это не причина, чтобы не искать теоретического решения раньше практического, и именно это мы стараемся сделать в настоящей книге.

Неосмитовский марксизм

Изменения в идеологии отчасти отражают реалии общественной жизни. Но равным образом они могут указывать как на отсутствие, так и на наличие тех реалий, которые они призваны представлять. Так, в эссе «Маркс в Детройте», опубликованном на волне возрождения марксизма после 1968 года, философ-марксист Марио Тронти (Mario Tronti) отвергает представление, будто создание социал-демократических и коммунистических партий марксистского направления превратило Европу в эпицентр классовой борьбы¹. Тронти утверждает, что настоящим эпицентром были Соединенные Штаты: хотя влияние марксизма там было минимальным, рабочие более успешно заставляли капитал перестраиваться ради удовлетворения их требований повышения зарплаты. В Европе была жива идеология Маркса, но именно в Соединенных Штатах отношения между трудом и капиталом были «объективно марксистскими». По крайней мере в течение полувека, вплоть до послевоенного периода (после Второй мировой войны) в реалиях классовой борьбы [в Соединенных Штатах] прочитывался Маркс, как и в реакции на эту борьбу. Не то чтобы в свете трудов Маркса мы могли интерпретировать борьбу американских рабочих. Скорее, эта борьба дает нам возможность точнее понять самые сложные тексты Маркса — «Капитал» и «К критике политической экономии»².

Возражение Тронти было проявлением кризиса идентичности, который марксизм переживал в период возобновления

¹ На самом деле это название раздела послесловия ко второму изданию книги Тронти *Opera e Capital*, но мы вполне можем так озаглавить и все послесловие. Tronti (1971: 267–311).

² Tronti (1971: 269, 300, 303–304).

его влияния на капиталистическом Западе. Со времени появления марксизма как теории развития капитализма и учения о социалистическом преобразовании общества его влияние постоянно перемещалось из центров к периферийным районам мирового капитализма. К концу 1960-х центрами распространения марксизма стали бедные страны третьего мира, такие как Китай, Вьетнам, Куба и африканские колонии Португалии — страны, где общественные реалии имели мало общего (или не имели вообще ничего общего) с реалиями обществ, на опыте которых строилась теория в «Капитале» и «Критике политической экономии». Именно тогда в связи с трудностями США во Вьетнаме и студенческими волнениями марксизм возвращается в страны первого мира. Но радикалы на Западе начали читать «Капитал», не особенно понимая возможность применения марксизма к современности. Как вспоминает Дэвид Харви, в начале 1970-х было трудно понять, какое значение имеет первый том «Капитала» для решения политических вопросов того времени. Чтобы понять суть империалистической войны во Вьетнаме, с которой мы не могли смириться, нужен был не Маркс, а Ленин. И нам часто приходилось просто верить в марксистское движение в целом (или в харизматические фигуры вроде Мао или Кастро), чтобы усмотреть внутреннюю связь «Капитала» Маркса со всем, что нас волновало. Не то чтобы сам текст не приводил нас в удивление и восторг — удивительные прозрения, происходившие из осознания товарного фетишизма, поразительное понимание того, как классовая борьба изменила мир со времени первоначального накопления капитала, описанного Марксом... Но дело было просто в том, что «Капитал» не имел прямого отношения к нашей повседневной жизни¹.

Нет никакого сомнения, что громадная пропасть отделяет теорию капитала Маркса от марксизма Фиделя Кастро, Амилькара Кабрала, Хо Ши Мина или Мао Цзэдуна и что эту пропасть может преодолеть только вера в единство марксизма на всем протяжении его истории. Но не вполне верно, что в конце 1960-х — начале 1970-х годов теория капитала Маркса не имела прямого отношения к жизни в странах первого мира. Это было время усиления классовой борьбы в Европе и в других регионах, и не один Тронти считал, что эти конфликты, как и предшествующие конфликты в Соединенных Штатах, проливают новый свет на

¹ Harvey (2000: 6–7).

«Капитал» Маркса¹. Именно в это время все больше западных марксистов по обе стороны Атлантики вновь открывают рабочий процесс и классовую борьбу рабочих — эти важнейшие идеологемы первого тома «Капитала». До 1960-х годов ни один теоретик-марксист не воспользовался приглашением Маркса: «Оставим эту шумную сферу, где все происходит на поверхности и на глазах у всех людей, и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства», где, обещает автор, «тайна добывания прибыли должна наконец раскрыться перед нами»². Покинутые марксистами укромные обители производства были до тех пор приютом американской промышленной социологии и истории лейборизма, что вдохновило Тронти на обнаружение Маркса в Детройте. Но в 1970-е марксисты в конце концов вновь открыли трудовой процесс как спорную территорию прерогатив администрации и сопротивления рабочих эксплуатации³.

Вместо того чтобы раскрывать секрет получения прибыли, как обещал Маркс, новое открытие марксизма усугубило разрыв между теми марксистами, которые были заняты преимущественно освобождением третьего мира от наследия колониального империализма, и теми, кто главным образом занимался освобождением рабочего класса. Проблема состояла в том, что «Капитал» действительно давал ключ к пониманию

¹ Об интеллектуальной и политической тенденции *operaismo* (*workerism*) — операизм, постановка на первый план социально-экономических задач рабочего класса, — начало которой положил Тронти, см. Wright (2002) and (2004). Отчасти под влиянием ученика Тронти Антонио Негри (Antonio Negri) Микель Аглиетта (Michel Aglietta, 1979) и другие представители французской школы экономической регуляции (French Regulation School) положили организацию трудового процесса, сложившуюся из выступлений рабочих и реакции на них капиталистов в автомобильной промышленности США (фордизм), в центр своей концепции капитализма XX века.

² Marx (1959: 176). Т. 1, гл. 6, после сн. 14.

³ В Соединенных Штатах новое открытие трудового процесса марксистами было впервые осуществлено Гарри Браверманом (Harry Braverman, 1974), радикальными политэкономистами, представляющими школу социальной структуры накопления, промышленной этнографией Михаила Буравого. См. также: Edwards (1979), Gordon, Edwards and Reich (1982) и Burawoy (1982). Этот процесс достиг своего апогея, когда «Капитал» был признан классическим трудом по социологии во многих американских университетах.

классовых конфликтов, но предположения Маркса относительно развития капитализма в мировом масштабе не подтверждались историческими фактами.

Предположения Маркса сильно напоминают тот «плоский мир», который последние годы усиленно навязывает Томас Фридман (Thomas Friedman). Прочитав (или перечитав) «Манифест коммунистической партии», признается Фридман, он пришел в благоговейный восторг от того, как «остро Маркс детализировал силы, плющившие мир на пике промышленной революции, и как хорошо он предвидел, каким образом эти силы будут продолжать плющить мир даже и до настоящего времени»¹. Фридман и дальше цитирует знаменитые пассажи, где Маркс и Энгельс утверждали, что необходимость в постоянном расширении рынков заставляет буржуазию устанавливать связи «по всему земному шару»; заменять старинные национальные производства такими, которые «больше не используют местное сырье, но работают на привозном; производствами, продукция которых потребляется не только дома, но и во всех уголках земли». В результате «географическая и национальная изоляция старого времени и самообеспечение» сменились «взаимодействиями во всех направлениях, всеобщей взаимозависимостью народов» — той всеобщей взаимозависимостью, которая привела к генерализации процесса капиталистического развития.

Буржуазия благодаря быстрому развитию всех инструментов производства и невероятному развитию средств связи теперь вовлекает все, даже самые отсталые, народы в цивилизационный процесс. И низкие цены на потребительские товары — это та тяжёлая артиллерия, которая разрушает все китайские стены. Буржуазия вынуждает все народы (под страхом вымирания) принимать буржуазный способ производства; насаждать то, что она называет цивилизацией, то есть становиться буржуазными. Короче говоря, создает мир по своему образу и подобию².

Как заметил Харви задолго до Фридмана, трудно представить себе более точное определение глобализации, как мы ее знаем сегодня, чем данное сто пятьдесят лет назад Марксом и Энгельсом³. Но Фридман упустил из виду (а Маркс и Энгельс не предвидели), что в эти сто пятьдесят лет растущая взаимозависимость

¹ Friedman (2005: 201–204).

² Marx and Engels (1967: 83–84).

³ Harvey (1995).

народов не «расплющила» мир посредством всеобщего процесса капиталистического развития. Приведет ли нынешний перенос центра мировой экономики в Азию к тому или иному варианту более «плоского» мира — это вопрос, который мы оставляем пока открытым. Но не вызывает сомнений, что за последние два столетия возрастающая взаимозависимость западного и не-западного миров связывалась не с конвергенцией, о которой говорится в «Манифесте коммунистической партии», а со все большей дивергенцией.

Примерно в то же время, когда Тронти и другие снова открывают Маркса в сокровенных недрах фордистского производства, Андре Гундер Франк вводит новую метафору «развитие недоразвитости» — для описания и толкования этой дивергенции. Дивергенция, заявляет он, есть не что иное, как выражение процесса капиталистической экспансии, которая одновременно ведет к развитию (богатству) в основных регионах (Западная Европа, Северная Америка и Япония) и недоразвитию (бедности) в остальных регионах. Он считает, что этот процесс основан на отношениях метрополия—сателлит, посредством которых метрополия присваивает экономический излишек за счет сателлитов, обеспечивая себе экономическое развитие, в то время как «сателлиты остаются недоразвитыми, не имея доступа к своему собственному экономическому излишку, а также вследствие все той же поляризации и эксплуататорских противоречий, которые метрополия насаждает и поддерживает во внутренней структуре сателлита». Механизмы присвоения и отчуждения (экспроприации) излишка могут варьироваться по регионам и периодам, но остается неизменной структура процесса капиталистической экспансии: *метрополия—сателлит* или *центр—периферия*, причем этот процесс продолжает поляризовать, а не выравнивать богатство и нищету народов¹.

Выдвинутое Франком понятие «развитие недоразвитости» подверглось массивной критике, поскольку в рамках этой концепции классовые отношения сводились к эпифеномену, побочному явлению отношений *центр—периферия*. Так, критикуя Франка, Роберт Бреннер признает, что «экспансия капитализма через торговлю и инвестиции не приводит к капиталистическому экономическому развитию автоматически, как предсказывал Маркс в «Манифесте».

В ходе развития мирового рынка китайские стены могут как воздвигаться на пути продвижения производительных сил, так и падать перед ними. Когда происходит такое «развитие недоразвитости», справедливо замечает Франк, «национальная буржуазия» заинтересована не в развитии, но в сохранении именно классового характера производства и удержании излишка, что мешает экономическому развитию. И, по словам Франка, думать, что в этих условиях проникновение капитализма будет способствовать развитию той или иной страны, означало бы принимать желаемое за действительное¹.

Бреннер тем не менее считает, что схема Франка по сути своей ошибочна, поскольку в ней класс рассматривается как «производное, возникающее непосредственно ради максимизации прибыли». Франк заявляет буквально следующее: «Требования рынка, получение прибыли определяют классовую структуру, которая ограничивается географией и демографией, — как будто эти факторы сами по себе в значительной степени не зависят от общественно-исторических условий, а потенциал прибыли не зависит от классовой структуры»². Иными словами, для Бреннера главная причина того, что предсказанное в «Манифесте» всеобщее капиталистическое развитие не осуществилось, состояла не в том, что складывающийся мировой рынок был обременен тенденциями к поляризации, но в том, что он по сути своей не мог генерировать капиталистическое развитие, когда на местном уровне не было необходимых социальных условий.

Бреннер выделяет два главных условия. Во-первых, организаторы производства должны утратить возможность воспроизводить себя в этом качестве, а также свое классовое положение вне рыночной экономики. Во-вторых, непосредственные производители должны утратить контроль над средствами производства. Первое условие необходимо для того, чтобы вызвать и затем поддерживать конкуренцию, которая заставит организаторов производства сократить расходы для максимизации доходов посредством специализации и инноваций. Второе условие, в свою очередь, необходимо для того, чтобы затем привести в действие и поддерживать конкуренцию, которая заставит непосредственных производителей продавать свою рабочую силу организаторам производства и подчиняться тем требованиям, которые им эти последние навязывают. Эти два условия, заявляет Бреннер,

¹ Brenner (1977: 90–91).

² Brenner (1977: 86).

не возникают автоматически с распространением в мире рыночного обмена с целью получения прибыли. Скорее, они появляются в определенных обстоятельствах конкретной социальной истории той страны, которая втягивается в мировой рынок. Таким образом, главная причина того, что предсказание «Манифеста» о всеобщем развитии капиталистического производства не исполнилось, состоит в том, что только в некоторых странах развитие классовой борьбы привело к формированию двух необходимых условий развития капиталистического производства¹.

Бреннер противопоставляет свою модель развития капиталистического производства, которая, вообще-то, воспроизводит теорию капиталистического производства, как она изложена в первом томе «Капитала», модели Адама Смита, описанной в «Богатстве народов». По Адаму Смиту, богатство нации есть функция от специализации задач производства в результате разделения труда между производственными предприятиями, уровень которого, в свою очередь, определяется величиной рынка. В такой модели, возражает Бреннер, процесс экономического развития зависит от размеров рынка независимо от того, утратили ли организаторы производства способность к самовоспроизводству, а также свое классовое положение вне рыночной экономики, а непосредственные производители — контроль над средствами производства. В этом отношении модель Адама Смита является матрицей великого разнообразия моделей развития капиталистического производства, включая модель Франка, которую Бреннер называет «неосмитовским марксизмом»².

В дальнейшем мы постараемся показать, что это определение ограничено и противоречиво. Однако пока для наших целей достаточно провести четкое различие между развитием рыночной экономики и развитием капиталистического производства. Подкрепленное специально ссылками на европейское происхождение развития капиталистического производства, это различие тем не менее сопоставимо с утверждением Амина, что, пока признается и проводится в жизнь принцип равного доступа к земле, в современном Китае не упущено время социального действия для эволюции страны в некапиталистическом направлении. Потому что, пока этот принцип действует, второе условие развития капиталистического производства, по Бреннеру, (непосредственные производители должны утратить контроль над средствами

¹ Brenner (1981: 1, 4–6; 1977: 35–36; 1976).

² Brenner (1977: 33–41).

производства) далеко от выполнения. Так что, несмотря на развитие рыночного обмена с целью извлечения прибыли, природа экономического развития Китая не обязательно капиталистическая.

Сказанное, конечно, не означает, что в коммунистическом Китае социализм жив и процветает и что социальное действие приведет к социализму. Сказанное означает лишь то, что даже если с социализмом в Китае покончили, капитализм (согласно данному определению) здесь еще не победил. До сих пор остаются неопределенными социальные последствия гигантской модернизации Китая, и, насколько мы понимаем, социализм и капитализм (толкуемые на базе прошлого опыта), может быть, не самые подходящие понятия для описания и анализа этой развивающейся ситуации.

Смитовская динамика и Великое расхождение

Экономическое возрождение Китая — каковы бы ни были его социальные последствия — убеждает все большее число ученых в том, что есть фундаментальное всемирно-историческое различие между процессом формирования рынка и процессом развития капиталистического производства. В этой связи ученые обнаружили (или открыли вновь), что в XVIII веке торговля и рынки вообще были лучше развиты в Восточной Азии (в особенности в Китае), чем в Европе. Интерпретируя это преимущество, Р. Бин Вон (R. Bin Wong) оспаривает утверждение Филипа Хуана (Philip Huang), будто до промышленной революции Европа развивалась в направлении неограниченного экономического развития (шла по пути эволюции), в то время как Китай шел по пути «инволюции» — «роста без развития», для которого были характерны такие проявления регресса, как увеличение числа рабочих дней в году¹. Возражая, Вон замечает, что европейская и китайская

¹ «В Европе и Америке перемены в сельском хозяйстве в начале Нового времени и в Новое время обычно сопровождались не только абсолютным ростом производства, но и ростом производительности единицы рабочей силы. Вот почему важно отличать то, что можно обозначить просто как «рост» — увеличение продукции, от «развития» как повышения производительности труда. Для Китая такое различие критически важно... [потому что] за шесть веков до революции... производство сельскохозяйственной продукции не отставало от драматического роста населения, но это происходило главным образом путем интенсификации и инволюции. Производительность и доход за один рабочий день или не менялись, как при интенсификации, или уменьшались, как при инволюции». Huang (1990: 12).

траектории развития имели общие черты, бывшие «частью смитовской динамики основанного на рынке роста, который сопровождался интенсификацией труда в наиболее продвинутых районах Китая и Европы до промышленной революции»¹.

Как мы уже отмечали выше (и рассмотрим подробнее в главе 2), суть этой динамики состоит в процессе экономического развития, сопровождающегося повышением производительности при все более расширяющемся и углубляющемся разделении труда, которое ограничено лишь размерами рынка. По мере того как экономическое развитие повышает доходы и эффективный спрос, размеры рынка увеличиваются, создавая, таким образом, условия для дальнейшего разделения труда и экономического совершенствования. Со временем, однако, эта положительная обратная связь наталкивается на ограничения развития рынка, связанные с пространством и институциональными условиями данного процесса. Когда в ходе развития рынка такие пределы достигнуты, процесс его развития попадает в ловушку в *высокой точке равновесия*. Из этого вытекает, что, если Европа и Китай следуют одной смитовской динамике развития, вопрос состоит не в том, почему Китай находится в ловушке в высокой точке равновесия, а почему Европа избежала такой ловушки во время промышленной революции.

Франк и Померанц формулируют этот вопрос еще четче. Как указывает Франк, сам Адам Смит считал, что Китай ушел дальше Европы на пути такого развития, и не предвидел европейского прорыва.

Адам Смит был последним из главных (западных) теоретиков общественного развития, кто считал, что Европа вступила в это развитие с опозданием: «Китай — страна гораздо более богатая, чем любая часть Европы», — писал Адам Смит в 1776 году, и он не предвидел здесь перемен и не знал, что в то время уже началось то, что затем назовут промышленной революцией².

В свою очередь Померанц на основе эмпирических данных подвергает сомнению утверждение, будто Западная Европа развивалась быстрее Китая, потому что имела лучшие рынки для товаров и факторов производства. По его мнению, еще в 1789 году «западноевропейские земля, трудовые ресурсы и

¹ Wong (1997: 16–23, 30–31).

² Frank (1998: 13).

рынки для реализации продуктов... в целом отстают дальше от продуктивной конкуренции — то есть с меньшей вероятностью состоят из множества покупателей и продавцов, имеющих возможность свободного выбора себе торговых партнеров, — чем рынки большей части Китая, и, таким образом, менее предрасположены к тому процессу их роста, который предвидел Адам Смит»¹.

В целом эти рассуждения похожи на то, как Тронти открыл Маркса в Детройте. Подобно тому как Тронти обнаружил в свое время значительную разницу между чисто теоретическим восприятием марксизма в Европе и большим фактическим значением истории рабочего класса США для правильного понимания «Капитала» Маркса, так Вон, Франк и Померанц теперь обнаружили столь же фундаментальное расхождение между западным пониманием идеологии свободного рынка и большим фактическим значением опыта Китая поздней империи для правильного понимания Адама Смита. Словами Тронти можно сказать, что они нашли Адама Смита в Пекине.

Это новое открытие, как и предыдущее, представляет не только историографический интерес. Оно поднимает исключительно важные вопросы теории и практики. Во-первых, если общая смитовская динамика европейской и китайской экономик не может объяснить невероятного роста роли минеральных энергетических ресурсов на транспорте и в промышленности, которые обеспечили мировое превосходство Запада, то что может? Во-вторых, почему распространение в мире промышленного капитализма, возглавляемое Британией, в XIX веке связано с резким экономическим упадком в восточноазиатском регионе, в особенности с упадком его центра — Китая, по крайней мере в течение столетия (скажем, от первой Опиумной войны до конца Второй мировой войны)? И почему за «долгим спуском» последовало еще более энергичное

¹ Poteranz (2000: 17; выделено автором). Идея, что в Китае поздней империи были условия почти совершенной конкуренции, имплицитно присутствовала уже в описании китайской экономики Рамоном Майерсом (Ramon Myers) как «сетчатой», или «паутинообразной». Имеется в виду, что сетчатая экономика состоит из небольших экономических структур, взаимодействующих в высшей степени конкурентных условиях и полагающихся в операционных издержках почти исключительно на рынок. Цит. по: Lee (1999: 19).

экономическое возрождение данного региона во второй половине XX века? Есть ли какая-то связь между предшествующим региональным и мировым превосходством китайской рыночной экономики и ее нынешним возрождением? И если такая связь имеется, как это нам помогает понять природу, условия и будущие последствия китайского возрождения?

Вон, Франк и Померанц заняты больше первым вопросом и дают разные, но дополняющие друг друга ответы. Вслед за Энтони Ригли (E. Anthony Wrigley) Вон рассматривает промышленную революцию в Англии как историческую случайность, не связанную, в общем-то, с предшествующим развитием. Ее главной чертой было повышение производительности, связанное с употреблением угля как нового источника тепла, и пара как нового источника механической энергии, которая намного превосходила то, что было доступно, когда Смит строил свою теорию динамики развития: «Как только произошел этот фундаментальный прорыв, экономика Европы пошла по новому пути». Но сам прорыв оставался без объяснения: «технологии производства, говорят нам, не изменяются согласно простой и прямой экономической логике». Подобно «производительным силам» в трудах Маркса, они являются «внешними переменными, порождающими также и другие экономические изменения»¹.

В противоположность Вону Франк считает, что состоявшаяся в Англии/Европе и не состоявшаяся в Китае/Азии промышленная революция были противоположными по своей сути следствиями смитовской динамики. В Азии вообще (и в Китае в особенности) экономический рост порождает избыток рабочей силы и недостаток капитала, которые лежат в основе открытой Смитом ловушки в высокой точке равновесия. В Европе, наоборот, экономический рост вызывает недостаток рабочей силы и избыток капитала. Именно это отличие, как думает Франк, привело после 1750 года к промышленной революции². Взрывное развитие технологий, остающееся внешним (то есть до сих пор не объясненным) фактором европейской и китайской динамики, реконструированной Воном, в реконструкции Франка становится фактором внутренним. Однако это внутреннее развитие промышленной революции не объясняет, почему общая смитовская динамика привела к разным результатам на Западе и на Востоке.

¹ Wong (1997: 48–52). Cf Wrigley (1988; 1989).

² Frank (1998: 304).

Объяснение находим у Померанца, приписывающего Великое расхождение различиям в запасах ресурсов, а также в отношениях центра с периферией — то есть тому факту, что обе Америки обеспечивали центральные районы Северной Европы сырьем и спросом на продукцию в гораздо больших масштабах, чем могли получить центральные районы Восточной Азии от своих периферийных районов. Подобно Вону, он исходит из предположения, выдвинутого ранее Ригли, что собственные богатые запасы дешевого природного топлива были решающими для начала промышленной революции в Англии. Но он также считает, что без американских поставок сырья европейские технологии и капитал не могли бы развиваться в направлении экономии труда и все большего потребления земли и энергии, тогда как усиливающееся сырьевое давление (до того общее для всех [ключевых?] регионов мира) направило развитие Восточной Азии по пути все большей экономии ресурсов и все большего расхода труда. Эта экологическая помощь «предопределялась не только богатством запасов Нового Света, но и тем, что работорговля и другие особенности европейской колониальной системы породили периферию нового вида, которая позволяла Европе во все возрастающих масштабах обменивать произведенную продукцию на все возрастающие объемы землеемких продуктов»¹.

Идеи Померанца побудили Бреннера с новой силой возобновить критику неосмитовского марксизма. В статье, написанной совместно с Кристофером Исеттом (Christofer Isset), он не соглашается с тем, что Померанц сравнивает развитие в дельте Янцзы с экономическим положением в Англии накануне промышленной революции.

В дельте Янцзы у главных экономических агентов есть прямой нерыночный доступ к средствам своего воспроизводства. Поэтому они могли достичь самой большой продуктивности в условиях конкуренции независимо от ресурсов. Они могли распределять свои ресурсы так, что, хотя это было разумно (с позиций отдельных лиц), но в целом противоречило требованиям экономического развития, так что данный регион пережил развитие экономики по мальтузианской модели, что в конечном счете (в XVIII и XIX веках) привело к демографическому и экологическому кризису. В Англии, напротив, главные

¹ Poteranz (2000: 20, выделено в оригинале; 264).

экономические агенты утратили возможность обеспечивать свое экономическое воспроизводство посредством внеэкономического принуждения прямых производителей или тем, что они владели всеми средствами к существованию. Поэтому они не только могли, но и были вынуждены распределять свои ресурсы так, чтобы максимизировать уровень доходности (доходы от торговли). В результате этот регион пережил экономическую эволюцию, или *самоподдерживающийся рост*, который в XVIII–XIX веках привел не к демографическому или экологическому кризису, а к промышленной революции¹.

Как и в своей более ранней критике неосмитовского марксизма, Бреннер снова подчеркивает, что зависимость экономических агентов от рынка есть условие их конкуренции, заставляющей всех и каждого специализироваться, инвестировать и развиваться. Бреннер снова утверждает, что для определения направления развития первостепенное значение имела внутренняя социальная структура стран и регионов, а не отношения с другими странами и регионами. Однако смитовский рост — который в критике неосмитовского марксизма был «самоограничивающимся» — в критике Померанца как-то вдруг стал «самоподдерживающимся» и прелюдией к промышленной революции. Согласно новому взгляду Бреннера, «самоограничивающийся» рост — это не смитовский рост, а мальтузианский.

Оставив в стороне бреннеровскую характеристику смитовского роста как самоограничивающегося и (в другом месте) самоподдерживающегося — противоречие, которое он не объясняет, — заметим, что даже Хуан (как и Бреннер, критически относящийся к проведенному Померанцем сравнению развития в дельте Янцзы и в Англии накануне промышленной революции) не считает, что «простое мальтузианское понятие кризиса перепроизводства, вызванного исключительно перенаселением», адекватно описывает тенденции в развитии дельты Янцзы в XVIII веке. С точки зрения Хуана, надвигавшийся кризис был вызван в первую очередь коммерциализацией, то есть возрастанием зависимости экономических агентов от рынка.

В Северном Китае коммерциализация, хотя и обеспечивала некоторым возможность обогащения, несла обнищание многим другим, кто пошел на рыночные риски, но не преуспел. В дельте Янцзы инволюционная коммерциализация в виде

хлопководства и шелководства позволила фермерскому хозяйству занять больше населения, но не изменила сколько-нибудь существенно установившегося контекста социального неравенства. В результате под давлением экономического перенаселения вместе с социальным неравенством сформировался растущий класс бедного крестьянства (в абсолютных цифрах, если и необязательно пропорционально всему населению): от безземельных сельскохозяйственных рабочих до арендаторов, которые также нанимались поденщиками¹.

(Итак,) каковы бы ни были различия европейского и китайского путей развития до промышленной революции — а мы увидим, что их было множество, — немало ученых (включая Хуана) согласны в том, что уровень коммерциализации не был одним из них. Неудивительно, что Вон, Франк и Померанц открыли в Пекине Адама Смита. Но их пониманию различий (XIX века) между европейским и восточноазиатским путями развития недостает значимых исторических черт или они не дают ответов на ряд вопросов, которые они же сами и ставят.

...Во-первых, в то время как в Англии запасы дешевого природного топлива, возможно, были одной из причин того, что страна избежала смитовской ловушки посредством промышленной революции раньше, чем остальная Европа, это не может объяснить, почему Китай, бывший одной из богатейших стран по угольным месторождениям, не смог пойти тем же выигрышным путем. Напротив, последствия и побочные результаты добычи угля, его транспортировки и использования, как и американские поставки сырья, были решающими в том, что британский/европейский прорыв произошел позднее — в XIX веке, то есть гораздо позже, чем началась промышленная революция.

Как пишет Патрик О'Брайен (Patrick O'Brien), Великое расхождение и промышленная революция взаимосвязаны, а несоответствие в производительности труда и реальных доходах Европы и Китая, которое так определенно проявилось в 1914 году, невозможно без крупных поставок продуктов питания и сырья из Северной и Южной Америки и от других поставщиков. Поскольку же речь идет о поставках второй половины XIX века, не следует смешивать два вопроса: что явилось причиной промышленной революции и чем она обеспечивалась².

¹ Huang (2002: 531).

² O'Brien (2001: 360, 364, 367).

Во-вторых, как утверждает Франк, согласно всем имеющимся свидетельствам (включая собственную оценку Адама Сита), до Великого расхождения заработная плата и спрос в Европе были выше, чем в Азии, и здесь было больше капитала. Это отличие, по всей вероятности, и привело к трудосберегающей, энергоемкой, экономичной технологии на Западе, а не на Востоке. Франк, однако, не объясняет, почему процессы формирования рынка (далее продвинувшиеся на Востоке) были связаны с повышением заработной платы и спроса и большей насыщенностью капиталом на Западе. По его собственному утверждению, до промышленной революции единственное преимущество европейцев перед Востоком состояло в добыче и транспортировке американского серебра, а также вложении этого серебра в различные рискованные торговые предприятия, включая торговлю в Азии. По его мнению, одно это конкурентное преимущество позволило европейцам продержаться в Азии три столетия, но не обеспечило лидирующего положения в мировой экономике, центром которой все еще была Азия, потому что поток американского серебра давал больше преимуществ азиатской экономике, а не европейской. На протяжении всего XVIII века европейские мануфактуры в Азии оставались неконкурентоспособными, а Китай — «той самой дырой», куда проваливались мировые деньги¹. Так почему же Китай страдал от недостатка (а Европа от избытка) капитала? И почему Европа требовала больше труда и более высокой зарплаты, чем Китай?

В-третьих, загадка, как Европа избежала смитовской ловушки в высокой точке равновесия благодаря промышленной революции, может быть разгадана вместе с другой загадкой: почему глобализация этой революции в течение столетия происходила на фоне экономического спада, а затем — быстрого экономического возрождения восточноазиатского региона? Завершая критическую оценку тезиса Померанца, О'Брайен задается вопросом: «Если английская экономика вполне могла (в отсутствие угля и связей с Америкой) пойти по тому же пути, что и дельта Янцзы, тогда почему этому продвинутому региону Маньчжурской империи, имевшему развитую торговлю, понадобилось так много времени, чтобы достичь того уровня и статуса, который он занял в мировой экономике в середине XVIII века?»² Как мы скоро увидим,

¹ Frank (1998: 283, 356–357).

² O'Brien (2001: 367; выделено в оригинале).

по-настоящему интересный и трудный вопрос состоит не в том, почему дельте Янцзы, Китаю и Восточной Азии понадобилось так много времени, чтобы вернуть утраченные (относительно Запада) с середины XVIII века экономические позиции, но в том, как и почему Китай сумел столь сильно продвигаться после более чем векового политико-экономического упадка. Во всяком случае, модель Великого расхождения, несомненно, расскажет нам кое-что не просто о его истоках, но и о развитии этого феномена во времени, о его границах и перспективах.

Актуальность смитовского наследия

Каору Сугихара (Kaoru Sugihara) попытался построить такую исчерпывающую модель. В основном соглашаясь с Померанцем и Воном относительно истоков Великого расхождения, он отступает от их представлений, подчеркивая важность значительных различий в площади возделываемой земли, приходящейся на одного человека, между центральными (активными) зонами Восточной Азии и такими же зонами Западной Европы до 1800 года, что было, по его мнению, причиной и следствием беспрецедентной и ни с чем не сравнимой восточноазиатской Революции прилежания. Начиная с XVI века и в течение всего XVIII века, пишет он, развитие затратных (в отношении потребляемого труда) институтов и трудоемких технологий как реакции на недостаточность природных ресурсов (особенно на недостаток земли) позволило восточноазиатским государствам пережить большое увеличение народонаселения без ухудшения экономического положения и даже при некотором повышении жизненных стандартов¹.

Особенно успешно избежал этих мальтузианских проблем Китай. Здесь население увеличивалось несколько раз до 100–150 млн (и затем уменьшалось), но к 1800 году оно достигло почти 400 миллионов. «Несомненно, это была демографическая веха мировой истории, — замечает Сугихара, — и

¹ Sugihara (2003: 82, 94, 117 fn 2). То, что мы в этом разделе цитируем исключительно работы Сугихары, объясняется тем, что, насколько нам известно, он единственный попытался построить исчерпывающую модель истоков, эволюции и границ Великого расхождения. Причем здесь мы занимаемся гипотезой, которая затем будет направлять наше исследование, а не историческим описанием Расхождения, чему отдадим должное в третьей и четвертой частях книги.

ее влияние на мировой ВВП намного превосходило влияние постпромышленной революции Британии, мировой ВВП которой в 1820 году был меньше 6%). «Китайское чудо», как Сугихара называет этот прорыв, было воспроизведено в меньших масштабах в Японии, где рост народонаселения не был столь взрывным, но повышение жизненных стандартов оказалось более значительным¹.

Понятие «Революция прилежания» (*kinben kakumei*) первоначально было введено Хаями Акирой (Hayami Akira) применительно к Японии эпохи Токукагавы. По его мнению, освобождение в XVII веке крестьян от сервитута (кабальной зависимости), внедрение семейного фермерства, рост народонаселения при растущей нехватке земли — все это вместе взятое способствовало появлению такого типа производства, которое чрезвычайно зависело от капиталовложений в труд людей. Крестьянам приходилось работать больше и напряженнее, но их доходы росли. Поэтому они стали ценить работу, сложилась развитая трудовая этика². Предложенное понятие затем было использовано Яном де Врисом (Jan de Vries) в отношении допромышленной Европы в ином важном смысле — подготовки к промышленной революции под влиянием растущего спроса сельских хозяйств на рыночные товары³.

Используя это понятие для описания экономического развития Китая, Сугихара, как Вон и Померанц, считает Революцию прилежания не прологом к промышленной революции, но таким развитием на основе рынка, которое не имеет тенденции завершиться капиталом- и энергоемким интенсивным развитием, как это произошло в Великобритании и было доведено до своей высшей точки в Соединенных Штатах. Тем не менее Сугихара заявляет, что средства и результаты восточноазиатской Революции прилежания привели к открытию особого технологического и институционального пути, сыгравшего решающую роль в оформлении восточноазиатского ответа на промышленную революцию Запада. Особенно важным в этом отношении было создание структуры затратных (в отношении потребляемого труда) институтов, центром которой было домохозяйство (и часто, хотя не всегда, — семья) и (в меньшей степени) сельская община. Вопреки

¹ Sugihara (2003: 79, 89–90; 2004).

² Цит. по: Lee (1999: 6).

³ De Vries (1994).

традиционному представлению, будто малое производство не имеет внутренних ресурсов для экономического развития, Сугихара подчеркивает важные преимущества этих институциональных рамок сравнительно с крупномасштабным классовым производством, которое стало преобладающим в Англии. В то время как английские рабочие не участвовали в руководстве и не могли развивать навыки межличностного общения, необходимые для гибкой специализации, в Восточной Азии предпочитали умение хорошо выполнять различные работы, а не специализацию на каком-то одном виде работ, и поощряли желание кооперироваться с другими членами семьи вместо того, чтобы совершенствовать индивидуальные таланты. Но, главное, для каждого члена семьи было важно постараться найти свое место в схеме работы на ферме, быстро переобучаться в ответ на дополнительные или непредвиденные потребности, вникать в проблемы управления производством, предвидеть и предупреждать будущие проблемы. На уровне семьи очень были нужны способности к управлению при общих технических навыках¹.

Больше того, пока восточноазиатские крестьяне соблюдали социальный кодекс, транзакционные издержки в торговле были невелики, а риск, связанный с техническими нововведениями, относительно низок. Хотя восточноазиатские институциональные рамки оставляли мало места для серьезных инноваций, или для крупных инвестиций в основной капитал, или для торговли на большие расстояния, они давали великолепную возможность развития трудоемких технологий, которые, без сомнения, весьма содействовали улучшению стандартов жизни, обеспечивая полную занятость в домохозяйстве. Отличие такого развития от развития по западному образцу состояло в том, «что оно мобилизовало скорее трудовые [человеческие] ресурсы, а не иные»².

Как замечает Сугихара, этой склонностью к мобилизации трудовых (человеческих) ресурсов (а не иных) ради экономического развития восточноазиатский путь развития отличался даже тогда, когда восточноазиатские государства начали перенимать западные технологии. Так, к 1880-м годам японское правительство приняло стратегию индустриализации, основанную на том, что в Японии не хватает земли и

¹ Sugihara (2003: 87).

² Sugihara (2003: 88, 90).

капитала, а трудовые ресурсы имеются в избытке и они сравнительно хорошего качества. Соответственно, новая стратегия поощряла «активное применение традиционных трудоемких технологий, модернизацию традиционной промышленности и сознательное приспособление западных технологий к совокупности факторов производства». Сугихара называет этот смешанный путь развития трудоемкой индустриализацией, потому что «она больше полагалась на труд, полнее его использовала и меньше зависела от замещения труда машинами и капиталом, чем на Западе»¹.

В первой половине XX века трудоемкая индустриализация усилила конкурентоспособность японской продукции относительно продукции других азиатских стран, таких как Индия, которая имела продолжительную историю трудоемких технологий, но из-за колониального правления не смогла развиваться в том же направлении, что и Япония. Все же во время Второй мировой войны соединение восточноазиатского и западного путей развития оставалось ограниченным. В результате, несмотря на повышение плодородности земли и рост трудоемких отраслей промышленности, производительность труда в Восточной Азии все еще отставала от западной, а доля этого региона в мировом ВВП продолжала сокращаться. Из работы Сугихары не вполне ясно, что именно в первой половине XX века мешало более полной интеграции двух направлений развития. Он, однако, очень четко определяет, что помогло осуществить эту интеграцию (и получить замечательные плоды) после Второй мировой войны.

Во-первых, радикально изменилась политическая ситуация, установился режим холодной войны во главе с США. В отличие от довоенного времени Япония должна была направлять свою экономическую мощь на противодействие коммунистическому проникновению в Азию и могла теперь импортировать любое необходимое сырье и ресурсы, включая нефть, откуда угодно (заметим, что запрет, наложенный США на экспорт в Японию нефти в 1941 году, стал причиной немедленного нападения на Пёрл-Харбор). В послевоенный период Япония также получила возможность увеличивать экспорт произведенных товаров в развитые страны Запада. Эти изменившиеся международные обстоятельства позволили Японии, а затем и

¹ Sugihara (2003: 94, 99).

другим азиатским странам систематически развивать капиталоемкие и ресурсоемкие виды тяжелой и химической промышленности, имея при этом относительно дешевый дисциплинированный труд¹.

Вторым обстоятельством, облегчившим соединение восточноазиатского и западного путей развития после Второй мировой войны, было то, что Соединенные Штаты и СССР использовали в соревновании друг с другом колоссальные природные запасы как основу для создания мощного военно-промышленного комплекса на базе масштабного производства стали, самолетов, вооружения, космической и нефтехимической промышленности. В результате еще больше выросла капиталоемкость и сырьевая емкость западного пути развития, создавая новые возможности для прибыльной специализации не только в трудоемких отраслях промышленности, но и в относительно ресурсосберегающих секторах капиталоемких отраслей. Япония немедленно воспользовалась этой возможностью, перейдя от трудоемкой индустриализации — стратегии, которая ориентировалась на соединение непосредственно в некоторых отраслях промышленности или на определенных предприятиях импортированных технологий и дешевого труда, призванного заменить капитал, — к развитию взаимосвязанных индустрии и компаний с различным уровнем привлечения труда и капитала, сохраняя при этом общую склонность к восточноазиатской традиции использовать преимущественно человеческие ресурсы, а не иные².

Наконец, подъем национализма во времена холодной войны создал условия для ожесточенной конкуренции между «низкозарплатными» странами, ставшими на путь индустриализации, со странами «высокодоходными».

Как только в одной стране зарплаты повышались, даже незначительно, она должна была искать новую отрасль, которая производила бы товар более высокого качества, чтобы выжить в условиях конкуренции, так что результат напоминал парадигму «летающих гусей» экономического развития. В то же время последующее вступление в процесс все новых «низкозарплатных» стран удлиняло цепочку «летающих гусей». Именно благодаря этому аспекту

¹ Sugihara (2003: 81).

² Sugihara (2003: 105–110, 112–14).

индустриализации, частичному расширению восточноазиатского пути развития увеличился вклад Восточной Азии в мировой ВВП¹.

Восточноазиатское экономическое возрождение, таким образом, вызвано не сближением с западной капиталоемкой и энергоемкой экономикой, но соединением этого пути с восточноазиатским трудоемким, энергосберегающим путем развития. Сугихара считает, что такое соединение будет иметь решающее значение для будущего мировой экономики и для мира вообще. Он заявляет, что промышленная революция, которая открыла западный путь развития, была «чудом производства», в громадных масштабах распространившим производственные способности небольшой части народонаселения мира. Напротив, Революция прилежания, открывшая восточноазиатский путь, была «чудом распределения», создавшим возможность распространения завоеваний «чуда производства» на подавляющее большинство народонаселения мира посредством трудоемкой, энергосберегающей индустриализации. И в самом деле, с учетом того, что разрушение окружающей среды связывают с распространением индустриализации, «чудо распределения» может продолжать действовать только в том случае, если «западный путь развития соединится с восточноазиатским путем, а не наоборот»².

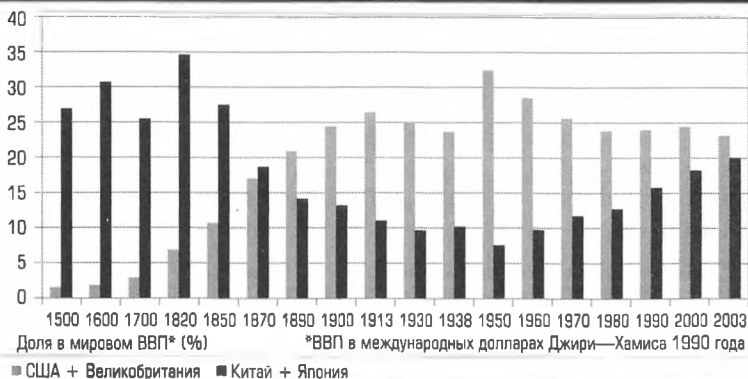
Для поддержки тезиса Сугихары обратимся к графикам 1.1 и 1.2, демонстрирующим долю мирового ВВП и ВВП на душу населения в ведущих странах Запада и в странах восточноазиатского пути развития (в первом случае это Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, а во втором — Китай и Япония). Как видно на графиках, западная промышленная революция конца XVIII — начала XIX века

¹ Sugihara (2003: 110). Парадигма «летающих гусей» экономического развития, на которую ссылается Сугихара, — это «ведущая» модель распространения промышленных инноваций. Первоначально предложенная Канаме Акамацу (1961), затем она получила развитие в нескольких новых версиях (Kojima and Ozawa, 1985; Cumings, 1987; Ozawa, 1993; Kojima, 2000; Ozawa, 2003). Одна из этих версий лежит в основе описанного Одзавой лавинообразного процесса появления «восточноазиатских экономических чудес», упомянутых во введении и более подробно описанных в главе 11.

² Sugihara (2003: 116).

Объединенный ВВП в процентах от мирового ВВП:
Соединенные Штаты + Великобритания vs Китай + Япония

График 1.1

Доллары Джири—Хамиса 1990 года — счетная единица для международных сопоставлений ВВП и других показателей. Покупательная способность такого доллара равна покупательной способности американского доллара в США в 1990 г. Соответственно, перевод данных в национальных валютах в доллары Джири—Хамиса осуществляется не по официальным курсом, а по паритетах покупательной способности. Кроме того, делается поправка на американскую инфляцию. Например, ВВП 500 долларов на душу в Китае в 1950 году в долларах Джири—Хамиса означает, что этот ВВП на душу был эквивалентен объему товаров и услуг, которые можно было приобрести в США в 1990 году на 500 американских долларов. (Прим. ред.)

Источник: Maddison (2007)

усилила действующую тенденцию к расширению разрыва между ВВП на душу населения в пользу ведущих государств Запада. И тем не менее, как можно видеть на графике 1.1, в том, что касается доли этих государств в мировом ВВП, восточноазиатская Революция прилежания способствовала сопротивлению воздействию западной промышленной революции в начале XIX века, так что продолжал увеличиваться разрыв в пользу Восточной Азии. В 1820–1950 годах, когда Революция прилежания достигла своих пределов и западная промышленная революция вступила во вторую, действительно революционную стадию с применением новых источников энергии в производстве средств производства и на дальних перевозках (по железным дорогам и на пароходах), доля стран, идущих по западному пути развития, в мировом ВВП решительно увеличилась. После 1950 года, когда западное развитие по капитало- и энергоемкому пути достигло своих пределов и начало приносить плоды принятия западных технологий отдельными странами, шедшими по восточноазиатскому пути трудоемкости производства и энергосбережения, уменьшается разрыв по ВВП на душу населения (график 1.2) и еще решительнее

уменьшается разрыв между долями в общем мировом ВВП (график 1.1)¹.

Основная идея нашей книги — это пересмотренная и расширенная версия изложенного тезиса. Ревизию мы начнем с концептуального уточнения понятий «основанный на рынке (рыночный) смитовский рост» и «капиталистическое развитие». Описанный Сугихарой трудоемкий, энергосберегающий путь развития напоминает то, что Хуан называет инновационным развитием. Как и Сугихара, Хуан признает, что использование побочного, несельскохозяйственного труда женщин, детей и стариков сокращает операционные издержки такой производственной единицы, как домохозяйство, и дает ей конкурентное преимущество перед более крупными капиталистическими производствами, использующими наемную рабочую силу. Хуан, однако, не считает, что исчезновение после XVII века крупных, применявших наемный труд, ферм, до того существовавших в некоторых районах Китая, было «развитием», или «эволюцией», по восточноазиатскому пути, как думает Сугихара, но было «ростом без развития», или

¹ Измерение ВВП в терминах паритета покупательной способности представляет восточноазиатский ВВП на душу населения и долю в мировом ВВП существенно лучше, чем если бы использовались текущие валютные курсы. Однако направление развития, как оно представлено в нашей работе, осталось бы тем же, даже если бы эти величины были измерены в текущих валютных курсах.

² Huang (2002: 514, 534).

1 «инволюцией»². Если мы определяем эволюцию и развитие как замену производства трудоемких домохозяйств капиталоемким производством на предприятиях, применяющих наемный труд, как думают Хуан и Бреннер, тогда исчезновение крупных ферм следует действительно характеризовать как инволюционное. Но если мы усомнимся в возможности того, что трудоемкое производство может продолжительное время играть роль двигателя экономического развития (как полагает Сугихара), тогда такая характеристика оказывается ничем не подкрепленной. Встает вопрос, какое конкретно представление о рыночном развитии лучше всего подходит для описания и объяснения спада деловой активности и нового его подъема в Восточной Азии как передовом регионе мирового экономического развития.

Тесно связан с вышесказанным вопрос, что же представляют собой смитовские рыночные движущие силы в сравнении с собственно движущими силами капитализма. Были ли европейская промышленная революция и восточноазиатская Революция прилежания примерами смитовской динамики, как заявляют Вон, Померанц, Франк и Сугихара? Или они были по существу различны, притом что восточноазиатская привела к экономической стагнации, а европейская — к безграничному экономическому росту, как заявляют Хуан и Бреннер? Больше того, Сугихара полагает, что западный путь капиталоемкого развития также имеет свои ограничения. Чем конкретно он ограничен сравнительно с трудоемким восточноазиатским путем? Эти вопросы будут рассмотрены в следующих двух главах.

Глава 2

Историческая социология Адама Смита

Если экономистам есть что сказать по вопросу экономического развития, «то лишь потому, что они не ограничивались экономической теорией, но — при этом, как правило, поверхностно — изучали историческую социологию и делали предположения относительно экономического будущего». Для иллюстрации этого тезиса Йозеф Шумпетер приводит в пример «разделение труда, происхождение частной собственности на землю, растущую власть над природой, экономическую свободу, юридическую защищенность» как «важнейшие элементы “экономической социоло-

логии” Адама Смита». «Все эти элементы, — добавляет он, — конечно, принадлежат социальной структуре экономических событий, а не являются имманентно присутствующими им»¹.

Шумпетер проводит различие между традиционным интересом экономической теории к движению по направлению к точке равновесия или вокруг нее и собственной заинтересованностью экономическим развитием, которое он понимает как «спонтанное и прерывистое... нарушение равновесия, навсегда изменяющее или перемещающее прежнее состояние равновесия». Отделение «статики» от «динамики» и в самом деле позволило теоретикам экономики (в особенности Б. Кларку) выделить динамические элементы, например увеличение капитала, рост населения или те, что производят перемены в технике и организации производства, нарушают статическое равновесие. Эти динамические элементы, однако, остаются внешними и не могут быть разъяснены экономической теорией. Однако Шумпетер считал, что эта методология может быть оправданной, когда речь идет о росте капитала и населения, но не в случае изменений в технике и организации производства. Последние по происхождению принадлежат самому экономическому процессу и поэтому должны рассматриваться как внутренние источники экономического развития. Такой подход соответствует подходу Маркса, для которого «существует *внутреннее* экономическое развитие, а не просто приспособление экономической жизни к изменяющимся условиям». Но, как с готовностью признавался Шумпетер, он «исследовал лишь небольшую часть того, что изучал Маркс»².

Озабоченность Шумпетера недостатками методологии экономической науки тесно связана с важным различием между двумя типами рыночного экономического развития. Один тип имеет место в конкретной социальной структуре; он пользуется скрытыми возможностями этой структуры для экономического роста, но не изменяет фундаментально саму структуру. При этом могут происходить фундаментальные изменения социальной структуры, способствующие увеличению или сокращению ее потенциала. Эти изменения берут начало в процессах и действиях неэкономического характера *чаще, чем внутри процесса экономического роста*. Развитие такого рода в

¹ Schumpeter (1961: 59–60 fn).

² Schumpeter (1961: 60 fn; выделено в оригинале).

широком смысле (но никак не с точностью) соответствует понятию смитовского роста, Революции прилежания и некапиталистическому рыночному развитию, о которых мы несколько раз упоминали в главе 1.

Второй тип рыночного экономического развития, напротив, имеет тенденцию разрушать социальную структуру, внутри которой он протекает, и создавать условия (которые необязательно реализуются) для появления новой социальной структуры с иным потенциалом развития. Социальная структура также может изменяться по причинам, отличающимся от внутренней динамики экономического процесса. В этом случае, однако, изменения, берущие начало в процессах и действиях неэкономического характера, вторичны и подчинены тем изменениям, которые коренятся в самом экономическом процессе. Такого рода развитие, которое мы будем называть шумпетерианским или марксистским (в зависимости от контекста), соответствует (в широком смысле, но ни в коем случае не точно) понятиям «промышленная революция» и «рыночное капиталистическое развитие».

В настоящей главе мы постараемся пролить свет на природу экономического развития первого типа, как его представлял себе сам Адам Смит. Мы специально остановимся на понятии рынка как инструмента управления; на конкуренции и разделении труда как взаимодействующих условиях экономической экспансии внутри сложившейся социальной структуры; на «естественном» и «неестественном» путях развития и на национальном богатстве как источнике силы нации. В главе 3 мы рассмотрим критику Шумпетером и Марксом представления Адама Смита об экономическом развитии, специально останавливаясь на тенденции капитализма преодолевать барьеры на пути самоэкспансии капитала посредством «креативного» (равно как и не такого уж креативного) разрушения социальной структуры, до того бывшей основой экономической экспансии. Затем мы используем эти разные представления об экономическом развитии, чтобы переформулировать тезис Сугихары о непреходящем значении для мирового сообщества того пути развития, который был открыт восточноазиатской Революцией прилежания.

читаемых»¹. Правда это или нет, но вместе с Марксом он, конечно, принадлежит к самым непонятым. С его наследием связаны три основных мифа: что он был теоретиком и сторонником «саморегулирующихся» рынков, что он был теоретиком и сторонником капитализма как двигателя «безграничной» экономической экспансии и что он был теоретиком и сторонником того разделения труда, которое имело место на булавочной фабрике, описанной в первой главе «Богатства народов». На самом деле это совершенно не так.

Как не без оснований возражает Дональд Уинч (Donald Winch), более точно намерения и достижения Адама Смита состояли не в описании политической экономии как «отрасли науки о государственном человеке, или законодателе», а в его вкладе в «теорию», или набор «общих принципов», правопорядка и управления². Вовсе не строя теорию саморегулирующегося рынка, который работал бы лучше при минималистском государстве или при его полном отсутствии, «Богатство народов», в неменьшей степени, чем «Теория нравственных чувств» и неопубликованные «Лекции по юриспруденции», предполагает существование сильного государства, которое создавало бы и воспроизводило бы условия для существования рынка; которое использовало бы рынок как эффективный инструмент управления; которое регулировало бы его деятельность и активно вмешивалось бы с целью корректировки и противодействия социально или политически нежелательным результатам его функционирования. В самом деле, по Смиту, политическая экономия должна не только «снабжать государство... доходами, достаточными для выполнения им своих публичных функций», но и «снабжать людей обильными... средствами к существованию, или, вернее, давать им

¹ Heilbroner (1991: 73). В своих воспоминаниях Франк пишет, что, как часто замечали, «первые три (из тридцати двух) главы ["Богатства народов"]... — это примерно все, что прочитает легкомысленный современный читатель. (Насколько нам стало известно из курса Франка Найта по истории экономической мысли в Университете Чикаго... Милтон Фридман едва не выбросил Смита вовсе, предпочитая замечать его Альфредом Маршаллом... [предлагая] нам изучать (Смита) по сноскам в маршалловой книге "Принципы экономики"... и совсем предать забвению богатый заметками и дополнениями текст)». Frank (1974:121; выделено в оригинале).

² Winch (1978). См. также: Haakonssen (1981) и Werhane (1991).

возможность добывать эти... средства к существованию»¹. Для этого Смит советовал законодателю вмешиваться в многочисленные сферы жизни, от обеспечения защиты от внутренних и внешних угроз до безопасности индивидов и государства (полиция и национальная оборона), отправления правосудия, обеспечения материальной инфраструктуры, способствующей торговле и связи, регулирования финансов и кредита, образования населения с целью противостоять негативным последствиям разделения труда для интеллектуальных способностей людей. В этих и других сферах совет Адама Смита законодателю основывался на соображениях скорее социальных и политических, чем экономических².

Догматическое представление о преимуществах минималистских правительств и саморегулирующихся рынков, типичное для «либерального кредо» XIX века, как и столь же догматическое представление о целебных свойствах «шоковой терапии», которую проповедовал Вашингтонский консенсус в конце XX века, были совершенно чуждыми Адаму Смиту. Он бы скорее согласился с убеждением Карла Полани (Karl Polanyi), что такие представления утопичны и неприменимы. Ожидать, что в Великобритании установится полная свобода торговли, ему казалось «так же абсурдно, как ожидать, что там установятся Океания или Утопия». Как не была полная свобода («совершенная свобода», как он иногда выражается) необходимым условием экономического процветания: «Если народ не может процветать, не пользуясь совершенной свободой и совершенным правосудием, то нет в мире народа, который мог бы процветать». И хотя Адам Смит всегда сомневался в необходимости либерализации торговли, он решительно восставал против всего, что хоть сколько-нибудь напоминало шоковые терапии 1980-х и 1990-х годов. Там, где затрагиваются большие сектора экономики, изменения «никогда не должны вводиться неожиданно, но медленно и постепенно и после заблаговременного предупреждения». С особой осторожностью следует лишать защиты торговлю, которая предоставляет работу «великому множеству рук», или торговлю товарами первой необходимости, что может вызвать протест со стороны общественного мнения. В этом случае «правительство

¹ Smith (1961: I, 449). Book IV of *Systems of Political Economy*: первый абзац.

² Winch (1978: chs 5, 6 and 7); Checkland (1975); Haakonssen (1981: 93–95, 160ff); Werhane (1991); Muller (1993: 140–148).

должно уступить предрассудкам [людей] и, чтобы сохранить спокойствие в обществе, установить такую систему, которую общество одобряет»¹.

Другими словами, использование правительством рынка не только имело социальную задачу, но и подчинялось социальным ограничениям. Например, причины того, что Адам Смит считал совершенно нереальным установление в Великобритании исключительно свободной торговли, были строго социальными.

Этому сильно противодействуют не только предрассудки людей, но и, что еще более непреодолимо, частные интересы множества индивидов: «Если бы офицеры армии восставали с таким же усердием и единодушием против всякого сокращения численности армии, с какими владельцы мануфактур противятся всякому закону, могущему привести к увеличению числа их конкурентов на внутреннем рынке; если бы они подстрекали своих солдат, как владельцы мануфактур подстрекают своих рабочих, нападать с оскорблениями и ругательствами на людей, предлагающих подобные меры, то попытка сократить армию была бы столь же опасна, как сделалось в настоящее время опасным пытаться уменьшить в каком-либо отношении монополию, захваченную нашими владельцами мануфактур к нашему ущербу»².

Конкуренция и падение нормы прибыли

Как не был Адам Смит теоретиком и сторонником «саморегулирующегося» рынка, так не был он теоретиком и сторонником

¹ Существо сказанного и все цитаты в этом абзаце приводятся по Winch (1983: 504–509). Убеждение, что Смит не согласился бы с нападками Полани на либеральное кредо, принадлежит мне. Полани сам высказывается несколько неопределенно об отношении Смита к либеральному кредо. Критикуя Смита за то, что он придумал «экономического» человека, неверно толкуя прошлое, он тем не менее признает, что «благополучие было [для Смита] всего лишь одной стороной жизни общины, сообщества, и она подчинена задачам этого сообщества... В его работе нет и намек на то, что экономические интересы капиталистов стали для общества законом; никакого намека на то, что они выступали как земной рупор божественного провидения, правящего миром экономики как самостоятельной сущностью. По нему, экономическая сфера не подчиняется пока собственным законам, позволяющим нам отличить доброе от злого». Polanyi (1957: 43–47, 111–112).

² Смит. Указ. соч., т. 2, кн. IV, гл. 2, с. 45.

капитализма как двигателя «бесконечной» экономической экспансии. Вопреки широко распространенному мнению идея, будто со временем накопление капитала имеет тенденцию сокращать норму прибыли, приближая конец экономической экспансии, принадлежит не Марксу, а Смиту. Как мы увидим в главе 3, собственная Марксова версия «закона тенденции снижения нормы прибыли» на деле имела целью показать, что версия Адама Смита относительно долгосрочных возможностей развития капиталистического производства слишком пессимистична.

По Смиту, этот «закон» — тенденция снижения нормы прибыли — есть следствие возросшей конкуренции, которая неизбежно сопровождает нарастающее накопление капитала в рамках существующих сфер производства и каналов торговли. «По мере того как капиталы накапливаются в какой-нибудь стране, приносимые ими доходы с необходимостью сокращаются. Постепенно становится все труднее найти внутри страны доходный способ употребления нового капитала. В результате возникает конкуренция между капиталами, один капиталист пытается завладеть тем способом употребления капитала, который принадлежит другому... [Для этого он] должен не только продать несколько дешевле то, чем он торгует, но для продажи своего товара он должен иногда покупать его несколько дороже... доходы от капитала, таким образом, уменьшаются с обеих сторон»¹.

Открытие новых сфер производства и каналов торговли может на время остановить эту тенденцию. Но если есть свобода входа на рынок (по Смиту, «совершенная свобода»), тенденция неизбежно возобновится под давлением возобновившейся конкуренции: «Введение новой отрасли производства или торговли или нового метода в земледелии всегда представляет собою своего рода спекуляцию, от которой предприниматель ожидает получить чрезвычайную прибыль. Прибыли эти иногда бывают очень велики, но иногда, а может быть и чаще всего, случается совершенно обратное; но, по общему правилу, прибыли эти не находятся ни в каком правильном

¹ Smith (1961: I, 375). Дальше Смит излагает эту мысль короче: «Вместе с увеличением всего капитала страны, естественно, усилится и конкуренция между различными капиталами, из которых он состоит. Владельцы этих капиталов будут вынуждены довольствоваться меньшей долей продукта использованного и оплаченного ими труда». Smith (1961: I, 378).

соответствии с прибылями других, старых отраслей промышленности и торговли в данной местности. В случае успеха предприятия прибыль обыкновенно бывает вначале очень высока. Когда же та или иная отрасль производства или торговли либо новый метод вполне упрочивается и становится общеизвестным, конкуренция уменьшает прибыль до обычного ее уровня в других отраслях»¹.

Этот общий уровень, до которого сводится прибыль, может быть высоким или низким в зависимости от того, могут ли торговцы и производители ограничивать поступления в свои сферы деятельности путем частного соглашения или по постановлению правительства. Если они не могут сделать это сами, прибыль упадет так низко, что ее можно считать только «сносной» ввиду тех рисков, которые имеются при вложении капитала в торговлю или производство². Но если они могут ограничивать поступления и держать рынок в состоянии недопоставок, тогда прибыль будет существенно выше «сносного» уровня. В первом случае экспансия торговли и производства придет к концу из-за низкой прибыли; во втором случае торговцы и производители с ней покончат сами, стремясь держать уровень прибыли как можно выше³. В обоих случаях экономический процесс не рождает спонтанно тенденции к преодолению этих ограничений, наложенных на экономический рост падением уровня прибыли.

Советуя правительствам, как поступать с такими тенденциями, Адам Смит не обнаруживает никаких дружественных по отношению к капиталу намерений, типичных для позднейших либеральных и неолиберальных идеологий. Напротив, «в понимании Адама Смита... падение уровня прибыли было положительным явлением, если оно было отражением постепенного устранения разных монополистических барьеров... то есть положительным явлением при условии, что оно отражало растущую конкуренцию и не падало до минимально приемлемого уровня»⁴.

¹ Smith (1961: I, 128). Эта точка зрения была полностью перенята и Риккардо, и Марксом и, несомненно, предвосхищала теорию инноваций Шумпетера. Sylos-Labini (1976: 219).

² «Минимальная обычная норма прибыли должна всегда быть несколько больше того, что достаточно для покрытия случайных потерь, возможных при любом помещении капитала». Smith (1961: I, 107–108)

³ Sylos-Labini (1976: 216–220).

⁴ Sylos-Labini (1976: 220; выделено в оригинале).

Другими словами, в понимании Адама Смита, основной задачей правительства было обеспечить, чтобы капиталы концентрировались друг с другом в снижении прибыли до решительного минимума, необходимого, чтобы компенсировать риски инвестирования в торговлю и производство. Такое толкование подходит данному Адамом Смитом определению противоположных интересов трех «главных, основных и первоначальных классов в каждом цивилизованном обществе...», то есть тех, кто живет на «ренту с земли, заработную плату и прибыль на капитал». Интересы первых двух разрядов (или, как бы мы теперь сказали, классов), заявляет Адам Смит, «тесно и неразрывно связаны с интересами общества», потому что и рента, и заработная плата обычно поднимаются при экономической экспансии и снижаются при экономическом упадке общества. Интересы третьего класса не так связаны с интересами общества, как у двух других классов. Интересы тех, кто живет на прибыль, всегда в чем-то расходятся с интересами общества и даже противоположны им, поскольку они всегда связаны с расширением рынка и ограничением конкуренции. А поскольку «расширение рынка часто может соответствовать интересам общества... ограничение конкуренции всегда должно идти вразрез с ними, может только давать торговцам возможность путем повышения их прибыли сверх естественного ее уровня взимать в свою личную пользу чрезмерную плату с остальных своих сограждан»¹.

Больше того, помимо столкновения с интересами общества живущие на прибыль преследуют свои цели с большей прозорливостью, силой и решимостью, чем другие социальные классы. Бездеятельная жизнь землевладельцев «слишком часто делает их не только несведущими, но и неспособными к той умственной деятельности, которая необходима для того, чтобы предвидеть и понять последствия той или иной меры регулирования». Что до рабочего, живущего на зарплату, то «он не способен ни уразуметь интересы общества, ни понять их связь со своими собственными интересами». В общественном хоре «его голос слабо слышен, и на него обращают мало внимания, исключая особые случаи, когда его требования настойчивы и поддерживаются его работодателями в их собственных целях». Напротив, живущие на прибыль, в особенности те, что располагают большими капиталами, «благодаря своему богатству пользуются в обществе

¹ Smith (1961: I, 276, 278).

очень большим уважением и влиянием». А поскольку «в течение всей своей жизни они разрабатывают всяческие планы и проекты... они лучше, чем землевладельцы, понимают свои собственные интересы»¹.

Для соблюдения интересов общества Адам Смит советовал законодателям уравнивать капиталистические интересы и власть, а не приспособливать их друг к другу. И, не будучи особо расположенным к капиталу, Адам Смит почти всегда дает законодателю совет, обнаруживающий расположение к рабочему: «Наши купцы и владельцы мануфактур сильно жалуются на вредные последствия высокой заработной платы, повышающей цены и потому уменьшающей сбыт их товаров внутри страны и за границей. Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных последствий своих собственных барышей, жалуясь лишь на то, что выгодно для других людей»².

По мнению Адама Смита, особенно необоснованны жалобы на высокие зарплаты, потому что «щедрая оплата труда», будучи результатом возрастания богатства, вместе с тем является причиной роста численности населения и трудолюбия простых людей: «Жаловаться по поводу нее значит оплакивать необходимые следствия и причины величайшего общественного благосостояния»³. И нигде не была так очевидна связь высокой зарплаты с экономическим прогрессом, как в североамериканских колониях.

Каждый колонист получает больше земли, чем он в состоянии обработать. Ему не приходится платить ренту, и почти никаких налогов... У него есть все причины производить как можно больше продукта, который при таких условиях почти полностью достается ему... Поэтому он стремится привлекать отовсюду работников и вознаграждать их самой щедрой заработной платой. Но эта высокая заработная плата вместе с обилием и дешевизной земли скоро побуждает этих работников покинуть его, чтобы самим сделаться землевладельцами и

¹ Smith (1961: I, 276–278).

² Smith (1961: I, 110; см. также: II, 113).

³ Smith (1961: I, 90–91). Как замечает Уинч, здесь нет и намека на последующие рассуждения Томаса Мальтуса о мрачных перспективах сокращения сельскохозяйственного производства и массовом пауперизме — вопрос, к которому мы вернемся в главе 3. Winch (1983: 513–514).

оплачивать с такой же щедростью других работников, которые в свою очередь скоро покинут их по той же причине, по какой они сами оставили своих хозяев... В других странах рента и прибыль съедают заработную плату и два высших класса людей угнетают низший. В новых колониях интерес двух высших классов заставляет их относиться к низшему с большим вниманием и человечностью; по крайней мере там, где этот низший класс не находится в состоянии рабства¹...

Условия в новых колониях, однако, исключительные, потому что новая колония «в течение некоторого времени всегда должна испытывать больший недостаток в капитале сравнительно с размерами ее территории и больший недостаток населения сравнительно с размерами ее капитала, чем это имеет место в большинстве других стран». Адам Смит противопоставляет это условие условиям страны, «густо населенной сравнительно с тем, что может прокормить ее почва или ее капитал», там, где «в каждую отдельную отрасль вкладывается такое количество капитала, которое допускается характером и размерами ее». Поэтому в такой стране «конкуренция во всех отраслях будет очень сильна, а следовательно, обычная прибыль весьма низка». Адам Смит сомневается, чтобы какая-нибудь еще страна «достигла той ступени развития и богатства», но упоминает двух совершенно разных возможных кандидатов: Китай и Голландию².

Ниже мы вернемся к проведенному Смитом сравнительному анализу условий развития в Китае, Европе и Северной Америке; сейчас же заметим, что в этом контексте он сравнивает североамериканские колонии с одной стороны и Китай и Голландию — с другой, чтобы проиллюстрировать свое представление об экономическом развитии как о процессе, проходящем в особых физических, институциональных и социальных условиях и этими условиями ограниченном. Адам Смит представляет экономическое развитие как заполнение людьми и активами пространственной емкости (страны) с конкретными запасами природных ресурсов, имеющей внутреннюю структуру и внешние границы, которые определены ее законами и институтами. Когда пространственная емкость испытывает недостаток в капитале и недостаток в населении, как в случае североамериканских

¹ Смит. Указ. соч., т. 2, с. 127–128.

² Smith (1961: I, 103–108).

колоний, имеется громадный потенциал для экономического развития — условие, или «состояние», которое Адам Смит называет прогрессивным. Когда пространственная емкость «насыщена капиталом» и «густо населена», как Китай и Голландия, потенциал экономического роста (если он имеется) не так велик — условие, или «состояние», которое Адам Смит называет неподвижным, но которое на современном языке описывалось бы как экономическая зрелость. Задача законодателя состоит в том, чтобы дать этим землям законы и институты, которые позволят полностью реализовать этот потенциал развития. Так, Смиуту казалось, что Китай, «по-видимому, продолжительное время оставался в состоянии застоя», и возможно, эта страна задолго до [того] «достигла наибольшего благосостояния, соответствующего характеру ее почвы и климата и ее положению по отношению к другим странам». Но возможно, что «этот максимум богатств гораздо ниже того, который, при наличии других законов и учреждений, можно было бы приобрести при данном характере почвы, климата и положения страны»¹.

Не вполне ясно, по крайней мере мне, в какой степени, по мнению Смита, изменение законов и институтов страны может преодолеть ограничения, накладываемые на экономическое развитие размерами этой страны и запасами природных ресурсов. Тем не менее ясно, что (как заявляет Шумпетер) процесс экономического развития, в понимании Адама Смита, не имеет заложенного в нем механизма преодоления тенденции к застою в «неподвижном состоянии» или к тому, чтобы застрять в ловушке в высокой точке равновесия — как характеризовал Марк Элвин (Mark Elvin) состояние застоя позднего императорского Китая². Смит нигде не пишет, что незримая рука рынка, действующая сама по себе, может вывести экономику из этой ловушки. Если что-то или кто-то действительно может справиться с тупиковой ситуацией, так это зримая рука правительства, производящего нужные изменения в законах и институтах. В тесной связи с вышесказанным ясно также, что, производя перемены в законах и институтах, правительства в проведении политики не просто ограничены важными социальными факторами, как мы заметили раньше, но и реагируют на противоречия процесса экономического

¹ *Smith (1961: I, 106).*

² *Elvin (1973: 314) и глава 11 этой книги.*

развития, который является в первую очередь социальным, а не экономическим.

Разделение труда и падение интеллектуального уровня населения

Вопрос о действиях государства в ответ на социальные противоречия экономического развития подводит нас к третьему мифу, связанному с наследием Адама Смита, — мифу, что он был теоретиком и сторонником того разделения труда, которое описано в первых абзацах «Богатства народов». Шумпетер замечательно сказал, что ни до, ни после Смита никто не подумал возложить на разделение труда ту нагрузку, которую возложил на нее Адам Смит. У Смита «это практически единственный фактор экономического прогресса»¹. И если второе утверждение — преувеличение, то первое верно скорее только в отношении разделения труда *среди* независимых производственных единиц, связанных рыночным обменом («общественное разделение труда» Маркса), чем в отношении разделения труда *внутри* производственных единиц («техническое разделение труда» Маркса)².

В «Богатстве народов» эти два типа разделения труда занимают стратегическую позицию, противоположную той, которую они занимают в первом томе «Капитала» Маркса. Маркс начинает рассказ с рынка и лежащего в его основе общественного разделения труда, но скоро приглашает нас оставить «эту шумную сферу» и «вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спуститься в сокровенные недра производства», чтобы выяснить «не только как капитал производит, но и как его самого производят»³. Адам Смит, напротив, начинает свой рассказ примером того, как разделение труда на фабрике булавок увеличивает производительность труда. Дальше, однако, он оставляет сокровенные недра производства и сосредоточивается на общественном разделении труда (между городом и деревней или между разными экономическими секторами и видами деятельности); на рыночном обмене, который связывает единицы, специализирующиеся на разных видах экономической деятельности; на конкуренции, которая способствует дальнейшему разделению труда и специализации среди

¹ Schumpeter (1954a: 187).

² Marx (1959: 350–356).

³ Marx (1959: 176).

разных отраслей производства и торговли; на том, что правительства могут сделать, чтобы продвигать, регулировать и пользоваться преимуществами, которые дает синергия конкуренции и разделения труда. И только к концу «Богатства народов», защищая действия правительства по образованию масс, Адам Смит возвращается к техническому разделению труда. Но вместо того, чтобы подчеркнуть положительное его влияние на производительность труда, как он делал в начале, он теперь осуждает его вредоносное влияние на рабочую силу.

С развитием разделения труда занятия подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, то есть основной массы людей, сводятся к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей естественным образом складываются в соответствии с их повседневными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая и необходимости совершенствовать свои умственные способности или упражнять сообразительность для изобретения способов устранения трудностей, с которыми он никогда не сталкивается. Поэтому он естественным образом утрачивает привычку к подобным упражнениям и, как правило, становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо... О великих и общих интересах своей страны он вообще не способен судить, и если не прилагаются чрезвычайные усилия, чтобы повлиять на него, он оказывается столь же неспособным защитить свою страну во время войны... Ослабляется даже функционирование его тела, он становится неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для какого-либо иного занятия, кроме того, к которому приучен. Его профессиональные навыки и умения представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом и цивилизованном обществе в такое состояние неизбежно должны впадать трудящиеся бедняки, то есть основная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого¹...

Оставляя пока в стороне негативное воздействие технического разделения труда на военные способности, заметим,

что его негативное воздействие на способность судить о национальных интересах соответствует невысокому мнению Адама Смита о способности рабочего, живущего на заработной плате, «понимать как общий интерес, так и его связь с его собственными интересами». Однако, заявляя, что техническое разделение труда подрывает способность рабочего на зарплате находить разумные и творческие способы устранения трудностей в работе или эффективного ее исполнения, отличного от того, чему его научили, Адам Смит, кажется, противоречит собственной, высказанной раньше, точке зрения, что именно это улучшает производительность труда. Уэст (E. G. West), например, обнаруживает «поразительную непоследовательность» этих двух суждений, особенно если иметь в виду тот факт, что сам Адам Смит считает разделение труда, повышающее производительность, стимулом, способствующим изобретательности рабочих, поскольку направляет все их внимание на выявление более легких и доступных методов выполнения простых операций¹.

Не соглашаясь с Вестом, Натан Розенберг (Nathan Rosenberg) заявляет, что, «хотя разделение труда потенциально разрушительно для нравственности и интеллектуальных способностей рабочей силы и Адам Смит был серьезно этим озабочен, он не боялся, что все это станет серьезным препятствием на пути технологического прогресса»². В поддержку своего мнения Розенберг указывает, что для Адама Смита технологические инновации имели два других источника, кроме изобретательности рабочих: деятельность производителей средств производства и деятельность тех, кого Адам Смит называл философами (сегодня мы назвали бы их учеными).

Однако далеко не все усовершенствования машин стали изобретением тех, кому приходилось на этих машинах работать. Многие усовершенствования были произведены благодаря изобретательности машиностроителей, когда производство машин сделалось особой отраслью промышленности, а некоторые — теми, кого называют учеными или теоретиками, людьми, профессия которых состоит не в изготовлении каких-либо предметов, а в том, чтобы наблюдать за окружающей действительностью, что делает их способными сочетать возможности самых разных и непохожих друг на друга вещей.

¹ West (1964: 26).

² Rosenberg (1965: 138–139).

С прогрессом общества наука, или умозрение, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан. Подобно всякому иному занятию, наука тоже распадается на большое число различных специальностей, каждая из которых становится занятием особого разряда, или класса, ученых; и такое разделение занятий в науке, как и во всяком другом деле, увеличивает умение и сберегает время. Каждый отдельный работник становится более опытным и сведущим в своей особой специальности; в целом производится больше работы и значительно возрастают достижения науки¹. В результате разделения труда значительно увеличивается производство всевозможных товаров, что в надлежащим образом управляемом обществе приводит к всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на самые низшие слои населения.

Розенберг полагает, что в схеме Адама Смита относительная важность этих трех источников технологического обмена (непосредственные производители, производители средств производства и философы/ученые) меняется с развитием разделения труда. На ранних стадиях этого процесса уровень знаний и компетентности большей части населения значителен, и всякий занятый в процессе производства может приносить в него простые изобретения, необходимые для сбережения времени и усилий и для преодоления трудностей. Но чем дальше продвигается разделение труда, тем меньше становится способность большинства населения участвовать в технологическом прогрессе, отчасти потому, что нововведения усложняются, отчасти потому, что все больше атрофируется разум тех, кто занят монотонной и однообразной работой. Однако, хотя средний уровень знаний и компетентности уменьшается, широкая специализация производства и общий объем знаний обеспечивают все более высокий уровень научных достижений, дающих техническому прогрессу уникальные и беспрецедентные возможности². Как формулирует сам Адам Смит, «хотя в первобытном обществе у каждого индивида есть много разных занятий, в обществе в целом их не много. Каждый человек делает или может делать почти все, что делает или может делать другой. У каждого есть значительный уровень знаний, мастерства и изобретательности.

¹ *Smith (1961: I, 14).*

² *Rosenberg (1965: 136–137).*

Общий уровень, однако, обычно достаточен для простого бизнеса общества. В цивилизованном государстве, напротив, в занятиях большей части населения мало разнообразия, но в обществе в целом их почти бесконечно много. Эти разнообразные занятия представляют почти бесконечное разнообразие предметов для размышления для тех немногих, кто... имеет досуг и склонность исследовать занятия других людей. Размышление о таком разнообразии предметов дает работу их уму в бесконечных сравнениях и комбинациях. И делает их понимание невероятно острым и всеобъемлющим»¹.

Интерпретация Розенбергом данного пассажа, отражающего переход от непосредственного производителя к ученым как главный фактор изменений в технологии и организации производства, имеет право на существование, если мы уточним его в двух важных аспектах. Во-первых, этот переход согласуется с представлением Адама Смита об экономическом развитии как процессе, заключенном в особых физических, институциональных и социальных условиях и ограниченном ими. Он просто устанавливает те механизмы, посредством которых экспансия национального рынка благодаря росту доходов, с одной стороны, и дальнейшему разделению труда — с другой поддерживают друг друга в действенном цикле экономического роста, создавая положительную обратную связь, пока территориальная емкость, в которой они заключены, может употребить все возрастающую массу капитала без того, чтобы опустить уровень прибыли ниже приемлемого минимального. Но Смит нигде не говорит, что возрастающее разделение труда может само по себе уберечь экономику от попадания в ловушку в высокой точке равновесия, когда эта емкость становится «перенасыщенной капиталом и населением». Как мы заметили выше, только зримая рука правительства, производящего нужные изменения в законах и институтах, может освободить экономику из этой ловушки.

Во-вторых, несмотря на пример булавочной фабрики, демонстрирующий положительное воздействие специализации на производительные силы, приведенный выше пассаж и общий его контекст не оставляют сомнений, что Адам Смит приписывает гораздо большее положительное воздействие на производительные силы появлению специализированных единиц и отраслей производства (то есть увеличению

¹ Смит. Указ. соч., т. 2, с. 304.

общественного разделения труда), чем специализации труда внутри этих единиц (то есть увеличению технического разделения труда). Иными словами, для Смита в совершенствовании производительных сил особенно важны два вида развития: появление отрасли, специализирующейся на производстве средств производства, и появление отдельных лиц и организаций, специализирующихся на производстве научного знания. И хотя оба вида развития зависят от увеличения объема рынка, они (в отличие от появления специализированных трудовых ролей) необязательно зависят от увеличения *размеров производственных единиц*, связанных рынком.

Абсолютно скептическое отношение Адама Смита к эффективности и пользе большого бизнеса поддерживает эту его точку зрения. Скептицизм его проявляется не только в совете правительствам уравнивать силу большого бизнеса (о чем мы говорили выше), но и в его отрицательном отношении к акционерным обществам. «Эти компании, хотя и могли бы быть полезными благодаря тому, что впервые вводили некоторые отрасли торговли и делали за свой счет опыты, которые государство не находило благоразумным делать, в конце концов повсюду доказали свою обременительность или бесполезность, повсюду расстроили или стеснили торговлю»¹. Так, держатели акций «редко претендуют на понимание дел в компании», и «они не считают нужным интересоваться ими, довольствуясь получением такого полугодового или годового дивиденда, какой директора сочтут нужным выдать им». Поэтому в управлении делами такой компании всегда в большей или меньшей степени должны проявляться небрежность и расточительность. Вследствие этого акционерные компании во внешней торговле редко... имели успех без исключительных привилегий; часто не преуспевали они и с привилегиями. Без исключительных привилегий они обычно расстраивали торговлю. При исключительных привилегиях они и расстраивали, и стесняли ее»².

Управленческая «небрежность и расточительность» не единственная причина неуспеха акционерных обществ. Недостаточная приспособляемость к местным условиям также важна в случае, когда компании действуют одновременно на разных национальных рынках без исключительных прав, — эти

¹ Смит. Указ. соч., т. 2, с. 267.

² Смит. Указ. соч., т. 2, с. 273–274.

компании сильно напоминают современные транснациональные корпорации: «Покупать на одном рынке, чтобы продать с прибылью на другом, когда на обоих имеется много конкурентов; следить не только за случайными колебаниями спроса, но и за более значительными и более частыми колебаниями в конкуренции или в удовлетворении этого спроса другими торговцами, приспособлять умело и с пониманием дела ко всем этим обстоятельствам количество и качество каждого товара — это своего рода ведение войны, операции которой непрерывно меняются и которая едва ли может вестись успешно без таких неослабных усилий бдительности и внимания, каких нельзя ожидать от директоров акционерных компаний»¹.

Адам Смит признает, что, когда «все операции можно свести к тому, что называется рутинной, или к такому единообразию методов, когда допускается мало вариаций или они не допускаются вовсе», тогда акционерное общество может «успешно действовать без специальных привилегий». Но он упоминает только четыре вида деятельности, в которых это может осуществиться: банковское дело, страхование, строительство и обслуживание судоходных каналов и поставка воды в большие города. Производство определено не является одним из них.

Акционерные компании, учрежденные с патристической целью поддержания некоторых производственных отраслей, мало того что наносят вред себе и уменьшают капитал общества, они вряд ли приносят больше пользы, чем вреда, в целом. Несмотря на самые честные намерения, неизбежное пристрастие директоров к отдельным отраслям... задерживает развитие остальной промышленности и неизбежно в той или иной степени разрушает то естественное соотношение, какое в противном случае установилось бы между правильно функционирующей промышленностью и прибылями и какое для всей промышленности страны является самым большим действенным поощрением².

Альтернативные пути к процветанию

Ссылка в приведенном выше замечании на «естественные пропорции... между справедливой промышленностью и прибылью» подводят нас к четвертому разъяснению экономического развития, как его понимает Адам Смит. Мы уже говорили, что Смит выделяет Китай и Голландию как самые удачные

¹ Смит. Указ. соч., т. 2, с. 284.

² Смит. Указ. соч., т. 2, с. 286.

примеры страны, «густо населенной сравнительно с тем, что может прокормить ее почва или ее капитал», и с таким количеством капитала в каждой отдельной отрасли, которое допускается характером и размерами ее». Адам Смит, однако, пишет, что Китай и Голландия достигли этого состояния экономической зрелости, развиваясь совершенно по-разному.

Китай часто упоминается как образец страны, шедшей тем путем развития в направлении экономической зрелости, который Адам Смит называет естественным ходом вещей или естественным путем к изобилию. При таком «естественном» ходе вещей «большая часть капитала... направляется сначала в сельское хозяйство, затем в промышленность и в последнюю очередь во внешнюю торговлю». Расширение пахотных земель и улучшение их культивации стимулируют инвестиции в промышленность, а рост сельскохозяйственного и промышленного производства, в свою очередь, выливается в избыток товаров, которые можно обменять за границей на более ценные товары: «Если бы человеческие учреждения никогда не нарушали естественного хода вещей, развитие богатства и рост городов во всех государствах следовали бы за улучшением и обработкой данной территории или страны в меру того и другого»¹.

Напротив, Голландия рассматривается как совершенно противоположный (идеально типичный, по выражению Макса Вебера) образец страны, шедшей к экономической зрелости европейским путем, который Адам Смит называет неестественным и реакционным. «Но хотя этот естественный порядок вещей должен был в какой-то степени иметь место в любом обществе, во всех современных европейских государствах он во многих отношениях был вывернут наизнанку. Внешняя торговля некоторых городов стала предпосылкой их превосходной промышленности — такой, которая пригодна для сбыта на большие расстояния, — а промышленность и внешняя торговля породили основные улучшения в земледелии. Обычаи и нравы, привитые этим народам характером их первоначального управления и сохранившиеся после того, как это управление значительно изменилось, неизбежно толкали их на этот противоестественный и попятный путь»².

Описание Смитом Китая вовсе не похоже на обличения Монтескье, Дидро и Руссо, породивших, в конечном счете,

¹ *Smith (1961: I, 403–405).*

² *Smith (1961: I, 405–406).*

понятие «азиатский способ производства», предложенное Марксом. Впрочем, и в нем нет того восторга, какой мы находим в описания таких синофилов европейского Просвещения, как Лейбниц, Вольтер и Кенэ¹. Вдохновившие этих авторов источники информации подвергались осмеянию как «представляемые... бестолковыми путешественниками, часто глупыми и лживыми миссионерами»². Важнее то, что законы и учреждения Китая обременяли ненужными впоследствии ограничениями экономическую экспансию. Так, после утверждения, что «внутренний рынок» Китая был, возможно, сопоставим по размеру с рынками всех европейских стран вместе взятых и что он, возможно, распространился так далеко, насколько позволяли его территория, природные ресурсы и положение относительно других стран, Адам Смит затем заявляет, что «страна, пренебрегающая внешней торговлей... и допускающая иностранные корабли только в один или два порта, не может развить свою торговлю в таких размерах, в которых это было бы возможно при других законах и учреждениях».

Более широкая внешняя торговля... которая к громадному внутреннему рынку прибавила бы внешний рынок всего остального мира, в особенности если значительная часть этой торговли велась бы на китайских кораблях, не могла бы не увеличить чрезвычайно китайскую промышленность и не способствовать развитию ее производства. Расширяя навигацию, китайцы научились бы искусству использования и создания всех многочисленных машин, которые используются в других странах, а также другим достижениям, которые применяются в различных частях мира. По их теперешнему плану у них не много возможностей совершенствоваться на примере других народов, кроме японского³.

Оставим пока в стороне вопрос об исторической точности сказанного и заметим, что критика китайских законов и учреждений ни в коей мере не означает, что европейские законы и учреждения были лучше китайских, ни даже того, что «неестественный и регрессивный» европейский путь экономического развития превосходил «естественный» китайский путь. Критика

¹ О разделении деятелей Просвещения на почитателей Китая эпохи Цин и их противников см.: Adas (1989: 79–93). Об азиатском способе производства Маркса см.: Anderson (1979: 462–549).

² Смит. Указ. соч., т. 2, с. 267.

³ Smith (1961: I, 106; II, 202).

Адама Смита лишь содержит мнение, что предполагаемое пренебрежение внешней торговлей в Китае помешало «естественному» китайскому пути довести развитие до конца. Но нигде Смит не высказывает мнения, будто Китай мог или должен был пойти по «неестественному и регрессивному» европейскому пути. Напротив, его советы европейским государственным деятелям делают акцент на то, чтобы направлять развитие в их собственных странах в сторону «естественного» пути.

Адам Смит предлагает несколько обоснований этого совета. Отчасти он оправдывает его с точки зрения вклада, который могут сделать разные виды инвестиций во внутренний рынок и национальное богатство: «Капитал, вкладываемый в земледелие... добавляет... гораздо большую стоимость к... действительному богатству и доходу...» Капиталы, вкладываемые в земледелие и в розничную торговлю, заявляет он, оказывают наибольшее положительное воздействие, потому что они остаются в стране: «Их приложение почти всегда связано с определенным местом — фермой или лавкой розничного торговца... Капитал оптового торговца, напротив, по-видимому, не имеет какого-либо определенного или обязательного для него пребывания, а может перемещаться с места на место в зависимости от того, где он может дешево покупать или дорого продавать». Тем не менее он по-разному воздействует на национальный рынок в зависимости от того, используется он во внутренней торговле (то есть «в покупке продуктов промышленности страны в одной ее части и продаже в другой»), или во внешней торговле предметами потребления (то есть в «покупке иностранных товаров для внутреннего потребления»), или в транзитной торговле (то есть в «ведении торговых сношений чужих стран либо доставке избыточного продукта одной страны в другую»). Капитал, вложенный во внутреннюю торговлю, приносит наибольшую пользу, потому что «тот же вложенный капитал приносит наибольшую прибыль и обеспечивает наибольшую занятость жителей страны». Капитал, употребляемый на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления, не имеет такого немедленного и определенного эффекта, как внутренняя торговля, потому что нет гарантии, что доход и занятость населения за границей, обеспеченные покупкой тамошних товаров, приведут затем к такому же доходу и занятости в экономике инвестирующей страны. Но наименьший положительный результат приносит

капитал, вложенный в транзитную торговлю, потому что он «отвлекается целиком от содействия производительному труду данной страны, чтобы поддержать производительный труд других стран»¹.

Этот первый аргумент в пользу «естественного» пути развития просто констатирует, что наилучший возможный путь развития национальной рыночной экономики — начать с расширения и совершенствования сельского хозяйства и внутренней торговли. Это расширение и совершенствование создают условия для спонтанного развития производственной деятельности вместе с поддержкой сельскохозяйственной деятельности. Рост сельского хозяйства и промышленности, в свою очередь, создает излишек товаров, которые выгоднее продавать за границей в обмен на другие товары первой необходимости, чем на внутреннем рынке. По мере того как внешняя торговля увеличивает размеры рынка, возникают новые возможности для появления новых специализированных отраслей производства и для накопления капитала сверх того, что может быть вложено с прибылью «в области обслуживания потребления и поддержки производительного труда этой страны». Когда такое происходит, «избыточная часть капиталов естественно, перетекает в транзитную торговлю и употребляется для выполнения таких же функций в интересах других стран»: «Транзитная торговля представляет собой естественный результат и признак значительного национального богатства, но она, по-видимому, не является естественной причиной его. Те государственные люди, которые проявляли склонность содействовать ее развитию посредством специальных поощрительных мероприятий, очевидно, принимали результат и признак явления за его причину»².

Этот аргумент в пользу «естественного» пути развития дополняется два другими аргументами, выражающими антиурбанистское предубеждение Адама Смита. Как замечает Розенберг, это предубеждение есть логическое следствие двух тезисов Смита: что географическая концентрация превращает районы городов в центр сдерживания процесса конкуренции и что сельское население меньше подвержено негативным последствиям разделения труда, чем городское³.

¹ Smith (1961: I, 385, 389–392, 456).

² Smith (1961: I, 395).

³ Rosenberg (1965: 138 fn).

«Жители города, будучи собраны в одном месте, легко могут сговариваться между собою и вступать в соглашения. Ввиду этого даже самые незначительные городские ремесла объединялись почти везде в цехи; и даже там, где они не объединялись в цехи, среди них обыкновенно преобладают корпоративный дух, вражда к чужеземцам и посторонним, нежелание держать учеников или сообщать секреты своего ремесла; часто добровольными организациями и соглашениями они предупреждают ту свободную конкуренцию, которую они не могут воспретить изданием соответствующих постановлений... Сельские жители, рассеянные на больших пространствах друг от друга, не могут так легко сговариваться между собою. И они не только никогда не объединялись в цехи, но среди них никогда не преобладал цеховой дух»¹.

Различие сельской и городской ситуации, часто подкрепленное законодательством, позволяет городским жителям «повышать цены на их товары, не опасаясь свободной конкуренции своих соотечественников... и иностранцев». Хотя «землевладельцы, фермеры и сельские рабочие» оказываются теми, кто платит эти высокие цены, они редко выступают против поддерживаемых государством городских монополий, потому что «вопли и софистические доводы купцов и фабрикантов легко убеждают их в том, что частный интерес одной части, притом незначительной, общества тождествен с общим интересом целого»². Адам Смит повторяет здесь высказанную раньше мысль о способности получателей прибыли навязывать обществу свой классовый интерес, который не соответствует общему интересу. Но при этом он проводит различие между сельскими и городскими рабочими, чего не делал раньше, рассуждая о живущих на прибыль, на ренту и на зарплату. Он говорит, что отношения неравного обмена между городом и деревней были на пользу не только купцам и промышленникам, их создавшим, но и городским рабочим.

Именно в этом контексте Смит утверждает, что сельскохозяйственный рабочий меньше, чем промышленный, подвержен негативному воздействию разделения труда. Хотя «обычно его считают образцом глупости и невежества», сельскохозяйственный рабочий редко лишен «рассудительности и внимания», необходимых, чтобы обращаться с разнообразными

¹ Smith (1961: I, 140–141; см. также: II, 483–484).

² Smith (1961: I, 142–143).

инструментами, которыми он работает, и с материалами, над которыми он трудится: «Его умственные способности, поскольку он привык наблюдать большее разнообразие предметов, обыкновенно гораздо выше способностей тех, все внимание которых с утра до ночи направлено на выполнение одной или двух весьма простых операций». Больше того, изменение условий сельскохозяйственного производства «в зависимости от любой перемены погоды, а также от других случайных обстоятельств требует гораздо большей сообразительности, чем в том случае, когда операции эти всегда одни и те же или почти одни и те же». И в самом деле, если бы им дали шанс получить небольшую собственность, сельскохозяйственные рабочие стали бы лучшими предпринимателями, чем крупные собственники¹.

Если бы не ограничения на конкуренцию в городских районах, более высокий интеллект и лучшие навыки сельскохозяйственных рабочих отразились бы в их более высоком положении и зарплате по сравнению с городскими, как это происходит в странах, следовавших по пути «естественного» развития (Китай). Иное положение в тех странах, которые идут по пути «неестественного» развития (как в Европе). Адам Смит тем не менее замечает, что, по крайней мере, в Великобритании это «неестественное» положение дел изменяется под давлением присущего ему внутреннего противоречия: «Эту перемену следует считать необходимым, хотя и запоздавшим последствием тех чрезвычайных преимуществ и покровительства, которыми пользовалась городская промышленность. Накопленный в городах капитал в конце концов становится столь значительным, что... имея своим следствием усиление конкуренции, необходимо ведет к уменьшению прибыли. А падение прибыли в городе ведет к оттоку в деревню капитала, который, создавая новый спрос на сельский труд, необходимо ведет к повышению заработной платы. Капитал... растекается затем по всей стране и, будучи вложен в сельское хозяйство, отчасти возвращается в деревню, за счет которой в значительной мере был первоначально накоплен в городе»².

Адам Смит советует законодателям содействовать этому спонтанному превращению «неестественного» пути развития в «естественный». Обосновывая свой совет, Смит заявляет, что

¹ Smith (1961: I, 141–142; 410–419).

² Smith (1961: I, 142–143). О более высокой оплате сельскохозяйственного труда в Китае сравнительно с промышленным см. также: Smith (1961: II, 201).

«главная задача политической экономии всякой страны состоит в увеличении ее богатства и могущества». И все же капитал, приобретенный в стране торговлей или промышленностью, очень непрочен и ненадежен, если только «не обеспечить его вложением в культивацию и улучшение земель».

Смит уверен, что купец не обязательно гражданин какой-нибудь конкретной страны. Ему в значительной степени безразлично, откуда он ведет свою торговлю, и самое небольшое неудовольствие заставит его отозвать капитал из той или иной страны и перевести в другую, разрушив поддерживаемое этим капиталом производство. Ведь этот капитал не принадлежит конкретной стране, пока он не вложен в конкретные строения или в культивацию земель: «Повторяющиеся потрясения войн и революций легко иссушают источники богатства, если оно порождается одной лишь торговлей. Богатство, возникающее в результате прочных улучшений в сельском хозяйстве, более устойчиво и может быть уничтожено только в результате сильнейших катаклизмов, вызываемых грабежами и опустошениями вражеских и варварских народов в продолжение одного или двух столетий подряд, как это было некоторое время до и после падения Римской империи в западных областях Европы»¹.

Богатство и власть

Связь «богатства» с «властью», устанавливаемая Адамом Смитом, когда он суммирует причины того, что европейскому «неестественному» пути развития следует трансформироваться в «естественный», возвращает нас к его представлению о политической экономии как «об отрасли знания, необходимой государственному деятелю и законодателю»: «Как говорит Гоббс, богатство — это сила». Сразу же после цитаты из Гоббса Смит добавляет, что «человек, который приобретает или получает по наследству большое состояние, необязательно приобретает вместе с ним или наследует политическую власть, гражданскую или военную»: «Состояние, может быть, дает человеку средства приобрести ту или другую, но одно лишь обладание этим состоянием не дает ему непременно такую власть». Богатство «дает ему немедленно и непосредственно лишь возможность покупать, располагать всем трудом или всем продуктом труда, который имеется на рынке»².

¹ Смит. Указ. соч., т. 1, с. 570.

² Smith (1961: I, 35).

Как подчеркивает Альберт Хиршман, отъем власти, приобретаемой за счет контроля над средствами применения силы, властью, которую приносит богатство, был для Адама Смита самым важным результатом развития торговли и промышленности¹. До этого крупные землевладельцы использовали избыток продукции лишь для того, чтобы увеличить число своих вассалов, которые составляли их частную армию. В этих обстоятельствах центральной власти было очень трудно сдерживать агрессию крупных землевладельцев, которые «развязывали войну по своему усмотрению почти непрерывно друг против друга и очень часто против короля», превращая страну в место «насилия, грабежа и беспорядка». Но то, чего не могла добиться центральная власть политическими методами и силой оружия, постепенно было обеспечено «тихим и незаметным воздействием внешней торговли и промышленности».

Торговля и промышленность «давали крупным землевладельцам то, на что они могли выменивать излишки своего производства и что могли потреблять сами, не делясь со своими арендаторами или вассалами... За пару бриллиантовых пряжек или что-нибудь столь же легкомысленное и бесполезное они платили такую цену, что на это можно было целый год содержать тысячу человек, а значит, отдавали соответствующее влияние и власть... Таким образом, в обмен на удовлетворение самого ребяческого, низменного и нелепого тщеславия они постепенно отдали всю свою власть и влияние и стали столь же незначительными, как любой обычный торговец или зажиточный горожанин. В городах и в сельской местности создавались свои постоянные органы управления, но у них не было достаточно власти, чтобы воздействовать друг на друга»².

Адам Смит здесь, кажется, забыл, что, хотя богатство не дает политическую власть «немедленно и непосредственно», оно есть средство добиться ее обходными путями; забыл он и то, что повсюду называет торговцев и промышленников (чьи власть и авторитет здесь называются незначительными) способными навязывать государству и обществу свои интересы вопреки общему интересу. В главе 3 мы увидим, что упрощенное представление Смита о деньгах исключительно как о средстве оплаты ограничивает его способность видеть долгосрочные и широкомасштабные связи между погоней за

¹ Hirschman (1977: 100–102).

² Смит. Указ. соч., т. 1, с. 561–562.

прибылью и погоней за властью. Впрочем, в контексте обсуждаемой здесь темы мы можем разрешить кажущееся противоречие между противоположными заявлениями Адама Смита относительно внешней торговли и промышленников (в одном месте он пишет, что это усиливало центральное правительство, а в другом — что это создавало властные силы, мешавшие способности центрального правительства преследовать национальные интересы), заметив, что эти заявления относятся к разным функциям и «стадиям» национального развития.

Первое заявление относится к централизованному законному применению силы на территории существующего или будущего государства. Здесь Смит осуждает *режим военно-феодалного правления* и приветствует ту роль, которую играет внешняя торговля и мануфактуры в преодолении его особой европейской формы (феодализма) посредством расширения рыночного обмена города с деревней. Второе заявление, напротив, относится к такой ситуации, когда законное применение силы было уже успешно централизовано и окончательно установилась национальная рыночная экономика. В этих обстоятельствах «нестественное» избыточное развитие внешней торговли и мануфактур становится главным препятствием для способности центрального правительства преследовать национальные интересы. Вот почему Адам Смит советует законодателям уравнивать власть торговцев и промышленников, заставляя их конкурировать друг с другом, снижая цены и прибыли. В одной ситуации власть центрального правительства ограничивают землевладельцы, контролирующие средства насилия; в другой — торговцы и промышленники, в руках которых находится богатство. Но в обеих ситуациях Смита более всего волнует установление и поддержание способности центрального правительства преследовать национальные интересы.

Соблюдение национальных интересов, несмотря на все, что угрожает и препятствует этому внутри страны, конечно, неразрывно связано с соблюдением этих интересов и на международной арене. И Адам Смит не оставляет сомнения, что «защита общества от насилия и вторжения других независимых обществ» есть «первейший долг правителя» и он «гораздо важнее, чем богатство». Поэтому в интересах национальной обороны он с готовностью поддержит политику, которая, по его мнению, отрицательно влияет на благосостояние нации. «Если какая-либо отдельная отрасль

промышленности необходима для защиты отечества, не всегда благоразумно оставаться зависимыми от соседей в деле снабжения ее всем необходимым, и может оказаться целесообразным обложение всех других отраслей промышленности для ее поддержания, если иначе она не может существовать внутри страны». Так же Адам Смит оценивает Навигационный акт 1651 года, который предоставлял британским кораблям монополию на британскую торговлю. «Возможно, это самое мудрое из экономических постановлений Англии», пусть оно и порождено скорее «национальной враждой», чем экономическими соображениями: «Как раз в это время национальная вражда была нацелена именно на тот объект, который порекомендовал бы самый глубокомысленный мудрец, — на морскую мощь Голландии, которая единственная могла угрожать безопасности Англии»¹.

Адам Смит видел немалое противоречие между потребностями национальной обороны и нуждами экономического развития страны. Растущее национальное богатство делает страну все привлекательнее для ее более бедных соседей. Но разделение труда, на котором основан рост богатства, подрывает военные способности множества людей. В странах, население которых в основном занято земледелием и скотоводством, мало развита внешняя торговля и есть лишь небольшое производство в рамках домохозяйств, поэтому «каждый мужчина там... или воин, или легко им становится». Иначе обстоят дела в странах, где большая часть населения работает на производстве, в сельском хозяйстве или торговле. Род занятий не дает им возможности быть готовыми к войне, у них нет времени практиковаться в военном деле. С ростом национального благосостояния и разделения труда «великое множество людей становятся совершенно не воинственными... и если государство не примет каких-то новых мер для общественной обороны, естественные привычки людей сделают их неспособными защитить себя»².

Советуя законодателям, какие меры следует принять, чтобы разрешить противоречие между тенденцией экономического развития делать страну все более подверженной нападению извне и все менее способной к обороне, Адам Смит

¹ Смит. Указ. соч., т. 2, с. 89.; т. 2, с. 239. Более детально см.: Haakonssen (1981: 93–95, 160 ff).

² Smith (1961: II, 216–220).

опирается в первую очередь на распространение своей теории преимуществ общественного разделения труда на «искусство войны».

Степень развития техники, как и других сфер деятельности, с которыми искусство войны неразрывно связано, определяет уровень, которого может достичь это искусство в то или иное время. Но чтобы довести его до этого максимально совершенного уровня, необходимо, чтобы оно стало основным или единственным занятием определенного разряда граждан, и разделение труда здесь так же необходимо, как и во всякой другой деятельности¹.

Распространение разделения труда на искусство войны, однако, не может быть частной инициативой. В других занятиях «разделение труда естественным образом появляется в силу благоразумия отдельных лиц»... но только государство может заставить частного гражданина «отдать большую часть своего времени этому особому занятию». С этой точки зрения современная регулярная армия имеет ряд преимуществ по сравнению с ополчением. Она дает возможность специализации в разных военных ремеслах; она помогает добиться стабильности, порядка и беспрекословного подчинения командам, что в «современных армиях важнее... чем умелое обращение солдат с оружием»; она «с неодолимой силой утверждает закон суверена в самых дальних уголках империи и в меру своих сил поддерживает регулярное управление в тех странах, которые иначе не признают никакого»².

Так что даже в вопросах национальной обороны Смит больше всего обеспокоен проблемой централизации власти в руках национальных правительств. Но, завершая обсуждение «великой перемены в искусстве войны, которую принесло изобретение огнестрельного оружия», он ставит вопрос, на который «Богатство народов» однозначного ответа не дает. Смит объясняет нам, что главное следствие этой великой перемены состояло в дальнейшем увеличении финансирования «обучения и насаждения дисциплины среди солдат в мирное время и их использования во время войны». Вооружение и снаряды становятся все дороже, дорожает и возведение городских укреплений, необходимых, чтобы «сдерживать атаку вражеской артиллерии хотя бы несколько недель». Неизбежным результатом

¹ Smith (1961: II, 219).

² Смит. Указ. соч., т. 2, кн. 5, с. 247.

стало поистине революционное преобразование международных отношений.

В современной войне большие расходы на огнестрельное оружие дают очевидное преимущество народу, который более способен нести эти расходы, а следовательно, народу богатому и цивилизованному над народом бедным и варварским. В древние времена народам богатым и цивилизованным было трудно защищаться от народов бедных и варварских. В Новое время бедным и варварским народам трудно защищаться от народов богатых и цивилизованных. Изобретение огнестрельного оружия... на самом деле благоприятно для сохранения и распространения цивилизации¹.

Тут немедленно возникает два ряда вопросов. Во-первых, возможно ли, что преимущества, приобретаемые странами благодаря современным вооружениям, при прочих равных условиях больше у тех, кто шел «неестественным» путем экономического развития, чем у приверженцев «естественного» пути, поскольку у первых выше роль промышленности, внешней торговли и навигации? А если это так, то как же мог Смит предпочитать «естественный» путь развития, коль скоро он придавал больше значения обороне, чем богатству? Или, другими словами, не подвергнутся ли «богатые и цивилизованные» народы, развиваясь «естественным» путем, агрессии со стороны менее «богатых и цивилизованных», шедших по пути «неестественного» развития, что и происходило уже на глазах Смита в Индии и что, возможно, произойдет и в Китае? Во-вторых и в тесной связи с вышесказанным, если богатство, приобретенное «неестественным» путем, есть залог военного превосходства и если военное превосходство позволило европейцам воспользоваться преимуществам растущей интеграции мировой экономики за счет неевропейских «варварских» и «цивилизованных» народов, как об этом заявлял Смит в приведенном во введении высказывании, то как же «торговля всех стран со всеми» может привести к «равенству сил», как утверждал тот же Смит? Какие силы (если они существуют) могут помешать этой торговле производить положительную обратную связь обогащения и усиления народов европейского происхождения и порочный круг обеднения и ослабления большинства других народов?

¹ Смит. Указ. соч., т. 2, кн. 5, с. 248.

Эти вопросы выходят за рамки исторической социологии Смита. Но для нас они являются важнейшими. Для ответа на них мы должны снова проанализировать разные концепции экономического развития, уже исследованные в главе 1, а затем посмотреть, какой свет проливают теории развития капиталистического производства Маркса и Шумпетера на закат и возрождение Восточной Азии как ведущего региона мирового развития.

Глава 3

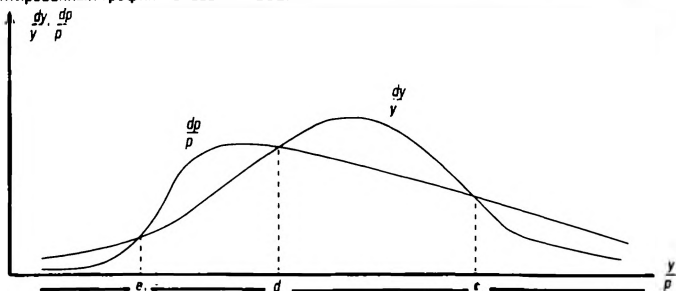
Маркс, Шумпетер и «бесконечное» накопление капитала и власти

Произведенная реконструкция исторической социологии Адама Смита подтверждает, что не случайно мы «обнаружили» Адама Смита в Пекине, о чем говорилось в главе 1. Смит не только видел в позднем императорском Китае пример рыночной экономики, но также считал, что эта экономика зашла *почти* так далеко, как только могла. Я говорю «почти», потому что Адам Смит считал, что дальнейшее развитие внешней торговли, в особенности если бы эта торговля велась китайским флотом, принесла бы Китаю еще больше богатства. Но даже при этом недостатке Китай, а не Европа представлялся ему образцом рыночной экономики, образцом, которому должны следовать и другие правительства.

В этом смысле точка зрения Франка, что, по Адаму Смицу, «Европа запоздала в развитии богатства народов», правильна лишь отчасти. Действительно, Смит считал, что экономическое развитие в Европе происходило в рамках меньших, чем Китай, национальных экономик и по «неестественному» пути, что меньше отвечало национальным интересам, чем «естественный» путь Китая. Однако Адам Смит видел и то, что Голландия достигла богатства, сравнимого с китайским, хотя очень уступает Китаю по площади.

В более общей форме проблема смитовского понятия *роста*, которым пользуются Вон, Франк и Померанц, а также их критики (см. главу 1), заключается в представлении Смита, будто экономическое развитие идет не по одному пути, но по двум разным путям: «неестественному», или основанному на внешней торговле, типичному для Европы, и «естественному», или основанному на внутренней торговле, типичному

Адаптированный график Нельсона (1956)

для Китая. Таким образом, Смит, подобно де Врису, Хуану и Бреннеру, считает, что Китай и Европа в своем развитии шли совершенно разными путями; впрочем, в отличие от этих авторов, Смит не считает, что потенциал роста европейского пути больше, чем китайского. Напротив, он считает, что оба ведут к стационарному состоянию, или к равновесию высокого уровня. В рассматриваемое время Китай и Голландия уже достигли этого состояния, а экономический рост во всех других странах, включая еще «недонаселенные» и «недообеспеченные» капиталом североамериканские колонии, со временем приведет к тому же.

Введенное Смитом понятие стационарного состояния (и производное от него понятие «ловушка в высокой точке равновесия») не следует, как это часто делают, смешивать с мальтузианским понятием давления народонаселения на экономический рост. Разница между ними может быть разъяснена с помощью графика 2, где e_1 представляет собой равновесие низкого уровня развития, о котором говорил Мальтус, а e_2 — равновесие высокого уровня, похожее на стационарное состояние Смида¹. Горизонтальная ось x показывает уровень дохода на душу населения (y/p), где y — доход, а p — население. Вертикальная ось y показывает и скорость роста дохода (dy/y), и скорость роста населения (dp/p). Таким

¹ График 2 заимствован у Ричарда Нельсона и аналогичен тому, что приводится им для иллюстрации теории ловушки в низкой точке равновесия. См.: Nelson (1956). Та же идея в более разработанном виде у Leibenstein (1963).

образом, кривая dy/y описывает соотношение между скоростью роста доходов (dy/y) и уровнем дохода на душу населения (y/p). Мы видим, что растущий уровень дохода на душу населения до определенного момента сопровождается подъемом, а после этого момента — падением скорости роста доходов. Кривая dp/p показывает соотношение скорости роста населения (dp/p) и уровня дохода на душу населения (y/p). На ней видно, что рост уровня дохода на душу населения до определенного момента сопровождается повышением, а затем понижением скорости роста населения. Хотя обе кривые имеют схожую форму, как видно на графике, рост населения набирает скорость быстрее, чем рост дохода на нижних уровнях дохода на душу населения, и снижается не так резко на высоких уровнях. Когда кривая dy/y проходит выше, чем кривая dp/p , скорость роста дохода превосходит скорость роста населения, и поэтому доход на душу населения (y/p на горизонтальной оси) увеличивается; когда кривая dy/y ниже, чем кривая dp/p , скорость роста населения превышает скорость роста доходов, и поэтому доход на душу населения (y/p на горизонтальной оси) снижается.

- e_1 — ловушка в низкой точке равновесия,
- e_2 — ловушка в высокой точке равновесия,
- d — неустойчивое равновесие,

y/p — доход на душу населения,
 dy/y — скорость роста дохода,
 dp/p — скорость роста населения.

Следствием этих трех допущений является определение трех точек равновесия (e_1 , d и e_2) — точек, где скорость роста доходов и населения одинакова, и поэтому доход на душу населения не меняется. Точка d , однако, отмечает нестабильное равновесие в том смысле, что даже небольшое увеличение (уменьшение) дохода на душу населения приводит к более высокой (низкой) скорости роста доходов, чем рост населения, и следовательно, к повышению (понижению) дохода на душу населения, пока он не достигает e_2 (e_1). Точки e_1 и e_2 , напротив, представляют стабильное равновесие, и потому при всяком отступлении от них (вправо или влево) меняется скорость роста доходов и роста населения, что возвращает показатель дохода на душу населения к исходной точке. Будучи обе точками состояния равновесия, e_1

представляет равновесие низкого уровня, а e_2 — равновесие высокого уровня. Равновесие низкого уровня отвечает мальтузианскому представлению о воздействии роста народонаселения на экономический рост, потому что повышению дохода на душу населения выше e_1 мешает быстрый рост народонаселения; смитовское понятие стационарного состояния, напротив, отвечает скорее представлению о равновесии в высокой точке, потому что росту доходов на душу населения выше e_2 препятствует резкое снижение темпов роста доходов.

График 2 может также пролить свет на шумпетеровское понятие экономического развития, в котором не заложена тенденция трансформировать социальную структуру, внутри которой оно протекает. Как только экономика сумеет выбраться из точки равновесия низкого уровня e_1 , добившись более высокого дохода на душу населения, чем d , экономический рост продолжается вплоть до того, как снижающие факторы не уменьшат скорость роста дохода на душу населения до того уровня, с каким растет население. Как только это произойдет, экономика остается в высокой точке равновесия e_2 (стационарное состояние Смита), и дальнейший рост возможен, только если зримая рука государства (или какой-нибудь внешний процесс или действие) не приведет к созданию общественной структуры с большим потенциалом роста — изменение, которое будет представлено на графике 2 движением кривой dy/u вверх и вправо. Это изменение, однако, продвинет экономику к равновесию более высокого уровня; оно не вызовет безграничного роста. Поэтому на графике 2 нельзя изобразить то, что Шумпетер считает самой важной характеристикой развития капиталистического производства, — его тенденции разрушать общественную структуру, внутри которой это развитие протекает, и создавать условия для появления новых структур с более высоким потенциалом роста.

Заявляя, что до Великого расхождения Англия уже развивалась по пути свободного роста, Хуан и Бреннер имеют в виду развитие, для которого характерна именно эта тенденция. Для Бреннера главной составляющей такого развития было отделение непосредственных производителей от средств производства, необходимое условие, заставляющее рабочих продавать свой труд купным производственным единицам, конкурируя друг с другом. Отсутствие этого условия, заявляет он, есть причина того, что

рыночное развитие в Китае не стало безграничным, как в Англии. Хуан признает, что большие, использующие наемный труд, фермы существовали в Китае вплоть до XVII века. Но и он считает, что вытеснение таких ферм мелким производством в домохозяйствах было главной причиной того, что рыночное развитие Китая не получило более динамичного характера, свойственного европейскому пути развития.

Представления Хуана и Бреннера — поскольку они заимствованы из критики политической экономики Маркса, к которой мы теперь обратимся, — находятся в резком противоречии с представлениями, изложенными в «Богатстве народов». Развивая широкомасштабное производство и техническое разделение труда до уровня бесконечного экономического развития, они ставят с ног на голову негативное представление Смита об этих явлениях. Тезис Сугихары о непреходящем значении восточноазиатской Революции прилежания не подвергает сомнению конкурентные преимущества широкомасштабного производства, основанного на наемном труде (типичного европейского пути развития). Он, однако, подразумевает, что, во-первых, развитие по европейскому пути имеет свои пределы и, во-вторых, при достижении этих пределов больше перспектив для экономического развития открывается на пути восточноазиатской Революции прилежания. И хотя Сугихара не цитирует в этом контексте Смита, он положительно оценивает небольшое домашнее производство, характерное для восточноазиатского пути. Для такого производства характерны опора на рабочую силу, способную хорошо выполнять разнообразные задачи; гибкая реакция на изменения в природных и социальных условиях производства; предвидение, предотвращение и разрешение проблем управления производством — все это представления в высшей степени смитовские. Как мы увидим в главе 6, это также типично для новейших теорий так называемого гибкого производства. Возможно ли, что восточноазиатское возрождение реабилитирует хотя бы некоторые аспекты смитовского взгляда на рыночное развитие?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала остановиться на понятии рыночного развития капиталистического производства и его роли в понимании Великого расхождения и современного восточноазиатского экономического возрождения. Далее я постараюсь доказать, что теории развития капиталистического производства Маркса и Шумпетера и в самом деле

позволяют глубоко понять специфику европейского пути развития. Но они еще меньше, чем историческая социология Смита, полезны в решении вопроса о связи европейского развития на основе внешней торговли с превосходством в военной силе, той связи, которая (по крайней мере в течение трех столетий) позволяла европейцам пользоваться преимуществами растущей интеграции мировой экономики. Поэтому я переформулирую теории Маркса и Шумпетера так, чтобы ответить на этот вопрос на страницах нашей книги.

«Бесконечное» накопление капитала

В своей критике политической экономии — именно так звучит подзаголовок «Капитала» — Маркс не просто высказывает иное, чем у Смита, мнение по некоторым конкретным вопросам, таким как накопление капитала и снижении нормы прибыли или общественное и техническое разделение труда. Он строит свое исследование по совершенно иной программе: он меняет, так сказать, предмет рассуждения и стиль. Его собеседниками выбраны не правители — «законодатели» Смита, а общественные классы. Предмет его рассуждений не обогащение и возвышение наций, но обогащение и возвышение собственников-капиталистов в противоположность собственникам рабочей силы. Стратегия его анализа исходит не из преимуществ конкуренции на рынке, но из классовой борьбы и научно-технического прогресса в производстве.

Этот иной предмет рассуждений и его строй породили великое смятение относительно *имплицитной* Марксовой теории национального развития. Я говорю «имплицитной», потому что эксплицитно Маркс такой теории не строил. У него мы найдем только теорию развития капитализма в мировом масштабе, которая, как было отмечено в главе 1, проницательно предвосхищала нынешнее понимание «глобализации», но ошибалась относительно того, что всеобщее капиталистическое развитие «расплющит» мир — в смысле, который в это выражение вкладывает Томас Фридман (Thomas Friedman). И в самом деле, Маркс был так уверен в неизбежности «расплющивания» мира, что всю свою теорию капиталистического производства построил на представлении о мире без границ, в котором рабочая сила полностью лишена собственности на средства производства и все товары, включая

рабочую силу, свободно обмениваются по цене, более или менее равной стоимости их производства¹.

Хотя у Маркса не было разработанной теории национального развития, эта теория, имплицитно содержащаяся в его анализе развития капиталистического производства, отличается от теории Смита в нескольких отношениях. Первое отличие, которым обусловлено остальное, состоит в том, что для Маркса капиталистические агенты участвуют в рыночном обмене для цели иной, чем превращение одних товаров в более выгодные товары. Смит исключает такую возможность, считая, что, хотя товары полезны сами по себе, «деньги не служат никакой иной цели, кроме покупки товаров».

Человек, который покупает, не всегда собирается снова продавать купленное, но может купленное использовать, в то время как тот, кто продает, всегда собирается покупать опять. Один может постоянно проделывать все это, но другой может всегда делать только половину этого. Людям нужны деньги не ради самих денег, но ради того, что на них можно купить².

Маркс описывает логику Смита формулой товарного обращения $T-D-T'$, где деньги (Д) есть всего лишь средство превращения серии товаров (Т) в другую, более полезную серию (Т'). Затем он противопоставляет эту логику капиталистической, где цикл завершается (то есть цель достигнута), когда деньги (Д), вложенные в покупку определенной комбинации товаров (Т), приносят путем продажи на рынке большее количество денег (Д'). Отсюда общая формула капитала $D-T-D'$, выведенная

¹ При всей своей нереалистичности эта посылка оправдывалась теоретической задачей Маркса продемонстрировать, что даже в идеальных условиях совершенной конкуренции растущее подчинение труда капиталу на рабочем месте вместе с постоянно растущей стоимостью товаров, необходимых для воспроизведения рабочей силы, как можно ожидать, приведет к относительному обогащению и усилению владельцев капитала сравнительно с владельцами рабочей силы. Эта посылка, однако, не имела (и не имеет) смысла при описании действительных условий развития капитализма в разное время и в разных регионах. И в самом деле, в определенных исторических экскурсах, особенно явно — в описании классовой борьбы во Франции, Маркс сам отходит от своей критики политической экономики, определяет классовые интересы относительно их политико-экономического контекста (как делает Смит) и даже не упоминает «сокровенные недра производства». См.: Arrighi, Hopkins and Wallerstein (1989: ch. 1).

² Smith (1961: I, 460).

Марксом, означает лишь то, что для капиталистических инвесторов покупка товаров есть только инструмент увеличения выраженной в деньгах стоимости их активов с D до D' . И в самом деле, если и когда складываются обстоятельства для более выгодного помещения в кредитную систему (сравнительно с торговлей и производством товаров), от превращения денег в товары могут вообще отказаться (как в сокращенной формуле капитала у Маркса $D-D'$)¹.

Маркс никогда не разъяснял, почему капиталистические агенты преследуют, казалось бы, иррациональную цель накопления денег ради них самих. В самом деле, своей максимой «Накопляйте, накапливайте! В этом Моисей и пророки!» он, кажется, признается, что не имеет рационального объяснения накопления денег как самоцели. Тем не менее, сформулировав эту максиму, он вскоре заявляет, что «стремление к власти есть элемент желания разбогатеть»². Таким образом, мы возвращаемся к уравнению Гоббса богатство = власть, которое одобри-тельно приводит Смит, сводя власть, связанную с деньгами, к «власти покупать». Маркс решительно отвергает такое ограничение, хотя он не сообщает нам, какую власть доставляют деньги и как она связана с другими видами власти, но вся его работа предполагает, что «бесконечное» накопление денег есть пер-вейший источник власти в капиталистическом обществе.

Это становится очевидным из второго отличия имплицитной Марксовой теории рыночного национального развития и эксплицитной теории того же у Смита. Маркс согласен со Смитом, что европейский путь экономического развития основывается на внешней, а не на внутренней торговле. И в «Манифесте», и в «Капитале» он категорически заявляет, что «современная история капитала», то есть история возвышения буржуазии и господства современной промышленности в Европе, «восходит к установлению в шестнадцатом веке всемирной торговли и всемирного рынка»³. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности... Цеховые мастера были отодвинуты промышленным средним классом; [общественное] разделение труда между различными

¹ Marx (1959: 146–155; 1962: 343–344).

² Marx (1959: 592–595).

³ Marx (1959: 146).

гильдиями исчезло перед лицом [технического] разделения труда в каждой отдельной мастерской¹.

Однако то, что для Смита — «неестественный» путь экономического развития, для Маркса — капиталистический путь. Еще важнее то, что Марксу была совершенно чужда озабоченность Смита необходимостью уравнивать капиталистическую власть действиями правительства и предпочтение развития на основе сельского хозяйства и внутренней торговли. Он считал, что с переходом к современной промышленности и с установлением мирового рынка правительства полностью утрачивают способность уравнивать власть буржуазии, которая «завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве», практически сводя роль правительства к роли комитета по управлению делами. Что же до азиатских народов и цивилизаций, которые Смит представлял примерами «естественного» пути развития и которые, по мысли Маркса, некогда создали рынки, обеспечившие появление европейского капиталистического пути, то они не имели шанса пережить натиск европейской буржуазии: «Буржуазия... деревню сделала зависимой от города, варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада»².

Сосредоточившись исключительно на могуществе класса, Маркс забывает рассказать нам, как богатство буржуазии легко может превращаться в политическое могущество внутри страны и в международном масштабе. В национальном масштабе Маркс, соглашаясь, возможно, со Смитом, считает, что богатство и географическое сосредоточение буржуазии дает ей власть навязывать государству свой особый интерес за счет общего национального интереса. Тем не менее он, очевидно, думал, что со времени публикации «Богатства народов» эта власть выросла так сильно, что все попытки уравнивесить ее хоть на какое-то время были подавлены. Возможно, впрочем, Маркс не соглашался с Адамом Смитом и думал, что, по крайней мере в некоторых европейских странах, интерес буржуазии совпадал с национальными интересами в том смысле, что капиталистический путь развития, которым шла буржуазия, стал (если перефразировать Антонио

¹ Marx and Engels (1967: 80).

² Marx and Engels (1967: 82, 84).

Грамши) «считаться и представляться движущей силой... развития всех “национальных” сил»¹.

О механизмах, посредством которых экономическая власть буржуазии превращается во власть одних народов над другими, Маркс выражается яснее, но недостаточно последовательно. Механизм, упомянутый в «Манифесте» и несколько раз в «Капитале», — это конкурентное преимущество капиталистического производства: «Низкие цены ее товаров — вот та тяжёлая артиллерия, с помощью которой [буржуазия] разрушает все китайские стены». Однако в одной из последних глав первого тома «Капитала» Маркс прямо называет Опиумные войны против Китая примером того, что военное насилие остается «повивальной бабкой» капиталистического преобразования общества в мире².

Как мы увидим дальше в главе 11, даже после того, как британские канонерки разрушили стену правительственных установлений, окружавшую китайскую рыночную экономику, британские торговцы и промышленники с трудом побеждали в конкурентной борьбе своих китайских соперников почти во всех видах деятельности. В том, что касается Китая, реальная военная сила, а не метафорический обстрел артиллерией дешёвых товаров была ключевой в подчинении Востока Западу. Если это так, нам необходимо установить, почему «нации буржуа» получают военное превосходство над «нациями крестьян» — или, точнее, сопряжено ли экономическое развитие по капиталистическому пути с наращиванием военной силы в большей степени, чем развитие по рыночному, некапиталистическому пути, и если да, то как. По этому вопросу Маркс говорит даже меньше, чем Адам Смит. Сосредоточившись исключительно на связях капитализма с индустриализмом, Маркс и вовсе не уделяет внимания тесной связи их обоих с милитаризмом. И даже об экономическом превосходстве капиталистического развития он высказывается далеко не так прямолинейно, как Хуан и Бреннер (см. главу 1).

Здесь мы подходим к третьему отличию Маркса от Адама Смита. Как было замечено в главе 2, если исследование Смита уводит его от булавочной фабрики к изучению рынка и разделения труда, то работа Маркса заводит его в сокровенные недра производства, чтобы исследовать отношения между трудом

¹ Gramsci (1971: 181–182).

² Marx and Engels (1967: 84); Marx (1959: 751).

и капиталом и техническое разделение труда. В этих «сокровенных недрах» Маркс обнаруживает, что технические и организационные изменения начинаются не просто с конкуренции между капиталистами и с возникновения новых специализированных отраслей торговли и промышленности, как уже установил Адам Смит, но и в ходе непрекращающегося конфликта капитала с рабочими из-за заработной платы и условий производства. В этом отношении концентрация производства на предприятиях, размер которых постоянно растет, и сопровождающее его все большее техническое разделение — что Адам Смит считал губительным для рентабельности и интеллектуальных качеств рабочей силы — Марксу представлялись важнейшими условиями инноваций, позволявшими капиталистам увеличивать конкурентное давление на рабочих, ставя их в уязвимое положение, когда они могут быть заменены другими рабочими, машинами и комплексом знаний, существующими в организации, которую контролирует капитал.

Если сначала «рабочий... ссужает свою производительную силу» капиталу, потому что ему не принадлежат материальные средства производства товаров, то теперь ему перестает служить сама его производительная сила, если только она не продана капиталу. Она может проявиться, продавшись капиталисту, только в тех обстоятельствах, которые имеются на данном предприятии¹.

Таково центральное положение критики политической экономии Адама Смита Марксом. Каково бы ни было влияние на рентабельность и интеллектуальные качества рабочей силы, увеличение размеров производственных единиц и развитие технического разделения труда — главные условия роста могущества и обогащения владельцев капитала относительно владельцев рабочей силы. Технические и организационные изменения не являются классово нейтральными, они суть инструменты все большего подчинения труда капиталу. Хотя этот процесс классового подчинения связан с постоянным ростом производительности рабочей силы, занятой на капиталистическом предприятии, не вполне ясно, что Маркс думал о воздействии этого процесса на экономическое развитие на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Во-первых, он прямо соглашается с Адамом Смитом, что техническое разделение труда производит разрушительное

¹ Marx (1959:360).

воздействие на мораль и интеллектуальные способности рабочей силы. Техническое разделение труда, говорит он, «превращает рабочего в какого-то урода, вызывая в нем развитие детальных навыков и подавляя целый мир производительных склонностей и способностей». Эта тенденция, в свою очередь, может стать препятствием к дальнейшему экономическому развитию, потому что непрерывное расширение и изменение разделения труда в обществе «постоянно перебрасывает массы труда и капитала из одной отрасли производства в другую» и «потому порождает с необходимостью перемену труда, разнообразие функций, постоянную мобильность рабочего» скорее, чем «уродство», производимое капиталистической формой современной промышленности¹.

Во-вторых, Маркс, кажется, соглашается с Адамом Смитом и в том, что техническое разделение труда в конечном счете не так полезно для экономического развития, как общественное разделение труда. Больше того, даже описывая, как распространялась промышленная революция в разных странах в XIX веке, он почти всегда акцентирует внимание на общественном, а не на техническом разделении труда. В его описании развитие технологий распространяется на разные сферы промышленности, которые «соединены вместе как отдельные фазы одного процесса и все же изолированы друг от друга общественным разделением труда».

Так, «машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а вместе они сделали необходимой механико-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производстве». Таким же образом революция в хлопчатобумажном прядении привела к изобретению хлопкоочистительной машины, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе. Но именно революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественного процесса производства, то есть в средствах связи и транспорта. ...Средства транспорта и связи, унаследованные со времен мануфактур, вскоре превратились в серьезную помеху для крупной промышленности с ее лихорадочным развитием и массовым характером производства, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею мировыми рыночными связями. ...Связь и транспорт были постепенно

¹ Marx (1959: 383–384).

приспособлены к крупной промышленности посредством системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфа. Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь, требовали таких циклопических машин, [которые могли быть созданы только при помощи других машин]¹.

Кроме распространения на весь мир, это конкретное описание полностью соответствует представлению Адама Смита об экономическом развитии как процессе, протекающем под воздействием растущего общественного разделения труда, включая возникновение секторов, специализирующихся на производстве средств производства, а также отдельных личностей и организаций, специализирующихся на производстве научных знаний. Если есть что-то специфически капиталистическое в этом процессе распространения промышленной революции, то это не применение наемного труда в производственных единицах, размер которых постоянно увеличивается. Скорее это саморазвитие капитала, лежащее в основе указанного процесса и постоянно нарушающее всякое равновесие между отраслями производства в определенное время: «Правда, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию... Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию является лишь реакцией на постоянное нарушение этого равновесия»². Это постоянное нарушение равновесия Шумпетер позднее назовет процессом «созидательного разрушения».

Кризисы капитализма и созидательное разрушение

Как мы уже говорили в главе 2, представление, что накопление капитала со временем уменьшает норму прибыли, постепенно завершая экономическую экспансию, — это идея не Маркса, а Адама Смита. Для Маркса эта тенденция представлялась реальным, но (в отличие от Смита) вполне преодолимым препятствием: «Воплощая в себе общую форму богатства — [то есть] деньги, капитал есть бесконечная и безграничная энергия, преодолевающая все барьеры... Всякое ограничение представляется преодолимым барьером».

«В соответствии с этой своей тенденцией капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно

¹ Marx (1959: 360–363; 486–489).

² Marx (1959: 355–356).

замкнутое в определенных границах удовлетворение потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно все это революционизирует, сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими»¹.

Этот бесконечное и безграничное движение неотделимо от склонности капиталистического производства к кризисам. Адам Смит не говорит о кризисе, когда описывает ситуацию сверхнакопления, усиления конкуренции капиталов и падения доходности — всех факторов, тормозящих развитие. Для него такое положение есть естественное следствие процесса экономического развития, ограниченного определенными географическими и институциональными условиями. Для Маркса, напротив, общее и постоянное падение нормы прибыли в экономике, где торговля, производство и накопление осуществляются ради прибыли, поневоле переживается как кризис, то есть период нестабильности и беспорядочного функционирования. Еще важнее, что, исключая возможность того, что капиталистические агенты аккумулируют деньги ради денег, или, точнее, ради той общественной и политической власти, которую они приносят, и недооценивая все большее подчинение труда капиталу в процессе производства, Адам Смит исключает и возможность так называемого кризиса перепроизводства. Маркс же, напротив, приписывает по меньшей мере такую же важность этому виду кризиса, как и кризисам, связанным со сверхнакоплением капитала и падением нормы прибыли.

Перепроизводство обусловлено особенностями основного закона производства капитала: производить до пределов, устанавливаемых производительными силами, то есть эксплуатировать максимум рабочей силы при данном количестве капитала, не принимая во внимание действительные пределы рынка или потребности, подкрепленные способностью платить; и это происходит путем... постоянного обратного превращения прибыли в капитал, в то время как, с другой стороны, масса производителей остается привязанной к среднему уровню потребления и должна пребывать в таком положении согласно природе капиталистического производства².

¹ Marx (1973: 334, 408, 410); Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов.

² Marx (1978: 465).

Понятие кризисов перепроизводства¹ (в отличие от кризисов сверхнакопления) основано на иных предположениях: о связи реальной зарплаты и роста производительности труда. Кризисы сверхнакопления происходят, потому что есть такой переизбыток капитала, стремящегося быть инвестированным по имеющимся каналам торговли и производства, что конкуренция среди владельцев капитала заставляет их поднимать заработную плату в соответствии с ростом производительности труда или даже быстрее. Кризисы перепроизводства, напротив, происходят тогда, когда владельцы капитала так успешно повышают конкурентное давление на труд, что реальные зарплаты не могут повышаться столь же быстро, как растет производительность труда, поэтому спрос не растет вместе с предложением.

Как считает Пол Суизи (Paul Sweezy), представление, что реальные зарплаты не растут вместе с производительностью труда, больше согласуется с теорией Маркса о все большем подчинении труда капиталу, чем с противоположным представлением². Но нас здесь не интересует последовательность теории Маркса². Во всяком случае, для наших целей в представлении Маркса о капиталистических кризисах важно не их происхождение, но их следствия — тот факт, что Маркс считал их временем фундаментальной капиталистической реорганизации.

Подобно Адаму Смиту, Маркс подчеркивает, как постоянное и всеобщее падение нормы прибыли превращает конкуренцию между капиталистами из игры, приносящей положительный результат, когда капиталы выигрывают от экспансии друг друга, в игру с нулевой (или даже отрицательной) суммой, то есть в жестокую конкуренцию, первейшей целью которой является вытеснение конкурирующего капитала из бизнеса, даже если для этого надо временно пожертвовать собственными прибылями. Такая трансформация возможна, поскольку существует избыточный капитал, который стремится быть инвестированным в покупку или продажу товаров сверх того уровня, который помешал бы падению нормы

¹ Sweezy (1946: 100–108, 133–186).

² Как указывает сам Суизи, вопрос, препятствует или нет использование техники либо других трудосберегающих устройств росту зарплат, соответствующему росту производительности труда, нельзя разрешить на общих теоретических посылах. Sweezy (1946: 105–106). Как мы увидим в главах 5 и 6, ответ на этот вопрос можно найти опытным путем.

прибыли ниже «разумного» или «терпимого». Чтобы помешать или противодействовать такому падению, избыточный капитал должен быть вытеснен.

«Пока все идет хорошо, — писал Маркс, — конкуренция действует как осуществленный на практике братский союз класса капиталистов, так что они делят между собой общую добычу пропорционально доле, вложенной каждым. Но как только речь заходит о распределении не прибыли, а убытка, всякий стремится насколько возможно уменьшить свою долю убытка и взвалить ее на другого. Для всего класса капиталистов убыток неизбежен. Но какая доля придется на каждого отдельного капиталиста, насколько вообще должен разделять его каждый отдельный капиталист, зависит от силы и хитрости, и конкуренция превращается в борьбу враждующих собратьев. При этом дает себя знать противоположность интересов каждого отдельного капиталиста и всего класса капиталистов совершенно так же, как раньше практически прокладывала себе путь через конкуренцию тождественность этих интересов»¹.

Падение нормы прибыли и усиление конкурентной борьбы, однако, не заканчиваются стабилизацией. Напротив, они ведут к разрушению социальной структуры, в рамках которой происходило накопление, и к созданию новой структуры. В изложении Маркса это созидательное разрушение принимает три основные формы: увеличение размера капиталов и реорганизация бизнеса; формирование избытка населения и новое международное разделение труда; появление новых, более крупных центров накопления капитала. Рассмотрим кратко каждую.

Маркс различает *концентрацию* капитала — увеличение размеров отдельного капитала вследствие накопления — и *централизацию* капитала, которая превращает «множество мелких [капиталов] в несколько крупных». Когда конкуренция усиливается и норма прибыли падает, «капиталы мелких капиталистов отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают»: «Под так называемым избытком капитала всегда подразумевается, по существу, избыток такого капитала, для которого снижение нормы прибыли не уравнивается ее массой... или избыток таких капиталов, которые сами по себе не способны к самостоятельным действиям

¹ Marx (1962: 248).

и предоставляются в форме кредита в распоряжение заправил крупных отраслей производства»¹.

Решающей в этом отношении является роль кредитной системы, которая «становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и в конце концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов». Централизация, в свою очередь, расширяет и ускоряет технологические и организационные перемены: «Накопление... есть крайне медленный процесс по сравнению с централизацией... Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг»².

Централизация и реорганизация капитала происходят одновременно с формированием резервной армии труда и реорганизацией международного разделения труда. Распространение и ускорение технологических и организационных преобразований направляет капиталистическое развитие к капиталоемкому и трудосберегающему производству, создавая «относительно избыточное рабочее население» — по сравнению со средней потребностью капитала в росте. Это избыточное население затем используется для новых циклов капиталистического развития еще в большем масштабе. «Масса общественного богатства, возрастающая в процессе накопления и способная превратиться в добавочный капитал, бешено устремляется в старые отрасли производства, рынок которых внезапно расширяется, или во вновь открывающиеся, как железные дороги и т. д.», потребность в которых возникает из развития старых отраслей производства. Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросить в решающие пункты большую массу людей. Ее доставляет перенаселение»³.

Производя «неограниченный» запас трудовых ресурсов самостоятельно, то есть в результате развития самого капиталистического производства, «современная промышленная система... приобретает ту эластичность, ту способность к быстрому, скачкообразному расширению, пределы которой ставятся

¹ Marx (1959: 625–626; 1962: 246).

² Marx (1959: 626–628).

³ Marx (1959: 628–632).

лишь запасами сырья и рынком сбыта». И тем не менее этот предел есть не что иное, как следующий барьер, который надо будет преодолеть. Развитие техники не только «непосредственно ведет к увеличению объемов используемого сырья, как, например, хлопкоочистительные машины позволили увеличить производство хлопка», — дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и связи служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая там ремесленное производство, использование машинного оборудования принудительно превращает эти рынки в места производства соответствующего сырья: «Например, Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, пеньку, джут, индиго и т. д. Происходящее в странах крупной промышленности постоянное превращение рабочих в “избыточных” порождает усиленную эмиграцию и ведет к колонизации чужих стран, которые становятся плантациями сырья для метрополии, как Австралия, например, превратилась в место производства шерсти. Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее одну часть земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства»¹.

Маркс повторяет здесь мысль, высказанную в «Манифесте»: низкие цены современной промышленности — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой европейская буржуазия покоряет и реструктурирует мировой рынок. В этом контексте, однако, разрушение некапиталистических экономик других стран и колонизация чужих земель через расселение там избыточного населения создает не новый мир по образу буржуазной Европы, как в «Манифесте», но мир поставщиков сырья для нужд европейской промышленности. Ниже мы вернемся к этой несообразности, которая отражает совершенно иной результат европейского передела мира в рыночные экономики посредством расселения европейцев, как в обеих Америках, и в рыночные экономики, давно уже попавшие в смитовскую западню — ловушку в высокой точке равновесия, — как Индия и Китай. Пока же заметим, что наблюдение Маркса, будто кредит — это «колоссальный социальный механизм для централизации капиталов», относится не только к

¹ Marx (1959: 450–451).

капиталам, работающим в одной политической юрисдикции, но также к капиталам, функционирующим между разными юрисдикциями.

Здесь мы подходим к третьему важному результату Маркса процесса созидательного разрушения. Поскольку план исследования, как он осуществлялся в «Капитале», абстрагируется от роли государств в экономическом процессе, Маркс останавливается на государственных долгах и кредитной системе в главе о «первоначальном накоплении», то есть «накоплении, являющемся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом». Он тем не менее признает, что государственные долги все больше становились средством перемещения избыточного капитала из угасающих центров накопления капитала в развивающиеся: «Вместе с государственным долгом создается международная кредитная система, которая часто скрывает один из источников первоначального накопления в той или иной стране. Так, гнусности венецианской системы грабежа составили подобное скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой пришедшая в упадок Венеция ссужала крупные денежные суммы. Таково же отношение между Голландией и Англией. Уже в начале XVIII века... Голландия перестала быть господствующей торговой и промышленной нацией. Поэтому одним из главных ее предприятий становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке — Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами»¹.

Маркс не делает никаких теоретических выводов из этих исторических наблюдений. Несмотря на то что он уделяет много внимания «денежно-торговому капиталу» в третьем томе «Капитала», он так и не вычленяет государственные долги из более общего механизма накопления, «являющегося не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом». И тем не менее в приведенном отрывке то, что представляется «исходным пунктом» возникавших центров (Голландия, Англия, Соединенные Штаты), есть также «результат» долгих периодов накопления капитала в действующих центрах (Венеция, Голландия, Англия). В одном важном отношении понятие национального развития имплицитно содержится в приведенном

¹ Marx (1959: 713, 755–756).

историческом наблюдении и совпадает с таким же понятием Адама Смита, поскольку признает, что имеют значение размеры соответствующих юрисдикционных «вместилищ», в которых происходит накопление капитала. Хотя все четыре «вместилища» (Венеция, Голландия, Англия и Соединенные Штаты) развивались по пути, основанному на внешней торговле, — пути, который Адам Смит называет неестественным, а Маркс — капиталистическим, со временем они стали слишком маленькими для «бесконечного» накопления капитала и начали демонстрировать постоянное падение прибыли. Еще при жизни Маркс увидел начало такого падения в Англии. Во второй части настоящей книги мы покажем, что постоянное падение прибыли происходило не только в Великобритании, но столетие спустя также в Соединенных Штатах.

Несмотря на свои оптимистические ожидания в связи с неисчерпаемой энергией капитализма, позволяющей ему преодолеть все барьеры и ограничения, Маркс должен был признать, что исторически эта энергия была ограничена в пространстве и институционально, о чем говорил Адам Смит. Впрочем, это утверждение верно, только если мы будем рассматривать Марксов список ведущих капиталистических государств как последовательность отдельных географически и во времени ограниченных эпизодов развития капиталистического производства. Но если мы посмотрим на эту последовательность как на связанные между собой стадии капиталистического развития в мировом масштабе, мы получим иную картину — картину, которая вновь подтверждает идею, что энергия капитализма преодолевает все преграды. Маркс неявно соглашается с Адамом Смитом, что все юрисдикционные «вместилища», в рамках которых развивались ведущие капиталистические структуры всех эпох, со временем оказывались перенасыщены капиталом, пережили падение прибыльности и тенденцию к стагнации. Тем не менее он рассматривает кредитную систему как возможность для капитала избежать стагнации посредством миграции в структуру большего размера, чем были Соединенные Штаты по отношению к Англии, Англия по отношению к Голландии и Голландия по отношению к Венеции, и там самораспространение капитализма могло

возобновиться в большем масштабе. Так что даже для Маркса тенденция к бесконечному распространению капитализма реализуется в масштабах всего мира, а не в отдельном государстве.

Шумпетер, вводя понятие *созидательного разрушения*, как он и сам признает, покрывает только небольшой сегмент рассмотренного Марксом, но вводимое им понятие становится ключевым и позволяет понять то, что оказалось на заднем плане исследования Маркса, или то, что он понял неверно. Например, он считает процветание и депрессию двумя сторонами процесса созидательного разрушения. Для Шумпетера постоянное разрушение старых экономических структур и создание новых путем инноваций не только является «самым важным непосредственным источником прибыли, он также опосредованно производит (благодаря запущенному им процессу) большую часть тех ситуаций, из которых возникают неожиданные прибыли и потери и в которых спекулятивные операции приобретают значительный размах»¹. В этом процессе исключительные прибыли — «огромные премии, несоизмеримые с затратой сил, достигающиеся незначительному меньшинству» — играют двойную роль: «Они обеспечивают постоянное стремление к инновациям, а также стимулируют (гораздо действеннее, чем это сделало бы более «справедливое», уравнилельное распределение) постоянную активность подавляющего большинства предпринимателей, которые получают весьма скромное вознаграждение, либо вовсе ничего, либо даже убытки, но, несмотря на это, прилагают максимум усилий, потому что большие призы у них перед глазами, а свои шансы получить их они переоценивают»².

Однако вместо получения огромных премий «подавляющее большинство», действующее «в поле», запускает конкуренцию, которая не просто уничтожает чрезмерную прибыль, но и повсеместно производит потери, разрушая существующие производственные объединения. Соответственно Шумпетер разделяет постоянное действие процесса созидательного разрушения на две фазы: собственно революционную фазу и фазу освоения результатов революции: «В начале этих перемен происходит оживление инвестиций и наступает “процветание”... Когда процесс изменений подходит к концу, а их результаты широким

¹ Schumpeter (1954b: 83; 1964: 80).

² Schumpeter (1954b: 73–74).

потоком поступают на рынок, устаревшие элементы промышленной структуры устраняются, и господствует «депрессия»»¹.

В представлении Шумпетера инновации, ориентированные на получение прибыли (и их воздействие на конкурентное давление), группируются *во времени*, производя колебания в экономике в целом — от долгих периодов преимущественного «процветания» до долгих периодов преимущественной «депрессии».

Но, как заявлено в другом месте, можно также предположить, что они группируются *в пространстве*, так что в приведенной цитате мы можем подставить вместо «где» «пока», и прочитать ее как описание географической поляризации зон преимущественного «процветания» и преимущественно «депрессивных» зон².

Несмотря на частое упоминание промышленных структур, шумпетеровское понятие созидательного разрушения имеет еще то преимущество, что определяет инновации, которые лежат в основе этого процесса, как «осуществление новых комбинаций». Здесь подразумеваются не только технологические и организационные нововведения в промышленности, но все коммерческие нововведения: открытие нового рынка, нового торгового пути, новых источников сырья, размещение на рынке нового продукта или учреждение нового предприятия по закупке или продаже товаров, которые могут вводить экономику в новые русла. Людей, которые осуществляют это, Шумпетер называет предпринимателями; они могут быть, а могут и не быть капиталистами в том смысле, что имеют в своем распоряжении существенный объем средств производства и оплаты. Предпринимателями он называет тех, кто способен увидеть возможность получения сверхприбыли и воспользоваться ею, для этого они меняют установившееся течение экономической жизни. В качестве иллюстрации Шумпетер указывает на современный тип «индустриального магната», «в особенности если он понимает, что не отличается, с одной стороны, скажем, от венецианского торговца XII века... а с другой — от сельского собственника, который не только занимается земледелием и торгует скотом, но имеет, скажем, пивоварню, постоянный двор и лавочку».

Каким бы ни был конкретный человек, предпринимателем, по определению Шумпетера, можно считать только то лицо, которое «осуществляет новую комбинацию», — и оно

¹ Schumpeter (1954b: 68).

² Arrighi, Silver and Brewer (2003: 17–18). См. также главы 8 этой книги.

перестает быть таковым, когда учреждение или «дело» начинает дальше функционировать в рамках кругооборота»¹.

Капиталисты, будучи обладателями денег, притязаний на деньги или материальных товаров, сами могут осуществлять предпринимательские функции, но не эти функции являются для них определяющими. Их специфические функции состоят в том, чтобы обеспечивать предпринимателей средствами оплаты, необходимыми для направления экономической системы в новые русла. Обычно это делается путем кредитования; и поскольку все резервные фонды и сбережения обычно перепадают в институты кредитования, общий спрос на покупательную способность, настоящий или будущий, сосредоточивается в этих институтах, «банкир» является «капиталистом par excellence. Он стоит между теми, кто хочет осуществлять новые комбинации, и владельцами средств производства».

Предоставление кредита в этом смысле действует как приказ экономической системе приспособливаться к целям предпринимателя, как заказ на товары, в которых он нуждается: это означает вручение ему производительных сил².

Производители и коммерсанты, покупая власть, встречаются с предпринимателями на денежном рынке и рынке капитала, где они обменивают настоящую власть на будущую: «В ежедневной ценовой борьбе двух партий решается судьба новых комбинаций».

Все планы и взгляды на будущее экономической системы влияют на [денежный рынок], все условия национальной жизни, все политические, экономические и природные явления... «Рынок денег всегда является как бы штабом капиталистической экономики, откуда исходят приказы ее отдельным отраслям, там, по сути дела, обсуждается и принимается план дальнейшего развития»³.

¹ Schumpeter (1961: 66, 78, 131–136). Шумпетер подчеркивает, что «предпринимательство — особый дар, свойство человеческого характера, никоим образом не зависящее от классовой, социальной принадлежности», предприниматели — это не класс, как землевладельцы, капиталисты или рабочие. Они могут быть выходцами из любого класса общества и, если они успешны, занимают более привилегированное положение. Но «классовое положение, которого они могут достигнуть, — это не положение предпринимателя, но положение землевладельца или капиталиста, соответственно тому, где он преуспел». Schumpeter (1961: 78–79).

² Schumpeter (1961: 69, 74, 107).

³ Schumpeter (1961: 125–126; выделено мной).

Как бы ни отличались представления о капиталистическом развитии Маркса и Шумпетера, они скорее дополняют друг друга, а не противоречат один другому. Шумпетер сам признавался: все, что можно сказать о достижениях капитализма, основано на идеях «Манифеста коммунистической партии», «который представляет собой, хотя и краткий, отчет о блестящих достижениях капитализма»¹. И в самом деле, я не могу найти в описании Шумпетером созидательного разрушения ничего, с чем бы не мог согласиться Маркс. Различия между Шумпетером и Марксом в основном состоят в различии тех противоречий и тех агентов, которые в будущем приведут к замене капитализма как социальной системы. Но на то, что касалось динамики капитализма, они просто смотрели с разных точек зрения и поэтому видели разные, но совместимые стороны этого явления².

Реприза и предварительный обзор

Наше концептуальное переформулирование «неестественного» пути развития Адама Смита как пути капиталистического предполагает, что уход Европы от ловушки в высокой точке равновесия придуман не в XIX веке: уходу от промышленной революции XIX века предшествовали и подготовили его предыдущие уходы, осуществленные благодаря масштабным реорганизациям центров и систем европейского капитализма. Эта тенденция неотделима от того, что выделяли и Смит, и Маркс как главную особенность европейского пути: его ориентированность вовне, его погруженность в мировой рынок и «обратное» направление его развития от внешней торговли к промышленности, к сельскому хозяйству. В этой перспективе практика поиска истоков капиталистической динамики (или ее отсутствия) в сельском хозяйстве неверна. Если использовать дорогую Франку метафору, эти исследователи ищут потерянные часы не под тем фонарем: богатство и сила европейской буржуазии зародились не в сельском хозяйстве, а в международной, внешней торговле; и даже промышленность стала основой ее процветания только спустя несколько столетий³.

¹ Schumpeter (1954b: 7).

² См.: Elliott (1980).

³ См. Arrighi (1994: гл. 2–3) и главу 8 этой книги. О «потерянных часах» см.: Frank (1998: 338–339).

Столь же ошибочно широко распространенная практика приписывать капиталистическому развитию на национальном уровне черты, которые исторически характеризовали капиталистическое развитие на мировом уровне, и наоборот. Марксова теория централизации капитала и роста технического разделения труда на все увеличивающихся производственных единицах, например, действительна только на глобальном уровне. Хотя железные дороги были изобретены и впервые появились в Великобритании, только после введения железнодорожных перевозок на гораздо больших географических просторах (в Соединенных Штатах) — а решающую роль в этом сыграл британский избыточный капитал — это нововведение привело к реорганизации капитала в вертикально интегрированные корпорации. И если бы центр капиталистического развития не переместился из Великобритании в Соединенные Штаты, большой скачок вперед в техническом разделении труда, вызванный этой реорганизацией, мог бы не совершиться. В самом деле, несмотря на промышленную революцию (а возможно, благодаря ей) на протяжении XIX века Великобритания переживала консолидацию семейного капитализма и уменьшение (а не увеличение) вертикальной интеграции производственных процессов¹.

Наоборот, точка зрения, будто развитие капиталистического производства предполагает отделение сельскохозяйственных производителей от средств производства их пропитания, которую Бреннер заимствовал у Маркса, имеет некоторый смысл как описание условий, способствовавших развитию капитализма в Великобритании. На глобальном уровне, однако, такое отделение представляется скорее *следствием* капиталистического созидательного разрушения — а именно плодом относительного избытка населения, — нежели его предпосылкой. Во всяком случае, это определено не было предпосылкой развития капиталистического производства в других европейских странах, таких как Франция и Швейцария, или в Соединенных Штатах, где сельскохозяйственные основания величайших технических и организационных прорывов в истории капитализма были заложены истреблением туземного населения, насильственным

¹ О роли железных дорог в усилении вертикальной интеграции и о бюрократическом управлении капиталистического предприятия см.: Chandler (1977: гл. 3–5). О роли семейного бизнеса и ослаблении вертикальной интеграции в Британии XIX века см.: Arrighi and Silver (1999: ch. 2).

перемещением поработенных африканцев и переселением туда избыточного европейского населения.

Трудности, с которыми столкнулся Франк, когда захотел установить капиталистическую природу европейского пути развития, заставили его вести поиск примерно так же, как «алхимики искали философский камень, который превращал бы простой металл в золото»¹. Неудача Франка вполне понятна, он не отступает от твердых эмпирических обоснований, отвергая попытки свести различия между европейским и восточноазиатским путями развития к наличию «капиталистов» в одном регионе и их отсутствию в другом. Как заметил Уильям Роу (William Rowe) и как подтверждается нашими выкладками в главе 11, «какова бы ни была причина, различия между китайской и западной общественной историей с 1500 года объясняются не тем, что Запад открыл капитализм и современное государство, а Китай — нет»².

Как мы собираемся детально обсудить позднее, в главе 11, та черта, которая позволяет нам различать европейский и восточноазиатский рыночные пути развития, заключается не в наличии особого бизнеса или правительственных институтов как таковых, но в их комбинации в различных властных структурах. Так, Адам Смит отличает «неестественный» путь развития от «естественного» не по тому, что у первого больше капиталов, но по тому, что капиталы обладают большей властью навязывать свой классовый интерес в ущерб национальному интересу. При капиталистическом пути Маркса (и «неестественном» пути Адама Смита) эта бо льшая власть превратила государство в «исполнительный комитет буржуазии». И хотя это в лучшем случае преувеличение, а в худшем — искаженная характеристика большинства европейских государств, здесь, возможно, мы имеем вполне точное описание всякого государства — лидера на европейском пути развития. Как сказал Фернан Бродель (Fernand Braudel), «капитализм торжествует лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством. Во время первой большой фазы его развития в городах-государствах Италии — Венеции, Генуе, Флоренции — власть принадлежала денежной элите. В Голландии XVII века регенты-

¹ Франк (1998: 332) цитирует Чаудхури (1990: 84), приводя сравнение с изысканиями алхимика.

² Rowe (1990: 262).

аристократы управляли страной в интересах дельцов, негоциантов и крупных финансистов и даже по прямым их указаниям. В Англии после революции 1688 года власть оказалась в ситуации, подобной голландской»¹.

За исключением добавленных к Венеции Генуи и Флоренции в отсутствие позднейшего лидера капиталистического развития, Соединенных Штатов, здесь мы видим ту же последовательность угасающих и возникающих капиталистических центров, которые, по Марксу, были связаны друг с другом оборотом избыточного капитала через международную кредитную систему. Государства, представленные здесь как капиталистические: итальянские города-государства, протонациональное голландское государство и, наконец, английское государство, бывшее в стадии становления, не просто национальное государство, но центр кругосветного мореходства и империя на суше, — все они были больше и сильнее своих предшественников. Мы убеждены, что именно в этой *последовательности* бесконечного накопления капитала и власти европейский путь развития предстает как «капиталистический» и наоборот: отсутствие чего-либо, сравнимого с такой последовательностью, в Восточной Азии можно считать безусловным указанием на то, что до Великого расхождения восточноазиатский путь развития был столь же рыночным, как и европейский, но не имел капиталистической динамики.

Здесь надо отметить, что эта особенность европейского пути развития может быть понята только в связи с двумя другими тенденциями. Одна из них состоит в том, что кризисы сверхнакопления приводят к продолжительным периодам финансовой экспансии, которая, если перефразировать Шумпетера, дает средства оплаты, необходимые для направления экономической системы по новому руслу. Как подчеркивает Бродель, эта тенденция не была открытием XIX века. В Генуе XVI века и в Амстердаме XVIII века, не в меньшей степени, чем в Великобритании конца XIX века или в Соединенных Штатах конца XX века, «вслед за периодом роста... и накоплением большего объема капитала, чем можно прибыльно реинвестировать по обычным каналам, финансовый капитализм оказался в таком положении, когда готов был доминировать, по крайней мере в течение некоторого времени, над всеми

¹ Braudel (1977: 64–65).

видами деятельности делового мира»¹. И хотя поначалу это господство, казалось бы, поддерживает уже сложившиеся капиталистические центры, со временем оно становится источником политической, экономической и социальной нестабильности, когда разрушаются существующие социальные структуры накопления; «штаб-квартиры капиталистической системы», как выражался Шумпетер, перемещаются в новые центры и создаются более всеобъемлющие социальные структуры накопления под руководством все более сильных государств². Отвечает ли этой модели, и если да, то в какой степени, финансовая экспансия, которую возглавили США в 1980–1990-е годы — этот вопрос мы рассмотрим во второй части этой книги.

Однако ни периодическая финансовая экспансия исторического капитализма, ни появление все более мощных капиталистических государств тем не менее не могут быть поняты вне их связи с другой тенденцией — интенсивной межгосударственной конкуренцией за мобильный капитал, конкуренцией, которую Макс Вебер назвал «всемирно-исторической особенностью [современной] эпохи»³. Эта тенденция является ключевой для ответа на вопрос об отношениях между капитализмом, индустриализмом и милитаризмом, вопрос, который был попутно поднят Адамом Смитом и о котором не сказано ничего интересного ни у Маркса, ни у Шумпетера. Как мы отмечали в главе 2, наблюдение Адама Смита, что большая стоимость современных военных действий дает богатым народам военное преимущество над бедными народами, ставит перед нами два тесно связанных между собой вопроса.

¹ Braudel (1984: 604).

² О разных аспектах такого развития см.: Arrighi (1994) and Arrighi and Silver (1999).

³ Weber (1978: 354). По Веберу, если в преддверии Нового времени создание всемирных империй уничтожало свободу и власть городов, составлявших основной объект капиталистической экспансии, то в современную эпоху эти объекты попали под влияние «конкурирующих национальных государств, постоянно пребывающих в состоянии борьбы за власть как мирными, так и военными средствами... Отдельные государства должны конкурировать за мобильный капитал, что диктует им условия, при которых он поможет им достичь власти». Именно конкурентная борьба дает величайшие возможности современному капитализму. Weber (1961: 249).

Первый: при той роли, которую промышленное производство, внешняя торговля и мореплавание играют в «неестественном» пути развития — который мы вслед за Марксом переименовали в капиталистический, — не приобретают ли страны, идущие по этому пути, военное превосходство не только над относительно бедными странами, но и над богатыми рыночными экономиками, развивающимися «естественным» (по Адаму Смиту) путем? И второй: если богатство, приобретаемое на пути капиталистического развития, есть источник военной силы и если превосходство в военной силе послужило причиной того, что европейцы смогли воспользоваться преимуществами большей интеграции мировой экономики за счет неевропейских народов, как утверждает Адам Смит, что может помешать этой интеграции воспроизводить общее действие положительной обратной связи обогащения и усиления народов европейского происхождения и порочный круг обеднения и ослабления большинства других народов?

Ответы на эти вопросы будут даны в третьей и четвертой частях этой книги. В третьей части мы специально уделим внимание «бесконечному» накоплению капитала и власти на капиталистическом пути, кульминацией каковых процессов стала попытка США установить впервые в мировой истории действительно глобальное государство. Мы покажем, что синергия капитализма, индустриализма и милитаризма, подстегиваемых межгосударственной конкуренцией, действительно установила положительную обратную связь обогащения и усиления для народов европейского происхождения и соответствующую порочную связь обнищания и ослабления для большинства других народов. С этой тенденцией тесно связана тенденция к географической поляризации процесса созидательного разрушения с выделением зоны преимущественного процветания, которая со временем стала мировым Севером, и преимущественно депрессивной зоны, которая со временем стала мировым Югом. Мы также постараемся показать, что, во-первых, эта поляризация ставит исключительно трудноразрешимые вопросы социальной и политической легитимности воспроизведения доминирующего положения Севера, и что, во-вторых, попытка Соединенных Штатов разрешить эти проблемы насильственным путем произвела обратное действие и предоставила беспрецедентные возможности для социального и экономического усиления народов мирового Юга.

Четвертая, заключительная часть книги посвящена главным образом всемирно-историческим условиям, которые позволили Китаю стать пионером этого усиления. Идея Сугихары, что острое соперничество Соединенных Штатов с Советским Союзом во время холодной войны и волна национализма в бывших колониях создали в Восточной Азии благоприятные геополитические условия для соединения двух путей развития: через Революцию прилежания и через промышленную революцию, будет переформулирована в моих терминах и развита в двух новых направлениях. Во-первых, я считаю, что пути Революции прилежания и промышленной революции определились в противоположных геополитических условиях, которые сложились в Восточной Азии и Европе в ходе того, что Бродель называет долгим XVI веком, имея в виду европейскую историю (1350–1650)¹, почти точно соответствующим эпохе Мин восточноазиатской истории (1368–1643). Я покажу, что эта разница в геополитических условиях просто и убедительно объясняет, как оформились два разных пути развития в Европе и в Восточной Азии, что в свое время привело к Великому расхождению. Но я также утверждаю, что превосходство европейского пути над восточноазиатским зависело исключительно от совокупности финансовых и военных возможностей, которые было трудно сохранять во все более интегрирующейся и конкурентной мировой экономике. Как только в конце XX века это синергическое действие финансовых и военных возможностей прекратилось, сначала Япония, а затем Китай пошли по пути смешанного, основанного на рынке, пути развития, который, если перефразировать Фейрбенка, до сих пор озадачивает людей как в Китае, так и за его пределами.

¹ Braudel (1984: 79).

Часть II

Наблюдения за глобальной нестабильностью

Глава 4

Экономика глобальной нестабильности

«Депрессия, — писал Торстейн Веблен (Thorstein Veblen) вскоре после того, как закончилась Великая ценовая депрессия 1873–1896 годов, — есть прежде всего болезнь чувств деловых людей. В этом и заключается трудность. Застой в промышленности и невзгоды, которые переживают рабочие и другие классы, — это всего лишь симптомы и побочные явления», а потому и лекарства, чтобы быть эффективными, должны «воздействовать на этот эмоциональный источник беспокойства... и восстанавливать прибыль до разумных величин»¹. В период между 1873-м и 1896 годами цены падали неравномерно, но неумолимо, обнаруживая «самую отчаянную дефляцию на памяти людей», как выразился Дэвид Ландес (David Landes). Вместе с ценами падала процентная ставка — и «экономисты-теоретики даже начали рассматривать возможность, что капитала станет так много, что он превратится в бесплатный товар. Прибыли сокращались, а депрессии, ставшие регулярными, кажется, продолжались бесконечно. Создавалось впечатление, что экономическая система истощается»².

В действительности же экономическая система не «истощалась». Продолжали расти производство и инвестиции не только в новых индустриальных странах того времени (в особенности в Германии и Соединенных Штатах), но и в Великобритании — так что одновременно с Ландесом другой историк смог заявить, что Великая ценовая депрессия была лишь «мифом»³. Тем не менее, как полагает Веблен, нет противоречия в том, чтобы констатировать Великую депрессию при одновременном росте производства и инвестиций. Напротив, Великая депрессия не была мифом именно потому, что производство и торговля в Великобритании и в мировой экономике вообще выросли и все еще росли слишком быстро для того, чтобы поддерживать прибыль на том уровне, который можно было считать «разумным».

Масштабнейшее расширение мировой торговли в середине XIX века непосредственно привело в рамках целой системы к усилению конкурентного давления на структуры, в которых происходило накопление капитала. Постоянно растущее количество коммерческих предприятий из все большего числа

¹ Veblen (1978: 241).

² Landes (1969: 231).

³ Saul (1969).

районов мировой экономики с экономическим центром в Соединенном Королевстве мешали друг другу инвестировать в производство и реализовывать продукцию, разрушая, таким образом, прежние «монополии» — то есть более или менее исключительный контроль над определенными нишами рынка.

Этот переход от монополии к конкуренции был, возможно, самым важным фактором, определявшим настроение европейского промышленного и коммерческого предпринимательства. Экономический рост принял теперь форму экономической борьбы, которая должна была отделить сильных от слабых, обескуражить одних и ободрить других, благоприятствовать новым нациям... за счет старых. Оптимизм относительно будущего бесконечного прогресса сменился неопределенностью и ощущением агонии¹.

Но затем совершенно неожиданно, как по волшебству, колесо сделало еще один поворот. В конце века цены начали расти, а с ними и прибыль. По мере того как бизнес становился все более успешным, возвращалась уверенность — не та нестойкая и неуловимая уверенность, которая возникала при кратких подъемах, случавшихся во мраке предшествовавших десятилетий, но общая эйфория, какой не было с начала 1870-х годов: казалось, что все снова в порядке — несмотря на бряцание оружием и мрачные пророчества марксистов, что капитализм вступил в свою «последнюю стадию». Повсюду в Западной Европе эти годы остались в памяти как добрые старые дни — Эдвардианская эпоха, *la belle époque*².

Как мы увидим позднее, не было ничего волшебного ни в том, что прибыль снова достигла «разумного» уровня, ни в последовавшем выздоровлении британской и западной буржуазии от болезни, вызванной «чрезмерной» конкуренцией. Пока же заметим, что не для всех эти времена (1896–1914) были прекрасными. Больше всех от возрождения выиграла Великобритания, и хотя она утрачивала свое первенство в промышленности, на первое место вышли ее финансы, и оказываемые ею услуги морского перевозчика, трейдера, страховщика и посредника в мировой системе платежей стали важны как никогда³. Впрочем, в самой Великобритании в выигрыше оказались не все: с середины 1890-х реальные зарплаты в целом уменьшились, притом что они быстро росли в течение 50 лет до того⁴. *Belle époque* стала

¹ Landes (1969: 240).

² Landes (1969: 231).

³ Hobsbawm (1968: 125).

⁴ Saul (1969: 28–34); Barrat Brown (1974: Table 14).

временем, когда прекратилось улучшение экономического положения рабочего класса, бывшего тогда основным двигателем развития, что, без сомнения, создавало дополнительное напряжение у снова ввавшей в эйфорию британской буржуазии. Вскоре, однако, «бряцание оружием» вышло из-под контроля, провоцируя кризис, из которого мировая британоцентричная капиталистическая система так никогда и не выйдет.

Произведенный Робертом Бреннером анализ того, что он называет устойчивой стагнацией 1973–1993 годов, и последующего «возрождения» Соединенных Штатов и мировых экономик не относится к этому раннему периоду развития мирового капитализма — с депрессией, возрождением и кризисом, — но Бреннер постоянно сравнивает эти два периода¹. Поэтому я возьму за отправную точку сравнительный анализ двух долгих периодов глобальной нестабильности, отстоящих друг от друга на сто лет, имея в виду определить, что стало действительно новым и аномальным в глобальной нестабильности наших дней. В этой главе я реконструирую построение Бреннера, останавливаясь на самых интересных и важных аспектах. В главе 5 я вновь возвращаюсь к Бреннеру и постараюсь критически оценить недостатки и ограниченность его построения, а в главе 6 я включаю эту критику в собственную интерпретацию глобальной нестабильности, подготовившей почву и для «окончательного кризиса» гегемонии Соединенных Штатов, и для экономического возрождения Восточной Азии. В заключении части II я выявляю связи моей аргументации глобальной нестабильности с теоретическими построениями, которые были развиты в первой части этой книги.

Неравномерное развитие: от бума к кризису

Бреннер полагал, что и продолжительный подъем 1950–1960-х годов, и кризис прибыльности, положивший этому подъему конец в 1965–1973 годах, происходили из того, что он называет неравномерным развитием. По Бреннеру, неравномерное развитие — это процесс, в ходе которого замедления в развитии капиталистического производства могут быть преодолены

¹ Brenner (1998; 2002; 2006). В издании 2006 г. (опубликованном как специальный выпуск *New Left Review*) объемная рукопись 1998 г. снабжена новыми предисловием и послесловием. В тех случаях, когда я не обращаюсь к предисловию и послесловию, я делаю ссылки на издание 1998 г.

и преодолеваются лидерами этого развития¹. Сосредоточившись на Германии и Японии, наиболее успешно преодолевших отставание после Второй мировой войны и сравнявшихся в достижениях с Соединенными Штатами, Бреннер заявляет, что эти две страны смогли соединить высокопродуктивные технологии, предложенные впервые Соединенными Штатами, с широким привлечением низкооплачиваемой и быстро приспособившейся рабочей силы, которой было в избытке в сельскохозяйственном секторе и в секторе малого бизнеса, что увеличивало норму прибыли и капиталовложения. На протяжении 1960-х годов эта тенденция не оказала отрицательного влияния на производство и прибыль Соединенных Штатов, потому что «товары, произведенные за рубежом, по большей части не могли конкурировать на рынке Соединенных Штатов и потому, что сами американские производители мало зависели от продаж за рубежом»².

В самом деле, хотя «неравномерное экономическое развитие действительно вызвало относительный спад экономики Соединенных Штатов, оно же стало условием устойчивой жизнеспособности главных сил политической экономии внутри США».

Американские мультинациональные корпорации и международные банки, нацеленные на расширение своей зарубежной деятельности, нуждались в прибыльных рынках сбыта для своих прямых иностранных инвестиций. Американским промышленникам при увеличении экспорта было необходимо, чтобы за границей быстро рос спрос на их товары. Имперское американское государство, стремившееся «сдерживать коммунизм» и сделать мир безопасным для свободного предпринимательства, считало экономический успех своих союзников и соперников основой политической консолидации капиталистического порядка после войны... Все эти силы, таким образом, в реализации своих

¹ Brenner (1998: 39–137; 2002: 9–24). Употребляя выражение «неравномерное развитие», Бреннер повторяет его вслед за Троцким и Лениным, но у него «неравномерное развитие» решительно отличается от более широко употребляемого теперь, обозначающего тенденцию капиталистического развития к поляризации и диверсификации географического пространства. См. об этом: Amin (1976) и Smith (1984). Если специально не оговорено иное, я употребляю это выражение в бреннеровском смысле.

² Brenner (1998: 91–92).

собственных целей зависели от экономического динамизма Европы и Японии¹.

Короче говоря, до начала 1960-х годов неравномерное развитие в целом было игрой с ненулевой суммой, поддерживавшей «симбиоз, пусть и в высшей степени конфликтный и нестабильный, ведущей страны и ее последователей, тех, кто рано вступил в процесс экономического развития, и тех, кто к нему присоединился позднее, гегемона и остальных»². Перефразируя данную Ландесом характеристику Великой ценовой депрессии 1873–1896 годов, можно сказать, что это еще не было «экономической борьбой» — игрой с нулевой или даже отрицательной суммой, которая станет приносить пользу одним за счет других. Описывая начало Большого спада 1973–1993 годов, Бреннер называет его результатом неравномерного развития 1965–1973 годов. К тому времени Германия и Япония еще не догнали, но уже «постепенно опережали американского лидера... в ключевых отраслях промышленности: текстильной, сталелитейной, автомобильной, станкостроительной, бытовой электронике». Еще важнее то, что новые производители более дешевых товаров в этих и других пошедших тем же путем странах начали «вторгаться на рынки, где до того времени господствовали производители лидирующих регионов, в особенности Соединенных Штатов и Соединенного Королевства»³.

Выброс более дешевых товаров на американский и другие мировые рынки подорвал способность американских промышленников «обеспечивать определенный уровень доходности при вложении капитала и труда» и спровоцировал в 1965–1973 годах падение уровня доходности на вложенный капитал более чем на 40%. Американские производители по-разному отреагировали на это усиление конкуренции дома и за рубежом. Они снижали цены на продукты производства ниже себестоимости — то есть получали установленную норму прибыли только на свой оборотный капитал; они остановили рост заработной платы и модернизировали заводы и оборудование. В конечном счете, однако, основным оружием Америки в начавшейся конкурентной борьбе стала радикальная девальвация доллара по отношению к японской иене и немецкой марке⁴.

¹ Brenner (2002: 14–15).

² Brenner (2002: 15).

³ Brenner (1998: 41, 105–108).

⁴ Brenner (1998: 93–94; 2002: 17–18).

До некоторой степени сама девальвация стала результатом ухудшения внешнеторгового баланса США в результате потери конкурентоспособности американских производителей по отношению к японским и немецким. Однако воздействие торгового баланса на три валюты было в значительной степени усилено правительственной политикой, которая дестабилизировала (и в конечном итоге разрушила) международный золотодолларовый стандарт, установленный в конце Второй мировой войны. Потому что немецкое и японское правительства ответили на инфляционное давление на свою экономику производственным бумом товаров, производимых на экспорт, сдерживанием внутреннего спроса, что еще больше увеличило и торговые излишки, и спекулятивный спрос на их валюты¹. В конце правления администрации Джонсона и в начале правления администрации Никсона правительство Соединенных Штатов попыталось остановить развитие международной валютной нестабильности посредством фискальных строгостей и жесткой валютной политики. Но вскоре решительные антиинфляционные меры привели к таким политическим результатам — не говоря уж о тревожном падении на фондовой бирже, — которые были неприемлемы для администрации Никсона. Задолго до того, как республиканцы потерпели поражение на выборах в Конгресс в ноябре 1970 года и до того, как высокие процентные ставки стали угрозой экономическому возрождению, правительство снова обратилось к фискальным стимулам, а Федеральная резервная система смирилась с политикой дешевого кредита. Как сказал позднее Никсон, «теперь мы все кейнсианцы»².

Обращение Соединенных Штатов к политике макроэкономической экспансии в середине 1970 года покончило с золотодолларовым стандартом. По мере того как процентные ставки в Соединенных Штатах падали, а в Европе и Японии росли, краткосрочные спекулятивные деньги бежали от доллара, поднимая дефицит платежного баланса США (краткосрочный и долгосрочный) сверх возможных пределов. Несмелая попытка Смитсоновского соглашения (декабрь 1971 года) сохранить фиксированные курсы обмена валют на

¹ Brenner (1998: 94, 116, 119, 126–230).

² Brenner (1998: 120–121).

уровне девальвации доллара на 7,9% по отношению к золотому стандарту, ревальвации марки на 13,5%, а иены на 16,9% по отношению к доллару не смогла сдержать возобновившегося давления на валюту Соединенных Штатов, которое спровоцировала администрация Никсона новым раундом экономических стимулов. К 1973 году давление стало невыносимым и завершилось новой колоссальной девальвацией доллара и формальным отказом от фиксированного валютного курса в пользу плавающего¹.

Значительная девальвация доллара по отношению к марке (в общей сложности на 50% в 1969–1973 годах) и к иене (на 28,2% в 1971–1973 годах), заявляет Бреннер, полностью «изменила относительную стоимость продукции, как не мог бы ее изменить [американский производственный сектор], наращивая производство и сдерживая заработную плату». Это оказало гальванизирующий эффект на американскую экономику. Рентабельность, рост инвестиций и производительности труда на производстве создали основу для обратного движения, и торговый баланс Соединенных Штатов снова стал положительным. Обратный эффект происшедшее оказало и на немецкую и японскую экономику. Резко сократилась конкурентоспособность их производств, так что теперь им пришлось «отказаться от высокого уровня доходности для поддержания уровня продаж». Мировой кризис прибыльности не был преодолен, но груз этого кризиса распределился более равномерно среди главных капиталистических стран².

Иными словами, неравномерное экономическое развитие как процесс преодоления отстающими странами отрыва от лидирующих породил и продолжительный послевоенный подъем, и кризис прибыльности конца 1960-х — начала 1970-х годов. Но по мере того, как шел процесс преодоления этого отрыва, в мире поддерживалась положительная обратная связь высоких доходов, больших инвестиций и растущей производительности. Когда же отстающие — или, по крайней мере, две самые большие — страны действительно догнали прежних лидеров, результатом стали мировой избыток производственных мощностей и, соответственно, давление на нормы прибыли. Сначала американским производителям

¹ Brenner (1998: 121–123).

² Brenner (1998: 123–124, 137).

удавалось сдерживать это давление. Но вскоре, однако, массовая, поддержанная правительством девальвация доллара по отношению к марке и иене равномернее распределила падение рентабельности среди трех главных капиталистических держав.

Излишек производственных мощностей и устойчивая стагнация

Неравномерное развитие привело к избытку производственных мощностей и спровоцировало общее падение нормы прибыли в 1965–1973 годах. Но только лишь неспособность капиталистических предприятий и правительств восстановить рентабельность в ее прежнем объеме, ликвидировав избыточность, стала главной причиной продолжительного относительного застоя в 1973–1993 годах. По мнению Бреннера, «излишек производственных мощностей и перепроизводство» (два понятия, которые он всегда употребляет вместе) появляется при «недостаточном спросе, когда компании с более высокими ценами не могут поддерживать прежний уровень нормы прибыли». Эти компании, таким образом, «обязаны прекратить использовать некоторые средства производства и могут использовать остальные, только понизив цены и, следовательно, рентабельность. Излишек производственных мощностей и перепроизводство отмечаются *относительно прежней нормы прибыли*»¹. Или надо устранить избыточную производительность, или должна упасть норма прибыли со всеми ужасными последствиями, к которым ведет такое падение в капиталистической экономике: от снижения уровня капиталовложений и падения производительности до уменьшения реальной заработной платы и уровня занятости. Бреннер

¹ Brenner (1998: 25–26; выделено в оригинале). Как уже было замечено, Бреннер всегда употребляет эти два термина, перепроизводство и избыток производственных мощностей, вместе, иногда заменяя их понятием «чрезмерное накопление [капитала]» (например, 2002: 32, 159). Как мы увидим в главах 5 и 6, он описывает кризис чрезмерного накопления, проявлением которого является перепроизводство. Но без прояснения концептуального различия между излишком производственных мощностей и перепроизводством Бреннеру трудно оценить эмпирически действительную важность этих двух факторов, как абсолютную, так и относительно других проявлений кризиса избыточного накопления.

придерживается той точки зрения, что, по крайней мере до 1993 года, чрезмерная производительность, лежавшая в основе кризиса рентабельности 1965–1973 годов, не только не прекратилась, но даже выросла, и рентабельность продолжала снижаться.

В подтверждение высказанного мнения выстраиваются две линии аргументации: одна касается капиталистических предприятий, другая — правительств. В представлении Бреннера, мировой капитализм не имеет спонтанного рыночного механизма, препятствующего появлению во многих отраслях промышленности излишка производственных мощностей или тому, чтобы, появившись, он стал неотъемлемой чертой мировой экономики. Действующие компании с более высокими издержками производства имеют и средства, и стимулы, чтобы сопротивляться своему вытеснению из тех отраслей промышленности, где слишком много производителей, при этом излишек производственных мощностей и падающая прибыль необязательно мешают появлению новых участников процесса. Компании с более высокими издержками сопротивляются вытеснению из производства, потому что многие принадлежащие им материальные и нематериальные активы «могут работать только по имеющимся производственным направлениям и будут утрачены, если эти компании сменят вид деятельности». Более того, «замедление роста спроса, будучи обязательным проявлением замедления роста капиталовложений и заработной платы, обязательно возникающих при падении нормы прибыли, чрезвычайно осложняет переход на новые виды деятельности». Потому эти предприятия «имеют все основания защищать свои рынки [стремясь покрыть лишь производственные издержки] и наносят ответный удар, подстегивая процесс инноваций и инвестируя в дополнительный основной капитал». Такая стратегия, в свою очередь, «будет стимулировать новаторов, нововведения которых направлены на сокращение стоимости производства, самостоятельно ускорять технический прогресс, увеличивая уже существующий излишек производственных мощностей и перепроизводство»¹.

В то же время накопление излишка производственных мощностей не отпугивает новых участников процесса от

вступления в него и, соответственно, не уменьшает давления на норму прибыли. «Напротив, начавшееся падение рентабельности... может даже усилить всемирное движение к дальнейшему сокращению стоимости производства за счет соединения еще более дешевого труда с техникой все более высокого уровня в тех регионах, которые позднее вступили в процесс развития капиталистического производства». Самыми яркими примерами входа в рынок во время затяжного падения стали производители из некоторых развивающихся стран — в особенности из Восточной Азии, но также Мексики и Бразилии, — которые сумели существенно продвинуться на мировых рынках промышленных товаров, еще более усиливая давление на цены и рентабельность. «Так что было не только слишком мало выходов из процесса, но и слишком много входов в него»¹.

В нашей аргументации (так сказать, по первой линии) мы привлекали косвенные эмпирические данные. В основном же на эмпирических данных и исторических фактах построена вторая линия аргументации: мы свидетельствуем, что правительства основных капиталистических держав, в особенности Соединенных Штатов, также ответственны за нарастание, а не ослабление тенденции слишком малого числа выходов из рынка и слишком большого числа входов в него. И здесь особая заслуга Бреннера состоит в том, что он продемонстрировал нам, как во время Большого спада упомянутые правительства были не столько регулировщиками — хотя они делали и это, — но активными участниками, даже главными действующими лицами охватившей всю систему конкурентной борьбы, которая с конца 1960-х восстанавливала капиталистов друг против друга.

Описывая кризис прибыльности, Бреннер уже тогда понял, что активные действия правительства Соединенных Штатов, усиливавшие девальвацию американского доллара по отношению к марке и иене, несомненно, способствовали перенесению тяжести кризиса с американских производителей на немецких и японских. Кроме того, рассказывая о Большом спаде, Бреннер показывает, как приливы и отливы девальвации и ревальвации валюты стали главными инструментами вмешательства правительства в конкурентную борьбу капиталистов. В этих приливах-отливах

¹ Brenner (1998: 34; 2002: 26, 31, 37).

девальвации валюты и ревальвации он отмечает три главные точки: монетаристская «революция» Рейгана—Тэтчер 1979–1980 годов, которая обратила вспять девальвацию американского доллара 1970-х.; соглашение «Плаза» 1985 года, в результате которого возобновилась девальвация доллара; и так называемое обратное соглашение «Плаза» 1995 года, которое вновь обратило девальвацию вспять. Остановимся кратко на том, как Бреннер описывает отношения между этими тремя поворотными пунктами, непрерывным перепроизводством и излишком производственных мощностей в промышленности, лежавшими в основе Большого спада.

К концу 1970-х американская макрополитика *дефицита федерального бюджета*, исключительно дешевых денег и «нарочитого пренебрежения» к обменному курсу доллара достигла пределов своих возможностей в поддержании экономического роста и восстановлении конкурентоспособности и рентабельности американской промышленности. Эта политика «дала возможность развитым капиталистическим экономикам преодолеть рецессию, ставшую результатом нефтяного кризиса 1974–1975 годов, и продолжить экономический рост до конца десятилетия». Тем не менее «кейнсианские стимулы оказались в высшей степени противоречивыми» по своим результатам. Поддерживая развитие спроса внутри страны и на мировом рынке, «кейнсианские лекарства не могли покончить с излишком производственных мощностей и с перепроизводством, препятствуя применению горького лекарства, каким были бы вытеснение с рынка мелких производителей и действительный застой — исторически расчищавшие путь для новых подъемов [рентабельности]». Низкая рентабельность, в свою очередь, лишала предприятия «возможности и желания... увеличивать поставки, как в прошлом, когда доходы были высокими... В результате при постоянном росте дефицита государственного бюджета в 1970-х не столько увеличивалась *производительность*, сколько росли *цены*». Постоянно растущее давление инфляции сопровождалось побившим все рекорды дефицитом платежного баланса США. К 1977–1978 годам этот дефицит «вызвал невероятный натиск на американскую валюту, угрожая положению доллара как международной резервной валюты и в перспективе [расчищая путь] для решительных перемен».

Решительную перемену принесла монетаристская революция Рейгана—Тэтчер в 1979–1980 годах¹.

По Бреннеру, главной целью изменения экономической политики было восстановление рентабельности, не только и даже не в первую очередь в промышленности, но прежде всего в низкопродуктивном секторе услуг, а также во внутреннем и внешнем финансовом секторах посредством сокращения корпоративного налогообложения, роста безработицы и упразднения контроля над капиталом. Однако в отличие от предшествующих, кейнсианских, решений монетаристские средства должны были восстановить рентабельность благодаря горькому лекарству — вытеснению мелких производителей. Беспрецедентно жесткие условия кредитования привели к выдавливанию с рынка огромного числа высокозатратных и низкорентабельных компаний, которых раньше поддерживала кейнсианская система доступного кредита. Хотя инфляционное

¹ Brenner (2002: 33–34; выделено в оригинале). Последовательность событий, приведших к монетаристской революции (или, как я предпочитаю называть это, контрреволюции), в изложении Бреннера — самое слабое звено в его рассказе о Большом спаде. Во-первых, он не разъясняет нам, почему в условиях перепроизводства кейнсианские стимулы привели к росту цен, а не к росту производства и почему в результате рост цен не привел к повышению нормы прибыли. Еще важнее то, что он не рассказывает нам, почему и как политика США, «направленная на восстановление конкурентоспособности американской промышленности», в результате породила побившие все рекорды торговые дефициты, несмотря на принимаемые все время протекционистские меры: Multi-Fiber Arrangement 1973 года (Соглашение по международной торговле текстилем, позволяющее двум странам оговаривать взаимные ограничения по импорту текстильной продукции в обход предписаний ГАТТ), Торговый закон (Trade Act) 1974 года против «нечестной торговли» и ужесточение так называемого добровольного сдерживания экспорта, навязанного восточноазиатским странам. В более раннем варианте работы Бреннер представляет три причины такого неблагоприятного исхода: макроэкономическая политика США, «более стимулирующая, чем у соперников США», более медленный рост производительности труда в США и, по-видимому, большая терпимость капиталистов-соперников за границей к снижению рентабельности. См.: Brenner (1998: 179–180). Тем не менее эти объяснения не вполне подходят к его тезису «Слишком мало выходов — слишком много входов», и, как мы увидим в главах 5 и 6, Бреннер не учел самые важные причины разрушительного натиска на доллар 1979–1980 годов.

давление вскоре было взято под контроль, рекордно высокая реальная ставка процента и растущий доллар, с ней связанный, «угрожали ускорить мировой обвал, который начался бы с Соединенных Штатов»¹.

Обвала удалось избежать благодаря «неожиданному» — и при этом масштабному — возвращению кейнсианства. «Грандиозная программа Рейгана по увеличению расходов на вооружение и снижению налогов для богатых... отчасти компенсировала издержки жесткого монетаристского кредита и позволила экономике работать дальше». Конечно, благодаря политике Рейгана вернулись торговый и текущий дефицит, и при этом с лихвой, в особенности «потому, что с этого момента остальной мир все больше старался избежать кейнсианского бюджетного дефицита». Как и в 1970-е годы, беспрецедентный дефицит привел к «впрыскиваниям спроса, в которых была нужда... чтобы вытащить мировую экономику из рецессии 1979–1982 годов». В противоположность тому, что происходило в 1970-е, однако, возросший американский дефицит не привел к давлению на доллар. Напротив, благодаря исключительно высокой реальной ставке процента и подталкиваемый министерством финансов Японии, в Соединенные Штаты хлынул капитал со всего мира, так что американская валюта стала высоко цениться².

Общее действие ослабления инфляционного давления, высокой реальной ставки процента, массивного притока капитала и растущего в цене доллара — все это отвечало цели рейгановской администрации: укрепить американский финансовый капитал. Однако происшедшее оказалось «катастрофой для больших секторов американской промышленности». Под сильным давлением Конгресса и руководителей множества ведущих корпораций рейгановской администрации не оставалось ничего иного, как «совершить эпохальный поворот вспять». Главным в этом возврате оказалось соглашение «Плаза», заключенное 22 сентября 1985 года, по которому «большая пятерка» под давлением США согласилась на совместные действия для облегчения положения американских производителей, снизив обменный курс доллара. Уже на следующий день в дополнение к принятому соглашению США решительно осудили «нечестные» торговые операции других стран. Это осуждение вскоре материализовалось в нарастающих угрозах, поддерживаемых новыми

¹ Brenner (2002: 35–36).

² Brenner (2002: 36, 54–55).

постановлениями, в особенности Комплексным законом о торговле и конкурентоспособности от 1988 года и американско-японской инициативой по преодолению структурных препятствий на пути торговли между этими двумя странами (Structural Impediments Act 1989 года), которые закрывали рынок США для ведущих (главным образом восточноазиатских) иностранных конкурентов, ставших «дубинкой, которая ограничивала импорт в США [посредством “добровольных ограничений экспорта”] и принуждала открыть иностранные рынки для экспорта из США и прямых иностранных инвестиций»¹.

Стремясь к радикальной девальвации доллара, вступив на путь протекционизма и мер по «открытию рынка», рейгановская администрация следовала за администрациями Никсона, Форда и Картера. Результат этих инициатив, однако, в 1980-х и в начале 1990-х годов отличался от того, чего удалось добиться в 1970-е.

Соглашение «Глаза» и то, что за ним последовало, привело к полному изменению американской промышленности и стало важной вехой в мировой экономике в целом. С этого началось десятилетие непрерывной и значительной девальвации доллара по отношению к марке и иене, сопровождаемой замораживанием реальной заработной платы. Так что была одновременно открыта дверь для восстановления конкурентоспособности американской промышленности и расширения экспорта, для первого за сто лет кризиса немецкой и японской промышленности и беспрецедентного взрыва производственной экспансии (на основе экспорта) в Восточную Азию, где экономики по большей части привязывали свои валюты к доллару и таким образом обеспечивали своим экспортерам конкурентные преимущества перед японскими экспортерами, когда в 1985–1995 годах доллар упал².

К 1993 году тенденции развития, вызванные к жизни соглашением «Глаза», а также предшествующим изменением структуры американской промышленности за счет вытеснения мелких производителей с американского рынка, обусловленным беспрецедентно жесткими условиями кредита в начале 1980-х, привели к возрождению в США рентабельности, инвестиций и производства. Перефразируя Веблена, можно сказать, что употребленные правительством лекарства от

¹ Brenner (2002: 54, 59–60).

² Brenner (2002: 60–61).

«болезни чувств» американского бизнеса, казалось, наконец добрались до самого корня зла и восстановили доходы до приемлемого уровня. Лечение, однако, имело некоторые серьезные побочные эффекты.

С точки зрения Бреннера, главная проблема состояла в том, что возрождение американской экономики произошло за счет ее японского и западноевропейских конкурентов, и это возрождение очень мало затрагивало такие глубинные факторы, как излишек производственных мощностей и перепроизводство, которые преследовали мировую экономику. Особенность американского возрождения (с нулевой суммой выигрыша) стала проблемой и для самих Соединенных Штатов. Во-первых, медленный рост спроса в мире, в особенности связанное с этим усиление международной конкуренции в производстве, ограничивал масштабы возрождения и здесь. Еще больше дело осложнялось тем, что Соединенные Штаты едва ли могли допустить «серьезный кризис своих главных партнеров и соперников», в особенности Японии.

Указанные противоречия всплыли после мексиканского кризиса песо в 1994–1995 годах, когда и сам этот кризис и усиления Соединенных Штатов по спасению мексиканской экономики привели к новому натиску на доллар, что обострило тенденцию к его падению, зародившуюся в предшествующее десятилетие. Когда иена достигла самого высокого показателя (79) по отношению к доллару в апреле 1995 года, «японские производители не могли даже покрыть свои переменные издержки, и... японская машина роста, кажется, заскрежетала и затормозила». Однако, переживая шок от мексиканского коллапса и его разрушительного воздействия на стабильность международных финансов (а также принимая во внимание маячившие на горизонте президентские выборы 1996 года), администрация Клинтона просто не могла пойти на риск повторения в Японии мексиканского варианта.

Даже если бы японский кризис удалось предотвратить, возможно, началась бы широкомасштабная продажа принадлежащих Японии американских активов, в особенности долгосрочных казначейских обязательств. Такой ход событий подстегнул бы ставку процента, напугал финансовый рынок и, возможно, поставил бы только-только начавшую выправляться экономику США под угрозу рецессии¹.

¹ Brenner (2002: 130–131).

Соединенные Штаты в лице министра финансов Роберта Рубина заключили с Германией и Японией соглашение о совместных действиях, направленных на то, чтобы остановить рост иены и падение доллара. Такое обратное движение предполагало снижение ставок процента в Японии сравнительно со ставками в США и более масштабные покупки Японией обеспеченных преимущественно долларом ценных бумаг, прежде всего государственных казначейских обязательств, а также покупку Германией и США долларов на валютных рынках. Это соглашение, которое позднее называли «соглашение “Плаза” наоборот», стало ошеломляющим и совершенно неожиданным, это был разворот политики Соединенных Штатов, а также их главных союзников и соперников на сто восемьдесят градусов; впрочем, таким же разворотом было в свое время (в 1985 году) и само соглашение «Плаза»¹.

В результате этих крутых поворотов правительства крупнейших в экономическом отношении держав менялись ролями, исполняя свой менуэт взаимной помощи. «Точно так же, как Японии и Германии пришлось принять соглашение “Плаза”... чтобы спасти американскую промышленность от кризиса в первой половине 1980-х, заплатив со своей стороны высокую цену, так же и Соединенные Штаты [были теперь] обязаны оказать такую же помощь идущим к кризису секторам японской промышленности — снова с эпохальными результатами»². Эти эпохальные результаты трансформировали процесс американского экономического возрождения в бум и пузырь второй половины 1990-х годов.

Неустойчивое возрождение

Еще до 1995 года восстановление прибыльности в промышленности Соединенных Штатов приняло вид повышения цен на бирже. Благодаря соглашению «Плаза» для иностранных инвесторов это повышение оказалось еще большим, поскольку росла цена доллара. Еще важнее то, что соглашение «прорвало плотину, и на финансовые рынки США хлынули наличные деньги из Японии, Восточной Азии и других стран, что резко снизило ставки процента и вызвало значительный рост корпоративных займов ради финансирования покупки акций на фондовой бирже». Решающей в этом отношении стала политика Японии. Японские власти не только прямо вкачивали деньги в государственные ценные

¹ Brenner (2002: 130–131).

² Brenner (2002: 127).

бумаги Соединенных Штатов и доллар и подстегивали японские страховые компании последовать тем же путем, ослабив ограничения на зарубежные вложения. Сократив учетную ставку до 0,5%, они позволили инвесторам, прежде всего американским, занимать в Японии иены почти задаром, конвертировать их в доллары, а затем инвестировать эти доллары на фондовых биржах по всему миру, в особенности в США¹.

Поток привязанного к США иностранного капитала и обусловленный этим обстоятельством сильный доллар стали главными причинами превращения наблюдавшегося до 1995 года фондового бума в «мыльный пузырь». Впрочем, Бреннер считает, что этого могло не произойти, если бы не политика Федеральной резервной системы США. Несмотря на знаменитое предостережение (в декабре 1996 года) об абсурдном разрастании фондового рынка, Гринспен «не сделал ничего и не обнаружил своими действиями никакой обеспокоенности относительно взмывших до космических высот цен на акции». Напротив, постоянно увеличивая приток денег на внутренний рынок, он не поднимал сколько-нибудь значительно процентную ставку и не связывал банки более строгими резервными требованиями, как не ужесточал и гарантийных требований при покупке акций. Когда же стал расти пузырь, Гринспен пошел еще дальше.

К весне 1998 года он прямо объяснял стремительный рост цен на акции экономическими достижениями в рамках «новой экономики», считая, что именно она удерживает инфляцию и обнадеживает инвесторов «исключительным ростом доходов в отдаленном будущем». Он также выражал удовлетворение ростом корпоративных инвестиций и потребления граждан, происшедшим из роста благосостояния в результате значительного повышения стоимости активов, причем бум в этих условиях еще усиливался.... Биржевые спекулянты вряд ли ошиблись бы, если бы сделали вывод, что председатель ФРС, несмотря на свою профессиональную осторожность, не просто не порицал их обогащение, но считал его благоразумным и благотворным².

Поток капитала, хлынувший благодаря соглашению «"Глаза" наоборот» и режиму дешевых кредитов, установленному ФРС, стал основным условием образования пузыря на рынке акций. Но «главной действующей силой» в накачивании пузыря были нефинансовые корпорации Соединенных Штатов, которые

¹ Brenner (2002: 139–141).

² Brenner (2002: 143–146).

воспользовались новыми условиями, «чтобы в огромных масштабах увеличить свои займы для покупки акций в колоссальных количествах — либо для того, чтобы осуществить слияние или поглощение, либо для того, чтобы просто выкупить (изъять из обращения) свои собственные акции». Вступив в период величайшего накопления долга в своей истории, корпорации Соединенных Штатов способствовали беспрецедентному росту стоимости акций. «А поскольку растущие цены на акции, способствуя росту бумажных активов и, таким образом, дополнительно обеспечению, облегчали дальнейшие займы, пузырь мог поддерживать себя сам, что также подпитывало значительный циклический подъем, который уже начался»¹.

Как ни странно, при наступившем оживлении так и не была преодолена давняя проблема: излишек производственных мощностей и перепроизводство. Напротив, инфляция стоимости бумажных активов и порожденный пузырем «эффект роста благосостояния» (его отражение на потреблении) привели к тому, что корпорации инвестировали много больше их фактической прибыли. В результате, как только «эффект роста благосостояния» перестал поддерживать рост производительности, инвестиции и потребительский спрос, «компаниям... пришлось пережить поистине мучительное давление на их норму прибыли». Уже в середине 2001 года Бреннер замечает, что Соединенные Штаты и другие мировые экономические центры раздули пузырь, после которого остался «гигантский избыток производственных мощностей»; невероятно упал уровень доходности нефинансовых корпораций, «уничтожив практически все завоевания в доходности, достигнутые в 1990-е годы»; резко сократилось накопление капитала².

Пытаясь оценить размеры будущего спада, Бреннер пишет: «Основным является вопрос... сумели ли серьезные рецессии и кризисы 1990-х, а также появление новых отраслей промышленности в развитых капиталистических странах избавить наконец международную промышленность от тенденции к перепроизводству и помочь ей перейти к... развитию взаимодополняемости», необходимой для «поддержания динамичной международной экспансии». В конечном счете он обнаружил, что никакого вытеснения мелких производителей на самом деле не произошло. Напротив, по его мнению, после того как пузырь лопнул, США оказались

¹ Brenner (2002: 146–147, 151–152).

² Brenner (2002: 209–217, 248–253, 261–264).

придавлены «во многом теми же факторами стагнации, которые мешали развитию экономики Японии на конечном этапе надувания японского пузыря», — «и обратным (относительно роста пузыря) движением, и международным промышленным сектором, все еще сдерживаемым излишком производственных мощностей и перепроизводством». В США можно было избежать банковского кризиса, подобного тому, что поразил Японию, но здесь не было тех «огромных накоплений и активного сальдо текущих операций, которые позволили Японии — и до сих пор позволяют — кое-как выживать». Американская экономика поэтому была бы уязвима не только со стороны «разрушительного сокращения спроса», который последовал бы за попытками сократить колоссальную задолженность американских корпораций и домохозяйств, но также в связи с резким отзывом инвестиций иностранцами и последующим натиском на доллар¹.

В этих обстоятельствах, думал Бреннер, Соединенные Штаты скорее направят мировую экономику к самоусиливающейся рецессии, чем к оживлению. В некотором смысле такая рецессия стала бы «продолжением международного кризиса 1997–1998 годов, который был отсрочен последней фазой подъема американской фондовой биржи, но так никогда полностью и не рассосался». Как и в предшествующие кризисы, «Восточная Азия снова окажется мировой пороховой бочкой» с огромным излишком производственных мощностей — не только в Японии, но и в других странах региона, — оказывающим сильное давление на доходность здесь и в мире вообще². Впрочем, Бреннер благоразумно не высказывался в пользу какого-либо определенного сценария. Но главный тезис, лежащий в основе всех его рассуждений, оставляет впечатление, что длительный спад далеко не завершен и худшее еще впереди³.

¹ Brenner (2002: 269, 276–278; выделено в оригинале).

² Brenner (2002: 278–282).

³ Эта мысль снова появляется в изданной в 2006 году рукописи, написанной в 1998 году: «Истина состоит в том, что даже сегодня, спустя пять лет после начала следующего экономического цикла в рамках новой, сверхновой экономики (в феврале 2001 года), стандартные макроэкономические показатели не позволяют нам констатировать преодоление Большого спада... Тем временем финансовая неустойчивость и пузыри цен на активы превосходят даже те, что были в конце 1990-х годов, и нависают как темные тучи над мировой экономикой». Brenner (2006: XXVIII–XXIX).

Главная мысль заключается в том, что постоянство относительной стагнации в мировой экономике в целом в последние тридцать лет обусловлено «слишком небольшим количеством выходов (из процесса) и слишком многочисленными входами в него» — слишком мало и слишком много относительно того, что было необходимо для восстановления доходности до уровня, достигнутого во время бума 1950–1960-х годов. Бреннер считает, что устойчивость этой тенденции обусловлена взаимными действиями по усилению действующих компаний с высокими издержками и политикой правительств трех крупнейших в экономическом отношении государств. В результате каждое из этих трех государств и мировая экономика в целом уберечьлись «от вытеснения избыточных высокозатратных средств производства *стандартными методами капитализма*: банкротствами, сокращением производства и увольнениями».

Более высокозатратные и менее прибыльные компании, таким образом, могли еще долгое время занимать те экономические позиции, которые (теоретически) могли перейти к более производительным и высокодоходным предприятиям. Но если допустить выход из бизнеса менее производительных и менее доходных фирм (при естественном ходе событий в цикле деловой активности), то Большой спад с его относительно серьезными, но все же ограниченными рецессиями превратился бы в настоящую депрессию. Проще говоря, предварительным условием восстановления здоровой системы была дефляция долгов, ведущая к тому, что Маркс называл «истреблением ценностей капитала». Но поскольку единственным системным средством достижения этого была депрессия, то не оставалось альтернативы, кроме дальнейших займов, что способствовало и стагнации, и финансовой нестабильности¹.

В своем рассказе о Большом спаде Бреннер упоминает два момента, когда короткое время действовал «стандартный» капиталистический метод структурного вытеснения мелких производителей: начало 1980-х годов при Рейгане и середина 1990-х при Клинтоне. Но как только вытеснение мелких производителей уже грозило запустить депрессию всей системы, основные капиталистические страны совместными действиями прекратили «истребление ценностей капитала», расширив общественные и частные займы. «Однако хотя рост займов... помогал предотвратить депрессию, он также замедлял процесс

восстановления доходности как основного условия экономического оживления»¹.

Бреннер так и не дал определения, что такое депрессия — сравнительно с относительной стагнацией длительного спада. В только что процитированном отрывке из контекста ясно, что депрессия будет гораздо более разрушительной. Но разница так и не определена, так что мы не перестаем недоумевать: во-первых, испытал ли вообще когда-нибудь мировой капитализм это «классическое», «естественное», «стандартное» вытеснение мелких производителей и настоящую депрессию; во-вторых, если испытал, то в результате каких изменений исторических условий современному капитализму удастся избежать депрессии; и, наконец, что эти перемены сулят мировому капитализму и обществу в будущем?

Два Больших спада в сравнении

В поиске ответов на эти вопросы небесполезно сравнить Великую ценовую депрессию 1873–1896 годов, как она была описана в начале этой главы, с бреннеровским описанием Большого спада, или устойчивой стагнации 1973–1993 годов. Вопреки широко принятому определению более раннего периода как *депрессии*² такое сравнение сразу же обнаруживает очевидные сходства. Оба были продолжительными периодами сниженной доходности; для обоих характерно системное усиление конкурентного давления; и обоим предшествовали длительные периоды роста доходности и расширения мировой торговли и производства. Более того, в оба периода кризис доходности и усиление конкуренции имели общий источник с предшествовавшим им расширением: таковым стало успешное освоение отстающими странами новейших достижений, до того остававшихся в «монопольном» владении ведущих стран. Чтобы распространить бреннеровскую интерпретацию длительного спада конца XIX века на сходную ситуацию конца XX века, надо на место Великобритании поставить США

¹ Brenner (1998: 151–152).

² Как было замечено раньше, Великая ценовая депрессия 1873–1896 годов была признана мифом именно потому, что для нее было характерно снижение темпов роста, а не полный коллапс производства, торговли и инвестиций, как при настоящей Великой депрессии 1930-х. Но в 1870–1880-х годах доходность действительно упала и оставалась в таком состоянии в начале 1890-х. Бреннер не занимается семантической двусмысленностью термина «депрессия», но ясно, что именно это следует сделать, учитывая, как часто он пользуется этим термином.

(ведущие страны), а на место США и Германии — Германию и Японию (отстающие). Интересно, что понятие «чрезмерная конкуренция», которое появилось в Японии во время кризиса доходности в конце 1960-х — начале 1970-х годов и которым время от времени пользуется Бреннер, характеризуя основной фактор Большого спада 1973–1993 годов, впервые было введено в обиход в деловых кругах во время спада в конце XIX века, особенно для Соединенных Штатов¹.

Однако различия между двумя Большими спадами более важны, чем сходства, что мы и постараемся продемонстрировать. Перед лицом усиления конкуренции, сравнимой с тем, что происходило в конце XX века, мировой капитализм конца XIX века переживал относительную стагнацию в течение более двадцати лет — с множеством локальных кратковременных кризисов и рецессий, но без какого бы то ни было системного вытеснения мелких производителей, которое, по Бреннеру, является стандартным капиталистическим методом восстановления доходности. В производстве по-прежнему было «слишком мало выходов из процесса и слишком много входов в него», а также много больших технологических и организационных инноваций, которые скорее усиливали, нежели ослабляли конкурентное давление на систему. Длительный спад конца XIX века не только приходится на начало так называемой второй промышленной революции. Еще важнее то, что в это время в Соединенных Штатах появляются современные, сложные, вертикально интегрированные предприятия, которые в следующем столетии становятся преобладающими: «Практически отсутствовавшие в конце 1870-х, эти комплексные предприятия в течение менее чем тридцати лет начинают преобладать в большинстве самых важных отраслей [американской] промышленности»².

Несмотря на отсутствие системного вытеснения мелких производителей, в конце столетия доходность восстановилась и ускорила подъем, характерный для эдвардианской *belle époque*. Как мы заметили в главе 3 и как будет показано ниже, этот подъем можно считать ответом на системное усиление конкуренции, характерное для мирового капитализма от его самых ранних, доиндустриальных, времен до настоящего времени. Этот подъем имел вид системной тенденции к «монетизации» процесса

¹ Ozawa (1979: 66–67); Veblen (1978: 216) and Sklar (1988: 53–56).

² Chandler (1977: 285).

накопления капитала, причем центром была ведущая в экономическом отношении капиталистическая страна эпохи. Неотделимая от превращения межкапиталистической конкуренции из позитивного явления в негативное, эта тенденция была также главным механизмом восстановления доходности (по крайней мере, временно) в клонившихся к закату, но все же остававшихся лидерами центрах мирового капитализма. Соответственно, мы можем выявить сходство не только между Великой ценовой депрессией 1873–1896 годов и длительным спадом 1973–1993 годов, но также и между эдвардианской *belle époque* и американским экономическим оживлением и большой эйфорией 1990-х¹.

Хотя сейчас, может быть, еще рано выносить окончательный вердикт результатам американского экономического оживления 1990-х, мы знаем, что эдвардианская *belle époque* закончилась катастрофами двух мировых войн и коллапсом мировой экономики 1930-х между ними. Фактически этот коллапс — единственное, что за последние сто пятьдесят лет соответствует представлению Бреннера о системном вытеснении мелких производителей, или «истинной депрессии». Следовательно, мы должны сделать вывод, что вытеснение мелких производителей, кажется, было исключением, а не «стандартным», или «естественным», капиталистическим методом восстановления доходности. Скорее, регулярной следует признать тенденцию к неравномерному развитию в бреннеровском смысле: порождать продолжительный бум, за которым следует долгий период усиленной конкуренции, сниженной доходности и относительной стагнации, а за ним — рост доходности на основе финансовой экспансии, которая имела своим центром ведущую экономику своего времени. И при переходе от первого этапа неравномерного развития ко второму за последние сто пятьдесят лет случился один единственный системный сбой.

Резонно задаться вопросом: не происходит ли и сейчас аналогичный сбой и не является ли такой сбой «фундаментальным» условием оживления мировой экономики, как, кажется, думал Бреннер? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны проанализировать не только сходства, но и различия между двумя длительными спадами — а они тоже поразительные. Притом что для обоих спадов было характерным нарастание конкурентной борьбы, борьба эта разворачивалась в абсолютно разных плоскостях. Как было замечено раньше, в 1873–1896 годах главной

¹ Arrighi (1994); Arrighi and Silver (1999; 2001).

формой конкурентной борьбы между предприятиями была ценовая война, которая привела к «самой ужасной дефляции на памяти человечества». В тесной связи с этой тенденцией правительства ведущих капиталистических стран подвергли свои валюты действию саморегулирующегося механизма золотого стандарта, отказавшись, таким образом, от девальвации и ревальвации как средств конкурентной борьбы.

При этом правительства все более активно поддерживали промышленность своих стран посредством протекционизма и меркантилизма, включая создание зарубежных колониальных империй, и подрывали, таким образом, единство мирового рынка. Хотя Великобритания продолжала в одностороннем порядке практиковать свободную торговлю, она также шла по пути территориальной экспансии и создания империи. С 1880-х годов эта траектория нарастания межгосударственной конкуренции в строительстве колониальных империй превратилась в эскалацию гонки вооружений между восходящими и клонящимися к упадку капиталистическими державами, и все закончилось Первой мировой войной. Великобритания, хотя и была активным участником этой схватки, продолжала обеспечивать мировую экономику капиталом — речь идет о двух волнах зарубежных британских инвестиций, в 1880-х и в 1900-х годах, включая значительные вложения в США.

Конкурентная борьба во время Большого спада конца XX века разворачивалась совершенно в иной плоскости. В частности, в 1970-х товарные цены, как правило, повышались, а не снижались, производя самую высокую системную инфляцию, когда-либо наблюдавшуюся в мирное время. В 1980–1990-х давление инфляции было остановлено, но цены продолжали расти в течение всего Большого спада. В его начале последняя слабая связь денежного обращения и металлического стандарта — бреттон-вудский золотодолларовый стандарт — была разорвана и больше не восстанавливалась. Теперь, как подчеркивает Бреннер, правительства ведущих капиталистических стран могли прибегать к девальвации и ревальвации как средствам конкурентной борьбы. И хотя систематически это и делалось, они тем не менее продолжали продвигать интеграцию мирового рынка целой серией переговоров о дальнейшей либерализации мировой торговли и капиталовложений, что и завершилось созданием Всемирной торговой организации (ВТО).

Так что в этот период единый мировой рынок не только не был подорван, но, наоборот, еще больше консолидировался. Как не было и признаков гонки вооружений среди восходящих и клонящихся к закату капиталистических стран. Напротив, во время и в особенности после последней эскалации гонки вооружений времен холодной войны (в 1980-е) мировые военные мощности еще больше, чем раньше, сосредоточились в США. В то же время, вместо того чтобы действовать, как Великобритания, которая во время предыдущего длительного спада и финансовой экспансии обеспечивала весь остальной мир капиталом, США поглощают капитал, причем, как замечает сам Бреннер, с беспрецедентной скоростью. Во всех этих отношениях траектория развития конкурентной борьбы во время последнего Большого спада решительно отличается от того, что было характерно для предыдущего спада. Так что следующая наша задача — описать сходства и различия двух длительных спадов и выяснить, какой новый свет проливает такое сравнение на мировую нестабильность последних тридцати лет в понимании Бреннера.

Глава 5

Социальная динамика глобальной нестабильности

Бреннер представляет свое видение Большого спада как критику того, что он называет теориями капиталистических кризисов с точки зрения экономики предложения. Согласно этим теориям, в разных формах продвигаемым правыми и левыми, к 1960-м годам рабочий класс в развитых капиталистических странах приобрел рычаги для оттягивания на себя части прибыли, подрывая таким образом механизмы накопления капитала. Признавая, что рабочий класс действительно (местами и временно) мог занять подобное положение, Бреннер, однако, считал невозможным, чтобы рабочий класс был в состоянии вызвать продолжительный системный спад.

Действия рабочего класса, как правило, не могут привести к продолжительному системному спаду, потому что сфера потенциального вложения капитала в то или иное производство обычно лежит вне рынка труда, находящегося под влиянием профсоюзов и/или политических партий и регулируемого нормами, ценами и институтами, которые поддерживаются государством. Поэтому обычно компании имеют возможность обойти и, таким образом, преодолеть институализированную

силу рабочих, вкладывая капитал там, где у рабочих нет возможности этому противостоять. И действительно, или работодатели будут иметь силы сделать это, или их обойдут и победят конкуренты-капиталисты¹.

Следовательно, как заключает Бреннер, «вертикальное» давление на капитал снизу, то есть со стороны рабочего класса, не может вызвать и не вызывает широкомасштабного и продолжительного давления на прибыль, лежащего в основе длительного спада. Спад может быть вызван только «горизонтальным» давлением, проистекающим из конкуренции между капиталистами².

Данная гипотеза основана на предположении, что всегда найдется «более дешевая рабочая сила, которая может быть соединена со средствами производства, представляющими вполне современный уровень технологий, без потери доходности (то есть благодаря более низким издержкам производства)». По Бреннеру, это предположение может быть обосновано двумя обстоятельствами. Во-первых, «рабочая сила в регионах с долгой историей экономического развития нередко получает заработную плату, которая значительно выше, чем обуславливается уровнем производительности», и во-вторых, «за то же время, с развитием технологий, уровень навыков, необходимых для производства той или иной продукции, в целом снижался, так что количество рабочей силы, которая может производить ту же продукцию столь же эффективно, постоянно росло и, соответственно, уменьшалась заработная плата, которую им надо платить»³.

Иными словами, по историческим причинам, которые Бреннер не исследует, рабочий класс в «развитых» капиталистических странах обеспечил себе более высокое вознаграждение, чем того требовала производительность их труда. Этот факт сам по себе делает их уязвимыми для конкуренции с рабочими, которые — тоже по не установленным автором причинам — работают за более низкую относительно действительной или потенциальной производительности зарплату.

¹ Хотя Бреннер и упоминает, например, иммиграцию, которая, «если она не сдерживается политическими средствами», является еще одним механизмом, подрывающим силу рабочего класса, прежде всего он выделяет мобильность капитала. Brenner (1998: 18–20).

² Brenner (1998: 23).

³ Brenner (1998: 18).

В то же время технический прогресс постоянно увеличивает мировой пул недооплачиваемых рабочих или потенциальных рабочих, которых можно мобилизовать, чтобы обойти давление на доходность со стороны переоплачиваемых рабочих. Капиталисты не могут обойти только то давление на доходность, которое проистекает из конкуренции с другими капиталистами.

Здесь можно возразить следующее. Во-первых, приведенная аргументация представляется логически непоследовательной, поскольку утверждается, что в прошлом рабочие в «развитых» капиталистических странах могли получать более высокое вознаграждение по мере повышения производительности их труда, что противоречит теоретическому положению о том, что при попытке сделать это рабочие были бы вытеснены с рынка предложением труда по более низким ценам. Кроме того, автор переоценивает ту легкость, с какой в настоящем, как и в прошлом, может быть мобилизована более дешевая рабочая сила на замену более дорогой. Для прояснения этих вопросов остановимся на некоторых исторических фактах.

Классовая борьба и конкуренция между капиталистами

Рассматривая Большой спад 1873–1896 годов, мы найдем убедительные свидетельства как в пользу, так и против тезиса Бреннера о том, что долговременное и широко распространенное давление на прибыль в большей степени оказывают горизонтальные (между капиталистами), чем вертикальные (между трудом и капиталом) отношения. В поддержку тезиса Бреннера можно указать на обострение борьбы труда с капиталом — как в форме забастовочной активности (в Великобритании и Соединенных Штатах), так и в форме создания партий рабочего класса (в Германии и некоторых других странах), — за чем последовал (а не предшествовал им) долгий спад доходности. Не может быть сомнения в том, что интенсивная конкуренция между капиталистами в виде неослабевающей ценовой войны была главной и важнейшей движущей силой значительного повышения реальной заработной платы в течение Большого спада, в особенности в Великобритании. Можно также предположить, что повышение заработной платы на родине было, по крайней мере отчасти, причиной взрывного роста британских зарубежных капиталовложений в 1880-х годах. Таким образом, те выводы, к которым Бреннер приходит в отношении событий конца XX века, по

большей части можно отнести и к экономическому развитию конца XIX века. Однако эта аналогия далеко не полная.

Хотя конкуренция между капиталистами, несомненно, была ведущей силой в давлении на прибыль и в повышении реальной зарплаты посредством решительной дефляции, разве не борьба рабочих в виде роста забастовочной активности и классового объединения в значительной степени способствовала такому развитию, не позволив уменьшать заработную плату с той же скоростью, с какой снижались цены? И разве не это сопротивление изменило траекторию капиталистической конкуренции, усилив тенденцию не только к экспорту капитала из Великобритании и импорту рабочей силы в Соединенные Штаты, но и к «политизации» этой конкуренции путем оживления неомеркантилистских приемов и создания колониальных империй в беспрецедентных масштабах? Каким бы ни был ответ на эти вопросы, негибкое и неточное различение Бреннером горизонтальных и вертикальных конфликтов и изначальное исключение им вертикальных конфликтов из числа факторов, способствующих всеобщим и длительным спадам доходности, не помогут нам разобраться со сложным историческим взаимодействием этих двух видов конфликтов¹.

Кроме того, утверждая, будто с любыми действиями рабочих в основных капиталистических странах можно справиться благодаря международной мобильности трудовых ресурсов, Бреннер не принимает во внимание особенности того, как эта мобильность реально действовала на ранних стадиях Большого спада. По большей части капитал, экспортировавшийся в этот период из Великобритании и других основных стран, использовался не на передислокацию промышленного производства, но только на создание инфраструктуры в зарубежных колониях, расширение спроса на британскую продукцию и продукцию других метрополий при одновременном увеличении поставок дешевого сырья и товаров, покупаемых на заработную плату. Вовсе не подрывая возможностей рабочего класса в главных капиталистических центрах, эта схема зарубежных инвестиций его консолидировала. В то же время, хотя постоянная иммиграция могла сдерживать рост влияния американских рабочих, массовая эмиграция, в особенности из Великобритании, несомненно, способствовала усилению европейского рабочего класса. Как замечает Горан Терборн (Goran

¹ Один из вариантов ответа на эти вопросы см.: Silver (2003: 131–38).

Therborn), в XIX веке Европа в целом, и прежде всего Великобритания, имела практически неограниченные возможности для миграции рабочего класса: «Рабочие эмигрировали даже из центра мировой промышленности (Англии)... По самым скромным оценкам, около 50 млн европейцев эмигрировали с континента в 1850–1930 годах, что составляет примерно 12% населения Европы в 1900 году»¹.

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что постоянное и общее сжатие доходности конце XIX века было вызвано не только интенсификацией конкуренции между капиталистами, но и эффективным сопротивлением рабочих попыткам переложить на них издержки конкуренции, а также тем, что капиталистам было нелегко справиться с этим сопротивлением. Отчасти в связи с этими трудностями по окончании спада 1873–1896 годов капиталистическая конкуренция все больше политизируется: преобладающими в динамике горизонтальной и вертикальной борьбы становятся настоящие войны между восходящими и клонящимися к закату капиталистическими державами, а не ценовые войны между капиталистическими предприятиями. С конца 1890-х и до Первой мировой войны это изменение способствовало восстановлению доходности. Однако в конечном счете оно завершилось падением всего мирового рынка (имевшего своим центром Соединенное Королевство) и новым, еще более ожесточенным раундом межимпериалистической борьбы. В 1930-е и 1940-е годы мирового рынка практически уже не было. По словам Эрика Хобсбаума (Eric Hobsbawm), мировой капитализм отступил «в хижину национальных экономик и соответствующих колониальных государств»².

В этих условиях борьба между капиталом и рабочим классом развивалась по двум отдельным и все более расходившимся направлениям. Одно, преимущественно «социальное», гнездились на производстве, и его главным оружием была та сила разрушения, которую массовое производство вкладывает в руки рабочих, находящихся в стратегически важных местах. Это направление возникло в Великобритании конца XIX века, но окончательно оформилось в Соединенных Штатах. Другое направление, преимущественно «политическое», зародилось в бюрократических структурах политических партий, и его

¹ Therborn (1995: 40).

² Hobsbawm (1991: 132).

оружием были захват государственной власти и быстрая модернизация тех стран, которые подпали под его контроль. Это направление зародилось в континентальной Европе, собственно, в Германии, но окончательно оформилось в СССР¹.

Решающим для разделения борьбы рабочего класса и капитала на эти два направления стали мировые войны. Оба вида борьбы развиваются по одной схеме: открытое сопротивление рабочего класса возрастает накануне обеих войн, снижается во время собственно конфликтов и вновь взмывает вверх после войны. Русская революция произошла на волне подъема сопротивления рабочего класса во время Первой мировой войны, а на волне подъема сопротивления рабочего класса во время Второй мировой коммунистические режимы распространились в Южную и Восточную Европу, в Китай, Северную Корею и Вьетнам. Именно в этом контексте эскалации сопротивления рабочего класса в главных капиталистических странах и распространения коммунистической революции в периферийных и полупериферийных регионах определились социальные параметры американского послевоенного мирового порядка². Определяющими для формы и интенсивности борьбы рабочих в этот период стали форма и интенсивность конкуренции между капиталистами — то есть межимпериалистическое соперничество и мировые войны. Однако воздействие борьбы рабочих на развитие конфликтов между капиталистами в первой половине XX века было еще сильнее, чем во время Большого спада 1873–1896 годов. И в самом деле, если бы не это воздействие, было бы трудно объяснить, как в конце Второй мировой войны установилось то, что Аристид Зольберг (Aristide Zolberg) назвал международным режимом «в интересах рабочих»³.

¹ Arrighi and Silver (1984).

² Silver (2003: 125–131, 138–161).

³ Zolberg (1995). Конечно, реформы, проведенные «в интересах рабочих» с установлением гегемонии США — то есть макроэкономическая политика, предполагающая полную занятость, — сопровождалась жестоким подавлением любого движения рабочих, выступавших за более глубокие социальные преобразования, чем те, которые предлагались послевоенным общественным договором. Тем не менее реформы, начатые под давлением нараставших волнений рабочих и распространения коммунистической революции, представляют собой гораздо более значительные преобразования, чем режим *laissez-faire*, характерный для времени британской мировой гегемонии. См.: Arrighi and Silver (1999: 202–207); Silver (2003: 157–158).

Одновременно с восстановлением (при спонсировании Соединенными Штатами) мирового рынка на новых и более твердых основаниях этот режим создал институциональные условия для восстановления системной доходности, что стало основой длительного бума 1950-х и 1960-х годов. У меня нет особых возражений против точки зрения Бреннера, что «неравномерное развитие», как он употребляет этот термин, стало ключевым и определяющим и для длительного бума, и для последовавшего затем длительного спада. Но утверждение Бреннера, будто борьба между капиталом и рабочим классом не играла сколько-нибудь значительной роли в размахе, продолжительности и форме спада, в данном случае кажется еще менее оправданным, чем в отношении аналогичных предшествующих периодов.

Для начала отметим, что в конце XX века борьба рабочих играла еще более определяющую роль по сравнению с капиталистической конкуренцией, чем в конце XIX века. Если раньше обострение борьбы труда и капитала и наибольший рост реальной заработной платы *следовали* за спадом, то во второй половине XX века эти явления *предшествовали* спаду. Защищая свою позицию, то есть не соглашаясь с тем, что из-за действий рабочих произошло системное и устойчивое сжатие прибыли, Бреннер останавливается почти исключительно на сдерживании влияния рабочих в Соединенных Штатах в конце 1950-х и начале 1960-х годов: поскольку это сдерживание имело место перед кризисом доходности, заявляет он, кризис не мог быть вызван давлением рабочих¹. К сожалению, поскольку Бреннер видел только одно «дерево» — краткий и локальный эпизод классовой борьбы, он не увидел «леса» — поднявшейся *многонациональной* волны столкновений из-за заработной платы и условий труда, которые в 1968–1973 годах привели к тому, что Фелпс Браун (E. N. Phelps Brown) выразительно назвал «зарплатным взрывом»². Случившись после двадцати лет роста реальной заработной платы в главных регионах мировой экономики, а также в период усиления капиталистической конкуренции, этот взрыв оказал не просто системное давление на доходность, как многие уже подчеркивали³. Еще важнее то, что он оказал сильное и

¹ Brenner (1998: 52–54, 58–63; 1999: 121–122).

² Phelps Brown (1975).

³ См., в частности: Itoh (1990: 50–3); Armstrong, Glyn and Harrison (1984: 269–276); Armstrong and Glyn (1986).

продолжительное воздействие на дальнейшее направление капиталистической конкуренции.

Теперь мы можем выделить еще одно отличие двух спадов конца века. Бреннер, хотя он иногда и упоминает ценовую инфляцию, в целом не обращает внимания на особый инфляционный характер описываемого им спада — характер, который тем более заметен, если сопоставить его со спадом конца XIX века, имевшим выраженный дефляционный характер. Бреннер не занимается этой особенностью, как не поднимает он и связанного с ней вопроса, почему во время кризиса доходности 1965–1973 годов была разорвана последняя слабая связь между денежным обращением и металлическим стандартом, в противоположность тенденции 1870-х и 1880-х годов, когда все больше распространялось использование золотого (или иного металлического) стандарта.

Хотя Бреннер и не говорит об этом прямо, он признает, что отказ Вашингтона в 1970 году пусть и нерешительно, но пресекать спекуляции против обеспеченной золотом долларовой системы был не просто хитрой попыткой перенести давление на прибыль с американских промышленников на японских и немецких посредством радикального преобразования валютных курсов. Как между прочим замечает Бреннер, «политическая цена проведения серьезной антиинфляционной политики... скоро оказалась неприемлемой для администрации Никсона»¹. Правда, он не уточняет, что это была за «политическая цена» и была ли она связана с отношениями труда и капитала. Далее мы увидим, что для Соединенных Штатов эта цена касалась не только их положения в мире, но и внутренних дел. Тем не менее даже в Соединенных Штатах, где бушевали острейшие социальные конфликты в связи с войной во Вьетнаме и борьбой за гражданские права внутри страны, политическая цена подчинения денежного обращения дисциплине металлического стандарта, несомненно, включала в себя социальную составляющую, в том числе издержки и риски отчуждения рабочего класса от идеологии и политики правящего блока².

Фактически самое убедительное свидетельство роли, которую сыграло давление труда в окончательном падении золотого стандарта, мы находим не в США, а в стране, которая в

¹ Brenner (1998: 120–121).

² Silver (2003: 161–163).

1960-е была самым стойким поборником возвращения к золотовалютному режиму, — в деголлевской Франции. Франция перестала выступать за золотой стандарт неожиданно, в мае 1968 года (и никогда к этому не возвращалась), когда де Голлю пришлось очень существенно повысить заработную плату, чтобы не допустить присоединения рабочих к бунтующим студентам. При автоматической зависимости денежного обращения от металлического стандарта такое повышение было бы невозможно. Прекрасно это сознавая, де Голль сделал все необходимое для восстановления общественного мира и оставил мысли о возвращении к золоту¹.

Опыт Соединенных Штатов и Франции ясно показывает, что рычаги влияния, имевшиеся у рабочих, при переходе от бума к относительной стагнации в конце 1960-х — начале 1970-х годов уже не были лишь проявлением капиталистической конкуренции, как в начале спада конца XIX века². Теперь они стали важным самостоятельным фактором, влиявшим не только на сжатие доходности, лежавшей в основе этого перехода, но и на направление спада по инфляционному, а не дефляционному пути. Сказанное не исключает действия капиталистической конкуренции на сжатие доходности; равным образом оно не означает, что рабочие и представляемая ими общественная сила получали выгоду от инфляционной природы спада — конечно нет. Сказанное означает лишь то, что модель Бреннера — почти исключительное преобладание капиталистической конкуренции над борьбой труда с капиталом — соответствует реальности последнего Большого спада еще меньше, чем это было верно для предыдущего.

Пристальнее взглядевшись в воздействие мобильности капитала на трудовые рычаги, мы получим новые подтверждения

¹ Совершенно забытая сегодня связь майских событий с резким прекращением выступлений Франции за золотой стандарт не была замечена и в свое время. Я, однако, живо помню (по газетным сообщениям), как в мае 1968 года Франция резко прекратила поддерживать золотой стандарт как средство бросить вызов превосходству американского доллара.

² Как отмечалось в главе 4, реальная заработная плата росла на всем протяжении Великой ценовой депрессии 1873–1896 годов, и хотя в 1880-х и 1890-х рост заработной платы можно приписать сопротивлению рабочих урезанию номинальной зарплаты, сначала этот рост был обусловлен исключительно капиталистической конкуренцией, быстрее снижающей цены, чем заработную плату.

нашего заключения. В 1970-х годах особо сильно проявилась тенденция к миграции капитала, включая промышленный капитал, в страны с более низкими доходами и более низкой заработной платой. Тем не менее, как детально задокументировал Беверли Сильвер (Beverly Silver), перенесение промышленной деятельности из более богатых стран в более бедные нередко приводит не к «гонке взаимных уступок», а к возникновению новых сильных рабочих движений в тех регионах инвестиций, где зарплата ниже. Хотя поначалу корпорациям особенно привлекательными казались страны третьего мира — Бразилия, Южная Африка, Южная Корея с их дешевой обучаемой рабочей силой, распространение там капиталоемких отраслей производства массовой продукции привело к появлению нового боевого рабочего класса, обладавшего значительной разрушительной силой. Эта тенденция была очевидна уже в конце XIX и в начале XX века в текстильной промышленности, главной отрасли промышленности британского капитализма. Но она проявилась гораздо сильнее в ведущих отраслях американской капиталистической промышленности, в частности в автомобильной¹.

Так, попытки капиталистов обойти давление рабочих на прибыль за счет перемещения производства лишали капитал немалых преимуществ, таких как размещение вблизи богатых рынков и в более безопасных политических условиях, и не приносили ожидаемого выигрыша в виде избытка низкооплачиваемых и легко поддающихся дисциплине трудовых ресурсов. Эта тенденция вкупе с некоторыми другими (которые мы рассмотрим позднее) внесла свой вклад в массовое перенаправление потоков транснационального капитала в 1980-х годах из регионов низкой и средней доходности в Соединенные Штаты. Я не отрицаю того факта, что передислокация производства подрывала влияние рабочего движения в тех странах, которые пережили мощный чистый отток капитала. Я просто говорю, что в целом это явление в результате обернулось против самой доходности, а что касается Соединенных Штатов, то там чистый отток средств вскоре превратился в колоссальный чистый

¹ Silver (2003: особенно главы 2 и 3). И Бреннер, и Сильвер применяют теорию жизненного цикла продукта Раймонда Вернона (Raymond Vernon, 1966). Бреннер (1998: 18) обращается к ней для того, чтобы подкрепить априорные основания своей собственной модели, а Сильвер (2003: 77–97) — для того, чтобы продемонстрировать ограниченность влияния перемещения производства на нейтрализацию сопротивления рабочих.

приток. И если во время Большого спада влияние рабочих снижалось (а оно так и было), то объяснение этого явления не следует искать исключительно в мобильности капитала.

Недостаточно убедительны и ссылки на миграцию рабочей силы. Действительно, в последние тридцать пять лет миграция рабочей силы, преимущественно из бедных стран, по сравнению с концом XIX века выросла чрезвычайно — создавая высокую конкуренцию для рабочих богатых промышленных стран. Тем не менее в конце XX века значительно возросла и способность рабочих в богатых странах бороться с конкуренцией иммигрантов (зачастую путем обращения к расистской идеологии и практике)¹.

Таким образом, аргументация Бреннера, согласно которой капиталистическая конкуренция была гораздо более важным фактором, чем борьба труда и капитала, в продолжительном и охватившем всю систему сокращении доходности, противоречит действительному историческому взаимодействию горизонтальных и вертикальных конфликтов. И хотя во всемирном масштабе конкуренция исторически действительно имела огромное значение — причем капиталистические войны мы считаем высшей формой этой конкуренции, — борьба труда с капиталом никогда не была всего лишь «зависимой переменной» величиной, появившейся накануне и на ранних стадиях последнего Большого спада². Противоречия между трудом и капиталом по поводу заработной платы и условий труда в главных регионах капитализма не только внесли свой вклад в сжатие доходности в критический период 1968–1973 годов, но и, что важнее, заставили правящие классы ведущих капиталистических стран пойти по инфляционному пути выхода из кризиса, отвергнув дефляционный путь.

Скажем прямо, что в конце продолжительного послевоенного бума влияние рабочих в ведущих регионах было столь велико, что развитие по пути серьезной дефляции представлялось слишком рискованным в социальном и политическом смыслах. Напротив, инфляционная стратегия, казалось, позволит эффективнее обойти рабочих, чем это мог сделать даже фактор их

¹ Эта возросшая способность проявила себя в том, что пропорционально миграционные потоки в конце XIX века были больше, чем сегодня, несмотря на то что средства транспорта стали лучше. См.: Held et al (1999: глава 6). Больше того, иммигранты встали во главе активной и успешной борьбы рабочих в США в 1990-х годах, например в кампании «Справедливость для уборщиков» (Justice for Janitors). См.: Waldinger et al (1998).

² См.: Arrighi and Silver (1999).

международной мобильности. Так что на самом деле с рабочими справилась великая стагнация-с-инфляцией 1970-х, стагфляция, как ее тогда называли, — и ее воздействие на конкуренцию и отношения труда и капитала, — которая лишила рабочих их влияния вплоть до полного его коллапса под воздействием контрреволюции Рейгана—Тэтчер. Но чтобы понять значение этого развития и его воздействие на последующее направление Большого спада, недостаточно рассмотреть отношения труда и капитала. Еще важнее остановиться на отношениях Юга с Севером, что мы теперь и сделаем.

На сцену выходит Юг

Критикуя сторонников экономики предложения, Бреннер противопоставляет их представлениям о мировой экономике как о сумме ее национальных компонентов свою попытку выделить в ней системные процессы с их собственной логикой.

Занимаясь главным образом институтами, политикой и властью, теоретики экономики предложения рассматривают страны в терминах национального государства и национальной экономики; для них международная экономика — это своего рода расширенный вариант национальных экономик, а системные экономические проблемы возникают из суммирования местных проблем. Я же, напротив, принимаю международную экономику — *накопление капитала и рентабельность системы в целом* — за теоретически выгодную позицию для анализа ее кризисов и кризисов ее национальных компонентов¹.

Хотя Бреннер и ставил перед собой обширнейшие задачи, он не выполнил обещаний и сосредоточился почти исключительно на трех национальных экономиках — американской, японской и немецкой — и их взаимоотношениях, лишь изредка затрагивая другие западноевропейские страны и «экономическое чудо» стран Восточной Азии. Китай мимолетно появляется в конце «Глобальной нестабильности» и на последних страницах «Бума и пузыря». В послесловии 2006 года к «Глобальной нестабильности» Бреннер не мог не упомянуть поразительные экономические успехи, сделанные Китаем со времени первой публикации книги. Впрочем, автор заявляет, что подъем Китая не меняет того вывода, который он делает на основе анализа экономики Соединенных Штатов, Германии и Японии².

¹ Brenner (1998: 23; выделено в оригинале).

² Brenner (2006: 323–329, 340–343).

Подавляющее большинство государств мира и основная часть населения, как видно, не оказывают никакого влияния на функционирование бреннеровской мировой экономики. Он, правда, признает, что, сосредоточившись на трех странах, «вносит некоторую диспропорцию», но, не уточняя существа этой диспропорции, продолжает ограничиваться рассмотрением лишь трех стран. Во-первых, в 1950 году Соединенные Штаты, Германия и Япония вместе «производили 60% продукции (по паритету покупательной способности) семнадцати ведущих капиталистических стран, а к 1994 году этот показатель повысился до 66%». Во-вторых, каждая из трех экономических систем «возглавляла большие региональные объединения, где эти страны не только лидировали, но и придавали динамизм остальным». И наконец, «взаимодействие этих трех экономических систем было... одним из ключевых моментов продвижения вперед развитого капиталистического мира в послевоенный период»¹.

Однако у нас есть основания поставить эти выводы под сомнение. Действительно, общий вес трех рассматриваемых экономик велик, но меньше, чем устанавливают источники Бреннера². Тем не менее, как видно на графике 3.1, их совокупная доля в мировом экспорте долгое время оставалась ниже 30%, и хотя в 1980-е годы рост доли немецкого и японского экспорта компенсировал и даже перекрывал падение американского экспорта, с середины 1990-х доли всех трех стран быстро снижались, а экспорт Китая быстро возрастал. Более того, совокупная доля добавленной стоимости в производстве этих трех стран — на чем сосредоточен Бреннер — значительно уменьшилась во время Большого спада. Это снижение было прежде всего вызвано быстрой индустриализацией многих стран мирового Юга — что Элис Амсден (Alice Amsden) назвала

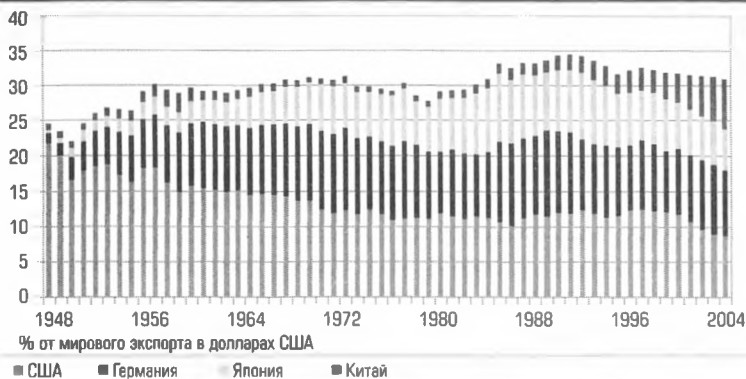
¹ Brenner (1998: 9).

² Если использовать данные Всемирного банка, включающие больше показателей, их совокупная доля в мировом ВВП остается практически неизменной, изменяясь лишь незначительно, от 53,1% в 1960 году до 53,6% в 1999-м (по подсчетам Всемирного банка в 1984-м и 2001 годах). В мировой ВВП не включаются бывшие коммунистические страны (СССР и Восточная Европа), а также другие страны, для которых нет сопоставимых данных на 1960-й и 1999 годы. Однако есть все основания полагать, что исключение этих данных увеличило приведенные цифры самое большее на 1–2%.

подъемом «остальных»). Даже без учета Китая доля мирового Юга в добавленной стоимости, созданной мировой обрабатывающей промышленностью, выросла с 10,7% в 1975 году до 17,0% в 1998-м, а его доля в мировом экспорте промышленных товаров росла еще быстрее и поднялась с 7,5% в 1975 году до 23,3% в 1998-м¹. Обращаясь к экономике мирового Юга лишь попутно и бегло, Бреннер упускает один из самых динамичных элементов интенсификации конкуренции, которой он приписывает величайшую важность.

Вторая проблема, возникающая в связи с тем, что Бреннер ограничивается тремя странами, гораздо серьезнее: анализируя динамику развития капитализма, он фактически исключает из рассмотрения политику. Несомненно, взаимоотношения Соединенных Штатов, Японии и Германии были одним из решающих факторов эволюции мирового капитализма после Второй мировой войны, но, конечно, не единственным и даже не самым важным. Как пришлось признать Бреннеру (цитата мы привели в главе 4), во время Большого бума взаимодействие Соединенных Штатов с Германией и Японией полностью определялось рамками отношений Соединенных Штатов, СССР и Китая, диктуемых холодной войной. Глубокое влияние на кризис доходности, обозначивший переход от Большого бума к Большому спаду, как и на Великую стагнацию 1970-х, оказал параллельный кризис американской гегемонии, который был вызван эскалацией вьетнамской войны и последующим поражением США. Что до неолиберальной контрреволюции Рейгана—Тэтчер, то она не была всего лишь (или в первую очередь) ответом на неразрешенный кризис доходности, она прежде всего была ответом на углубление кризиса гегемонии. И все время конкуренция между капиталистами и взаимодействие трех крупнейших мировых экономик определялись широким мировым политическим контекстом. Почти полное отсутствие этого контекста в изложении Бреннера есть

¹ Amsden (2001 and 2003: таблицы 1 и 2). Пересчитывая показатели Амсдена с тем, чтобы включить Китай, я получил рост доли Юга в добавленной стоимости, созданной мировой промышленностью, с 11,9% в 1975 году до 21,8% в 1998-м. Как будет указано далее, это увеличение доли Юга в добавленной стоимости, созданной промышленностью, отражает сильную конвергенцию Юга с Севером по уровню индустриализации, которая, однако, сопровождалась отсутствием конвергенции по доходам. См.: Arrighi, Silver and Brewer (2003a, 2003b, 2005).

Источник: WTO International Trade Statistics

на самом деле источник не только искажений, но и неопределенности.

Рассмотрим теперь связь кризиса доходности конца 1960-х — начала 1970-х годов и одновременного падения золотого стандарта доллара. Как мы видели, Бреннер молча признает, что свою роль в отказе от золота сыграли политические соображения, но тем не менее он считает, что первым и определяющим фактором была конкурентная борьба между американскими производителями и их немецкими и японскими конкурентами. Мы уже отмечали шаткость этого аргумента, игнорирующего сравнительно независимую роль сопротивления рабочих в этом кризисе. Однако самым важным была не конкуренция между капиталистами и не отношения между трудом и капиталом, но прямое, а в особенности косвенное воздействие эскалации вьетнамской войны на платежный баланс Соединенных Штатов. Хотя Вьетнам в изложении Бреннера показательно отсутствует, эти «вьетнамские» проблемы нет-нет да и проглядывают у автора. Так, говорится, что «возросшие расходы на войну во Вьетнаме» были причиной внезапного роста инфляции в США, которая в 1965–1973 годах замедлила, хотя и не остановила совсем рост реальной заработной платы. Этот рост инфляции, в свою очередь, вызвал ослабление конкурентного положения американских производителей как внутри страны, так и за рубежом по сравнению с положением их немецких и японских конкурентов¹.

¹ Brenner (1998: 97; 2002: 102, 119).

Эти случайные наблюдения демонстрируют, что даже Бреннер вынужден признать, что за усилением конкуренции Соединенных Штатов с иностранными производителями и превратностями борьбы между трудом и капиталом в США и других странах просматривается в высшей степени систематическая и при этом политическая переменная, которую он в своем исследовании не принял во внимание. Эта незамеченная переменная есть борьба за власть, в ходе которой правительство США стремилось силовыми методами сдерживать национализм и коммунизм в третьем мире. Эскалация войны во Вьетнаме не смогла остановить сопротивления вьетнамцев, напротив, она вызвала к жизни широкую оппозицию войне в самих США, и эта борьба достигает наивысшей точки в те же годы, что и кризис доходности. Как я указывал в другом месте, издержки войны, включая расходы на программы, призванные остановить рост оппозиции внутри США, не только еще больше уменьшали прибыль, но и стали основной причиной коллапса бреттон-вудского режима установления фиксированного валютного курса и последовавшей затем массивной девальвации американского доллара¹.

Как считает Бреннер, девальвация доллара 1969–1973 годов помогла Соединенным Штатам переложить груз кризиса доходности на Германию и Японию и сдерживать давление на доходы роста заработной платы внутри страны. Но я бы сказал, что это перераспределение груза было скорее побочным продуктом той политики, которая имела своей главной целью освободить правительство США в его борьбе за влияние в третьем мире от монетарных пут. По крайней мере, поначалу упразднение золотого стандарта дало правительству США исключительную свободу действий в том, чтобы получать мировые ресурсы за счет простой эмиссии своих денег². Впрочем, эта свобода не предотвратила поражения Соединенных Штатов во Вьетнаме и не остановила стремительного падения престижа США, а затем и их мощи. Скорее даже наоборот, она усугубила это падение, запустив мировую инфляционную спираль, которая угрожала разрушить всю кредитную систему США и мировую структуру накопления капитала, от которой

¹ Arrighi (1994: 300–308, 320–321).

² Parboni (1981: 47, 89–90).

американские богатство и сила теперь зависели больше, чем когда-либо¹.

Падение американской мощи и престижа достигло самой низкой точки в конце 1970-х, когда произошли революция в Иране, новый подъем цен на нефть, вторжение Советского Союза в Афганистан и другие серьезные испытания американского доллара. Бреннер едва упоминает этот углубляющийся кризис гегемонии США как контекст 1979–1982 годов, когда американское правительство перешло от мягкой экономической политики к политике чрезвычайной строгости. Он, правда, объясняет эту перемену «невероятным натиском на доллар, который угрожал его положению как международной резервной валюты». Но он не дает сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этого поворота и не уделяет внимания страхам арабов по поводу Афганистана и Ирана, каковые (согласно утверждению *Business Week*) стояли за подъемом цены на золото до наивысшего в истории значения 875 долларов в январе 1980 года². Как и в случае ликвидации золотовалютного стандарта доллара десятью годами ранее, главной движущей силой монетаристской контрреволюции 1979–1982 годов были война и революция на мировом Юге, а не конкуренция между капиталистами трех крупнейших экономик мира. Фундаментальные изменения в монетарной сфере снова оказали значительное воздействие как на капиталистическую конкуренцию, так и на классовую борьбу в ведущих промышленных регионах мира. Но сильнейшим стимулом этих перемен был неразрешенный кризис американской гегемонии в третьем мире, а не кризис доходности как таковой.

Для определения особенностей Большого спада конца XX века сравним его со спадом 1873–1896 годов. В этих двух спадах различия в отношениях Юга и Севера, хотя о них редко говорят, еще более существенны, чем противоречия между трудом и капиталом. Самое важное и всеобъемлющее отличие состоит в том, что первый Большой спад пришелся на время последних и наиболее масштабных территориальных завоеваний Севера и

¹ Arrighi (1994: 310–314, 317–320). Как мы увидим в главе 6, так называемый первый нефтяной шок 1973–1974 годов был решающей промежуточной переменной в мировой инфляционной спирали, соединившей кризис американской гегемонии конца 1960-х — начала 1970-х годов с разрушительным натиском на американский доллар конца 1970-х.

² Цит. по: Moffitt (1983: 178).

колонизации Юга, в то время как позднейший спад происходил в конце величайшей в мировой истории деколонизации¹. Между этими двумя мировыми событиями произошел «бунт против Запада» первой половины XX века, который (как считал Барраклу, см. введение) знаменовал начало совершенно новой эпохи мировой истории. Хотя в 1990-х казавшаяся неограниченной власть Запада выставила бунт Юга как событие незначительное, если не бесполезное, ни истоки, ни траектория, ни последствия последнего Большого спада не могут быть правильно поняты, если не принимать во внимание кардинальную перемену в отношениях Юга и Севера, случившуюся за полвека до того. В подтверждение этого тезиса я снова обращаюсь к монетарным аспектам двух Больших спадов.

Выше мы уже установили, что последний спад принял инфляционный характер, потому что было невозможно (ни в социальном, ни в политическом смысле) подчинить отношения труда и капитала в ведущих регионах дисциплине металлического стандарта, как в конце XIX века. Однако природа и сила социальной напряженности в ведущих промышленных регионах сами в высокой степени зависят от политических особенностей отношений того или иного экономического центра с периферийными регионами. Посмотрим, как была связана приверженность Великобритании золотому стандарту с извлечением ею доходов из Индийского субконтинента. Индийская империя Великобритании находилась в критическом положении по двум главным параметрам.

Во-первых, в военном отношении: по словам лорда Солсбери, «Индия — это английская казарма у восточных морей, где мы можем совершенно даром взять столько войск, сколько хотим»². Финансируемые исключительно индийскими налогоплательщиками, эти войска представляли собой колониальную армию в европейском стиле и постоянно использовались в бесконечных войнах, посредством которых Великобритания открывала для западной торговли, инвестиций и влияния Азию и Африку³.

¹ О волнах колонизации и деколонизации см.: Bergesen and Schoenberg (1980).

² Цит. по: Tomlinson (1975: 341).

³ В Азии и Африке в период 1837–1900 годов Великобритания провела 72 военные кампании. Bond (1967: 309–311). По другим подсчетам, в 1803–1901 годах Великобритания воевала в 50 крупных колониальных войнах. Giddens (1987: 223).

Эти войска были «железной рукой в бархатной перчатке викторианской экспансии... главное средство принуждения в распространении по миру промышленного капитализма»¹. Еще в 1920 году солдаты из Индии составляли 87% в войсках Великобритании, введенных в Ирак для подавления массового восстания против британской военной оккупации: «Возможно, величайшая проблема англоязычной империи нашего времени очень проста: у Соединенного Королевства была индийская армия, у Соединенных Штатов ее нет»².

Во-вторых, и это не менее важно: печально известные «сборы на метрополию» и контроль Банка Англии за валютными резервами Индии превратили Индию в «точку опоры» в деле завоевания Великобританией мирового финансового и коммерческого первенства. Дефицит платежного баланса Индии в расчетах с Великобританией и активное сальдо со всеми другими странами позволили Великобритании покрыть свой дефицит текущего счета операций со всем остальным миром. Без принудительного взноса Индии на платежный баланс имперской Великобритании последняя не смогла бы «использовать доход от своих зарубежных инвестиций для дальнейших капиталовложений за границей и вернуть в международную валютную систему ликвидные средства, которые она получила в виде дохода на инвестиции». Более того, денежные резервы Индии «составили тот фонд, *masse de manœuvre*, который британские финансовые органы могли использовать для пополнения собственных резервов и для того, чтобы Лондон оставался центром международной финансовой системы»³.

Навязывая денежную дисциплину в стране и рабочим, и капиталистам, правящие круги Великобритании столкнулись с

¹ Washbrook (1990: 481).

² Ferguson N., *Cowboys and Indians*. The New York Times, May 24, 2005. В 2003 году США оказали сильное давление на правительство Индии, чтобы та ввела в действие целую дивизию численностью 17 тысяч человек. Но даже если бы индийское правительство согласилось, внутривластная ситуация в стране просто не позволила бы сделать это: «Оглядываясь назад, понимаешь, что это было решающим событием первых тридцати месяцев иракской войны. Отсутствие индийских войск означало, что никаких других больших подкреплений [как ни странно, за исключением британского контингента] коалиции ждать было неоткуда». Rogers P. *Fragments of the 'War on Terror'*. OpenDemocracy, August 25, 2005.

³ De Cecco (1984: 62–63). Полный перечень того, что Англия получила от Индии в конце XIX — начале XX века, см.: Bagchi (2005: 239–243).

совершенно иной ситуацией, чем руководители Соединенных Штатов столетие спустя. Осуществление функций мирового гегемона, включая бесконечные войны на мировом Юге, в свое время не вызывало инфляционного давления, подобного тому, какое вызвала в США вьетнамская война. Войны Великобритании не только обеспечивались индийскими деньгами, но и велись индийскими и другими колониальными войсками, они не потребовали тех расходов, которые правительство США должно было понести для сдерживания внутренней оппозиции растущим военным потерям.

Но помимо покрытия военных расходов в отличие от США в конце XX века Великобритания могла интернализировать доходы, то есть воспользоваться ими для своих внутренних потребностей, и, напротив, экстернализовать, распределить между колониями, расходы на бесконечные «структурные реформы» в связи с переходом английской валюты на металлический стандарт. Принудительный контроль над активным сальдо платежного баланса Индии позволил Великобритании переложить груз собственного постоянного торгового дефицита на индийских налогоплательщиков, рабочих и капиталистов¹. В постколониальном мире такое прямое принуждение было уже невозможно. Перед Соединенными Штатами встал суровый выбор: или сальдировать торговый и расходный дефицит решительным сокращением национальной экономики и зарубежных вложений, или отдавать все большую долю доходов зарубежным кредиторам. Выбор инфляционной стратегии управления кризисом был продиктован не только общественной и политической невозможностью подвергнуть американскую экономику серьезному сокращению, но и тем, что эта стратегия могла облегчить конкурентное давление на американских производителей со стороны иностранных производителей. Кроме того, это была более или менее осознанная попытка не выбирать между двумя в равной степени неприемлемыми вариантами. Углубляющийся кризис гегемонии США в конце 1970-х и вызванный им невероятный натиск на доллар были суровым напоминанием, что откладывать выбор больше нельзя.

Монетарная контрреволюция, начатая в последний год пребывания у власти администрации Картера и активно проводимая при Рейгане, была прагматическим ответом на эту ситуацию. Как замечает Бреннер, полная смена курса скорее

¹ О постоянном торговом дефиците Великобритании см. также: Frank (1978) и de Cecco (1984).

усугубила кризис доходности, чем смягчила его. Но он не замечает, что эта смена действительно остановила, вопреки ожиданиям ее противников, стремительный упадок мощи Соединенных Штатов предшествующих пятнадцати лет¹. Чтобы понять, почему вдруг процесс пошел вспять, мы снова должны перенести фокус нашего анализа и рассмотреть критически те процессы конкуренции между капиталистами, которые Бреннер ставит в центр своего исследования.

Финансовые основы возрождения США

Бреннер, как мы видели, приписывает постоянное «перепроизводство и избыток мощностей» после 1973 года отчасти поведению давно работающих на рынке компаний с более высокими издержками, у которых были «все основания защищать свои рынки и контратаковать, ускоряя процесс совершенствования технологий и дополнительных инвестиций в основной капитал», а отчасти — действиям правительств США, Японии и Германии, которые скорее усиливали, а не ослабляли основную тенденцию «слишком малого числа выходов из процесса и слишком большого числа входов в него». Мы также заметили, что если действия правительств занимают в рассказе Бреннера центральное положение, то теоретически более важные рассуждения о компаниях по большей части носят характер дедуктивных выводов на базе косвенных свидетельств.

Главный недостаток этого решающего аргумента состоит в том, что он сфокусирован почти исключительно на производстве. Бреннер прямо не объясняет этого, как не объясняет он и того, почему его анализ построен на экономике США, Японии и Германии. Теоретическое и историческое определение капитализма именно как *промышленного* капитализма, которое поддерживает большинство ученых, как марксистов, так и немарксистов, Бреннер принимает за догмат вероучения, не требующий разъяснений. Однако доля добавленной стоимости в мировом производстве была сравнительно небольшой и постоянно сокращалась: с 28% в 1960 году до 24,5% в 1980-м и до 20,5% в 1998-м. Причем в большей степени она сокращалась в «развитых», в понимании Бреннера, капиталистических странах, так что совокупный показатель для Северной Америки, Западной Европы, Австралии и

¹ Arrighi (1994: 323–324).

Японии упал с 28,9% в 1960 году до 24,5% в 1980-м и до 19,7% в 1998-м¹.

Хотя Бреннер и осознавал наличие этой проблемы, он считал ее симптомом экономического кризиса, а не поводом, чтобы подвергнуть сомнению свою сосредоточенность исключительно на производстве. Но гигантскую экспансию непроизводственных отраслей в 1980-х он считал «симптомом глубокого спада экономической активности, сопровождающего кризис промышленности в экономике США, который можно для удобства называть деиндустриализацией со всеми вытекающими из этого негативными последствиями»². Так что лишь в одном случае Бреннер посчитал необходимым объяснить, почему его в первую очередь интересует промышленность.

Уже давно аналитики преуменьшают важность производственных отраслей, указывая на сокращение их доли в общей занятости и в ВВП. Но в 1990-е годы американский производственный сектор в целом все еще дает 46,8% общих доходов, относящихся к нефинансовому сектору (экономика в целом минус финансовый сектор в целом), в 1999 году он дал 46,2%. Этот рост доходности производственных отраслей (рассчитанный до уплаты налогов) и стал источником параллельного восстановления доходности в частной экономике в целом³.

Но даже если не принимать во внимание тот факт, что причины исключения показателей финансового сектора неясны, надо признать, что такое объяснение не выдерживает проверки фактами. Как показала на основе тщательного анализа доступных данных Грета Криппнер (Greta Krippner), в 1980-х годах общие доходы финансового сектора, страхования и недвижимости почти сравнялись с долей доходов производственных отраслей (а в 1990-х превзошли ее). Но еще важнее, что в 1970-х и 1980-х годах сами нефинансовые компании резко увеличили инвестиции в финансовые активы по сравнению с инвестициями в строительство и оборудование, их доходы все больше стали зависеть от финансовых источников, нежели от

¹ Процентные показатели были рассчитаны Всемирным банком в 1984-м и в 2001 годах. Приведены показатели для тех стран, относительно которых имелись данные в 1960-м, 1980-м и в 1998 годах. Добавленная стоимость — это ВВП.

² Brenner (2002: 79).

³ Brenner (2002: 68–70; выделено в оригинале).

производственной деятельности. Особенно важен вывод Криппнер о том, что производство не только доминирует в этом процессе «финансиализации» реальной экономики, но и возглавляет его¹.

Бреннер нигде не приводит признаков перепроизводства и избытка производственных мощностей, а Криппнер приводит многочисленные признаки «финансиализации» реальной экономики. Однако Анвар Шейх (Anwar Shaikh) выделяет два признака «загрузки мощностей» в американской промышленности: один основан на его собственных расчетах, а другой — на расчетах Федеральной резервной системы, который мы можем грубо принять за обратный показатель избытка производственных мощностей². В течение всего периода 1947–1995 годов оба показателя постоянно колебались, не обнаруживая никакой долгосрочной тенденции. А именно, соответствуя логике Бреннера, оба показателя — в особенности показатель Шейха — показывают, что избыток мощностей в американской промышленности резко сократился в последние годы Большого бума и еще более резко вырос во время кризиса доходности, который знаменовал переход от Большого бума к Большому спаду. После 1973 года оба показателя, напротив, обнаруживают большие колебания, но ничто не поддерживает тезис Бреннера о том, что продолжительный спад характеризовался экстраординарным избытком мощностей. Таблицы ФРС демонстрируют возвращение показателей загрузки производственных мощностей к уровню 1950-х годов и не обнаруживают никакой

¹ Krippner (2005). Анализ Криппнер основан на данных, представленных в отчете о финансовых потоках ФРС; счетах национального дохода и производства Бюро экономического анализа; отчете о налоговых поступлениях IRS Corporation; а также на данных платежного баланса и данных IRS Corporation о зачете корпоративных налогов, уплаченных за границей.

² Shaikh (1999: 140–141). Проблема с использованием этих двух показателей (и вообще всякого показателя для замера бреннеровского «избытка мощностей») состоит в том, что, как мы уже отмечали, Бреннер всегда употребляет два понятия вместе: «перепроизводство» и «избыток производственных мощностей» — и нигде не разъясняет, как их разделить. Из-за этого невозможно выделить надежный показатель для «производства» и для «избытка мощностей». Но если только термин «избыток мощностей» не является «лишним», не имеющим собственного значения, есть основания полагать, что увеличение бреннеровского «избытка мощностей» отражается в уменьшении «загрузки мощностей», и наоборот.

тенденции ни в ту, ни в другую сторону. В то время как показатели Шейха указывают, что в 1970-е годы загрузка производственных мощностей была выше, чем в 1950-е, и продолжала расти в 1980-е и в 1990-е, что свидетельствует о сравнительно низком и к тому же постоянно снижающемся уровне избытка мощностей.

Принимая во внимание то, что можно вычислить при помощи этих приблизительных показателей, а также точные заключения Криппнер, можно всерьез усомниться в сделанных априори заключениях Бреннера относительно поведения давно присутствующих на рынке производителей с более высокими издержками. Основным ответом этих компаний на вторжение на их рынок конкурентов, издержки которых ниже, была не энергичная защита их инвестиций и контратака посредством дополнительных вложений в основной капитал, что еще больше увеличивает излишек производственных мощностей. Хотя такая реакция тоже имела место, основной ответ был, если смотреть с их позиций, гораздо более рациональным. Столкнувшись с ростом международной конкуренции, в особенности в секторах, связанных с интенсивной торговлей, таких как промышленность, действующие производители с высокими издержками ответили на падение доходности перенаправлением денежных потоков, полученных как доход от инвестиций в основной капитал и сырье, на ликвидность и накопление по финансовым каналам.

Это опытным путем установила Криппнер. Но этого мы должны были ожидать и теоретически, когда оборот на капитал, инвестированный в торговлю и производство, падает ниже некоторого уровня, а конкуренция между капиталистами делает итог нулевым или даже отрицательным. В этих условиях, которые, по Бреннеру, характеризуют Большой спад, высокими становятся риски и неопределенность при реинвестировании денежных потоков, полученных как доход, в торговлю и производство. Так что деловая хватка подсказывает, что их надо использовать для повышения ликвидности активов как оружия не только для защиты, но и для наступления в процессе эскалации конкурентной борьбы — как в отдельно взятой отрасли промышленности или другой сфере экономической деятельности, где до сих пор работала та или иная компания, так и на других возможных направлениях. Потому что ликвидность не только

старых видах деятельности, но также получить по договорной цене активы, клиентов и поставщиков менее рассудительных и «слишком богатых» предприятий, которые продолжали инвестировать средства, полученные в виде доходов, в основной капитал и сырье.

В некотором смысле эта стратегия конкурентной борьбы есть не что иное, как продолжение иными средствами логики продуктового цикла, которую и сам Бреннер использует в другом контексте. Логика продуктового цикла ведущих капиталистических структур конкретной эпохи состоит в том, чтобы постоянно переводить средства (используя всевозможные «инновации») из тех сегментов рынка, где уже слишком много игроков и потому меньше доход, в другие, пока еще не слишком переполненные и потому более доходные. Когда с усилением конкуренции на рынке уменьшается число сравнительно доступных и доходных сегментов, ведущие капиталистические структуры имеют лишь одно последнее прибежище, куда они могут отступить и где могут переложить конкурентное давление на других. Это последнее прибежище есть шumpетеровская «штаб-квартира капиталистической системы» — финансовый рынок¹.

В этом отношении американский капитал в конце XX века шел по пути, аналогичному тому, по которому шел британский капитал за сто лет до этого, что также было ответом на усиление конкуренции в промышленности через «финансиализацию». Как указывал Хелфорд Маккиндер (Halford Mackinder) в своем выступлении перед лондонскими банкирами на рубеже веков, когда «финансиализация» британского капитала достигла уже продвинутой стадии, индустриализация других стран повысила значение каждой отдельной клиринговой конторы, которая «всегда будет там, где владеют наибольшим капиталом... Ведь [мы] — в основном люди, владеющие капиталом, а те, кто владеет капиталом, всегда участвуют в деятельности мышц и мозгов в других странах»². Так действительно и было в

¹ Как уже отмечалось в главе 3 и будет подробнее рассмотрено в главе 8, эта тенденция интенсивной, охватывающей всю систему межкапиталистической конкуренции выливается в постоянную «финансиализацию» капитала является самым ярким проявлением связи всех различных форм, какие принимал исторический капитализм до и после промышленной революции. Более подробно эта тенденция рассмотрена в: Arrighi (1994: 220–238).

² Цит. по: Huggill (1993: 305).

эдвардианскую belle époque, когда почти половина активов Великобритании была размещена за рубежом и около 10% национального дохода составляли проценты на инвестированный за рубежом капитал¹.

Несмотря на гораздо более развитую экономику, военную мощь и политическое могущество Соединенных Штатов сравнительно с Британской империей, американскому капиталу было труднее участвовать в «деятельности мышц и мозгов в других странах» путем «финансиализации». Конечно, активность Америки по созданию вертикально интегрированных транснациональных корпораций была исключительно эффективным средством такого участия на протяжении XX века, и конечно, иммиграция в Соединенные Штаты на протяжении всей их истории «иссушала» мозги и мышцы по всему миру². Но в отличие от Великобритании XIX века Соединенные Штаты не были ориентированы на то, чтобы играть роль мировой клиринговой конторы; по отношению к мировой экономике США были скорее замкнутой на себя и в основном самодостаточной экономикой.

Это отличие подчеркивала исследовательская группа, организованная в начале 1950-х годов при содействии Фонда Вудро Вильсона и Национальной ассоциации планирования. Не соглашаясь с утверждением, «что достаточной интеграции мировой экономики можно снова достичь, по сути, теми же средствами, что и в XIX веке», ее участники отмечали, что Соединенные Штаты, хотя и являются, подобно Великобритании XIX

¹ Cairncross (1953: 3, 23). Как заметил Питер Матюас (Peter Mathias), британские зарубежные инвестиции «не были просто “действующим вслепую капиталом”, но “действующим вслепую капиталом” рантье (rentiers) в руках финансистов и бизнесменов, имевших в виду ту торговлю, которая расцветет, когда предприятие уже начнет свою деятельность». Строительство британских железных дорог в США и тем более в таких странах, как Австралия, Канада, Южная Африка и Аргентина, «помогало Великобритании... в открытии этих бескрайних просторов и развитии экспорта сырья». Mathias (1969: 329); см. также: Чапман (1992: 233 ff).

² Американские корпорации стали транснациональными почти тотчас, как завершили свою интеграцию с европейскими. Нутер (1972: 121). К 1902 году европейцы уже говорили об «американском вторжении», а в 1914 году прямые американские инвестиции за рубежом уже составляли 7% ВВП США — как и в 1966 году, когда европейцы снова заговорили об «американской угрозе». См.: Wilkins (1970: 71, 201).

века, крупнейшим кредитором, имеют совершенно иные отношения с миром, чем Великобритания. Последняя была «полностью интегрирована в мировую экономическую систему и в значительной степени обеспечивала ее нормальное функционирование благодаря своей зависимости от международной торговли, повсеместному влиянию своих коммерческих и финансовых институтов и тому факту, что основы ее национальной экономической политики не противоречили всемирной экономической интеграции». Соединенные Штаты же, напротив, «лишь частично интегрированы в мировую экономическую систему, с которой они также отчасти конкурируют, причем США имеют тенденцию периодически нарушать устоявшуюся форму и скорость функционирования этой мировой системы. Не существует каких бы то ни было американских коммерческих и финансовых институтов, которые связывали бы воедино мировую систему торговли и постоянно управляли ею»¹.

В условиях дальнейшей фрагментации разрушения мирового рынка, характерных для межкапиталистической борьбы первой половины XX века, масштаб американской экономики, ее замкнутость на себя и относительная самодостаточность давали американскому капиталу решающие преимущества в конкурентной борьбе. Первенство Америки в создании вертикально интегрированных транснациональных корпораций позволило ей преодолеть (посредством прямых инвестиций) необузданный протекционизм того времени. Тем не менее сам успех Соединенных Штатов в восстановлении единства мирового рынка и в его расширении после Второй мировой войны ослабил эти преимущества, а последовавшее затем усиление международной конкуренции в некоторых отношениях превратило эти преимущества в помехи.

Выросший и объединенный мировой рынок позволил компаниям из небольших, менее замкнутых на себя и менее самодостаточных стран получить экономику, по масштабам и возможностям сравнимую с экономикой американских компаний. Преимущества вертикально интегрированных, с бюрократизированным управлением, транснациональных корпораций — которые однозначно доминировали, пока исчислялись лишь

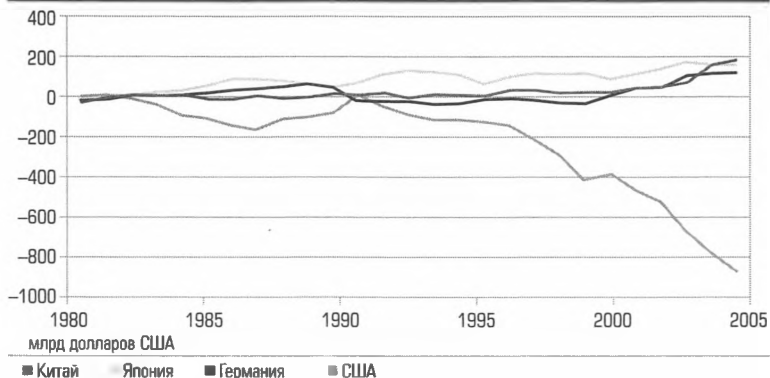
¹ Elliott (1955: 43). Необходимо иметь в виду это отличие, чтобы понять, почему даже на взлете либерального движения 1980–1990-х годов США не придерживались либеральных идей так строго, как Великобритания в конце XIX — начале XX века. См.: Silver and Arrighi (2003).

сотнями и при этом были в основном американскими, — быстро исчезли, как только их количество и разнообразие (включая национальные по происхождению корпорации) претерпели взрывной рост. К 1980 году их насчитывалось около 10 тысяч, к началу 1990-х — в три раза больше¹. С развитием между ними конкурентной борьбы они были принуждены заключать с малыми предприятиями субконтракты для того, что раньше выполнялось внутри их собственных организаций. Тенденция к вертикальной интеграции и бюрократизации бизнеса, позволившая американскому капиталу разбогатеть после 1870-х, теперь вытеснялась тенденцией устанавливать неформальные связи и оживлять зависимый малый бизнес².

Как мы покажем в следующих главах, это полное изменение тенденций в организации бизнеса стало решающим для поддержания конкурентоспособности восточноазиатских экономик относительно Соединенных Штатов. Пока же заметим, что неинтегрированность Соединенных Штатов в мировую экономику — притом что в первой половине XX века именно интегрированность была главным преимуществом американского капитала — теперь сдерживала способность американского капитала полностью использовать тенденцию к «финансиализации», которая в 1970-х годах набирала скорость как внутри страны, так и за рубежом под воздействием нараставшей конкуренции и связанного с этим кризиса доходности. Соответственно, и избранная при Никсоне инфляционная стратегия управления кризисом была контрпродуктивна. Хотя эта стратегия помогла переложить груз кризиса доходности с американского капитала на американских рабочих и иностранных конкурентов, в целом она привела к обратным результатам, потому что не привлекала, а отталкивала от американской экономики и доллара все возрастающую массу ликвидности, высвобожденную «финансиализацией» процессов накопления капитала в мировом масштабе. И наоборот, главная причина того, что монетаристская контрреволюция с таким оглушительным успехом остановила падение американской мощи, состояла в том, что она перенаправила громадные потоки мирового капитала в Соединенные Штаты, укрепляя доллар.

¹ *Stopford and Dunning (1983: 3); Ikeda (1996a: 48).*

² *Arrighi and Silver (1999: ch. 2); cf. Castells and Portes (1989: 27–29); Piore and Sable (1984: 4–5, 15, 19–20); Harrison (1994: 244–245).*

Источник: Международный валютный фонд, World Economic Outlook Database, September 2006

Перенаправление этих потоков превратило Соединенные Штаты из главного источника мировой ликвидности и прямых зарубежных инвестиций (каковым США были в 1950–1960-е годы) в главного мирового должника и поглотителя ликвидности — начиная с 1980-х и до настоящего времени. В каких масштабах шел этот процесс, можно оценить по изменению текущего счета платежного баланса Соединенных Штатов, как это представлено на графике 3.2. Бреннер, возможно, прав, когда сомневается в том, что в конечном счете уровень задолженности такого порядка может оказаться оправданным. Тем не менее нараставшая в течение примерно двадцати лет задолженность позволила Соединенным Штатам превратить разрушительный кризис 1970-х в новую *belle époque*, сравнимую с эдвардианской эпохой Великобритании, а в некоторых отношениях и даже гораздо более привлекательную.

В результате Соединенные Штаты при помощи финансов достигли того, чего они не могли достичь силой оружия, — победить в холодной войне и обуздать непокорный мировой Юг. Огромные зарубежные займы, в особенности у Японии, при Рейгане стали важнейшим условием гонки вооружений — в первую очередь, хотя и не исключительно, в рамках Стратегической оборонной инициативы, — чего, конечно, не мог позволить себе СССР. Одновременно США оказали щедрую помощь афганскому сопротивлению советской оккупации, так что СССР оказался в условиях двойной конфронтации, причем он не мог победить ни на одной стороне: в Афганистане, где его высокотехнологичная военная машина

столкнулась с теми же трудностями, которые привели к поражению США во Вьетнаме; и в гонке вооружений, где Соединенные Штаты могли мобилизовать гигантские финансовые ресурсы, недоступные Советам.

В то же время массивное перенаправление потоков капитала в Соединенные Штаты превратило «наводнение» капиталами, пережитое странами Юга в 1970-е годы, в неожиданную «засуху» 1980-х. Впервые проявив себя в 1982 году в виде мексиканского дефолта, эта «засуха», возможно, была единственным важным фактором переноса конкурентного давления с Севера на Юг и резко разделила страны Юга в 1980-х и в 1990-х годах. Регионы, которые по историческим причинам имели большие преимущества в борьбе за свою долю при расширении американского спроса на дешевые промышленные товары, — главным образом Южная Азия, — выигрывали от перенаправления потоков капитала, поскольку с улучшением их платежного баланса ослабевала необходимость конкурировать с США на финансовых рынках, так что некоторые из них превратились в главных кредиторов США. Другие регионы — в особенности Тропическая Африка и Латинская Америка — по историческим причинам оказались в крайне невыгодном положении в этой борьбе в связи с возросшим североамериканским спросом. Это накладывалось на трудности с платежным балансом, так что указанные страны оказались в невыгодном положении в прямой конкуренции с Соединенными Штатами на мировых финансовых рынках¹. В обоих случаях Соединенные Штаты выигрывали экономически и политически, поскольку американские деловые и правительственные структуры имели возможность мобилизовать для конкурентной борьбы и борьбы за влияние в мире как дешевое сырье и кредит, охотно предоставляемые «победителями» Юга, так и активы, которые «побежденные» Юга должны были волей-неволей отчуждать по договорным ценам.

Наконец, массивный приток иностранного капитала был важным условием проведения политики «кейнсианства с размахом», спасшего американскую и мировую экономику от глубокой рецессии, вызванной поворотом от чрезвычайно мягкой денежной политики к чрезвычайно жесткой. Глубокая рецессия, а также связанная с ней идеологическая и практическая

¹ *Общий анализ сравнительных преимуществ Восточной Азии и невыгодного положения Тропической Африки в новых условиях 1980-х и 1990-х годов см.: Arrighi (2002: 24–31).*

ликвидация государства всеобщего благосостояния оказались поворотным пунктом в полном уничтожении влияния рабочих в Соединенных Штатах и в других ведущих в экономическом отношении регионах. Конечно, стагнация 1970-х к тому времени уже изрядно подорвала сопротивление рабочих попыткам переложить тяжесть нарастающей конкуренции на их плечи. Но только в 1980-е в ведущих странах, в особенности в США, ослабло давление на зарплаты снизу и рабочие начали рассматривать правительственный контроль за инфляцией как лучший способ защитить свой уровень жизни. Как позднее открыто признавал советник Маргарет Тэтчер Алан Бадд (Alan Budd), «то, что в результате получилось, в марксистских терминах было кризисом капитализма, воссоздавшим резервную армию труда и позволившим затем капиталистам и дальше получать высокую прибыль»¹.

Как утверждает Бреннер, в Соединенных Штатах влияние рабочих ослабло больше, чем в других ведущих регионах, что способствовало восстановлению здесь доходности в 1990-е годы. В том же духе Алан Гринспен позднее приписывал больший успех Соединенных Штатов сравнительно с японскими и европейскими компаниями в увеличении производительности и прибыли тому, что Япония и Европа «были сравнительно негибкими и, следовательно, более дорогими рынками рабочей силы». «Поскольку увольнение рабочего обходится нам дешевле, — продолжает Гринспен, — то и стоимость найма или рисков, связанных с ростом занятости, ниже»². Без сомнения, все изложенное было фактором восстановления доходности в США в 1990-е годы, но ошибка Бреннера (и Гринспена) состоит в том, что они сосредоточены исключительно на производстве. Между тем полный поворот экономического развития произошел не из-за сравнительно медленного роста заработной платы в США, но из-за полной переориентации американской экономики в связи с преимуществами политики «финансиализации» в США и в мире в целом. С этой точки зрения «деиндустриализация» США и других ведущих регионов, без сомнения, отрицательно сказывалась на положении рабочих, производя на них самое непосредственное воздействие; но она не произвела столь же плачевного воздействия на американскую экономику в целом, в особенности на самые богатые слои

¹ Цит. по: Harvey (2000: 7).

² For Greenspan, Flexibility Key to U. S. Gains. *International Herald Tribune*, July 12, 2000.

общества. Скорее «деиндустриализацию» следует признать необходимым условием великого возрождения богатства и мощи Соединенных Штатов в 1990-е годы, когда, перефразируя высказывание Ландеса об эдвардианской эпохе, несмотря на бряцание оружием на Юге и бывшем Востоке и на признаки приближающегося столкновения цивилизаций, общее положение представлялось весьма благоприятным.

Глава 6

Кризис гегемонии

Говоря о трудностях в определении последовательности причин, которые вызвали экономический подъем Восточной Азии в 1970-х и 1980-х, Роберт Вейд (Robert Wade) подчеркивает, что «нам предстоит открыть замок с цифровой комбинацией, а не амбарный замок»¹. Это верно в отношении восточноазиатской экспансии и тем более верно в отношении глобальной нестабильности, на фоне которой эта экспансия происходила. Бреннеровское неравномерное развитие, без сомнения, есть элемент этой комбинации; но она никоим образом не является ключом к механизмам накопления капитала в мировом масштабе во второй половине XX века — от бума через кризис к относительной стагнации и *belle époque*.

Комбинация, которая действительно может открыть эти замки, — это установление и кризис мировой гегемонии США, в котором соединились и неравномерное развитие, и конкуренция между капиталистами, и деятельность государств. Излагая мысли Бреннера о глобальной нестабильности в более широкой социальной и политической перспективе, как я делаю это в главе 5, я буду прибегать к определению гегемонии, данному Грамши, как чего-то отличного от простого превосходства. Согласно этому определению, гегемония — это *дополнительная* власть, принадлежащая господствующей группе в силу ее способности *вести за собой* общество в том направлении, которое не только отвечает интересам этой господствующей группы, но и подчиненными общественными группами воспринимается как отвечающее общим интересам. В этом смысле «гегемония» есть понятие, обратное понятию «дефляция власти», которым пользуется Талькот Парсонс (Talcott Parsons) для характеристики ситуаций, когда обществом можно управлять только с помощью широкого применения силы или

угрозы этого применения. Если подчиненные группы верят своим правителям, то они могут управляться без применения силы, чего нельзя сделать, когда доверие истощается. О понятии «гегемония» у Грамши еще можно сказать, что оно включает инфляцию власти, проистекающую из способности господствующей группы представлять свою власть как отвечающую не только интересам самой этой группы, но и интересам подчиненных общественных групп. Когда такой веры нет или она ослабевает, гегемония вырождается в простое господство, в то, что Ранаджит Гуха (Ranajit Guha) назвал господством без гегемонии¹.

Пока мы говорим о лидерстве в национальном контексте, как у Грамши, усиление власти государства относительно других государств составляет важный компонент — являющийся также и мерой — успешного преследования общих (то есть национальных) интересов. Но когда мы употребляем этот термин в международном контексте, указывая, что одно доминантное государство ведет систему государств в желательном направлении, общий интерес не может определяться в терминах усиления власти одного государства над другими, потому что эта власть по определению не может усиливаться для системы в целом. Общий интерес системы в целом может тем не менее быть определен, если мы сосредоточимся на «коллективных», а не «дистрибутивных» аспектах власти. Дистрибутивные аспекты власти подразумевают отношения как в игре с нулевым результатом, когда один агент приобретает власть, только если другие агенты ее утрачивают, хотя бы частично. Коллективные аспекты власти, напротив, связаны с отношениями как в игре с положительным результатом, когда объединение отдельных агентов увеличивает их власть над некоторым третьим агентом или над природой. Так что в то время, как общий интерес системы государств не может быть определен в терминах изменения дистрибуции власти среди государств, он может быть определен в терминах усиления коллективной власти всех доминантных групп системы над третьей стороной или над природой².

Мы будем говорить о кризисе гегемонии для характеристики ситуации, когда нынешние государства-гегемоны не имеют

¹ Arrighi and Silver (1999: 26–27); Parsons (1964); Guha (1992: 231–232).

² Arrighi and Silver (1999: 27–28). О различении дистрибутивных и коллективных аспектов власти см.: Parsons (1960: 199–225).

средств или желания дальше вести систему государств в том направлении, которое всеми воспринимается как укрепляющее и расширяющее не просто их власть, но коллективную власть доминантных групп этой системы. Кризисы не обязательно приводят к утрате гегемонии. Нам особенно важно различать кризисы гегемонии, сигнализирующие о проблемах, которые могут быть разрешены, хоть и за довольно длительный промежуток времени, — их мы назовем сигнальными кризисами — и кризисы, которые не разрешаются и, таким образом, знаменуют конец гегемонии, — их мы назовем терминальными. Как следует из нашего определения гегемонии, государство может оставаться доминантным даже и после терминального кризиса его гегемонии — такое положение мы вслед за Гухой будем считать господством без гегемонии.

В настоящей главе мы снова расскажем о бреннеровском буме, относительной стагнации и пузыре, но в терминах установления американской гегемонии, сигнального кризиса и временного восстановления этой гегемонии. В части III нашей книги я обращусь к тем силам, которые после 11 сентября ускорили терминальный кризис американской гегемонии и укрепили лидерство Китая в ходе восточноазиатского экономического возрождения.

Гегемония Соединенных Штатов и ее сигнальный кризис

Особая форма, которую неравномерное развитие получило после Второй мировой войны — в противоположность тем формам, которые оно приобретало, скажем, в XIX веке или в первой половине XX века, — была глубоко укоренена в установлении мировой гегемонии США в эпоху холодной войны и этой гегемонией сформирована. Мировая гегемония Соединенных Штатов, в свою очередь, носила особый социальный характер, отразившийся в системных особенностях ее институтов, совершенно иных, чем те, на которых строилась в XIX веке мировая экономика с центром в Соединенном Королевстве. Эти институты были в высшей степени политическими по происхождению и социальными по направленности. Они основывались на широко распространенном среди правительственных чиновников США мнении, будто «новый мировой порядок является единственной гарантией против хаоса, за которым обычно следуют революции» и что «безопасность мира должна обеспечиваться властью Америки, осуществляемой через

международные системы»¹. Утвердилось также мнение, что уроки Нового курса работают и в международной сфере.

Вот почему правительство Нового курса не только все более активно брало на себя ответственность за благосостояние нации, но и те, кто планировал внешнюю политику США, все более активно брали на себя ответственность за благосостояние всего мира. Это правительство не могло отгораживаться от проблем всего мира. Внутри же страны оно не проводило резкой границы между проблемами политическими и экономическими, проблемами безопасности и процветания, обороны и благосостояния. В лексиконе политиков Нового курса взять на себя ответственность означало осуществить широкое вмешательство своего правительства в дела других стран².

Как представлял себе Франклин Рузвельт, Новый курс будет «глобализован» с помощью ООН, а СССР, как бедная страна мира, будет затем включен в складывающийся Pax Americana, от чего выиграют все его участники. По тому низкопробному, но более реалистичному в политическом отношении проекту, который был реализован при Трумэне, напротив, сдерживание советской угрозы стало главным организационным принципом гегемонии Соединенных Штатов, а американский контроль над мировыми финансами и военной силой — основным средством этого сдерживания³. Эта более реалистическая модель не была отрицанием первоначального замысла создания всемирного государства всеобщего благосостояния, но лишь его трансформацией в проект создания «военного государства всеобщего благосостояния» во всемирном масштабе в ходе соревнования и в противопоставление советской системе коммунистических государств⁴.

Причем для понимания процесса неравномерного развития и определения его скорости (того процесса, к которому Бреннер возводит и послевоенный бум, и следовавший затем спад) необходимо проследить успехи и поражения в осуществлении этого проекта. Новая модель действовала исключительно успешно и запустила величайшую в истории капитализма экспансию, охватившую всю систему. Если бы не она, то мировой капитализм мог бы вступить в длительный период стагнации, если не депрессии. Спада производства удалось избежать благодаря

¹ Schurmann (1974: 44, 68).

² Burley (1993: 125–126, 129–132).

³ Schurmann (1974: 5, 67, 77).

⁴ Воспользуемся здесь формулировкой О'Коннора. См.: O'Connor (1973).

совместным действиям военного и социального кейнсианства в мировом масштабе. Военное кейнсианство — то есть огромные расходы на перевооружение Соединенных Штатов и их союзников и развертывание широчайшей сети задуманных как постоянные военных баз — было, без сомнения, наиболее динамичным и заметным элементом этой комбинации. Но важным фактором было и спонсированное Соединенными Штатами распространение социального кейнсианства — то есть правительственной программы полной занятости и роста массового потребления на Западе/Севере, а также «развития» мирового Юга¹.

Реконструкция и модернизация промышленной машины Германии и Японии — это ядро неравномерного развития Бреннера — были неотъемлемой частью выхода на международную арену американского «военного государства всеобщего благосостояния». Как замечает Камингс, комментируя американский подход к реиндустриализации Японии, «политика сдерживания Джорджа Кеннана всегда была ограниченной и обедненной, поскольку исходила из представления, что в мире четыре-пять производственных структур: одна — у Советов и четыре — у США, и все так и надо оставить». «Идея» Кеннана воплотилась в то, что правительство Соединенных Штатов спонсировало реиндустриализацию Японии. Война в Корее стала «“японским планом Маршалла”... Военные поставки направили Японию по пути военной индустриализации»². Продвижение Соединенными Штатами реконструкции и модернизации промышленности Германии направлялось по совершенно иным, но столь же эффективным каналам. Германия, без сомнения, выиграла больше других от плана Маршалла и расширения американских военных расходов за рубежом. Но самым важным стало то, что Соединенные Штаты спонсировали западноевропейский экономический союз. Как провозгласил в 1948 году Джон Ф. Даллес, «здоровая Европа не может делиться на маленькие отсеки». Она должна представлять собой рынок, «достаточно большой, чтобы перейти к современным методам производства дешевой продукции для массового потребления». Германия, прошедшая

¹ О решающей роли военного кейнсианства в этой экспансии см. также: Block (1977: 103–104); McCormick (1989: 77–78, 98); Arrighi (1994: 295–8). О северном и южном вариантах социального кейнсианства см.: Arrighi and Silver (1999: 202–211); Silver (2003: 149–161).

² Cummings (1987: 60); (1993: 31); см. также: Cohen (1958: 85–91); Nakamura (1981:42); Itoh (1992: 142).

реиндустриализацию, была важнейшей составной частью этой новой Европы¹.

Если в XIX веке во время британской гегемонии неравномерное развитие было процессом спонтанным и брало начало в действиях «снизу», со стороны субъектов накопления капитала, то во время американской гегемонии неравномерное развитие превратилось в процесс, сознательно и активно продвигаемый «сверху» через глобализацию американского «военного государства всеобщего благосостояния». Эта особенность объясняет не только скорость и размеры длительного бума после Второй мировой войны, но и те особые ограничения и противоречия, которые превратили бум в относительную стагнацию 1970–1980-х. Бреннер в своем рассказе о начале Большого спада указывает на одно такое ограничение и противоречие: стоит удачно победить одного конкурента, как появляются новые, а усиление конкуренции производит давление на доходы действующих фирм. Это, казалось бы, непредвиденное следствие проекта холодной войны не только было ограничением, но и противоречило американской политике. Тем не менее можно предположить и то, что это следствие было предвидимой, но неизбежной экономической расплатой за политику, первейшими целями которой были не экономические, а социальные и политические, а именно сдерживание коммунизма, обуздание национализма и укрепление американской гегемонии.

Но наибольшее противодействие американская политика встречала в другой области: в виде тех трудностей, которые стояли на пути достижения ее социальных и политических целей. Конечно, в расцветавших центрах накопление капитала, быстрый экономический рост, низкий уровень безработицы и реальный рост массового потребления укрепляли гегемонию того или иного варианта либерального капитализма. Однако, как уже было замечено раньше, в этих центрах политическое торжество либерального капитализма в целом не ослабляло, а укрепляло склонность рабочих больше участвовать в разделе общественного продукта — как через прямую борьбу, так и через электоральную мобилизацию. Вашингтонская политика холодной войны, таким образом, оказывала двойное давление на доходы — во-первых, давление оказывала

¹ *См. по: McCormick (1989: 79–80).*

нараставшая межкапиталистическая конкуренция, чему способствовало создание условий, благоприятных для модернизации и роста японской и западноевропейской производственной машины, а во-вторых, давление со стороны социально крепнувшего рабочего класса, чему способствовали политика обеспечения почти полной занятости и рост массового потребления во всем западном мире.

Это двойное давление должно было вызвать системный кризис доходности, но само по себе оно не привело к кризису американской гегемонии, ставшему главным событием 1970-х годов. Если проблемы доходности классифицировать как составную часть более широкого кризиса гегемонии, то причину этого надо искать в том, что американское «военное государство всеобщего благосостояния» не достигло на мировом Юге ни социальных, ни политических целей. В социальной сфере «честная сделка», которую Трумэн обещал бедным странам в своей инаугурационной речи 1949 года, так никогда и не привела к сокращению того разрыва в доходах, который разделял Север и Юг. Когда страны третьего мира начали предпринимать решительные усилия по индустриализации — что было общим рецептом экономического развития — Север и Юг действительно стали сближаться в уровне промышленного развития, но, как мы уже заметили, они никогда не сближались по уровню доходов. Таким образом, неся на себе расходы по индустриализации, страны третьего мира не получали от нее ожидаемых доходов. Больше того, в 1970 году Роберт Макнамара (Robert McNamara), тогдашний президент Всемирного банка, признал, что даже высокие темпы роста ВВП не приносят ожидаемого улучшения благосостояния в странах третьего мира¹.

Гораздо заметнее был частично связанный с этой социальной неудачей политический провал американского «военного государства всеобщего благосостояния». Эпицентром политической жизни была, конечно, война во Вьетнаме, где Соединенные Штаты не могли одержать победу, несмотря на свои растущие потери и беспрецедентное для такого конфликта наращивание вооружения и огневой мощи. В результате США растеряли свой политический капитал мирового жан-дарма, развязывая руки националистическим и революционным силам, которые была призвана сдерживать холодная

война. Но вместе с верой в свою военную машину Соединенные Штаты утратили контроль над мировой финансовой системой. Как уже говорилось в главе 5, увеличение общественных расходов на войну во Вьетнаме и борьбу с противниками вьетнамской войны внутри страны — через программу «Великое общество» — увеличивало инфляционное давление в американской и мировой экономике в целом, усугубляло финансовый кризис американского государства и в конечном счете привело к развалу всей системы фиксированного валютного курса, имевшей своим центром США.

Теперь, конечно, невозможно сказать, смог бы выжить бреттон-вудский режим, если бы не война во Вьетнаме. Как невозможно сказать, что случилось бы с мировым капитализмом, если бы неравномерное развитие подталкивалось «снизу», как в XIX веке, а не «сверху», как при американском режиме холодной войны. Все, что я хочу сказать, возражая Бреннеру: исторически неравномерное развитие после Второй мировой войны целиком и полностью коренилось в соперничестве холодной войны и поэтому определялось успехами и провалами тех стратегий и структур, которые употреблялись гегемонистским американским «военным государством всеобщего благосостояния». Усиление конкуренции между капиталистами и связанный с этим кризис доходности свидетельствовали, что длительный послевоенный бум достиг своих пределов. Но они были лишь частью более широкого сигнального кризиса гегемонии, который выявил пределы и противоречия американской политики холодной войны¹.

«Финансиализация» и монетаристская контрреволюция

Как мы уже говорили в главе 5, монетаристская контрреволюция 1979–1982 годов стала гораздо более важным поворотным пунктом в развитии американского и мирового капитализма, чем соглашение «Плаза» 1985 года или соглашение ««Плаза» наоборот» 1995 года, которому Бреннер, кажется, приписывает такое же или даже большее значение. Как бы ни были важны эти соглашения в других отношениях, они были

¹ О вьетнамской войне как центральном событии сигнального кризиса американской гегемонии см.: Arrighi (1994: 215–217, 300, 320–322; 2003: 61–62).

лишь регулируемыми моментами в процессе возрождения американской гегемонии, которая уже началась с поворотом от чрезвычайно мягкой денежной политики к чрезвычайно жесткой. До этого поворота американская денежная и фискальная политика скорее отталкивала, чем привлекала растущие потоки капитала, стремящегося к накоплению по финансовым каналам. Более того, несмотря на положительное воздействие на конкурентоспособность американских производителей, что подчеркивает Бреннер, американская денежная и фискальная политика создавала такие условия накопления в масштабах всего мира, от которых не выигрывали ни Соединенные Штаты как государство, ни американский капитал.

Решающим стал взрывной рост евро-долларовых и других экстерриториальных финансовых рынков. Как ни странно, Бреннер едва упоминает об этом, хотя это произошло в те же годы, что и переход от бума к спаду, и это весьма важное событие 1970-х. Учрежденный в 1950-е годы для того, чтобы удерживать долларовое равновесие коммунистических стран, которые не желали рисковать, размещая доллары в Соединенных Штатах, евро-долларовый рынок поначалу рос за счет размещений американских транснациональных корпораций и офшорной деятельности нью-йоркских банков. В 1950-е — начале 1960-х годов этот рынок равномерно растет, а в середине и конце 1960-х начинает расти в геометрической прогрессии — в период 1967–1970 годов евродолларовые активы вырастают более чем в четыре раза¹.

Нам трудно с точностью определить, что именно стояло за этим взрывным ростом, но можно предположить, что пусковым крючком стало одновременное наступление в те годы кризиса доходности и кризиса американской гегемонии. Хотя Бреннер в основном уделяет внимание американским производителям на внутреннем рынке, мы знаем, что американские корпорации, действовавшие за рубежом, тоже столкнулись в это время с более жесткой конкуренцией со стороны европейских производителей². Более того, Европа стала эпицентром «платежного взрыва» 1968–1973 годов. Горизонтальное давление растущей конкуренции и вертикальное давление требований рабочих, должно быть, сильно повлияли на то, что американские транснациональные корпорации, действующие за

¹ *Versluysen (1981: 16–22); de Cecco (1982: 11); Walter (1991: 182). Chandler (1990: 615–616).*

рубежом, предпочли ликвидность. А поскольку условия для выгодных реинвестиций денежных потоков в производство в США были еще менее благоприятными, чем в Европе, то американские транснациональные корпорации держали свои ликвидные активы на евро-долларовом и на других офшорных денежных рынках, вместо того чтобы возвращать их на родину.

Как бы то ни было, взрывной рост евровалютных рынков обеспечил игрокам на валютном рынке, включая американские банки и корпорации, серьезное оружие в борьбе со стабильностью контролируемой США системы фиксированного валютного курса. А как только эта система реально разрушилась, открылись ворота для того, чтобы растущая масса контролируемой частными лицами ликвидности могла вступить в соревнование с американскими и иными государственными акторами в производстве мировых денег и кредита. В этой конкурентной борьбе можно выделить три взаимно усиливающие друг друга тенденции.

Во-первых, падение режима фиксированного валютного курса придало новое ускорение «финансиализации» капитала, повысив риски и неопределенность коммерческой и производственной деятельности. Колебания валютного курса стали определяющим фактором состояния денежной наличности корпораций, продаж, доходов и активов в разных странах и разных валютах. Хеджируя эти колебания или стараясь заработать на них, транснациональные корпорации стремились увеличить массу ликвидности, задействованную в финансовых спекуляциях на денежных экстерриториальных рынках, где свобода действий была больше, а специализированные услуги доступнее¹.

Во-вторых, поскольку США перестали быть мировым жандармом, а американская валюта в начале 1970-х претерпела значительную девальвацию, правительства стран третьего мира заняли более решительную позицию на переговорах о цене на экспортируемое ими сырье, в особенности на нефть. Усиление межкапиталистической конкуренции и переход стран с низкими и средними доходами к индустриализации уже привели к значительному повышению цен на сырье еще до 1973 года. В 1973-м, однако, фактическое признание правительством Соединенных Штатов поражения во Вьетнаме, вскоре после чего поколебался и миф о непобедимости Израиля (во время войны Судного дня), побудило ОПЕК решительнее защищать своих членов от обесценивания доллара, и в течение нескольких

¹ См. также: *Strange (1986: 11–13)*.

месяцев картель в четыре раза повысил цены на сырую нефть. Наступивший в самом конце платежный взрыв, так называемый первый нефтяной шок, углубил кризис доходности и усилил инфляционные тенденции в ведущих капиталистических странах. К тому же в результате появился излишек нефтедолларов в размере 80 миллиардов, значительная часть которых осталась или была вложена на евровалютных и других офшорных денежных рынках. Таким образом, получила дополнительный мощный стимул к росту масса ликвидности, контролируемая частными лицами и организациями, которая могла быть использована для финансовых спекуляций и кредитования по негосударственным каналам¹.

Наконец, резкое увеличение в мире денежной массы и кредита в связи с исключительно мягкой денежной политикой США и взрывным ростом ликвидности, находящейся в частных руках на офшорных денежных рынках, не нашло соответствующего спроса, который бы помешал девальвации денежного капитала. Конечно, имелся высокий спрос на ликвидность, не только со стороны транснациональных корпораций, стремившихся застраховаться от колебаний валютного курса или спекулировать на нем, но и со стороны стран с низкими и средними доходами для поддержки их экономического развития в условиях все более конкурентного и изменчивого окружения. Однако по большей части этот спрос скорее усиливал инфляционное давление, нежели влиял на увеличение платежеспособной задолженности.

Раньше страны (за исключением Соединенных Штатов) должны были поддерживать свой платежный баланс в некотором равновесии. Им приходилось «зарабатывать» деньги, которые они хотели потратить за рубежом. Теперь они могли эти деньги занять. С ликвидностью, которая, казалось, могла расти бесконечно, страны, считавшиеся кредитоспособными, больше не были ограничены в своих зарубежных расходах. В этих условиях дефицит платежного баланса перестал автоматически сдерживать инфляцию внутри страны. Страны, имеющие дефицит, могли брать в долг без ограничений из бесконечного и волшебного резервуара ликвидности... Неудивительно, что инфляция в мире продолжала набирать скорость в течение целого десятилетия, и все более реальными становились опасения, что система частных банков разрушится. Долги постоянно

¹ Itoh (1990: 53–54, 60–68, 116); de Cecco (1982: 12); Strange (1986: 18).

реструктурировались, а некоторые бедные страны становились безнадежными несостоятельными должниками¹.

Иными словами, одновременное действие кризиса доходности и кризиса гегемонии вместе с американской инфляционной стратегией управления кризисом привело к десятилетию нарастания денежного беспорядка в мире, увеличивая и обостряя инфляцию и постоянно разрушая способность американского доллара быть всемирным средством платежа, резервной валютой и расчетной денежной единицей. Бреннер, ограничиваясь рассмотрением рентабельности в промышленности, не замечает этого более широкого контекста разрушения монетарных оснований мирового капитализма. Какой был смысл снижать давление на прибыль в американской промышленности посредством мягкой денежной политики, если при этом денежный капитал, эта альфа и омега накопления, стал настолько избыточным, что превратился в практически бесплатный товар? Может быть, злоупотребление со стороны США привилегиями сеньоража на самом деле направило капитал в альтернативные монетарные сферы употребления, лишая таким образом США одного из главных рычагов осуществления их власти в мире?

Корень проблем американского и мирового капитализма в 1970-х годах был не в низкой норме прибыли как таковой. В конце концов, снижение нормы прибыли для увеличения массы прибыли всегда было традицией исторического капитализма². Настоящая проблема на протяжении 1970-х годов состояла в том, что денежная политика США была ориентирована на поддержание мировой торговли и расширение производства, хотя это расширение уже стало главной причиной роста производственных издержек, рисков и неопределенности для корпоративного капитала в целом и американского корпоративного капитала в особенности. Неудивительно, что лишь часть ликвидности, созданной американскими денежно-кредитными учреждениями, доходила до торговли и производства. Большая ее часть превращалась в экстерриториальную денежную массу, которая многократно себя воспроизводила, используя межбанковские (речь идет о частных банках) механизмы, и быстро возвращалась на международные рынки, где эти деньги конкурировали с долларами, выпущенными Федеральной резервной системой.

¹ Calleo (1982: 137–138).

² В этом К. Маркс и А. Смит полностью согласны. См.: Marx (1962: 245–246).

В конечном счете эта постоянно растущая конкуренция частных и государственных денег не шла на пользу американскому правительству, потому что рост массы частных денег освобождал все больше стран от узды платежного баланса и таким образом подрывал сеньоражные привилегии Вашингтона. Не шло это на пользу и американскому капиталу, поскольку возростающая масса правительственных долларов давала офшорным денежным рынкам ликвидности больше, чем можно было безопасно и с прибылью вернуть в оборот. Все это вынуждало американские банки и другие финансовых посредников, контролировавших эти рынки, вступать в жесткую конкурентную борьбу за предоставление денег странам, считавшимся кредитоспособными, а на самом деле снижать стандарты, по которым устанавливалась кредитоспособность.

Разворачиваясь в контексте углубления кризиса гегемонии Соединенных Штатов, эта взаимно разрушительная конкуренция имела своей наивысшей точкой невероятный натиск на доллар 1979–1980 годов. Каковы бы ни были действительные или кажущиеся мотивы внезапной смены американской денежной политики, следовавшей за этим натиском, ее истинное долгосрочное значение — и главная причина того, что она вернула Америке удачу вопреки всем ожиданиям, — состояло в том, что эта смена политики покончила с разрушительной конкуренцией. Правительство Соединенных Штатов не только перестало кормить эту систему ликвидностью, но и начало агрессивную борьбу за капитал во всем мире — посредством рекордно высоких процентных ставок, налоговых льгот, предоставления большей свободы действий производителям и биржевым игрокам и возвращения интереса к доллару, ставшего результатом этой новой политики, — перенаправив огромные потоки капитала в США, о чем говорится в главе 5. Огрубляя, можно сказать, что суть монетаристской контрреволюции состояла в перенесении акцента государственной деятельности с предложения на спрос в ходе продолжавшейся финансовой экспансии. Этим переносом правительство США остановило конкуренцию с растущим притоком ликвидности со стороны частных лиц и организаций и взамен создало условия оживленного спроса на накопление этой ликвидности по финансовым каналам.

Монетаристская контрреволюция была не изолированным событием, но процессом, которым надо было управлять. Для

характеристики колебаний в этом управлении процессом нам особенно поможет описание Бреннером межгосударственной кооперации и конкуренции ведущих капиталистических стран в 1980–1990-х годах. Всякий раз, когда появлялась угроза, что процесс выскользнет из рук и вызовет системный крах, ведущие капиталистические страны кооперировались и отводили эту угрозу, облегчая конкурентное давление на производителей, которым такой крах угрожал непосредственно, как это было с американскими производителями накануне заключения соглашения «Глаза» в 1985 году, а с японскими и в меньшей степени с западноевропейскими производителями — накануне соглашения «“Глаза” наоборот» в 1995-м. Но как только угроза отступала, конкурентная борьба между государствами возобновлялась вплоть до того момента, когда на горизонте начинала вновь маячить угроза краха. При всей содержательности этого описания ситуации Бреннер не говорит, были ли у этого процесса границы, и если были, то каковы они.

Belle époque как прелюдия к терминальному кризису

В начале 1990-х — еще до начала возрождения, исследованного Бреннером, но уже после того, как монетаристская контрреволюция превратила кризис 1970-х в новую belle époque американского и мирового капитализма, — я писал, что «самое поразительное сходство [новой belle époque с эдвардианской] состояло практически в полном непонимании преуспевшими в это время того, что внезапное и невероятное процветание, к которому они пришли, происходило не из разрешения предшествовавшего кризиса накопления». Скорее «новое процветание имело в своей основе перенос кризиса с одного типа отношений на другой. И возвращение кризиса в еще более тяжелой форме было лишь вопросом времени»¹.

Данный диагноз напоминает утверждение Бреннера, что «экономическое возрождение Соединенных Штатов второй половины 1990-х годов определенно не было выходом из длительного спада» и что худшее еще впереди. Однако между бреннеровским диагнозом кризиса доходности, лежавшего в основе глобальной нестабильности последних тридцати лет, и моим есть два существенных отличия. Первое состоит в том, что я считаю кризис доходности лишь аспектом более широкого кризиса гегемонии. Второе — в том, что я считаю главным ответом капитализма на сложный кризис доходности и кризис

¹ Arrighi (1994: 324).

гегемонии «финансиализацию» капитала, а не постоянное перепроизводство и избыток мощностей в промышленности.

Как мы увидим в третьей части этой книги, реакция администрации Буша на события 11 сентября ускорила наступление терминального кризиса американской гегемонии, приводя американскую *belle époque* к преждевременному концу. Впрочем, американская *belle époque* и могла быть лишь временной, независимо от действий Буша или другого президента, потому что финансовая экспансия оказывает противоречивое действие на стабильность системы. В краткой перспективе — в нашем понимании «краткая» означает десятилетия, а не годы, — финансовая экспансия обычно стабилизирует существующий порядок, позволяя сложившимся господствующим группам перенести груз усиления конкуренции (что угрожает их господству) на подчиненные группы в стране или в мире. Выше я уже в общих чертах описал тот процесс, посредством которого правительство США сумело превратить «финансиализацию» капитала из фактора кризиса американской гегемонии — каковым она была в 1970-е годы — в фактор восстановления богатства и власти США. С помощью других механизмов аналогичные, хотя и не столь поразительные превращения можно обнаружить не только в британоцентричной финансовой экспансии конца XIX — начала XX века, но даже и в финансовой экспансии середины XVIII века, имевшей центром Голландию¹.

Со временем, однако, финансовая экспансия дестабилизирует существующий порядок активными процессами, которые помимо экономического имеют социальный и политический характер. В экономике они систематически переключают покупательную способность с инвестиций, повышающих спрос на товары, включая рабочую силу, на накопление и спекуляции, чем обостряют проблемы реализации продукции. Политически финансовая экспансия обычно связана с появлением новой конфигурации власти, что подрывает способность государства-гегемона обращать системное усиление конкуренции себе на пользу. А в социальном отношении финансовая экспансия вызывает массовое перераспределение доходов и социальные сдвиги, что провоцирует сопротивление и протест в подчиненных (низших) группах и общественных слоях, чей установившийся образ жизни подвергается атаке.

¹ Arrighi and Silver (1999: глава 1 и заключение).

Формы, которые принимают эти общие тенденции финансовой экспансии, а также то, как они соотносятся в пространстве и времени, варьируются. Но в обоих случаях завершившихся переходов гегемонии исторического капитализма — от Голландии к Англии и от Англии к США — мы можем обнаружить ту или иную комбинацию этих трех тенденций. В прошлом их действие выливалось в полный и, по видимости, непоправимый крах организационной системы, который преодолевался только с восстановлением системы при новой гегемонии¹. Крах и Великая депрессия 1930-х годов — единственный за последние сто пятьдесят лет пример, который точно соответствует бреннеровскому представлению о системном вытеснении мелких производителей или «откровенной депрессии» — были неотъемлемой частью позднейшего краха. Успешное превращение монетаристской контрреволюцией финансовой экспансии 1970-х годов в движущую силу восстановления богатства и власти США в 1980–1990-е само по себе не было гарантией, что нового системного краха больше не случится. Напротив, размах и сила этого превращения, возможно, обострили проблемы реализации во всем мире до такой степени, что «откровенная депрессия» становилась вполне возможной².

И здесь снова мы обнаруживаем, что экономика была тесно связана с политическими и социальными проблемами этого перехода как процесса. И если экономика новейшего перехода в своих ключевых моментах очень схожа с экономикой прошлых переходов, как об этом свидетельствуют и усиление конкуренции между капиталистами, и связанная с этим «финансиализация» капитала, политика и социология позднейшего перехода очень отличаются от прошлых. Мы уже говорили, что во время последнего Большого спада и *belle époque* не отмечалось, как во время Большого спада и *belle époque* конца XIX — начала XX века, тенденции к превращению конкуренции между производителями во всемирную борьбу стран за территории, с чем связана эскалация гонки вооружений восходящих и клонящихся к упадку капиталистических стран. Напротив,

¹ Arrighi and Silver (1999: главы 1, 3 и заключение).

² Отвечая на критику Джеймса Кротти (James Crotty), Бреннер признает, что строгая монетаристская политика обострила проблемы реализации в 1969–1970 годах. См.: Crotty (1999) and Brenner (1999: 130). Странно, однако, что он едва упоминает гораздо более тяжелые проблемы реализации, вызванные гораздо более устойчивой, широкой и строгой монетаристской политикой 1980–1990-х годов.

мировые военные мощности еще больше, чем раньше, сосредоточились в Соединенных Штатах, в то время как восходящие и клонящиеся к упадку капиталистические государства продолжали бороться за все большее единство мирового рынка. Конечно, невозможно сказать, что бы изменилось, если бы нарастание проблем с реализацией вызвало большую системную депрессию. В настоящее время, однако, сегментация мирового рынка, так решительно способствовавшая экономическому краху 1930-х, кажется, остановилась.

В тесной связи с вышесказанным и социальные силы, которые были ответственны за конкуренцию между капиталистами (и ее обуздание), в конце XX века решительно отличались от социальных сил, действовавших во время предыдущего перехода. Хотя монетаристская контрреволюция сильно подточила в ведущих регионах и в большинстве стран мирового Юга способность рабочего класса добиваться увеличения его доли в национальном и мировом «пироге», этот успех имел свои ограничения и противоречия. Главной проблемой здесь, как подчеркивает и Бреннер, был тот факт, что экономическое возрождение США 1990-х годов и продолжающаяся зависимость мировой экономики от экономики США основывались на беспрецедентном росте американской задолженности. Такая ситуация едва ли может продолжаться длительное время без того, чтобы не выплачивать долгов (или не делать «гарантийных» платежей) в объеме более 2 млрд долларов (не считая процентов), которые Соединенным Штатам надо платить ежедневно, чтобы поддерживать баланс с остальным миром. А между тем, как мы увидим в третьей части нашей книги, попытки США основать с целью поддержания этого баланса новую и — впервые в истории — действительно всемирную империю с треском провалились, оставив после себя ситуацию такой политической нестабильности, какой мир не знал с 1920–1930-х годов.

К концу *belle époque* голландского капитализма в 1778 году журнал *De Borger* писал: «Каждый повторяет: “На мой век хватит, а после меня — хоть потоп!” — как говорится во французской поговорке, которую мы переняли в делах, если не на словах»¹. Этой поговоркой удачно передается философия всех финансовых экспансий и *belle époques* исторического капитализма, включая последнюю *belle époque*. Главное отличие между

¹ Цит. по: Boxer (1965: 291).

сейчас и тогда состоит в несравненно большей силе клонящегося к упадку государства-гегемона.

Как утверждал Давид Каллео (David Calleo), системы государств терпят крах не только потому, что неуравновешенные и агрессивные новые державы бросают вызов существующему порядку, но и потому, что страны, клонящиеся к упадку, стараются не адаптироваться к изменившейся ситуации, а укрепить свою ускользающую гегемонию, превратив ее в эксплуататорское господство¹. В 1999 году мы с Беверли Сильвером сопоставили нынешний и прошлый переходные периоды в истории гегемонистских государств западного мира, попытавшись определить ту роль, которую играли в крахе системы причины, названные Каллео. Во времена *belle époque* голландского капитализма голландская всемирная империя уже так сократилась, что адаптация Голландии практически не играла роли в последующем крахе по сравнению с ролью, которую играли нарождающиеся, агрессивные, стремящиеся к созданию империй национальные государства, прежде всего Великобритания и Франция. Сегодня же все наоборот. Теперь нет заслуживающих доверия агрессивных новых [милитаристских] государств, способных вызвать крах всемирной американоцентричной системы, но Соединенные Штаты имеют больше возможностей, чем Великобритания сто лет назад, обратить утрачиваемую ими гегемонию в эксплуататорское господство. Если эта система наконец разрушится, то в первую очередь из-за того, что США сопротивляются адаптации. И наоборот, адаптация США к растущей экономической мощи восточноазиатского региона является главным условием некатастрофического перехода к новому мировому порядку. Столь же важным условием является появление нового мирового лидера из главных центров восточноазиатского экономического роста... который хотел бы и мог бы подняться до системных решений системных проблем, оставшихся от американской гегемонии².

Уже после того, как я это написал, сопротивление США адаптации материализовалось в еще более крайней форме, чем

¹ Calleo (1987: 142). Я заменил слова Каллео «ускользающее превосходство» и «эксплуататорская гегемония» на «ускользающая гегемония» и «эксплуататорское господство», чтобы лучше соответствовать различию, предложенному Грамши, между гегемонией и господством, чему мы следуем и в этой главе, и во всей книге.

² Arrighi and Silver (1999: 288–289).

можно было ожидать, в процессе реализации проекта «За новый американский век», зловещим пробным камнем которого стало вторжение в Ирак, что ускорило терминальный кризис американской гегемонии и способствовало дальнейшему переносу экономической мощи в Восточную Азию. Но будет ли катастрофический результат иракской авантюры прелюдией к еще большим катастрофам, или он научит американцев и правительство США приспосабливаться к новым реалиям мировой власти? Этот вопрос остается открытым, как и вопрос о том, нарождается ли в Восточной Азии новый мировой лидер, способный предложить системные решения системных проблем, оставшихся от американской гегемонии. Эти вопросы рассмотрены в третьей и четвертой частях нашей книги. Но прежде я хотел бы подробнее остановиться на глобальной нестабильности, связав это явление с теоретическими построениями первой части.

Реприза и предварительный обзор

Несмотря на то что Бреннер считает Большой спад конца XX века ситуацией перепроизводства, в действительности он описывает вариант сверхнакопления капитала, что, согласно теории экономического развития Адама Смита, снижает норму прибыли, прекращая экономический рост. Но в главе 3 было показано, что Марксово понятие перепроизводства должно быть оставлено для ситуаций, когда, стремясь к накоплению, капиталисты прибегают к трудосберегающим мерам, мешая спросу расти вместе с предложением. Такая ситуация могла сложиться в результате монетаристской контрреволюции, но определенно не могла быть причиной двойного кризиса доходности и гегемонии, что и вызвало контрреволюцию.

Падение рентабельности в конце XX века трудно истолковать в терминах теории экономического развития Адама Смита, поскольку эта теория предполагала наличие правителя, приводящего в действие и регулирующего конкуренцию между капиталистами в общих интересах, в то время как падение рентабельности в конце XX века произошло в контексте сосуществования в мире множества суверенных государств. В нашем понимании гегемонистские государства играют в мире роль правительств, и, проводя свою политику, они могут следовать советам Адама Смита, обращенным к правителям, а могут и не следовать им. Так, в начале холодной войны США следовали духу (если не букве) советов

Смита и тем, что создали условия последующего усиления конкуренции между капиталистами, модернизируя и расширяя японское и западноевропейское производство, и тем, что сдерживали способность капиталистов перекладывать на рабочий класс груз усилившейся конкуренции, содействуя на Севере почти полной занятости, а на Юге — экономическому развитию. Спонсируемая Соединенными Штатами монетаристская контрреволюция 1980-х, напротив, производила эффект, противоположный тому, что советовал Адам Смит: следуя печально известному лозунгу «Альтернативы нет», она содействовала восстановлению рентабельности посредством политики, которая позволяла капиталистам переложить давление конкуренции на рабочий класс и другие подчиненные группы по всему миру.

Как мы уже отмечали в главе 5, и Бреннер, и Гринспен указывали на большее ослабление влияния рабочего класса в США, чем в Европе и Японии, что и способствовало восстановлению прибыльности в США в 1990-е годы и позже. Тем не менее теория Смита о падении нормы прибыли приглашает нас обратиться к более важному вопросу: могло ли это восстановление, в свою очередь, способствовать снижению конкурентоспособности американского бизнеса внутри страны и за рубежом? Текущий платежный баланс той или иной страны может служить мерой этой общей конкурентоспособности. Как показывает график 3.2, в середине 1990-х, после восстановления прибыльности, дефицит платежного баланса США пережил взрывной рост, в то время как сальдо Германии и Японии продолжало быть активным. Не означает ли это правоты Адама Смита, утверждавшего, что высокие доходы производят «более разрушительное воздействие» на конкурентоспособность бизнеса, чем высокие заработные платы, на которые всегда жалуются капиталисты, в особенности если принять во внимание колоссальный рост среднего дохода американских высших менеджеров по сравнению с зарплатой среднего работника в промышленности — и это во время снижения конкурентоспособности американского бизнеса? В 1980 году это отношение составляло 40:1; двадцать лет спустя — 475:1, то есть в США они зарабатывали в 20–30 раз больше, чем в европейских странах и в Японии, и это несмотря на то, что европейские страны и Япония или почти догнали, или перегнали США по почасовой производительности труда. Эти экстравагантные вознаграждения высших американских менеджеров, не будучи решением

проблемы, вполне могли быть одной из причин падения конкурентоспособности американских корпораций¹.

Как бы то ни было, но, возможно, главной причиной падения американской конкурентоспособности стало то, что тенденция к вертикальной интеграции и бюрократизации бизнеса, о которой мы говорили в главе 5, была обращена вспять. Усиление конкурентного давления в конце XIX века, как и предсказывал Адам Смит, снизило доходы всего лишь до «сносного» уровня, вызвав широкую реакцию капиталистов против «чрезмерной конкуренции». Как писал в 1900 году Эдвард Мид (Edward S. Meade), именно американские производители «устали работать на общество»; они хотели «увеличения доходов без отчаянной борьбы за них» и искали путей, как «остановить изнурительную борьбу, почти все результаты которой доставались потребителям в виде низких цен»².

Очевидным способом обуздать конкуренцию было горизонтальное объединение предприятий — через слияние, поглощение или захват, не меняющее принципиально ни необходимых затрат, ни выпускаемой продукции, ни рынков сбыта. Посредством объединения конкурирующие предприятия могли довести выпуск продукции, объем закупок и продаж до такого уровня, который гарантировал увеличение прибыли и наличие общих ресурсов, необходимых для того, чтобы пробиться на неконтролируемые рынки, развивать новые технологии и организовать свою деятельность с большей выгодой. Однако горизонтальное объединение было трудно осуществить на переполненных рынках — именно там, где оно было особенно нужно, тем более в отсутствие поддержки правительства.

Там же, где сделать это было можно, более эффективным способом обуздания конкуренции была вертикальная интеграция, то есть совместная деятельность предприятия с его поставщиками и клиентами с целью обеспечить поставки «вверх» начиная с производства сырья и выход продукции «вниз» вплоть до ее потребления. Объединенные предприятия, появившиеся в результате слияний, сокращали операционные издержки, риски и неопределенность в продвижении денежных потоков и продукции в цепочке последовательных стадий производства и обмена, от первичных затрат до продажи готовой продукции.

¹ Cp.: Blackburn (2002: 201); Judt (2005); M. Reutter, *Workplace Tremors. The Washington Post*, October 23, 2005.

² Цит. no: Sklar (1988: 56).

И если более эффективное направление потоков позволяло интенсивнее использовать производственные мощности и персонал при производстве и реализации, то координация административных усилий обеспечивала большую надежность движения денежных средств и быстрее оплату предоставленных услуг. И по мере того, как широкий и непрерывный поток денежных средств, обеспеченный такого рода централизацией, реинвестировался в управленческий аппарат для мониторинга и регулирования рынков сбыта и процесса труда, вертикально интегрированные предприятия завоевывали несомненные преимущества в конкуренции с монопредприятиями или менее специализированными объединенными предприятиями. Управленческий аппарат, как только он сформировался, в дальнейшем препятствовал приходу других игроков в те отрасли промышленности, которые были уже успешно реорганизованы посредством вертикальной интеграции¹.

Тенденции к горизонтальному объединению и вертикальной интеграции, порожденные жестокой конкуренцией конца XIX века, в трех главных индустриальных странах того времени: Великобритании, Соединенных Штатах и Германии — развивались совершенно по-разному. В Германии бизнес при активной поддержке правительства продвигался особенно успешно, причем в обоих направлениях, и создал чрезвычайно централизованную и монолитную систему торгово-промышленных предприятий, которая стала образцом для теории государственно-монополистического капитализма Маркса. Британский же бизнес, напротив, двигался в направлении дальнейшей специализации в качестве мирового коммерческого и финансового посредника, здесь не очень успешно шло горизонтальное объединение и тем более вертикальная интеграция. Бизнес Соединенных Штатов был где-то посередине: не столь успешный, как немецкий, в горизонтальных объединениях, он постепенно стал самым успешным в применении вертикальной интеграции².

Так что, если усиление конкурентного давления и снижение доходности в конце XIX века соответствовали представлению Адама Смита о том, что экономический рост ограничивается общественными институтами, в рамках которых он происходит, то результат

¹ Chandler (1977: 7, 299).

² Chandler (1990); Arrighi and Silver (1999: 121–130).

конкурентной борьбы в Германии и в Соединенных Штатах подтвердил точку зрения Маркса, что концентрация и централизация капитала разрушат старые общественные институты и создадут новые, имеющие больший потенциал роста. И хотя марксисты долго были заняты лишь немецкой моделью государственно-монополистического капитализма, лишь в США вертикальная интеграция привела к такой организации бизнеса и такому техническому разделению труда, какие Маркс предвидел в «Капитале», как об этом было сказано в главе 1 в связи с «открытием» Маркса в Детройте (Тронти).

Большой спад конца XX века, напротив, кажется, подтверждает предсказание Адама Смита в отношении не только причин спада (сверхнакопление в рамках особых общественных институтов), но и его исхода: возрождение менее централизованных форм бизнеса, которые основаны в большей степени на общественном разделении труда между производственными единицами, чем на техническом разделении труда внутри предприятий. Уже в конце 1960-х Питер Друкер (Peter Drucker) предвидел, что доминирование больших американских корпораций вроде General Motors и U. S. Steel должно закончиться в эпоху «нестабильности», сравнимую с пятидесятилетием перед Первой мировой войной. Как замечает Пол Кругман, предсказание Друкера оказалось пророческим¹.

К 1980-м годам кризис вертикально интегрированных корпораций с бюрократическим управлением стал реальностью. «Большие корпорации, имевшие вертикальную структуру, охватывавшую всю страну, с разделением функций между штатом служащих и рабочими на конвейере, — писали Мануэль Кастельс (Manuel Castells) и Алехандро Портес (Alejandro Portes), — больше не кажутся последним завоеванием на пути к рациональному менеджменту в промышленности. Сети экономической деятельности, сети компаний и координирующие свою деятельность группы рабочих — вот что приходит теперь им на смену как модель успешного производства и реализации». В том же ключе Майкл Пайор (Michael Piore) и Чарльз Сейбл (Charles Sable) заявляют, что победа массового производства, одержанная гигантскими корпорациями с бюрократическим управлением над «гибкой специализацией» мелкого ремесленного производства в мелких и средних

¹ Drucker (1969); Krugman P., *Age of Anxiety. The New York Times. November 28, 2005.*

предприятиях, связанных рыночными отношениями, не была ни полной, ни окончательной¹.

Впрочем, Беннет Харрисон (Bennett Harrison) считает преувеличением представлять большую корпорацию как «такого динозавра, у которого все меньше возможностей для конкуренции в “постиндустриальном мире” с его постоянными колебаниями потребительского спроса, усиливающейся международной конкуренцией и потребностью в более “гибких” формах труда и взаимодействия предприятий»: «Концентрированная экономическая мощь» не сокращалась, а лишь меняла форму: большие предприятия создают всевозможные объединения, заключают кратко- и долгосрочные финансовые и технологические сделки друг с другом, с правительством всех уровней и с огромным множеством более мелких (хотя и не всегда) предприятий, которые выступают их поставщиками и субподрядчиками». По ходу дела они максимально сокращают объем своей основной деятельности и перемещают как можно больше второстепенных функций на периферию своих сетей, часто географически в другие районы. Сами большие корпорации, таким образом, прибегают к созданию сетей, чтобы вынести производство за границы основных видов своей деятельности, сохраняя как можно больший контроль над рынками и технологическими и финансовыми ресурсами².

Принимая во внимание все вышесказанное, следует заметить, что произошедшая перемена имела немалое всемирно-историческое значение по крайней мере по двум

¹ Castells and Portes (1989: 29–30); Piore and Sable (1984: 4–5, 15, 19–20). Такого рода заявления вновь пробудили интерес к предложенному Альфредом Маршаллом пониманию «промышленных районов» как места «внешней хозяйственной деятельности» (внешней относительно отдельных хозяйствующих предприятий), что позволяло малому бизнесу выживать и процветать, не прибегая к «внутренней экономике» такого размаха и объема, который доступен только большому бизнесу. См.: Marshall (1919: 283–8); Becattini (1990); Brusco (1986). Впрочем, как видно из главы 2, за понятием Маршалла проглядывает в основном не замеченный скептицизм Смита относительно конкурентных преимуществ корпоративного бизнеса из-за неизбежных «небрежности и расточительности» менеджеров, отсутствия у них гибкости в деле приспособления к местным условиям, а также разлагающего влияния технического разделения труда на качество рабочей силы.

² Harrison (1994: 8–12).

причинам. Во-первых, она показывает, как сильно зависели вертикально интегрированные и бюрократически управляемые корпорации от двух особых исторических обстоятельств: от сегментации мирового рынка в первой половине XX века, с одной стороны, а с другой — от географической разбросанности запасов природных богатств, необходимых для экономики такого громадного (величиной с континент) государства, как США. Эти преимущества имели большое значение, пока количество и разнообразие больших корпораций были невелики, а торговля не могла сравниться с эффективностью прямых инвестиций как средства проникновения на относительно защищенные национальные и колониальные рынки. Но как только в условиях гегемонии США произошло новое объединение мирового рынка, а количество и разнообразие корпоративных структур в мире чрезвычайно выросло, эти преимущества вертикальной интеграции и бюрократизированного менеджмента начали исчезать, притом что преимущества неформально скоординированного общественного разделения труда (значение которого подчеркивали и Адам Смит, и Маршалл) соответственно выросли. Результатом стало не возвращение к семейному капитализму XIX века, но большое разнообразие гибридных форм корпоративного и некорпоративного бизнеса, которые радикально отличались от организационных форм бизнеса, характерных для XX века.

Во-вторых, повсюду обнаруживала себя стратегия большого бизнеса превращать преимущества малого бизнеса в инструмент консолидации и распространения своей власти. При чем нигде эта стратегия не привела к такому быстрому и широкому экономическому росту, как в Восточной Азии. Как мы увидим позднее, в третьей части книги, именно это лежит в основе переноса экономической мощи в Восточную Азию и восходит к соединению местной традиции рыночного некапиталистического развития с западной традицией развития капиталистического производства. В Соединенных Штатах, однако, результат данной стратегии был совершенно иным, здесь кризис доминировавших ранее промышленных корпораций углублялся, а не разрешался.

Самым драматичным проявлением углубляющегося кризиса стало вытеснение General Motors компанией Wal-Mart, этим эталоном национального бизнеса. В 1950-е годы GM

была крупнейшей американской корпорацией, ее годовой доход составлял 3% ВВП страны. Сегодня занявшая ее место Wal-Mart имеет 1,5 млн сотрудников, ее доходы составляют 2,3% ВВП. Эти два образцовых предприятия решительно отличаются друг от друга. GM была вертикально интегрированной промышленной корпорацией, имевшей производственные мощности по всему миру, но глубоко укорененной в экономике США, где производилась и продавалась основная часть ее продукции. Wal-Mart же — это в первую очередь коммерческий посредник между иностранными (в основном азиатскими) субподрядчиками, производящими основную массу его продукции, и американскими потребителями, которые покупают большую часть этой продукции. Столь принципиальное изменение образцового американского бизнеса можно считать и символом, и мерой, когда мы описываем превращение Соединенных Штатов из страны-производителя в страну, чья роль мирового финансового перевалочного пункта и позволяет ей, по выражению Маккиндера, «участвовать в деятельности мышц и мозгов в других странах».

Апологеты этой новой модели американского бизнеса настаивают, что Wal-Mart исключительно новаторски использует самые дешевые источники поставок и самые эффективные техники закупок и реализации, что позволяет ей ежедневно обеспечивать примерно 20 млн клиентов широким выбором продукции по низким ценам, а также начиная с 1990-х годов вносить значительный вклад в подъем производительности в США. Противники же этой новой модели заявляли, что Wal-Mart действительно стала лидером, но не только по части низких цен и высокой производительности, но также — и в особенности — по части перераспределения доходов от труда к капиталу и превращения рабочих (перефразируя Маркса) в «изуродованных чудовищ», в одноразовые предметы потребления. Пользуясь своим положением крупнейшего в мировой истории торговца, пишет Барри Линн (Barry Lynn), Wal-Mart снизила заработную плату и льготы не только в розничной торговле, но также в производстве и в перевозках. «Wal-Mart и другие компании, которых становится все больше... запрограммированы... на снижение зарплаты и доходов миллионов людей и мелких предприятий, которые производят и выращивают то, что они продают, на разрушение целых производств ради повышения своей производительности... И настанет

время, — пишет Кругман о Wal-Mart, — когда компания, которая так плохо обращается со своими рабочими, станет главной мишенью профсоюзов». Пока же работодатели вроде уолмартовских «не боятся, что разгневанные рабочие ответят на их войну с зарплатами созданием союзов, потому что знают, что правительственные функционеры, которые должны поддерживать права трудящихся, сделают все, что в их силах, и поддержат тех, кто урезает зарплаты»¹.

Таким образом, успех Wal-Mart и его антирабочих стратегий есть проявление кризиса прежде господствовавших промышленных корпораций, с одной стороны, и монетаристской контрреволюции, которая способствовала «финансализации» американского капитала, — с другой. Не Wal-Mart создала эти условия, но, используя эти новые условия, она активно их укрепляла. Иными словами, помогая восстановлению рентабельности за счет рабочих, она поддержала деятельность США в качестве всемирной клиринговой конторы и таким образом позволила влиятельному меньшинству американского населения «участвовать в деятельности мышц и мозгов в других странах», не используя собственных мышц и мозгов.

¹ J. Madrick, *Wal-Mart and Productivity*. *The New York Times*, September 2, 2004; Lynn (2006); P. Krugman, *The War Against Wages*. *The New York Times*, October 6, 2006.

Часть III

Утрата гегемонии

Глава 7

Господство без гегемонии

В начале XXI века снова вошли в моду слова на «и»: «империя», «империализм». Они вернулись не благодаря, если следовать Джону Икенберри (John Ikenberry), продвижению «американского однополярного века», когда «впервые в новейшие времена самое мощное государство мира может действовать во всемирном масштабе без ограничений со стороны других великих держав»¹. Этот «век» начался с развалом советского блока в 1989 году, однако в 1990-е годы повторяли другое словечко: «глобализация», а не «империя», не «империализм»; и, как замечает сам Икенберри, беспрецедентная всемирная власть Соединенных Штатов обычно называлась гегемонией. Многие ученые и аналитики — среди которых немало марксистов — считали, что понятия «империя», «империализм» не подходят для целей анализа². В 1991 году, после войны в Заливе, Камингс заявлял, что нужен электронный микроскоп, чтобы вычлнить «империализм», описывая роль Соединенных Штатов в мире³. Это, конечно, преувеличение, но есть в нем и крупница правды.

Уже упоминавшаяся публикация в *Empire* в 2000 году серьезно не изменила ситуацию: в своей работе Хардт и Негри просто подавали в новой упаковке и под другим углом центральные понятия глобализации, включая утверждение, что в сложившихся условиях глобальной экономической и информационной интеграции никакое национальное государство, даже США, не может стать центром империалистического толка. В самом деле, Хардт и Негри представляли себе империю как логику и структуру мирового правления, которое в основных аспектах было противоположно империализму, описанному марксистами в XX веке⁴.

С 1990-ми годами порвали по-настоящему только в 2001-м, когда администрация Буша ответила на события 11 сентября принятием новой империалистической

¹ G. J. Ikenberry, *Illusions of Empire: Defining the New American Order*. *The New York Times*, March 16, 2004.

² Panich and Gindin (2003: 2–3).

³ Cumings (1993b: 47–48).

⁴ Hardt and Negri (2000: xiv, 327–332). Критику этой книги см.: Balakrishnan (2003).

программы — проекта «За новый американский век». Можно усмотреть любопытное сходство между этой реакцией и теми действиями, в результате которых шестьдесят лет назад начался первый американский век. Великая депрессия 1930-х и подъем фашизма в Европе и Японии убедили Рузвельта, что для безопасности и процветания США нужен Pax Americana. Однако, пока американцы верили, что их географическая изоляция обеспечивает им безопасность, было трудно победить неинтервенционистские течения в международной политике США. В период между началом войны в Европе и Пёрл-Харбором Шурманн (Schurmann) писал: «Без сомнения, Рузвельт очень хочет, чтобы мы получили наглядное подтверждение его правоты». Когда это случилось, «Рузвельт хитро воспользовался национальными чувствами, которые разбудил Перл-Харбор, чтобы выработать идеологию империализма, которая, как он обещал, обеспечит американцам порядок, безопасность и справедливость»¹.

С окончанием Второй мировой войны вновь утвердились изоляционистские взгляды. Трумэн и государственный секретарь Ачесон очень хорошо понимали, что надо обратиться к *raison d'état*, если соображений экономических интересов США недостаточно. И вот, набрасывая текст того, что впоследствии стало доктриной Трумэна, они последовали печально известному совету Артура Ванденберга (Arthur Vandenberg) «до смерти напугать американский народ» всемирной коммунистической угрозой². Этот ход помог им обеспечить поддержку Конгрессом плана Маршалла. Однако для финансирования широкого перевооружения Соединенных Штатов и Европы, о котором говорилось в документе № 68 (NSC-68) Совета национальной безопасности, одобренном Трумэном уже в апреле 1950 года, требовалось большее. В документе не назывались конкретные цифры, но предполагалось, что ежегодные расходы на перевооружение составят 300% первоначально затребованного Пентагоном на 1950 год.

Перед администрацией встала трудная задача, как получить эти деньги от консервативного в том, что касается финансов, Конгресса даже во имя борьбы с коммунизмом. Нужно было серьезное обострение международной напряженности, и с ноября 1949-го госсекретарь Ачесон предсказывал,

¹ Schurmann (1974: 40–41).

² McCormick (1989: 77–8).

что оно случится примерно в 1950 году на периферии Азии — в Корее, Вьетнаме, на Тайване или одновременно в этих трех регионах. Спустя два месяца после того, как президент рассмотрел документ № 68, кризис разразился. Позднее Ачесон говорил: «Тут подоспела Корея и спасла нас»¹.

Трудно сказать, какие планы строил президент Буш в те восемь месяцев, что отделяли его инаугурацию от 11 сентября, но мы знаем, что сторонники проекта «За новый американский век» в его администрации лишь ждали случая, чтобы перейти к новой империалистической стратегии, над которой они так долго работали². В первые месяцы президентства Буша им не везло, но пришел Усама бен Ладен и, говоря словами Ачесона, «спас их». Как заметил Майкл Манн, он дал им «силы для мобилизации нации и определения цели»³. Угроза мусульманских фундаменталистов и государств-изгоев стала новым фактором страха, до смерти пугая американцев и обеспечив почти единогласную поддержку Конгрессом вторжения в Ирак, к которому почти десять лет тщетно призывали Чейни, Рамсфельд и Вулфовиц⁴.

Именно благодаря такому ходу событий ожили слова на «и», необходимые для характеристики нового имперского проекта Соединенных Штатов. Проект потерпел полное поражение даже раньше, чем того ожидали его критики, так что слова на «и» могут выйти из употребления еще быстрее, чем вошли. Тем не менее никуда не денутся те социальные, политические и экономические обстоятельства, которые породили проект «За новый американский век» и способствовали его принятию администрацией Буша, в той или иной форме они останутся. Нас же интересует, связаны ли эти обстоятельства (и если да, то как) с нестабильностью глобальной

¹ McCormick (1989: 98).

² О деталях проекта «За новый американский век» см.: www.newamerican-century.org. О приходе к власти сторонников этого проекта см.: Schlesinger (2004).

³ Mann (2003: 9).

⁴ О решимости неоконсерваторов развязать войну с Ираком задолго до 11 сентября см.: Suskind (2004) and Clarke (2004). Кларк сообщает о позорном совещании кабинета, когда меньше чем через день после атаки террористов Рамсфельд заявил, что «в Афганистане нет порядочных целей для бомбардировки» и поэтому «мы должны подумать о том, чтобы бомбить вместо Афганистана Ирак», потому что там «цели лучше».

политической экономии, о которой говорилось во второй части этой книги, и как они изменились под влиянием войны с терроризмом.

В этой главе я критически рассмотрю неоконсервативную империалистическую программу и превращение гегемонии США в то, что Гуха назвал *господством без гегемонии*. Сначала я остановлюсь на дважды повторившемся провале плана при помощи войны в Ираке покончить с вьетнамским синдромом и заложить основы «нового американского века». Затем я перейду к провалу неоконсервативной империалистической программы, которая должна была помешать закату Соединенных Штатов, и завершу главу предположением, что самым важным и непредвиденным последствием иракской авантюры стало укрепление тенденции к перемещению центра мировой экономики в Восточную Азию, а в пределах этого региона — в Китай.

Стойкий вьетнамский синдром

В течение шести месяцев после официального объявления о завершении боевых действий многие комментаторы замечали, что, хотя Ирак не Вьетнам, все чаще употребляя такие выражения, как «трясина», «истощение», «кризис доверия», «иракизация», мы как будто «говорим не только об Ираке, но и о Вьетнаме»¹. В Ираке, как и во Вьетнаме, Соединенным Штатам было все труднее преодолевать сопротивление сравнительно слабого в военном отношении противника, что заставляло и весь мир усомниться в военной мощи США. Но именно потому, что Ирак не Вьетнам, утверждаю я, провал в Ираке бросает гораздо больший вызов мощи Соединенных Штатов, чем их поражение во Вьетнаме.

Как мы уже говорили, вьетнамская война была центральным событием сигнального кризиса гегемонии Соединенных Штатов; но в 1980-е и в особенности в 1990-е годы сигнальный кризис 1968–1973 годов уступил место возрождению богатства и мощи Соединенных Штатов — наступила *belle époque*, во всем похожая на ту, что пережила Великобритания столетие назад. Возрождение достигло своей высшей точки после развала СССР, когда США начали представлять себя — и так и воспринимались многими — как величайшую военную

¹ C. R. Whitney, *Watching Iraq, and seeing Vietnam*. *The New York Times*, November 9, 2003.

силу, когда-либо существовавшую в мире. Однако за этим фасадом прятался «вьетнамский приговор», так никогда и не отмененный, как не была восстановлена и безусловная вера в военную мощь Соединенных Штатов.

Участвуя во многих военных конфликтах после своего провала во Вьетнаме, США тщательно избегали полного поражения. В этом смысле показательно бегство Соединенных Штатов из Ливана после бомбардировки в 1983 году лагеря морской пехоты в Бейруте, когда был убит 241 американец. С этого времени и до развала СССР Соединенные Штаты или ведут войну чужими руками (как в Никарагуа, Камбодже, Анголе, Афганистане, а также как при поддержке Ирака в войне против Ирана)¹, или участвуют в войнах со слабым противником (Гренада, Панама), или ведут военные действия только с воздуха, где высокотехнологичная военная машина США имеет абсолютное преимущество (Ливия)².

В то же время Соединенные Штаты наращивают гонку вооружений с СССР — в первую очередь (хотя и не исключительно) через Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), доводя ее до таких размеров, которые Москва уже

¹ В марте 1984 года, невзирая на зверства Саддама Хусейна, Рамсфельд летит в Багдад предложить ему поддержку США буквально в тот день, когда Ирак совершил химическую атаку на Иран. Четыре года спустя, когда Хусейн сотнями стирал с лица земли деревни в Северном Ираке и тысячами убивал курдов, Вашингтон предложил ему 500 млн долларов субсидий для покупки в США сельскохозяйственной продукции. В следующем году правительство США удвоило субсидии, доведя их до одного миллиарда долларов, и поставило Хусейну высококачественные споры сибирской язвы и материалы двойного назначения, которые используются в производстве химического и бактериологического оружия. См.: S. Milne, *We Are Sleepwalking Into a Reckless War of Aggression*. *The Guardian*, September 27, 2002; and A. Roy, *Not Again*. *The Guardian*, September 27, 2002.

² Тот факт, что «отбрасывание третьего мира», как называли иногда рейгановскую доктрину за то, что она вызвала эти столкновения, привела со временем к неожиданным последствиям, не уменьшает невыразимых страданий и потерь, понесенных этими странами. Приведем только один пример: 300 тыс. детей погибло из-за продолжения гражданской войны в Анголе, которую вела кровавая организация УНИТА при поддержке США. D. Aaronovitch, *The Terrible Legacy of the Reagan Years*. *The Guardian*, June 8, 2004. О других, более долгосрочных последствиях доктрины Рейгана, породившей будущих террористов, см.: Mamdani (2004).

не выдерживала экономически. Развернувшаяся гонка поставила СССР в положение двойной конфронтации: в Афганистане, где высокотехнологичная военная машина СССР столкнулась с теми же трудностями, какие привели к поражению США во Вьетнаме, и в ходе гонки вооружений, когда США могли мобилизовать такие финансовые ресурсы, которые были совершенно недоступны Советам. Вьетнамский синдром не исчез и после поражения СССР в холодной войне. В той степени, в какой это поражение было обусловлено мощью США, речь шла не о военной, а о финансовой мощи. Что же касается военной стороны поражения СССР, оно скорее подтвердило, чем опровергло «вьетнамский приговор». В Афганистане, как и во Вьетнаме, высокотехнологичная военная машина, которой располагали сверхдержавы, участвовавшие в холодной войне, не могла контролировать страны третьего мира на местности, даже несмотря на установленное ими политическое равновесие, основанное на равном доступе к «средствам устрашения».

Между тем развал СССР дал возможность проверить утверждение, что без советской помощи вьетнамцы не смогли бы победить Соединенные Штаты, как афганские повстанцы и моджахеды не смогли бы одолеть СССР без помощи США. Более того, подчинение Москвы позволяло теперь получать от Совета Безопасности ООН легитимацию любых полицейских акций США, чего не было со времени корейской войны. Идеальной возможностью для такой мобилизации стало вторжение Саддама Хусейна в Кувейт, и США немедленно за нее ухватились, начав даже по телевидению демонстрировать высочайшую огневую мощь своих новейших вооружений¹. Тем не менее, как указывает Джон Маккейн, победа в первой войне в Заливе «не освободила национальную совесть американцев от вьетнамского синдрома» — по его мнению, потому, что

¹ Как утверждает генерал Энтони Зинни (Anthony Zinni), «Буря в пустыне» 1991 года «создавала впечатление, будто жуткий хаос, который ждет нас за границей, можно привести в порядок простой и чистенькой войной, как во время Второй мировой войны. Но мы преуспели в этой операции лишь потому, что воевали с единственным придурком на планете, который был так глуп, что захотел еще раз провести с нами Вторую мировую войну». Clancy with Zinni and Koltz (2004).

Саддам Хусейн оставался у власти¹. Другие замечали: первая война в Заливе должна была стать тем, чем не стал Вьетнам. Вместо длительного и постепенного наращивания силы теперь ставилась цель сразу одолеть врага, обрушившись на него всей мощью, и быстро отойти². Эта стратегия, известная как доктрина Пауэлла, была предельным выражением стремления США избежать еще одного «вьетнамского приговора».

Вскоре после первой войны в Заливе была предпринята попытка проверить, способна ли американская военная машина осуществлять полицейские функции в третьем мире, и прикрытием стала «гуманитарная» миссия в Сомали. Эта попытка позорно провалилась: показанные телевидением кадры, как мертвого американца тащат по улицам Магадишу, вновь разбудили вьетнамский синдром в стране, и американские войска были немедленно выведены. При Клинтоне доктрина Пауэлла стала еще большей помехой, и государственный секретарь Мадлен Олбрайт задала свой знаменитый вопрос: «Какой смысл держать эту огромную армию, о которой вы все время говорите, если мы не можем ее использовать?»

Главной целью «гуманитарных» миссий в Боснии и направленных против того, что еще оставалось от Югославии, как раз и было показать, зачем «держат эту огромную армию». Война в Косово также должна была продемонстрировать, что одобрение ООН планируемых Штатами полицейских действий желательно, но несущественно. Достаточно получить одобрение НАТО. В военном отношении война в Косово могла подтвердить лишь то, что все и так знали: у Вашингтона достаточно технологических возможностей, чтобы смести с лица земли любую страну по своему выбору. Война в Косово также подтвердила, что правительство США не желает рисковать жизнью своих граждан в сомнительных зарубежных полицейских операциях, в которых американская общественность видела мало смысла.

¹ *Cum. no: Whitney, Watching Iraq, and seeing Vietnam. The New York Times, November 9, 2003. По-видимому, адепты «нового американского века» были также одержимы мыслью отстранить Хусейна. Например, Вулфовиц критиковал первую администрацию Буша, где он служил замминистра обороны, за политику, не сумевшую «разобраться с Саддамом» после войны в Заливе 1991 года. Democrats Target Wolfowitz on Iraq Crisis. The New York Times, May 18, 2004.*

² *M. R. Gordon, A Sequel, Not a Re-run. The New York Times, March 18, 2003.*

Накануне 11 сентября нежелание рисковать жизнью своих граждан стало глиняной ногой американского военного колосса. Ситуация изменилась после шока от атак на Всемирный торговый центр и Пентагон, поскольку эти атаки стали для американской общественности *casus belli*. Но даже во время войны в Афганистане, получившей широкую поддержку и внутри страны, и за рубежом, администрация Буша не выказывала намерения идти на большие потери, хотя такая сдержанность и противоречила открыто провозглашенной цели — достать бен Ладена «живым или мертвым». Война здесь велась по большей части силами афганцев, что заставило журналиста из *The Washington Post* съязвить: «Америка здесь ведет войну по дешевке. В ответ на самое страшное нападение, совершенное на земле Америки, мы нанесли головорезов. Соединенные Штаты даже не послали войска, чтобы закрыть границу с Пакистаном. Кто знает, сколько бойцов бен Ладена проникло через нее? Кто знает, не было ли среди них и самого бен Ладена?»¹

Некомпетентность и неразумность поступков, продиктованных идеологическими соображениями, — вот что объясняет многие случаи непонятного поведения администрации Буша. Но война в Афганистане «по дешевке» и стремление избежать потерь в охоте на бен Ладена были тем не менее вполне разумным выбором, если в войне с терроризмом США стремились не просто захватить террористов, но изменить всю географию Западной Азии под планы Нового американского века. Если иметь в виду эту, более общую, цель, Афганистан был самым неподходящим местом, чтобы испытывать готовность американцев нести потери в войнах на чужой территории после 11 сентября. И было вполне разумно считать, что «завершение дел» в Афганистане будет стоить Соединенным Штатам многих жизней и даст гораздо меньше политических и экономических выгод на одного убитого, чем вторжение в Ирак и его завоевание.

Казалось, эти ожидания могли быть удовлетворены победоносным блицкригом, тем более что вооруженные силы Ирака практически не оказывали сопротивления. Но к июню 2003 года потери Соединенных Штатов начали неуклонно расти. К тому же и политические, и экономические завоевания на одного

¹ R. Cohen, *Even a Low-Risk War Brings Its Own Cost*. *International Herald Tribune*, January 9, 2002.

убитого стремительно сокращались, по мере того как планы преобразовать Ирак, не говоря уже о всей Западной Азии, соответственно интересам США столкнулись с реальностью и пришлось их пересматривать, сокращать и даже отменять вовсе. Однако здесь Вашингтон, казалось, был полон решимости «завершить все дела», хотя эти «дела» и приходилось все время определять по-новому. Через год после вторжения в Ирак на фоне непрерывно возраставших трудностей, Буш, несмотря на открытую критику генералов, выдвинул новый лозунг: «Мы должны продержаться в Ираке до конца». «Это все равно что переплыть Ниагарский водопад», — отвечал бывший главнокомандующий Центральным командованием вооруженных сил США генерал Зинни. К 2005 году американская армия не только не имела никакой возможности «завершить дела», каковы бы они ни были, но уже маячил полный моральный и боевой упадок армии, некогда пережитый во Вьетнаме, и не было возможности провести новый призыв в армию. Выбор резко сократился: не просто выиграть или проиграть; как сказал один офицер морской пехоты, «мы можем проиграть войну в Ираке и уничтожить нашу армию или просто проиграть». К декабрю 2006 года бывший государственный секретарь Колин Пауэлл (Colin Powell) заявил в программе CBS News, что «действующая армия практически разбита», а Буш впервые признал, что Соединенные Штаты далеки от победы в Ираке, и приказал своему новому министру обороны Роберту Гейтсу (Robert Gates) разработать план усиления войск — план, который он сам же и отменил всего лишь за несколько месяцев до того¹. К тому времени, однако, вместо принципиальной политики уже было введено антикризисное управление.

Единственная сверхдержава мира уже не действовала самостоятельно, она лишь реагировала на плохие новости из Багдада. По мере того как события в Ираке выходили из-под контроля, со стратегией Джорджа Буша вести «глобальную войну с терроризмом» было покончено. «Буш шел по морю без компаса... Ирак был первым шагом. При успехе в Ираке администрация Буша сделал бы следующие аналогичные

¹ P. Krugman, *Time to Leave. The New York Times*, November 21, 2005; Editorial, *Army Stretched to Breaking. Minneapolis-St. Paul Star Tribune*, February 20, 2006; P. Rogers, *A Tale of Two Insurgencies. openDemocracy*, June 1, 2006; P. Baker, *U. S. Not Winning War in Iraq, Bush Says for First Time. Washington Post*, December 20, 2006.

шаги: второй, третий, четвертый... Разочарование и крушение всех планов на первом этапе похоронили и весь проект»¹.

Уже в 2004 году один из военных экспертов консервативного Лексингтонского института считал, что у США очень серьезные проблемы, «потому что уже весь мир видит в Ираке Вьетнам и Сомали». К октябрю 2006-го даже Буш должен был признать, что дальнейшее наращивание сил в Ираке «можно сравнить с Тетским наступлением, после которого общественность США выступила против войны во Вьетнаме»². В действительности же в Ираке проблемы США оказались гораздо серьезнее вьетнамских. В обоих случаях США попали в ситуацию политического тупика. В первом Вашингтон чувствовал невозможность закончить войну даже после того, как стала очевидной ее бессмысленность, поскольку с выводом войск США будут выглядеть, по выражению Ричарда Никсона, как «жалкий и беспомощный гигант» и во всем мире начнется разгул «тоталитаризма и анархии»³. Так же и сейчас: несмотря на «печальную и все ухудшающуюся» ситуацию в Ираке, даже выступающий против этой войны Брент Сноукрофт (Brent Snowcroft) протестовал против вывода войск без того, чтобы как-то «закончить дела»: иначе все увидят, что «американский колосс споткнулся и растерялся», и это придаст смелости террористам и экстремистам⁴. Однако в Ираке утрата мощи США, не способных

¹ A. Bacevich, *Bush's Illusions*. *International Herald Tribune*, December 22, 2006.

² B. Bender, *Study Ties Hussein, Guerrilla Strategy*. *The Boston Globe*, October 11, 2004; M. Fletcher and P. Baker, *Iraq Violence, 'No Child' Occupy Bush*. *The Washington Post*, October 19, 2006.

³ W. Pfaff, *Reclaiming the U.S. Army*. *International Herald Tribune*, July 24–25, 2004.

⁴ B. Snowcroft, *Why America Can't Just Walk Away*. *International Herald Tribune*, January 4, 2007. На самом деле образ «жалкого и беспомощного гиганта» появился задолго до того, как впервые зашла речь о выводе войск. Вот как характеризовала военную мощь США саудовская *Arab News* после разоблачений, связанных с тюрьмой «Абу-Грейб»: «Чудище с реакцией мускулистого быка и кругозором мышки». Цит. по: P. Kennicott, *A Wretched New Picture of America*. *The Washington Post*, May 5, 2004. Этот образ заставляет вспомнить «жуткую метафору» Манна в его пророческом заявлении: «Американская империя превратится в военном плане в гиганта, скромного в экономическом отношении, шизофреника – в политическом и в фантом в идеологии. И этот беспокойный, уродливый монстр будет неловко идти, спотыкаясь, по всему миру». Манн (2003: 13).

справиться с сопротивлением, оказалась гораздо более масштабной и бесповоротной, чем при поражении во Вьетнаме.

И главная причина этого вовсе не в зависимости Соединенных Штатов от западноазиатской нефти, как считают многие комментаторы, включая тех, кто с самого начала выступал против этой войны, вроде Джорджа Сороса¹. Скорее, главная причина в том, что, несмотря на сходства, Ирак — это не Вьетнам. С чисто военной точки зрения иракские повстанцы, в отличие от вьетнамских, не используют тяжелое вооружение, у них нет большого опыта ведения партизанской войны в благоприятных природных условиях, их не поддерживают сверхдержавы вроде СССР. В этом и в других отношениях они не такие серьезные противники, как вьетнамцы. Больше того, в течение тридцати лет, которые отделяют вывод войск из Вьетнама от вторжения в Ирак, вооруженные силы Соединенных Штатов были основательно преобразованы с учетом именно вьетнамского опыта. Профессионализация вооруженных сил была направлена на то, чтобы усилить их боеготовность и одновременно избавиться от тех ограничений, которые накладывались на военные действия и дисциплину призывом на службу гражданских лиц и временным статусом офицеров. Благодаря значительному усовершенствованию вооружений, произошедшему за эти тридцать лет, и реорганизации вооруженные силы США стали гораздо сильнее, чем во время вьетнамской войны.

То есть неравенство между американскими оккупантами и силами местного сопротивления в Ираке было гораздо больше, чем во Вьетнаме. Именно поэтому администрация Буша надеялась, что вторжение в Ирак позволит покончить с вьетнамским синдромом — и именно поэтому провал этой попытки гораздо серьезнее поколебал веру в военную мощь Соединенных Штатов, чем поражение в Индокитае. Если доктрина Пауэлла подняла вопрос о том, есть ли смысл

¹ «Войдя в Ирак, мы теперь не можем вырваться из этой трудной ситуации. Внутри страны, скорее всего, будут нарастать требования вывода войск, как это было во время вьетнамской войны, но вывод войск нанесет непоправимый вред нашему положению в мире. В этом отношении Ирак хуже Вьетнама из-за нашей зависимости от ближневосточной нефти». G. Soros, *The US Is Now in the Hands of a Group of Extremists*. *The Guardian*, January 26, 2004.

содержать большую армию, если ее нельзя использовать, то иракская трясина, как заметил Эндрю Басевич (Andrew Bacevich), поставила вопрос потруднее: какой смысл использовать эту армию, если результатом становятся Фаллуджа, Неджеф и Кербела?¹

Конечно, несмотря на исход иракской войны, Соединенные Штаты на какое-то время останутся самой сильной в военном отношении державой в мире. Но точно так же, как трудности американцев во Вьетнаме ускорили наступление сигнального кризиса гегемонии США, трудности американцев в Ираке ускорят ее терминальный кризис². Этот кризис назревал долго и рано или поздно должен был наступить, вне зависимости от действий администрации Буша или любой другой администрации. Но особая форма, в какой он сейчас разворачивается, определилась в результате вторжения в Ирак, совершенного в надежде, что легкая победа отменит «вьетнамский приговор» и заложит основания Нового американского века.

Как мы уже отмечали, война Клинтона в Косово должна была, среди прочего, продемонстрировать, что для полицейских акций Соединенных Штатов не очень важна поддержка ООН, если они заручатся поддержкой НАТО. Война Буша в Ираке теперь должна была продемонстрировать, что и поддержка НАТО не существенна. По словам одного из экспертов по неоконсервативной внешней политике, «за последние пятьсот лет и даже более не наблюдалось большего разрыва между сильнейшим государством мира и всеми остальными государствами. В условиях американского господства [администра-

¹ Bacevich (2004: 132).

² Рассматривая эти проблемы в иной перспективе, Фред Холлидей (Fred Halliday) делает похожий вывод, заявляя, что «весной 2004 года мы находимся посреди одного из величайших, самых трудных глобальных кризисов современной эпохи. Это не мировая война, не стратегический конфликт крупнейших государств, что (в виде двух мировых войн и холодной войны) было особенно характерно для XX века; это и не большой международный экономический кризис, как в 1929 году и, поменьше, в 1973-м. Но на всех уровнях общественной и политической жизни мы имеем ситуацию, которая, наверное, коснется каждого человека и будет иметь серьезные глобальные последствия». См.: *America and Arabia After Saddam. openDemocracy, May 13, 2004.*

ция Буша] полагала, что достаточно лишь твердо обозначить национальные интересы США, а остальные с этим смирятся»¹.

Как оказалось, смиряться не захотел почти никто из значительных игроков. За исключением Великобритании, которая все больше ведет себя как пятьдесят первый штат, и жалкой «добровольной коалиции»², остальной мир отверг американское лидерство с такой решительностью, какой история гегемонии Соединенных Штатов еще не знала. Конечно, многие зарубежные критики американского вторжения в Ирак не находят ничего веселого в затруднительном положении Соединенных Штатов. Вот как выразился старший эксперт из французского Института международных отношений: «Завязнув за границей в болоте, США поставили в затруднительное положение весь мир. Если теперь американцы просто уйдут, то другим странам придется, как это ни странно, оказывать на них давление, чтобы они остались в Ираке, притом что раньше другие страны умоляли американцев не вторгаться в Ирак без резолюции ООН. После вывода американских войск международное сообщество перенесет свое внимание с издержек американского господства в мире на опасность для мира остаться без участия Соединенных Штатов в международных делах. Проблема состоит в том, что, хотя американская стратегия в Ираке не работает, нет и никакой убедительной альтернативы. Не будет большой разницы ни в случае усиления присутствия американских войск в Ираке, ни в случае передачи власти иракцам. Америка попала, но попались и мы»³.

Возможно, именно такие рассуждения привели к единогласному принятию Советом Безопасности ООН резолюции от 16

¹ Norman Ornstein, *American Enterprise Institute*, цит. по: R. Cohen, D. E. Sanger and S. R. Weisman, *Challenging the Rest of the World With a New Order. The New York Times*, October 12, 2004.

² Уже в конце 2004 года было заявлено, что коалиция – это «шутка». Из 28 стран коалиции, пославших войска в Ирак, «только восемь имели более 500 человек. Большинство из них сделали это лишь для виду. А некоторые из-за трудностей с языком и вооружением – как 28 человек из Македонии и 29 из Казахстана – представляют собой одни проблемы». N. Kristof, *Brother, Can You Spare a Brigade? The New York Times*, December 11, 2004. С тех пор все сколько-нибудь значительные контингенты, кроме Великобритании и Австрии, вывели свои войска или заявили о выводе.

³ Dominique Moisi, *The World Is Trapped in the Iraqi Quagmire. The Financial Times*, November 14, 2003.

октября 2003 года, которая в некоторой степени легализовала оккупацию Ирака войсками под командованием США и призвала другие правительства поддержать эту оккупацию. Соединенным Штатам нужно было узаконить свои действия в первую очередь — если не исключительно — для того, чтобы получить от других стран ресурсы на покрытие все возрастающих человеческих и финансовых издержек оккупации Ирака. И действительно, проталкивая резолюцию через Совет Безопасности, США стремились обеспечить успех «конференции доноров» (она должна была состояться в Мадриде на следующей неделе после заседания Совбеза), плачевные результаты которой, как мы увидим в главе 9, весьма способствовали потере мощи США, ставшей результатом превращения их гегемонии в простое господство.

Еще большее воздействие упадок американского влияния оказал на Западную Азию, политическую географию которой вторжение в Ирак должно было изменить в соответствии с интересами и ценностями Соединенных Штатов. К весне 2004 года проблемы в Ираке лишили всякого практического значения вопрос о том, как Соединенные Штаты используют оккупацию, так что Томас Фридман жаловался: «Нам грозит проиграть нечто более важное, чем просто война в Ираке. Нам грозит проиграть Америку как инструмент морального влияния и власти в мире. Впервые в моей жизни повсюду так ненавидят Америку и ее президента... Война с терроризмом — это война идей, и, чтобы ее выиграть, мы должны бороться за доверие к нашим идеям... В одиночку мы не можем выиграть войну идей с [людьми, которые нанесли нам удар 11 сентября]. Только арабы и мусульмане могут... Но трудно приобретать партнеров, когда вы так радиоактивны, что никто не хочет стоять рядом»¹.

И в самом деле, Соединенные Штаты стали настолько «радиоактивными», что пришлось отказаться от планов провести множество косметических политических реформ на так называемом Большом Ближнем Востоке. Когда в феврале 2004 года одна арабская газета опубликовала черновик призыва администрации Буша к богатейшим странам мира добиваться политических перемен в Западной Азии, несколько арабских лидеров разразились гневными отповедями, даже Хосни Мубарак назвал этот план «бредовым»; президентская администрация быстро его отозвала. Несколькими месяцами позже Вашингтон попытался прибегнуть

¹ *Restoring Our Honor. The New York Times, May 6, 2004.*

к «мягкому давлению», спонсируя широкую программу, основанную на докладе ООН о развитии человеческого потенциала в арабском мире на саммите G8 (Си-Айленд, Джорджия). Впрочем, сами составители доклада резко критиковали эту инициативу, указывая на то, что в арабском мире не доверяют Соединенным Штатам и что, чем больше доклад будет связан с США, тем больше будет подорван авторитет этого труда. К декабрю 2004-го, когда госсекретарь Колин Пауэлл прибыл на саммит по продвижению демократии в арабском мире в Марокко, Соединенные Штаты уже отказались от попыток возглавить это движение. Арабские лидеры, как заметил один американский деятель, «охотно принимают помощь, но вовсе не хотят проводить реформы»¹.

Проблемой для Соединенных Штатов было не просто широко распространенное среди арабов и мусульман мнение, будто вторжение в Ирак имело своей целью усиление Израиля относительно палестинского сопротивления и арабского мира в целом, и не возмущение арабов масштабным воспроизведением в Ираке того принудительного господства, которое Израиль установил на палестинских территориях: «поразительное сходство военных тактик», «такое же невнимание к положению жертв» и «исключительное беспокойство по поводу потерь агрессоров»². Проблемой было то, что правящие круги арабского и мусульманского мира считали, что подчинение Соединенным Штатам обойдется дороже, чем сопротивление. Трудности в Ираке сделали пустыми угрозы американцев применить военную силу против других мусульманских государств, а государством, которое в результате больше всех выиграло от войны в Ираке, оказался Иран, стоявший вторым в списке стран, где США наметили смену режима.

Соединенные Штаты разбили коварного врага Ирана, нанеся, однако, большой ущерб и собственному положению в этом регионе; политические союзники Ирана в Ираке — курды и шииты — объединились, формируя новые правительственные структуры, и стали

¹ J. Brinkley, *U.S. Slows Bid to Advance Democracy in Arab World*. *The New York Times*, December 5, 2004; F. Heisbourg, *Mideast Democracy is a Long-Term, Global Project*. *International Herald Tribune*, March 23, 2004.

² За несколько месяцев до начала вторжения американские и израильские официальные лица открыто выражали надежду на то, что быстрая победа США в Ираке укрепит безопасность Израиля, демонстрируя арабам бесполезность сопротивления. Подборку такого рода заявлений можно найти в Muralidharan (2004).

сильны как никогда. Так что Иран теперь находится в положении, когда он может играть большую, если не решающую роль в формировании новой политической и социальной системы Ирака. Иран... не может не радоваться, видя, как американцы надолго завязли [в Ираке] и тратят на это огромные средства. Иран в восторге от того, что впервые в политике арабской страны шииты... имеют признанный общественный, правовой и международный статус¹.

Укрепление положения шиитов в Ираке вкупе с шиитским правлением в Иране особенно опасны для суннитских государств на границах Ирака и в Персидском заливе, поскольку здесь таится угроза дальнейшего нарастания волнений среди шиитского населения, издавна угнетаемого. «Если Ирак станет исламской республикой, — предостерегает король Иордании Абдулла, — у нас появится множество новых проблем, которые выйдут за границы Ирака». Эти страхи открывают перед Соединенными Штатами перспективу мобилизовать суннитских правителей региона против Ирана, но такому развитию очень мешает растущее понимание того, сколь опасно арабским лидерам вступать в слишком тесный союз с США².

Трудно сказать, чем закончится американское вторжение в Ирак для Западной Азии. Даже иранская «победа» может оказаться временной в условиях дальнейшего ослабления и непопулярности режима аятоллы и возможных новых непродуманных действий со стороны Соединенных Штатов. В самом деле, как видно из репортажей *The New York Times* и как утверждает Сеймур Херш (Seymour Hersh), администрация Буша, кажется, имела непосредственное отношение к планированию израильской бомбардировки Ливана и последующего вторжения и поддерживала наступление на «Хезболлу». Однако эти действия дали обратный результат. Вместо того чтобы получить надежный *casus belli* против Ирана, они продемонстрировали, как уязвим теперь Израиль в обстановке хаоса в регионе, вызванного вторжением в Ирак. Впрочем, хотя эта новая неудача в сочетании с зависимостью США в Ираке от шиитов

¹ F. Halliday, *America and Arabia After Saddam*. *openDemocracy*, May 13, 2004.

² R. Khalaf, *Iranian Nuclear Ambitions Worry Gulf Arab States*. *The Financial Times*, December 18/19, 2004; J. F. Burns, and R. F. Worth, *Iraqi Campaign Raises Questions of Iran's Sway*. *The New York Times*, December 15, 2004; B. Daragahi, *Jordan's King Risks Shah's Fate, Critics Warn*. *Los Angeles Times*, October 1, 2006; B. Snowcroft, *Why America Can't Just Walk Away*. *International Herald Tribune*, January 4, 2007.

делает военное нападение на Иран невозможным, отправка в Персидский залив в январе 2007 года двух авианосцев с боевыми соединениями, по словам одного американского военачальника, должна была «напомнить иранцам, что мы можем перенести наше внимание на них»¹. В этих условиях с уверенностью можно утверждать одно: каким бы ни оказался результат иракской авантюры, он будет не таким, как планировалось. И, вовсе не будучи началом Нового американского века, он, по всей вероятности, станет завершением первого и единственного американского века — «долгого» XX века.

Странная смерть плана глобализации

Идея, что мы являемся свидетелями терминального кризиса американской гегемонии, подтверждается, в особенности при рассмотрении того, как война с Ираком отразилась на центральном положении США в глобальной мировой политической экономике. Как подчеркивает Харви, задачи неоконсервативной империалистической программы внутри страны и на международной арене лишь отчасти согласовались с неолиберальными заявлениями о якобы саморегулирующихся рынках. Если бы деятельность свободных рынков начала угрожать центральному положению Соединенных Штатов, неоконсерваторы были бы готовы превратить «тихую» войну, которая идет по всему миру под лозунгами неолиберализма, в решительную конфронтацию, которая покончила бы с этой угрозой раз и навсегда. Вторжение в Ирак и должно было стать такой конфронтацией: это был первый тактический маневр в долгосрочной стратегии использования военной силы для установления американского контроля над мировой нефтяной трубой, а значит, и над всей мировой экономикой, на следующие пятьдесят лет или даже дольше².

Неожиданно плачевные результаты вторжения в Ирак подняли вопрос о том, что же так угрожало американской мощи в

¹ Z. Mian, *Choosing War, Confronting Defeat*. *Economic and Political Weekly*, October 7, 2006; D. E. Sanger, *On Iran, Bush Confronts Haunting Echoes of Iraq*. *The New York Times*, January 28, 2007. W. Pfaff, *Can Bush Forestall Defeat?* M. Slackman, *Iraqi Ties to Iran Create New Risks for Washington*. *The New York Times*, June 8, 2006; F. Halliday, *Lebanon, Israel, and the 'Greater West Asian Crisis'*. *openDemocracy*, August 18, 2006. W. Pfaff, *Can Bush Forestall Defeat?* *International Herald Tribune*, January 13–14, 2007. G. Kolko, *The Great Equalizer. Lessons from Iraq and Lebanon*. *Japan Focus*, August 25, 2006.

² Harvey (2003: 24–25, 75–78, 84–85, 190–192; 201–202).

проекте глобализации 1980–1990-х годов, чтобы неоконсерваторы пошли на рискованную иракскую авантюру. Разве не спонсируемая Соединенными Штатами либерализация мировой торговли и капитала привела к решительному восстановлению американской мощи после многочисленных кризисов 1970-х? Разве не опора на мировой рынок — имеющий своим центром США и регулируемый США — при разумной поддержке посредством «тихой» войны гарантировала восстановление центрального положения Соединенных Штатов в глобальной политической экономике?

Несмотря на всю риторику в пользу свободного рынка, администрация Буша никогда не была столь же расположена к процессу всеобъемлющей либерализации торговли и движения капитала (что является центральным аспектом так называемой глобализации), как клинтоновская администрация. И слово «глобализация» редко появляется в речах президента Буша, а может быть, и вовсе не появляется. Как утверждает старший помощник президента, Бушу с этим словом «некомфортно». В декабре 2003 года, когда ВТО наложила на администрацию Буша штраф за тарифы 2002 года на импортируемую сталь и американцам угрожали репрессивные санкции в размере 2,3 млрд долларов, этот помощник разъяснял, что Белый дом считает неправильным политику «1990-х годов, когда мы забыли поставить на первое место американские интересы. Так что для нас глобализация — это множество правил, ограничивающих выбор президента и снижающих американское влияние»¹.

¹ Цит. по: D. Sanger, *While America Sells Security, China Is Buying Its Dollars. The New York Times, December 7, 2003. См. также: Johnson (2004b: 272). «11 сентября было последним ударом по обещаниям глобализации... После этого... Соединенные Штаты полностью перешли на модель поведения "национальные интересы в первую очередь"... так что теперь, если президент Буш с некоторой убедительностью говорит о кооперации и интеграции с другими странами, то только в контексте войны с терроризмом и в самом узком смысле этих слов». A. Martinez, *The Borders Are Closing. Los Angeles Times, June 1, 2005. Соответственно и администрация Буша перешла от соглашений о многосторонней свободной торговле к соглашениям о двусторонней торговле. Единственный случай, когда администрация Буша участвовала в многосторонних переговорах, — это новый раунд переговоров ВТО, начатый в Дохе (Катар) вскоре после 11 сентября, — эти переговоры были демонстративно прекращены через два года в Канкуне, по большей части они касались субсидирования американских и европейских фермеров.**

Попытки администрации Буша освободиться от тех пут, которые глобализация накладывала на Соединенные Штаты, особенно хорошо были заметны в финансовой сфере. Найэл Фергюсон (Niall Ferguson), сравнивая финансовое положение США и Великобритании сто лет назад, указывал, что гегемония Великобритании «означала также самые большие деньги». (В оригинале здесь игра слов: «hegemony also meant hegemony». — Прим. ред.) Будучи мировым банкиром, Великобритания в период своего имперского расцвета «никогда не беспокоилась о курсе фунта стерлингов». В то время как США, «сбрасывая режимы государств-изгоев сначала в Афганистане, а сейчас в Ираке, одновременно являются крупнейшим должником в мире». Это положение есть следствие нарастания дефицита американского платежного баланса, о чем мы говорили в главах 5 и 6.

Таким образом, представление президента Буша о преобразовании мира с помощью военной силы и в интересах Америки имеет пикантный оттенок: военные действия будут вынужденно финансироваться европейцами — включая французов, которых ругают особенно сильно, — и японцами. Разве при этом они не будут влиять, хотя бы слегка, на политику США по принципу «кто платит, тот и заказывает музыку»? Бальзак однажды сказал, что если долги велики, то должник имеет власть над своими кредиторами; фатально лишь быть маленьким должником. Кажется, мистер Буш и его рать хорошо усвоили этот урок¹.

Хотя в основном финансируют гигантский дефицит платежного баланса США не европейцы. Как видно на графике 4, со времени азиатского кризиса 1997–1998 годов дефицит платежного баланса стран мирового Севера, вместе взятых (то есть бывших стран первого мира и Японии), все время возрастал — по большей части из-за американского дефицита — при росте излишка платежного баланса остального мира (то есть стран бывшего второго и третьего мира). Как мы увидим в эпилоге, это поразительное расхождение связано с растущей зависимостью стран Севера, в особенности США с их глобальным финансовым господством, от денежного и кредитного потоков именно из тех стран, которые первыми становятся жертвами этого господства. Неудивительно, что руководитель группы в одной американской

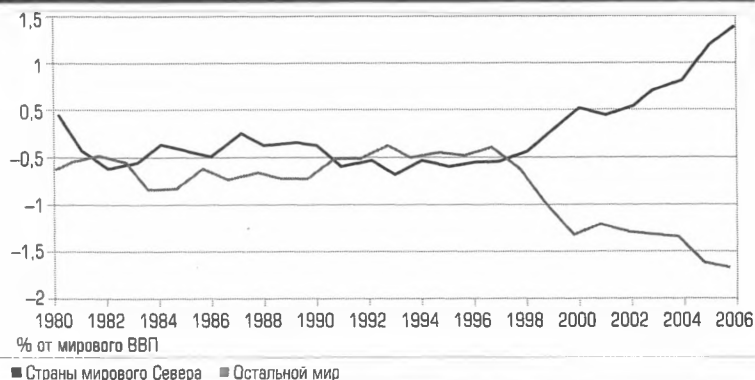
¹ N. Ferguson, *The True Cost of Hegemony*. *The New York Times*, April 20, 2003. Эта мысль развита в Ferguson (2004: 261–295).

«фабрике мысли» предостерегал от опасностей этой ситуации: «Мы все больше зависим от кредиторов, которые, вовсе не являясь нашими лучшими друзьями, имеют все больше и больше интересов в Америке»¹.

В настоящее время дефицит платежного баланса США финансируется прежде всего восточноазиатскими правительствами, которые в огромных количествах приобретали американские краткосрочные казначейские обязательства и участвовали в создании валютных резервов, номинированных в долларах, — в первую очередь это правительство Японии, но в значительной степени и Китая². Причем эти и другие правительства, финансируя растущий дефицит американского платежного баланса, руководствуются не строго экономическими, но политическими мотивами. Фергюсон приводит слова ведущего экономиста МВФ Кеннета Рогоффа (Kenneth S. Rogoff) о том, что «его очень озаботило бы положение развивающейся страны, у которой из года в год растет дефицит

¹ Цит. по: F. Kempe, *Why Economists Worry About Who Holds Foreign Currency Reserves*. *The Wall Street Journal*, May 9, 2006.

² Несмотря на то что «иностранные инвесторы в 1990-е годы влили триллионы долларов в американские государственные ценные бумаги и корпоративные поглощения... теперь деньги идут в основном не от частных инвесторов, но от иностранных правительств во главе с японским и китайским. Их целью были даже не доходы, а желание стабилизировать валютные курсы... Многие экономисты считают, что азиатские центральные банки создали нечто вроде бреттон-вудской системы фиксированного валютного курса, продержавшейся со времени после Второй мировой войны до начала 1970-х годов». E. Andrews, *The Dollar is Down, but Should Anyone Care?* *The New York Times*, November 16, 2004. К концу 2004 года иностранцы владели примерно 13% американских государственных ценных бумаг, 24% корпоративных облигаций и 43% американских казначейских ценных бумаг. R. J. Samuelson, *The Dangerous Dollar*. *The Washington Post*, November 17, 2004. В августе 2006 года больше всего американских краткосрочных казначейских обязательств было у Японии (на 664 млрд долларов), за ней идет Китай (339 млрд). У Китая их было больше, чем у трех крупнейших северных стран, вместе взятых (Великобритания, Германия и Канада, 300 млрд долларов). Более того, из того, что принадлежит Великобритании, свыше 200 млрд долларов составляют активы небританских инвесторов на британских финансовых рынках и в британских институтах: данные по F. Norris, *Accessory for a U.S. Border Fence: A Welcome Mat for Foreign Loans*. *The New York Times*, November 4, 2006.

Источник: IMF World Economic Outlook Database; сентябрь 2006 г.

платежного баланса до 5% [от ВВП] или более, и чернила, которыми пишется бюджет, из черных становятся красными (то есть все время растет долг)». Конечно, поспешил добавить Рогофф, Соединенные Штаты не «развивающаяся» страна; но США и не обычная «развитая» страна, чего не замечают ни Фергюсон, ни Рогофф. Соединенные Штаты ожидают и получают от других правительств и международных институтов, в первую очередь от МВФ, преференциальный режим в отношении своих финансов, чего даже не надеется получить ни одно другое государство, каким бы «развитым» оно ни было. И это не по «правилу Бальзака», но соответственно тому весу, какой имеют Соединенные Штаты в глобальной экономике, занимая в ней центральное положение, а также благодаря утвердившемуся мнению, что военная мощь США — главное условие политической стабильности в мире (по крайней мере, так было до последнего иракского кризиса). И власть, и центральное положение в мировой политической экономике значат для США гораздо больше, чем они значили в свое время для Великобритании, потому что, как было показано в главе 5, Великобритания могла рассчитывать на то, чего у Соединенных Штатов нет: на колониальные территории в Индии, откуда она получала финансовые ресурсы и практически сколько угодно солдат.

Так что мы можем описать доминантное положение Соединенных Штатов, не имеющих «самых больших денег» (*hegemony*), следующим образом. Как и в случае с

Великобританией на похожей стадии относительного упадка, рост дефицита платежного баланса США отражает снижение конкурентоспособности американского бизнеса дома и за рубежом. И американский капитал, как и британский, хотя и менее успешно, отчасти компенсировал это снижение, став мировым финансовым посредником. В отличие от Великобритании, однако, Соединенные Штаты не создали империи и не имеют колоний, где можно черпать ресурсы, необходимые для поддержания своего политического и военного превосходства в мире растущей конкуренции. Со временем Британия, конечно, утратила свое первенство. По мере того как усиливалась конкуренция старых и новых империалистических соперников и складывались благоприятные условия для освободительной борьбы колониальных подданных, расходы на содержание империи все росли и в конце концов превысили доходы. Поскольку Великобритании было все труднее заставлять свою империю не то что отдавать излишки, но хотя бы оплачивать свое содержание, она все больше попадала в долговую зависимость от Соединенных Штатов, для которых стоимость обороны была ниже, а умение вести войну новыми, поставленными на промышленный поток средствами — выше, чем у Великобритании или любого другого из соперников. Позднее все это заставило Лондон ликвидировать свою заморскую империю и смириться с положением младшего партнера нового государства-гегемона. Потребовались, однако, еще две мировые войны (обе Великобритания выиграла в военном отношении и проиграла в финансовом), чтобы она окончательно утратила свое прежнее положение главного мирового кредитора¹.

Соединенные Штаты стали государством-должником гораздо раньше и в большей степени, чем Соединенное Королевство, не только из-за своей ориентации на потребление, но и потому, что у них не было Индии, откуда можно было даром брать войска, чтобы вести бесконечные войны на мировом Юге, как это делала Великобритания, будучи гегемоном. Вашингтону не только приходится оплачивать войска и в высшей степени капиталоемкое вооружение. Вместо того чтобы получать с заморских территорий доход, ему приходится жестко конкурировать на мировых

¹ Arrighi and Silver (1999: 72–87).

финансовых рынках за капитал, необходимый для компенсации взрывного роста дефицита платежного баланса. Хотя это прекрасно удавалось Соединенным Штатам в 1980–1990-е годы, привлеченный ими капитал, в отличие от индийских взносов в платежный баланс Великобритании, достался им не даром. Кроме того, он вызвал расширение потока доходов, текущих к иностранным резидентам, отчего Соединенным Штатам все труднее компенсировать дефицит платежного баланса¹.

Из сказанного следует, что в основе американской *belle époque* 1990-х лежала положительная обратная связь, которая в любой момент могла стать порочным кругом. Этот цикл положительная обратная связь — потенциально порочный круг определялся действием двух причин: способностью США представить себя государством, исполняющим функции мирового рынка как последней надежды, и важной военной и политической державой, а также способностью остальных стран мира поставлять в США капитал для дальнейшего исполнения ими этих функций во все большем масштабе. Распад советского блока, яркие «победы» в первой войне в Заливе и в войне в Югославии, появление пузыря новой экономики — все это дало громадный импульс для синергии богатства и мощи Соединенных Штатов, с одной стороны, и притока иностранного капитала — с другой. Но стоило хотя бы одному из условий измениться, и эта синергия пошла бы в обратную сторону, превратив положительную обратную связь в порочный круг.

У Буша, пришедшего к власти сразу после того, как лопнул пузырь новой экономики, было множество причин чувствовать

¹ Так, в конце сентября 2006 года *The Wall Street Journal* сообщила, что США впервые, по крайней мере за 90 лет, выплатили заметно больше иностранным кредиторам, чем получили от своих зарубежных инвестиций, вернувшись, таким образом, к положению XIX века, когда они занимали огромные суммы в Европе. Помимо того что теперь огромные суммы занимают в Азии, а не в Европе, есть большая разница между положением государства-должника, каким США были в XIX веке, и их сегодняшним положением: в XIX веке занимали на строительство железных дорог и другой инфраструктуры, что повышало производительность американской экономики, а сегодня таким образом финансируют частное и общественное потребление, которое в США уже неконкурентоспособно. M. Whitehouse, *U.S. Foreign Debt Shows Its Teeth as Rates Climb*. *The Wall Street Journal*, September 7, 2005; P. Krugman, *Debt and Denial*. *The New York Times*, February 8, 2006.

«неудобство» политики клинтоновской эпохи¹. Во время экономического роста периода пузыря в Соединенные Штаты в погоне за прибылью притекал в основном частный капитал, а сами частные инвесторы составляли аморфную массу, которая не имела практически никакого влияния на политику Соединенных Штатов. Но после того, как пузырь лопнул, приток капитала в Соединенные Штаты стал, как мы уже отмечали, более политизированным, а правительства, платившие за растущий дефицит платежного баланса США, конечно, приобретали немалое влияние на американскую политику. Усиление этого влияния не беспокоило Вашингтон, потому что безопасность и процветание большинства восточноазиатских стран-кредиторов (в первую очередь Японии) находились в глубокой зависимости от США. Как мы позже увидим, ситуация радикально изменилась с появлением на сцене Китая, ставшего не только альтернативным местом назначения восточноазиатского экспорта и инвестиций, но и крупным кредитором Соединенных Штатов. Впрочем, и без учета китайского фактора растущая финансовая зависимость от иностранных правительств значительно ограничивала способность США преследовать свои национальные интересы во время многосторонних и двусторонних переговоров по продвижению и поддержанию мировой экономической интеграции. В июне 1997 года, например, возвращаясь с саммита «большой восьмерки» в Денвере, где представители администрации Клинтона хвастались расцветом американской экономики, японский премьер-министр заявил в Нью-Йорке, что у Японии было большое искушение продать крупные партии американских краткосрочных казначейских обязательств во время переговоров с Соединенными Штатами о торговле автомобилями, а также во время серьезных колебаний валютных курсов,

¹ *Перед вторжением в Ирак нередко пророчески сравнивали США после схлопывания пузыря и Японию. Не помогал и тот факт, что в 2002 году американские государственные ценные бумаги падали в цене уже третий год подряд (самый продолжительный период падения с 1939–1941 годов). D. Leonhardt, Japan and the U.S.: Bubble, Bubble, Toil and Trouble. The New York Times, October 2, 2002; S. Roach, The Next Japan? www.morganstanley.com, accessed October 21, 2002. Беспрецедентная комбинация фискальных и финансовых стимулов, которые были приведены в действие администрацией Буша (см. ниже), сглаживали страхи (хотя никогда их полностью не уничтожили) относительно того, что Соединенные Штаты в 2000-е годы могут повторить японский опыт 1990-х.*

когда США, казалось, были заняты только внутренними проблемами. Как заметил один комментатор, Хасимото «просто напомнил Вашингтону, что, хотя Америка построила цветущую экономику, залог держат азиатские центральные банки»¹.

После принятия администрацией Буша решения ответить на 11 сентября затяжной войной на многих фронтах, стало ясно, что политику времен 1990-х надо менять. Ибо как можно было начинать подобную войну с огромной задолженностью другим странам? Было четыре варианта возможных действий: повысить налоги, занять еще больше за границей, сделать войну самоокупаемой или воспользоваться своими сеньоражными привилегиями, которыми США обладали, поскольку доллар был международной валютой.

О повышении налогов не могло быть и речи. Буш, выигравший выборы под лозунгом значительного сокращения налогов, не мог их теперь повысить, не восстановив против себя электорат, что было бы политическим самоубийством. Более того, популярность войны с терроризмом в значительной степени была основана на убеждении (которое поддерживала администрация президента), что Соединенным Штатам не надо выбирать между «пушками и маслом», военной и мирной политикой, но можно использовать в своих интересах и то и другое. И в самом деле, кризис 11 сентября был использован, чтобы начать две войны, расходуя то, что накопила предыдущая администрация, и одновременно снижая налоги. Позднее Фридман жаловался, что Соединенные Штаты «перешли от пузыря доткомов² к пузырю 11 сентября... Первый финансировался безрассудными инвесторами, а второй — безрассудной администрацией и Конгрессом»³.

Конечно, можно было и дальше занимать средства за рубежом, но с определенными экономическими и политическими ограничениями. Экономические ограничения были вызваны необходимостью поддерживать низкие ставки процента для восстановления экономики страны после краха на Уолл-стрит в 2000–2001 годах, обострению последствий которого позже способствовали события 11 сентября. Политические ограничения были обусловлены нежеланием администрации Буша дать иностранным

¹ W. Pesek, *Commentary: Across Asia, the Sounds of Sharpening Knives. International Herald Tribune, December 7, 2004.*

² Стремительное появление и развал интернет-компаний.

³ T. Friedman, *The 9/11 Bubble. The New York Times, December 2, 2004.*

правительствам возможность больше влиять на политику Соединенных Штатов. Хотя, конечно, долг США перед правительствами других стран (в особенности восточноазиатских) после 11 сентября возрастал — как возрастало и влияние этих правительств. Таким образом, оплата дефицита все больше зависела от восточноазиатских центробанков. Такая ситуация складывалась не столько в результате сознательной политики Соединенных Штатов занимать все больше, сколько по решению иностранных правительств, имевших свои основания все больше выводить финансирование текущего дефицита из-под контроля американского правительства¹.

Вести дела так, чтобы война стала самокупаемой, было легче на словах, чем на деле. Переключаясь с войны в Афганистане на Ирак (о чем мы уже говорили выше), США не просто считали Ирак более благоприятной диспозицией для легкой победы, как было заявлено в известном высказывании Рамсфелда: в Ираке «цели лучше», чем в Афганистане. США также ожидали, что иракская нефть даст необходимые средства для укрепления американской власти как в Ираке, так и во всем западноазиатском регионе. Теперь мы уже знаем, что оба ожидания оказались тщетными. Даже после поражения целей в Ираке иракская нефть так и не начала покрывать растущие военные расходы, а война все разрастается, и конца ей не видно. «До войны официальные лица отказывались обсуждать величину военных расходов, настаивая на том, что они будут минимальными. И только когда начались военные действия и Конгресс уже не мог сопротивляться, администрация потребовала 75 млрд долларов на Фонд освобождения Ирака. Затем, объявив, что “миссия выполнена” и проталкивая большое сокращение налогов... мистер Буш сказал Конгрессу, что ему нужно еще 87 млрд... и предупредил, что без этих поступлений пострадают американские солдаты». Спустя год он снова пришел с теми же доводами, испрашивая у Конгресса еще 25 миллиардов². К концу 2006 года Конгресс одобрил ассигнование более 500 млрд долларов на войну в Ираке и Афганистане, а также на иные операции против террористов, так что расходы на борьбу с терроризмом в 2007 году должны были превзойти (с учетом инфляции) все, что

¹ F. Norris, *Is It Time for the Dollar to Fall in Asia?* *International Herald Tribune*, October 22, 2004. E. Porter, *Private Investors Abroad Cut Their Investments in the U.S.* *The New York Times*, October 19, 2004.

² P. Krugman, *The Wastrel Son.* *The New York Times*, May 18, 2004.

Соединенные Штаты потратили на войны за всю свою историю, не считая Второй мировой войны¹.

Поскольку дальше повышать налоги было невозможно, зарубежные займы имели свои пределы, а война не приносила доходов, главным средством финансирования войн при Буше стала эксплуатация сеньоражных привилегий США. Вскоре после вторжения в Ирак один комментатор писал: «Циник может счесть “блестящим американским заговором” найденный Соединенными Штатами способ обеспечивать себя товарами, услугами и активами в обмен на клочки бумаги по завышенной цене».

Те, кто определял политику Соединенных Штатов в 1980–1990-х годах, склонили множество экономик к либерализации своих финансовых рынков. Такая либерализация обычно заканчивается финансовым или валютным кризисом — либо обоими сразу. При этом в пораженной кризисом (кризисами) стране сокращались внутренние инвестиции, воцарялся глубокий страх перед дефицитом платежного баланса и появлялось сильное желание накапливать валютные резервы. Надежнее всего было инвестировать резервные фонды в ту страну, где была самая развитая в мире экономика и самые ликвидные рынки капитала. Когда больше нельзя будет побуждать доверчивых иностранцев финансировать Соединенные Штаты, доллар падет. Поскольку же американская задолженность имеет преимущественно долларовое выражение, то, чем ниже упадет доллар, тем меньше окажется сумма американской задолженности остальному миру. Таким образом, на последнем этапе «тайный план» примет вид частичного дефолта в результате обесценивания доллара².

В конце 2004 года журнал *The Economist* определял падение доллара за предыдущие три года в 35% по отношению к евро и в 24% по отношению к иене, а запас долларов в руках иностранцев — почти в 11 триллионов: «Если доллар упадет еще на 30%, как предсказывают некоторые, это будет величайший в истории дефолт: не обычный дефолт по невозможности уплаты государственного долга, но хитрый дефолт, дефолт-уловка, который слизнет триллионы долларовых активов иностранцев»³. Этот

¹ P. Baker, *U.S. Not Winning War in Iraq, Bush Says for the First Time*. *The Washington Post*, December 20, 2006; *Costs of Major U.S. Wars*. *CounterPunch*, May 5, 2006.

² M. Wolf, *A Very Dangerous Game*. *The Financial Times*, September 30, 2003. Более подробно «тайный план» США рассмотрен у R. H. Wade, *The Invisible Hand of the American Empire*. *openDemocracy*, March 13, 2003, and Frank (2005).

³ *The Disappearing Dollar*. *The Economist*, December 2, 2004.

«величайший в истории дефолт» еще не случился. Но случится он или нет, использование Соединенными Штатами сенъоражных привилегий для того, чтобы тратить на «пушки и масло» больше, чем правительство может себе позволить, на время отсрочит, но не отменит необходимость фундаментальной структурной перестройки в США соответственно существенному снижению американской конкурентоспособности в мировой экономике.

Главные причины этого снижения конкурентоспособности до вторжения в Ирак мы уже рассматривали в главе 6. После вторжения все больше американских обозревателей жалуются на снижение конкурентоспособности не только в низкотехнологичных, трудоемких видах деятельности, но и в высокотехнологичных, наукоемких, составлявших самую суть сравнительного превосходства экономики Соединенных Штатов¹. Доходы и выручка американских транснациональные корпораций действительно выросли, но рост происходил главным образом за рубежом, и эти компании могли удерживаться на мировом рынке, только реинвестируя свои доходы также за рубежом². Ревальвация валют других стран (в особенности Китая), которая широко используется как средство восстановления конкурентоспособности, могла бы помочь, но прошлый опыт не воодушевляет.

Есть множество свидетельств того, что ставка Соединенных Штатов на валюту ненадежна. С 1976 года иена выросла относительно доллара примерно в три раза. Но существенно-го улучшения позиции США относительно Японии при этом

¹ См. также: Segal (2004); J. Kumagi and W. Sweet, *East Asia Rising*. IEEE Spectrum Online, October 19, 2004; W. J. Broad, *U.S. Is Losing Its Dominance in the Sciences*. The New York Times, May 3, 2004; E. Porter, *Innovation and Disruption Still Going Hand in Hand*. The New York Times, December 6, 2004; D. Baltimore, *When Science Flees the U.S.* The Los Angeles Times, November 29, 2004; T. Friedman, *Fly Me to the Moon*. The New York Times, December 5, 2004; K. Bradsher, *Made in U.S., Shunned in China*. The New York Times, November 18, 2005; P. G. Roberts, *Another Grim Jobs Report. How Safe Is Your Job?* CounterPunch, April 18, 2006; J. Perry and M. Walker, *Europeans Appetite for Imports benefits Chin at the Expense of the U.S.* The Wall Street Journal, September 11, 2006.

² L. Uchitelle, *Increasingly, American-Made Doesn't Mean in the U.S.A.* The New York Times, March 19, 2004.

не произошло — и это давно вызывает недовольство американских производителей¹.

Перестройка Соединенных Штатов соответственно новым реальностям мировой экономики потребует не только дальнейшей девальвации американского доллара, но и вздорожания валют стран с положительным сальдо платежного баланса, а также перенаправления излишков капитала с финансирования американского дефицита на создание спроса где-то еще, например в Восточной Азии. Такая перестройка может быть «грубой» (обвал доллара) или «мягкой»². В любом случае она приведет к дальнейшему ослаблению американского господства над мировыми экономическими ресурсами и пошатнет главенствующее положение американского рынка в глобальной экономике, а также роль американского доллара как международного платежного средства и резервной валюты.

Администрация Буша уже показала, что понимает, насколько опасно всецело полагаться на обесценивающийся доллар и невыплату задолженности иностранным инвесторам для усиления конкурентоспособности Соединенных Штатов. Так, на встрече в Дохе в июне 2003 года американский министр финансов Джон Сноу убедил министров финансов остальных стран «большой семерки» подписать совместное заявление, в котором утверждалось, что установление обменного валютного курса должно быть отдано на откуп рынку. Это заявление было воспринято как сигнал об официальном отказе Вашингтона от политики сильного доллара эпохи Клинтона, и доллар резко упал по отношению ко всем основным валютам. Но всякий раз, когда падение грозит обернуться обвалом, американские официальные лица повторяют известную мантру о значимости сильной валюты: «На рынках никто уже не знает, что [это] значит, но, поскольку это может

¹ J. Kynge and C. Swann, *U.S. Risks Paying High Price for Calls Over Currency Flexibility. The Financial Times, September 26, 2003.* В период с июля 2001 года по март 2006-го евро вырос на 44% относительно доллара, но американский дефицит в еврозоне увеличился на 75%. C. Swann, *Revaluation of the Renminbi Will Do Little to Reduce US Deficit. The Financial Times, March 28, 2006.* В целом значительное снижение стоимости доллара в 2001–2004 годах не уменьшило торговый дефицит США, он достиг нового рекорда — 617,7 млрд долларов. Как видно на графике 3.2, дефицит платежного баланса США непрерывно рос с середины 1990-х, несмотря на укрепление доллара (как в 1995–2000 годах) или его ослабление (как в 2001–2004-м).

² M. Wolf, *A Very Dangerous Game. The Financial Times, September 30, 2003.*

сигнализировать о начале валютной интервенции, спохватываются и перестают продавать “зеленые”»¹.

Смятение на рынках полностью оправданно в свете противоречия между риторикой о важности сильной валюты и практикой крайней монетарной и бюджетной слабости, при помощи которой администрация Буша способствовала восстановлению американской экономики после краха 2001 года и финансировала растущие расходы на войну с терроризмом. Подобная бюджетная слабость напоминает об американской политике последних лет вьетнамской войны, когда министр финансов при Никсоне Джон Б. Коннали (John B. Connally) обратился к обеспокоенному миру с знаменитыми словами: «Доллар — наша валюта, но ваша проблема»². Со временем, однако, падающий доллар стал проблемой и для Соединенных Штатов. В январе 1980-го цена на золото ненадолго повысилась до небывалой величины — 875 долларов за унцию, что, казалось, свидетельствовало о неизбежном крахе долларového стандарта, введенного в 1971 году, когда Соединенные Штаты в конце концов отказались от своего обязательства покупать золото по установленной цене 35 долларов за унцию. Но после обвала доллар быстро восстановился, и с тех пор долларový стандарт де-факто оставался неизменным. В свете этого опыта готовность администрации Буша продолжать использовать свои сеньоражные привилегии, может быть, проистекает из уверенности в том, что даже при дальнейшем осложнении положения Вашингтон сможет еще пару десятилетий избегать падения и продолжать пользоваться своими неоспоримыми сеньоражными привилегиями³.

В случае нового обвала доллара, сравнимого с падением конца 1970-х годов, Соединенным Штатам будет гораздо труднее (или вообще невозможно) восстановить свое ведущее положение в международной валютной системе. В 1980-х доллар восстановил свое положение мировой валюты благодаря неожиданному и радикальному повороту американской монетарной политики от

¹ C. Denny, *Trap a Dragon, Mr. Bush, and Lose an Election*. *The Guardian*, November 3, 2003.

² M. Landler, *Sidelined by U.S. and Asia, Singing the Euro Blues*. *The New York Times*, December 12, 2004.

³ Эта уверенность, как представляется, основана на представлении Чейни, как его передает Пол О'Нил (Paul O'Neill), будто «Рейган доказал, что дефициты ничего не значат». Цит. по: J. Cassidy, *Taxing*. *The New Yorker*, January 26, 2004.

крайней мягкости к крайней жесткости, сопровождавшемуся усилением конкурентной борьбы США за капитал во всем мире при помощи рекордно высоких процентных ставок, налоговых льгот и расширения свободы действий для капиталистических производителей и спекулянтов¹. Но само это успешное привлечение значительных объемов капитала превратило Соединенные Штаты из страны-кредитора в главную страну-должника в мире. Кредиторы США могут повременить — как они и делают — выбивать почву из-под ног такого крупного должника. Но, с позволения Бальзака, продолжать предоставление займов должнику, который частично не выполнил своих обязательств по задолженности вследствие значительного обесценивания валюты, было бы для них совершенно бессмысленно². Более того, Соединенным Штатам, и без того предоставившим невероятные стимулы для привлечения капитала, нечего будет предложить в случае нового обвала доллара. В условиях беспрецедентной задолженности и исчерпания стимулов для привлечения капитала повышение процентных ставок, как при Рейгане, вызвало бы куда более серьезный внутренний спад, и за ним вряд ли последует восстановление и расцвет. Так что значительное повышение ставок процента лишь усилит, а не ослабит относительный спад американской экономики, который последует за падением доллара.

Следует также добавить, что во время падения доллара в конце 1970-х годов было мало жизнеспособных альтернатив американскому доллару как международной валюте, если таковые вообще имелись. Евро оставался в проекте, не став реальностью. Быстро укрепившиеся немецкая марка и японская иена не обладали ни экономическим весом на международной арене, ни институциональной поддержкой у себя в стране, необходимой для того, чтобы стать важными средствами международных платежей и резервными валютами. Не имея иного места приложения, капитал, отвернувшийся от доллара, обращался главным образом к золоту. Но ни одна крупная капиталистическая держава не была заинтересована в возврате к металлическому денежному стандарту во время экономической стагнации в мире, особенно если учесть, какие рычаги дал бы возврат к золоту Советскому Союзу. Так что попытки США сохранить долларový стандарт могли быть

¹ Изменение политики началось при Картере, но полностью совершилось только при Рейгане. См.: Arrighi (2003: 42–3, 63–67).

² M. Wolf, *The World Has a Dangerous Hunger for American Assets. The Financial Times*, December 8, 2004.

активно поддержаны всеми странами, игравшими важную роль в международном валютном регулировании.

В этом отношении сегодняшняя ситуация тоже решительно отличается от прошлой. Ведущие в экономическом отношении страны по-прежнему готовы сотрудничать с правительством США в деле сохранения долларowego стандарта. Однако эта готовность имеет иные, менее благоприятные для Соединенных Штатов основания, чем в 1980-х годах. Как недавно заявил бывший министр финансов Лоренс Саммерс (Lawrence Summers), США зависят от иностранных денег даже больше, чем от иностранных энергетических ресурсов.

Страны, которые держат в своих банках американскую валюту и ценные бумаги, в прямом смысле слова держат в своих руках процветание Соединенных Штатов. От такой перспективы американцам должно быть неуютно. Есть что-то странное в том, что величайшая в мире страна является и величайшим должником. Конечно, иностранные правительства и другие инвесторы, финансирующие разгульный рост расходов сверхдержав, не имеют намерения банкротить американскую экономику, внезапно сбросив имеющиеся у них доллары. Финансовый кризис, который последует за таким сбросом, нанесет серьезный ущерб их собственной экономике. Но, поскольку баланса военных средств устрашения времен холодной войны уже нет, Соединенные Штаты вряд ли согласятся на новый вариант взаимного разрушения, если его можно избежать¹.

И в самом деле, теперь Соединенным Штатам гораздо труднее разрешить новое «политическое равновесие на основе равного доступа к средствам устрашения» в свою пользу, чем в случае с СССР. Мы уже отмечали, что решающим преимуществом Соединенных Штатов в холодной войне было преимущество финансовое. А при новой конфронтации финансовая власть окажется не на стороне США: она будет направлена против них. И если злоупотребление США своими сеньоражными привилегиями снова приведет к обвалу доллара, у европейских и восточноазиатских правительств будет больше оснований, чем двадцать пять лет назад, предложить жизнеспособную альтернативу долларовой стандарту. Тем не менее не следует упускать из виду, что в этих делах правит инерция и свержение доллара необязательно приведет к тому, чтобы какая-то другая валюта заняла его место.

Вытеснение утвердившейся валюты может идти годами. Фунт стерлингов продолжал играть центральную роль в международных отношениях еще столетия после того, как американский ВВП в конце XIX века обогнал английский. Лишь со временем фунт потерял свой статус. Если Америка будет и дальше идти по пути расточительности, такая же судьба, скорее всего, постигнет и доллар. Хотя вряд ли какая-нибудь одна валюта, например евро, займет его место. Мир, скорее, будет двигаться к многовалютной резервной системе, основанной на долларе, евро и иене, а через какое-то время к ним может присоединиться и юань. Не исключено, что медленным, но уверенным уходом от доллара можно будет управлять. Но если Америка будет все так же пренебрежительно относиться к своей валюте, быстро начнется падение доллара и повышение процентных ставок¹.

Итак, администрация Буша, как и ее критики, вполне могла думать, что падающий доллар — это не проблема Соединенных Штатов, а скорее эффективное средство заставить врагов и друзей финансировать военные действия США и развитие американской экономики. На самом деле падающий доллар в 2000-х годах был проявлением гораздо более серьезного кризиса американской гегемонии, чем падающий доллар 1970-х. Вне зависимости от того, было это падение постепенным или резким, оно было проявлением — и фактором — сравнительной и абсолютной утраты Соединенными Штатами способности оставаться центром мировой политической экономики. Чтобы полностью оценить размеры и природу этой потери, мы должны обратиться теперь к тому, что было, возможно, величайшим провалом неоконсервативной империалистической программы: к провалу попыток помешать Китаю стать новым центром глобальной политической экономики.

Китайский синдром

Накануне 11 сентября Джон Миршеймер (John Mearsheimer) в своей книге «Трагедия великодержавной политики» (*The Tragedy of Great Power Politics*) — крупнейшем исследовании о международных отношениях США — дал свой прогноз и рецепт относительно влияния на мощь США экономического подъема Китая: «Китай пока еще отнюдь не имеет достаточно [экономических] сил, чтобы претендовать на региональную гегемонию. Так что

¹ *The Passing of the Buck? The Economist, December 2, 2004.*

Соединенным Штатам еще не поздно сделать что-нибудь для замедления подъема Китая. На самом деле действенные структурные императивы международной системы, возможно, заставят Соединенные Штаты в ближайшем будущем отказаться от политики «конструктивных договоренностей». И в самом деле, есть признаки того, что новая администрация Буша сделала первые шаги в этом направлении¹.

Но, завязнув в Ираке, администрация Буша была вынуждена скорее усилить политику «конструктивных договоренностей» с Китаем, чем отказаться от нее. В 2003 году по дороге на совещание Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС) в Бангкоке (и на обратном пути) Буш обошел стороной, в географическом и риторическом смысле, эту страну, которая некогда была в центре политики государственной безопасности его администрации². Как заметила *Financial Times*, это «серьезная перемена для президента, который пришел к власти, усиленно отвергая

¹ Mearsheimer (2001: 402). Доводы Миршеймера перекликаются с утверждением Вулфовица, который еще в 1992 году заявлял, что цель внешней политики — «помешать всякой враждебной силе доминировать в регионе, имеющем громадные ресурсы, которые, будучи взяты под усиленный контроль, могут оказаться достаточными для превращения этой силы в глобальную». Цит. по: Johnson (2004: 85–86). Миршеймер снова повторил свои взгляды в интервью спустя восемь месяцев после 11 сентября. «Соединенные Штаты на все пойдут... чтобы сдержать Китай и подкосить его так же, как США подкосили имперскую Германию в Первой мировой войне, императорскую Японию во Второй мировой и Советский Союз во время холодной войны». В то же время он признавал, что «почти невозможно замедлить экономическое развитие Китая». Более эффективной стратегией, заявляет он, будет создание Соединенными Штатами политической и военной «коалиции уравнивания», включающей Японию, Вьетнам, Корею, Индию и Россию. Соединенные Штаты тогда смогут поддерживать Россию в ее пограничных спорах с Китаем; а Японию — в споре с Китаем о морских транспортных путях или даже «начать войну от имени Тайваня». Kreisler (2002).

² «По первому наброску доклада (1992) *Defense Policy Guidance*, сделанному Полом Вулфовицем и Льюисом Либби (Lewie Libby), не было ясно, где с наибольшей вероятностью появится новый претендент на лидерство вместо Соединенных Штатов. Среди кандидатов были Европа, Япония и Китай. Но ко времени прихода в Белый дом администрации Буша сторонники доктрины превосходства признавали только одного возможного соперника США в обозримом будущем — Китай». Gershman (2002).

клинтоновскую политику укрепления связей с Китаем, и уже в первые недели своего президентства назвал Китай стратегическим соперником Соединенных Штатов». По мере того как вопросы безопасности в Западной Азии становились все более значимыми для правительства США, разговоры о китайской угрозе уступали место укреплению связей с Пекином, которые стали даже более тесными, чем при Клинтоне. Поворот был столь решительным, что Белый дом начал утверждать: теперь отношения с Китаем лучше, чем при любой другой администрации, с тех пор как Никсон возобновил отношения с КНР¹.

Как мы постараемся показать ниже, в главе 10, Вашингтон никоим образом не оставил мысли и дальше сдерживать Китай посредством различных стратегий, включая своего рода политическую и военную «коалицию уравнивания», за которую ратовал Миршеймер. Тем не менее, чем больше Соединенные Штаты втягивались в войну с терроризмом и попадали в зависимость от дешевого иностранного кредита и товаров, тем успешнее Китай приносил иной тип «структурного императива» в добавок к тем, что предвидел Миршеймер. Как заметил Кругман, когда американский министр финансов отправился в Пекин, чтобы просить о ревальвации юаня, и получил отказ, одна причина состояла в том, что активный торговый баланс Китая с США в основном нейтрализовался торговым дефицитом с другими странами. Но была и другая причина.

США теперь имеют очень мало рычагов влияния на Китай. Мистеру Бушу нужна помощь Китая в отношениях с Северной Кореей... Кроме того, покупка китайским центральным банком краткосрочных казначейских обязательств стала главным источником покрытия Соединенными Штатами своего торгового дефицита... Всего через четыре месяца после операции «Летный костюм» (имеется в виду выступление Джорджа Буша на палубе авианосца «Авраам Линкольн» 1 мая 2003 года, куда президент торжественно спустился из кабины противолодочного самолета «Викинг», одетый в элегантный летный костюм. Буш тогда объявил, что военные действия в Ираке в

¹ J. Harding and P. Spiegel, *Beijing Looms Large in the White House's Defence Strategy*. *The Financial Times*, October 17, 2003. См. также: R. Cohen, *The Iraqi Silver Lining: Closer U.S.—China Ties*. *The International Herald Tribune*, December 13, 2006.

основном успешно завершены, а на рубке авианосца висел транспарант «Миссия выполнена!». — *Прим. ред.*) эта сверхдержава стала зависеть от тех, кого раньше притесняла. Миссия выполнена!¹

Более того, администрация Буша хорошо понимала всю опасность обложения китайского импорта пошлинами как способа продавить ревальвацию юаня, поскольку такой шаг вызовет ответную реакцию. Как часто повторял советник Буша по экономике Грег Мэнкив (Greg Mankiw), рабочие места в США сокращались в тех отраслях (машиностроение, оборудование для транспорта и полупроводники), где китайская конкуренция была слабой. Так что ревальвация юаня лишь заменит китайский импорт импортом других, более дорогих иностранных производителей. В результате инфляция в США только вырастет, страна будет и дальше терять свою конкурентоспособность и вместо увеличения числа рабочих мест произойдет их дальнейшее сокращение².

Общий эффект значительного экономического участия Китая и неудач Вашингтона в Западной Азии вскоре проявил себя не только во взаимоотношениях этих двух стран, но и в их отношениях с другими странами. Как писала *The New York Times* накануне совещания АТЭС в Бангкоке в 2003 году, политические деятели и влиятельные бизнесмены Азии считают, что гегемония США «постепенно, но неуклонно ослабевает, по мере того как азиатские страны все больше видят в Китае важную региональную силу». И хотя Соединенные Штаты оставались крупнейшим торговым партнером в регионе, эта роль все больше переходила к Китаю, который скоро стал крупным торговым партнером двух важнейших стратегических союзников США — Японии и Южной Кореи. Причем в регионе решительно изменилось политическое восприятие ситуации. Крупный сингапурский бизнесмен, который за год до того обвинял Китай в том, что, превратившись в мощную силу, он готов разрушить более слабые экономики Восточной Азии, осенью 2003 года рисовал совсем иную картину: «Все чувствуют, как Китай изо всех сил старается угодить, помочь, услужить своим соседям, в то время как Соединенные Штаты воспринимаются как страна, все более и более занятая

¹ P. Krugman, *The China Syndrome*. *The New York Times*, September 5, 2003.

² Mr. Wen's Red Carpet. *The Economist*, December 11, 2003.

собственной внешней политикой и всех загоняющая в это нужное ей русло»¹. К 2006 году эта перемена восприятия реализовалась и в радикальном изменении геополитики.

Обеспечение безопасности в Юго-Восточной Азии последние пятьдесят лет во многом представляло собой возведение преград коммунистической экспансии Китая. Теперь лидеры Юго-Восточной Азии, которые традиционно считали Соединенные Штаты гарантом своей региональной безопасности, открыто говорят о необходимости укреплять отношения с Пекином².

Появились признаки ослабления влияния США и в культурной сфере, где их притягательность была особенно сильна: от голливудских фильмов до MTV. Не имея возможности поехать в США из-за сложностей с получением визы после 11 сентября, азиаты все чаще едут в Китай — и как студенты и как туристы. Культурный обмен идет в обоих направлениях: туристы, путешествующие по региону, — это в основном китайцы; азиаты все чаще пользуются растущими возможностями получить высшее образование в Китае, а китайские студенты, выходцы из среднего класса, которые не могут позволить себе дорогостоящее образование в Америке, отправляются в кампусы Юго-Восточной Азии³.

Но особый подъем Китая отмечается в экономической сфере. В 2001–2004 годах на долю Китая приходилась треть общего увеличения мирового импорта, и он стал локомотивом всей Восточной Азии, а также играл важную роль в экономическом возрождении Японии⁴. Эта лидирующая роль экономики Китая стала еще одним «свидетельством того, что в Азии поднимается новая геополитическая сила».

¹ J. Perlez, *Asian Leaders Find China a More Cordial Neighbor*. *The New York Times*, October 18, 2003; *With U.S. Busy, China Is Romping with Neighbors*. *The New York Times*, December 3, 2003; P. Pan, *China's Improving Image Challenges U.S. in Asia*. *The Washington Post*, November 15, 2003; G. Kessler, *U.S., China Agree to Regular Talks*. *The Washington Post*, April 8, 2005.

² D. Greenlees, *Asean Hails the Benefits of Friendship with China*. *The International Herald Tribune*, November 1, 2006.

³ J. Perlez, *Chinese Move to Eclipse U.S. Appeal in South Asia*. *The New York Times*, November 18, 2004.

⁴ *The Passing of the Buck?* *The Economist*, December 2, 2004. В 2004 году Китай, обойдя США, стал крупнейшим торговым партнером Японии за всю ее историю.

За несколько лет Китай действительно стал внушительной экономической силой, набравшей все больший политический вес в регионе, где у Соединенных Штатов не было соперников... Во многом новый статус Китая был предопределен тем, что он развивался как крупнейшая в мире торговая держава, а также был важным рынком для ориентированных на экспорт соседей. Однако эта внушительная сила имела и немаловажное политическое измерение: новые руководители в Пекине оказались готовы, отбросив старые разногласия, вступить в отношения с другими странами, отказавшись от политики запугивания соседей¹.

Выросло значение Китая (по сравнению со значением США) и за пределами восточноазиатского региона. В Южной Азии торговля с Индией выросла с 300 млн долларов в 1994 году до 20 млрд долларов в 2005-м, так что отношения между этими двумя странами «полностью изменились», и теперь мы видим беспрецедентные взаимные связи на правительственном и деловом уровнях². Провал попытки Вашингтона усилить контроль над «мировой нефтяной трубой» в Западной Азии был особенно очевиден при подписании в октябре 2004 года большого соглашения по нефти между Пекином и Тегераном³. Нефть помогла Китаю продвинуться и дальше на юг, в Африку. В 2000 году Пекин добровольно отказался от 1,2 млрд долларов суверенного африканского долга, и в последующие пять лет торговля между Африкой и Китаем выросла с 10 млрд долларов более чем до 40 миллиардов. С каждым годом все больше китайских предпринимателей (в 2006 году их было в десять раз больше, чем в 2003-м) прибывает в Африку, чтобы инвестировать там, где западные компании не хотят делать бизнес, а тем временем китайское правительство оказывает им поддержку, позволяя избежать зависимости от Запада (правда, это не касается

¹ T. Marshall, *China's Stature Growing in Asia*. *The Los Angeles Times*, December 8, 2003.

² A. Greenspan, *When Giants Stop Scuffling and Start Trading*. *The International Herald Tribune*, September 14, 2004; N. Vidyasagar, *Meet India's Future No 1 Bilateral Trade Partner*. *The Times of India*, February 9, 2005; S. Sengupta and H. French, *India and China Poised to Share Defining Moment*. April 10, 2005; W. N. Dawar, *Prepare Now for a Sino-Indian Trade Boom*. *The Financial Times*, October 31, 2005.

³ K. Afrasiabi, *China Rocks the Geopolitical Boat*. *Asia Times Online*, November 6, 2004.

требования не признавать Тайвань). Так что африканские руководители в поисках торговых партнеров, помощи и политических союзников все больше смотрят на Восток, отказываясь от исторических связей с Европой и США¹. Китай проложил пути и в Южную Америку. Если Буш посетил встречу АТЭС в Чили 2004 года лишь с кратким визитом, то Ху Цзиньтао провел две недели в Аргентине, Бразилии, Чили и на Кубе, объявив о новых инвестициях на сумму более 30 млрд долларов и подписал долгосрочные контракты на поставку в Китай жизненно важных сырьевых товаров. Особенно быстро политические дивиденды стали давать связи с Бразилией, где Лула да Силва неоднократно провозглашал идею «стратегического союза» с Пекином, а также с Венесуэлой, где Уго Чавес приветствовал растущие продажи нефти в Китай как средство для Венесуэлы уйти от зависимости от американского рынка².

К 2004 году Европейский союз и Китай были на пути к тому, чтобы стать крупнейшими торговыми партнерами. Помимо отношения друг к другу как к «стратегическим партнерам», частых встреч и государственных визитов эти все более тесные экономические связи дали толчок разговорам о появлении оси Китай—Европа. «Ось», может быть, слишком сильное слово; но если такой альянс действительно возник, то главным образом потому, что все воспринимают американскую финансовую и военную политику как серьезную угрозу безопасности и процветанию в мире. Как сказал один из сотрудников Европейской комиссии, «Соединенные Штаты безмолвствуют на переговорах ЕС и Китая не в смысле отсутствия давления, но в смысле нашего взаимного интереса к развитию многосторонности и обузданию Америки»³.

Китай начал опережать Соединенные Штаты и в продвижении многосторонней либерализации торговли. На региональном

¹ J. Murphy, *Africa, China Forging Link*. *The Baltimore Sun*, November 23, 2004; K. Leggett, *Staking a Claim*. *The Wall Street Journal*, March 29, 2005; E. Economy and K. Monaghan, *The Perils of Beijing's Africa Strategy*. *The International Herald Tribune*, November 1, 2006; *Africa and China*. *The Economist*, November 3, 2006.

² L. Rohter, *China Widens Economic Role in Latin America*. *The New York Times*, November 20, 2004; J. Forero, *China's Oil Diplomacy in Latin America*. *The New York Times*, March 1, 2005. См. также: R. Lapper, *Latin America Quick to Dance to China's Tune*. *The Financial Times*, November 10, 2004.

³ Shambaugh (2004).

уровне Китай успешно шел к интеграции со странами АСЕАН, одновременно устанавливая экономические связи с Японией, Южной Кореей и Индией. На мировой арене Китай объединился с Бразилией, Южной Африкой и Индией в атаке «большой двадцатки» на переговорах ВТО в Канкуне (2003 год), где собравшиеся выступили против двойных стандартов Севера. Против того, что Север, навязывая открытие рынков на Юге, сам остается яростным протекционистом, даже там, где Юг имеет несомненные преимущества. В этом отношении позиция Китая тоже решительно отличается от того, что делают Соединенные Штаты, отказываясь от многосторонних торговых переговоров в пользу двусторонних соглашений с целью разрушить альянс, сложившийся в Канкуне, или для того, чтобы получить поддержку в войне с терроризмом¹.

Как мы увидим в главе 9, только в 2006 году полный провал неоконсервативной империалистической программы стал общепризнанным фактом. Но уже в День независимости (4 июля) 2004 года журнал *The New York Times* противопоставлял Новому американскому веку неоконсерваторов возможный грядущий китайский век: «Американская экономика примерно в восемь раз превосходит объем экономики Китая... На душу населения американцы зарабатывают в 36 раз больше, чем китайцы. И на пути Китая еще невероятно много препятствий. Его банки могут рухнуть. Бедные и меньшинства могут взбунтоваться. Нахальный Тайвань и безумная Северная Корея могут довести до войны. США могут обложить налогом все, что Китай к нам везет. И все же ничто... кроме ядерного кошмара, надолго Китай не остановит. С 1978 года... [он] прошел путь от небытия (в международной торговле) до третьей по активности торговой страны, уступая США и Германии, но опережая Японию... 21 рецессия, депрессия, два биржевых краха и две мировые войны не могли остановить рост американской экономики в XX веке... Китай стоит перед перспективой такого же роста в XXI веке. И несмотря на то, что народ Китая в среднем не имеет такого благосостояния, как народ США, и на то, что Соединенные Штаты по-прежнему имеют немалую экономическую

¹ R. L. Smith and C. G. Coope. *The U.S. and Economic Stability in Asia*. *Asia Times Online*, December 6, 2003; A. Kwa, *The Post-Cancun Backlash and Seven Strategies to Keep the WTO off the Tracks*. *Focus on Trade* № 95, November 2003; M. Vatikiotis and D. Murphy, *Birth of a Trading Empire*. *Far Eastern Economic Review*, March 20, 2003.

силу и являются ведущей страной в технологическом плане, Китай все же становится все более грозным конкурентом. Так что, если какая-нибудь страна потеснит США на мировом рынке, то это будет Китай»¹.

Итак, оккупация Ирака не только не заложила оснований для второго американского века, но поколебала веру в военную мощь Соединенных Штатов, нанесла новый удар по центральному положению Соединенных Штатов и их валюты в мировой политической экономии и усилила тенденцию к выдвиганию Китая как альтернативного Соединенным Штатам лидера в восточноазиатском регионе и за его пределами. Трудно даже вообразить более быстрый и полный провал неоконсервативной империалистической программы. Но если претензия администрации Буша на мировое превосходство, скорее всего, исторически провалится, станет одним из тех пузырей, которые характерны для терминального кризиса американской гегемонии, взрыв этого пузыря изменит, но полностью не уничтожит всемирно-исторические условия, которые породили проект «За новый американский век»². Хотя Соединенные Штаты больше не являются гегемоном в том смысле, в котором мы использовали этот термин, они все же остаются ведущей в военном отношении мировой державой и сохраняют большое влияние на новое политическое равновесие на основе равного доступа к «средствам устрашения», что связывает их экономическую политику с экономической политикой их зарубежных соперников и финансистов. Теперь, чтобы определить, как будет использоваться эта оставшаяся сила в дальнейшем, мы должны обратиться к историческим процессам, лежащим в основе отношений между капитализмом и империализмом.

¹ T. C. Fishman, *The Chinese Century. The New York Times Magazine*, July 4, 2004.

² Предполагалось, что Ирак продемонстрирует новую мировую силу США: на деле он вполне может стать предвестником падения США... Как только пузырь власти Америки накопится в глобальном контексте, уже развивающемся в других направлениях, он станет выпускать воздух гораздо быстрее, чем можно было вообразить. M. Jacques, *The Disastrous Foreign Policies of the US Have Left it More Isolated than Ever, and China Is Standing By to Take Over. The Guardian*, March 28, 2006. Сорос (2004) считал пузырем неоконсервативную претензию на мировое господство еще задолго до того, как она была развенчана.

Глава 8

Территориальная логика исторического капитализма

«Слово “империализм” легко слетает с языка». Харви, подобно Джону А. Хобсону (John A. Hobson) за сто лет до него, замечает, что этот термин приобрел такое количество различных смыслов, что его необходимо прояснить, прежде чем употреблять при анализе (а не в полемике)¹. В самом общем смысле это слово означает расширение и навязывание власти, авторитета и влияния одного государства на другие или на не имеющие государственности сообщества. Империализм в таком смысле бытовал долгое время и в самых разных формах. Но необходимо исследовать особый бренд империализма, который Харви называет капиталистическим империализмом или империализмом капиталистического сорта, чтобы понять, почему величайшая капиталистическая держава в мировой истории, Соединенные Штаты, создала военную машину беспрецедентной разрушительности и продемонстрировала явную склонность употреблять эту машину для претворения в жизнь самого амбициозного проекта — установления мирового господства.

Харви определяет капиталистический империализм как «внутренне противоречивый сплав» двух составляющих: «политики государства и империи» и «молекулярных процессов накопления капитала во времени и пространстве». Первый компонент — это «используемые государством (или несколькими государствами, объединенными во властный политический блок) политические, дипломатические и военные стратегии, употребляемые для защиты его интересов и достижения собственных целей в мире». Двигателем такой борьбы государства является «территориальная логика власти» — логика, согласно которой власть над территорией и находящимися на этой территории людскими и природными ресурсами составляет самую суть погони за властью вообще. Второй же компонент есть распространение экономической власти «по непрерывному пространству в направлении к некоторой территории или от нее... посредством обычного производства, торговли, коммерческой

¹ Harvey (2003: 26). О классическом определении империализма, данном Хобсоном, и о его пользе при анализе различных (часто противоположных) значений, которые этот термин приобрел исторически, см.: Arrighi (1983).

деятельности, движения капитала, перевода денег, миграции рабочей силы, распространения технологий, валютных спекуляций, потоков информации, культурных воздействий и т. д.». Движущей силой этих процессов выступает «капиталистическая логика власти» — логика, согласно которой владение экономическим капиталом составляет суть погоны за властью¹.

При соединении этих составляющих возникает множество проблем, так что результат часто внутренне противоречив (то есть диалектичен). Ни одну из этих логик нельзя сводить к другой. Поэтому «трудно было бы понять смысл вьетнамской войны или вторжения в Ирак... исключительно с точки зрения непосредственных требований накопления капитала», поскольку вполне резонно утверждать, что «подобные предприятия скорее препятствуют, нежели способствуют накоплению капитала». Но точно так же «трудно понять общую территориальную стратегию сдерживания Советов Соединенными Штатами после Второй мировой войны — стратегию, подготовившую почву для американской интервенции во Вьетнам, — не признавая настоятельной необходимости (осознаваемой деловыми кругами Соединенных Штатов) сохранения как можно большей части мира открытой для накопления капитала через расширение торговли... и возможности иностранных инвестиций»².

Хотя территориальная и капиталистическая логика власти не сводимы одна к другой и иногда территориальная логика

¹ Harvey (2003: 26–27). Харви воспользовался выдвинутым мной разграничением капиталистической и территориальной логики власти. Arrighi (1994: 33–34). Однако он пользуется этим разделением по-своему: по Харви, территориальная логика имеет дело с государственной политикой, в то время как капиталистическая логика связана с политикой производства, обмена и накопления. В моем же понимании, напротив, обе логики относятся в первую очередь к государственной политике. Больше того, Харви, кажется, полагает, что все рыночные процессы (включая торговлю, коммерцию, миграцию рабочей силы, распространение технологий, потоки информации и тому подобное) приводятся в движение капиталистической логикой. Я такого предположения не делал. Как я постараюсь показать ниже, эти различные подходы привели к несовпадению моих взглядов на историю отношений капитализма и империализма с взглядами Харви.

² Harvey (2003: 29–30).

выходит на первый план, «отличие империализма капиталистического типа от других концепций империи заключается в том, что в нем преобладает капиталистическая логика». Если это так (рассуждаем дальше), то «каким образом территориальные логики власти с их стремлением просто закрепиться на определенной территории отвечают открытой динамике бесконечного накопления капитала?» И если гегемония в глобальной системе свойственна государству или совокупности государств, то «каким образом капиталистическая логика оказывается столь действенной, что может поддерживать гегемона?» Неужели стремление гегемонистских государств поддерживать непрерывную возможность бесконечного накопления капитала неизбежно провоцирует их распространять, расширять и усиливать свою военную и политическую власть настолько, что наконец появляется угроза тому самому их положению, которое эти государства пытаются поддержать? Не попали ли Соединенные Штаты при Джордже У. Буше в ту западню, о которой предупреждал Пол Кеннеди в 1987 году, указав, что перенапряжение всегда становилось ахиллесовой пятой гегемонистских государств и империй? И наконец: если США больше не обладают достаточными силой и ресурсами, чтобы управлять заметно выросшей мировой экономикой XXI века, то где и при каком политическом устройстве надо аккумулировать власть, чтобы занять их место, если допустить, что в мире все еще продолжается «бесконечное» накопление капитала?»¹

В поисках ответа на первый вопрос Харви оценивает принятие администрацией Буша проекта «За новый американский век» как очень рискованную попытку сохранить гегемонистское положение Соединенных Штатов в условиях беспрецедентной глобальной экономической интеграции, вызванной «бесконечным» накоплением капитала в конце XX века. Если бы Соединенные Штаты смогли установить дружественный режим в Ираке; затем сделать то же самое в Иране; усилить свое стратегическое присутствие в Средней Азии и, соответственно, установить американское господство над запасами нефти Каспийского бассейна, «то у них появилась бы надежда за счет контроля над глобальной нефтяной трубой поддерживать контроль над глобальной экономикой в следующие пятьдесят лет». А поскольку все экономические конкуренты Соединенных Штатов в Европе и в Восточной Азии очень сильно зависят от нефти из Западной Азии, что лучше

может позволить Соединенным Штатам предотвратить конкуренцию и обеспечить свое гегемонистское положение, чем контроль над ценами, условиями и распределением основного экономического ресурса, от которого зависят конкуренты? И что может лучше позволить это сделать, чем использование одного из направлений силы, где США по-прежнему сохраняют неоспоримое преимущество, — военной мощи?¹

Впрочем, даже если бы такая стратегия обеспечила военный успех, что само по себе очень сомнительно, этого было бы недостаточно для поддержания гегемонистского положения Соединенных Штатов. Так, накануне вторжения в Ирак Томас Фридман (Thomas Friedman) утверждал, что «нет ничего незаконного или безнравственного в американской обеспокоенности тем, что злонамеренный, страдающий манией величия диктатор получил безграничную власть над природными ресурсами, обеспечивающими промышленную базу всего мира». Но США следует действовать осмотрительно, пытаясь убедить мир в том, что они «защищают всеобщее право на экономическое выживание», а не удовлетворяют «собственные прихоти», что Соединенные Штаты «действуют на благо всей планеты, а не просто для того, чтобы удовлетворить растущие американские аппетиты... Если мы оккупирруем Ирак и просто установим проамериканского диктатора для управления иракской бензоколонкой (как сделали в других арабских нефтяных государствах), то такая война будет безнравственной»².

Харви использует рассуждения Фридмана, чтобы показать различие (об этом мы уже говорили в главе 6) между гегемонией в грамшианском смысле этого слова и простым господством. Далее он отмечает, что за последние полстолетия Соединенные Штаты часто полагались на средства принуждения для подавления или ликвидации антагонистических групп и внутри страны, и — прежде всего — за границей. Но принуждение было «лишь частичным и подчас приводило к обратным результатам». Не менее важна была способность США к такой мобилизации международного согласия и сотрудничества, которая позволяла представить по меньшей мере правдоподобным утверждение, будто Вашингтон действовал в общих интересах даже тогда, когда на самом деле он преследовал узко американские

¹ Harvey (2003: 24–32, 75–78).

² Цит. по: Harvey (2003: 24).

интересы¹. Оправдывая вторжение в Ирак, администрация Буша сделала все возможное, чтобы убедить мир, что США «действуют на благо всей планеты, а не просто ради удовлетворения (по выражению Фридмана) растущих американских appetites». Впрочем, за пределами США мало кто отнесся к этому заявлению серьезно. С самого начала проблема была не в том, что рассуждения об угрозе «оружия массового поражения» и о «связи между Ираком и “Аль-Каидой”» не вызывали доверия, а в том, что вторжение было вписано в более широкий политический проект господства Соединенных Штатов в мире, так что на первый план выходил вопрос о сохранении Соединенными Штатами власти еще на столетие, невзирая на интересы других претендентов на власть. Попытка осуществления этого плана в виде одностороннего решения о вторжении в Ирак «встретила дружный отпор... со стороны Франции, Германии, России и даже Китая». Эта внезапная геополитическая перегруппировка сил «позволила увидеть общие очертания евразийского властного блока, который, как давно предсказывал Халфорд Маккиндер, вполне может установить геополитическое господство над миром»².

В свете давних опасений Вашингтона относительно возможности действительного возникновения такого блока оккупация Ирака приобретает еще более широкое значение. Речь идет не только о попытке установить контроль над мировой нефтяной трубой и, следовательно, над мировой экономикой посредством господства на Ближнем Востоке. Оккупация создает мощный военный плацдарм Соединенных Штатов на евразийском континенте, который, при наличии союзников от Польши до Балкан, обеспечивает весьма важное геостратегическое положение, способное сорвать всякую консолидацию евразийской власти и стать очередным шагом в «бесконечном накоплении политической власти», которым всегда должно сопровождаться столь же бесконечное накопление капитала³.

Именно эти далеко идущие планы заставляют говорить о «новом» империализме. Тем не менее, как отмечает Харви, «баланс сил, действующих согласно капиталистической логике,

¹ Harvey (2003: 39–40).

² Harvey (2003: 84–85). О современном значении геополитического мышления Маккиндера см. также: Kennedy (2004).

³ Harvey (2003: 85).

показывает, что развитие может пойти в разных направлениях»¹. Взаимодействие этих сил с логикой территориальной экспансии станет предметом нашего рассмотрения в этой главе. Начну с того, что введу понятия «пространственное закрепление» и «накопление через изъятие», а затем при помощи этих понятий расскажу, как я понимаю исторический процесс развития капиталистического производства и территориальной экспансии, которые достигли кульминации — и своих пределов — в неосуществленном проекте построения всемирной американской империи.

Сверхнакопление и производство пространства

Одной из наиболее важных особенностей исторического капитализма (которой, однако, часто пренебрегают теоретики) является «производство пространства». Этот процесс не только имеет решающее значение для выживания капитализма, особенно в условиях кризиса, как утверждал Анри Лефевр (Henri Lefebvre)². Этот процесс был также важнейшим условием формирования и распространения в мире капитализма как исторической социальной системы. Теория «пространственно-временного закрепления» Харви, или, для краткости, «пространственного закрепления» применительно к кризисным тенденциям «бесконечного» накопления капитала, служит наиболее убедительным объяснением того, почему производство пространства имело такое большое значение для расширенного воспроизводства капитализма³. В «Новом империализме» при помощи этой теории Харви продемонстрировал связь между возникновением проекта «За новый американский век» и кризисом перенакопления 1970–1980-х годов, а также противоречия территориальной логики, лежащей в основе этого проекта, и капиталистической логики. Термин «закрепление» имеет двоякое значение: часть капитала буквально закрепляется на земле в определенном физическом виде на протяжении относительно большого периода времени (в зависимости от экономической и физической продолжительности его существования). Некоторые социальные расходы (например, государственное образование и система здравоохранения) также прикрепляются к территории и в

¹ Harvey (2003: 86).

² Lefebvre (1976).

³ Harvey (1982), а также эссе, собранные в Harvey (2001).

обязательствах государства остаются географически привязанными. С другой стороны, пространственно-временное «закрепление» есть метафора своеобразного разрешения капиталистических кризисов через временную задержку и географическую экспансию¹.

Буквальное значение термина «закрепление» указывает на зависимость накопления капитала от существования особым образом организованной среды (например, портов, железных дорог, шоссе, аэропортов, кабельных сетей, систем оптоволоконной связи, трубопроводов, электрических сетей, водопровода и канализации, а также заводов, офисов, жилья, больниц и школ). Все это — закрепленный капитал, *привязанный намертво* к земле, в отличие от перемещаемых форм закрепленного капитала (например, судов, грузовиков, самолетов или машин). Только благодаря закреплению физической инфраструктуры в пространстве капитал во всех своих физически мобильных формах может действительно перемещаться *в пространстве* в поисках максимальной прибыли².

Метафорическое значение термина «закрепление», напротив, подчеркивает тенденцию капитала (при успешном его накоплении) постоянно сокращать или даже устранять пространственные барьеры (что Маркс назвал «упразднением пространства посредством времени»), тем самым невольно устраняя монополистические привилегии в привязке к местности вследствие усиления конкуренции в географическом пространстве. В результате действия этой тенденции капитал время от времени накапливается в размерах больших, чем может быть реинвестировано в производство и обмен товаров в рамках существующих территориальных систем. Этот избыток капитала выражается в запасах нераспроданных товаров, которые приносят только убыток, в бесполезных производственных мощностях и в такой ликвидности, которая не может быть реинвестирована с прибылью. Включение нового пространства в систему накопления «задерживает» следующий кризис перенакопления, поглощая эти излишки сначала через временную задержку, а затем и через пространственное расширение системы накопления. Поглощение через временную задержку связано с производством пространства, то есть с использованием избыточного капитала при открытии и обеспечении нового пространства *необходимой*

¹ Harvey (2003: 115).

² Harvey (2003: 99–100).

материальной и социальной инфраструктурой. В свою очередь, при поглощении пространства через расширение избыточный капитал используется в новых производственных комбинациях, которые становятся прибыльными вследствие географического расширения системы накопления после того, как соответствующим образом произведено новое пространство¹.

Совокупный результат действия обеих тенденций, связанных с обоими значениями пространственного закрепления, есть возникновение географической разновидности процесса, названного Йозефом Шумпетером «созидательным разрушением» (об этом мы говорили в главе 3). По выражению Харви, «[таким образом]... капитализм постоянно стремится создать геополитический ландшафт для облегчения своей деятельности в определенный момент времени лишь для того, чтобы разрушить его и создать совершенно иной ландшафт в следующий момент времени, повинаясь бесконечному стремлению к бесконечному накоплению капитала. Такова история созидательного разрушения, вписанная в ландшафт действительной исторической географии накопления капитала»².

Собственно шумпетеровский перечень инноваций, подстегивающих процесс созидательного разрушения, включал изменения в пространственном устройстве торговли и производства. Но Шумпетер никогда не разъяснял связи между инновациями, изменяющими пространственное устройство торговли и производства, и остальными инновациями. Именно это делает Харви, подчеркивая взаимосвязь при производстве сверхприбыли (запускающей шумпетеровскую динамику) технологических и пространственных преимуществ. В этом процессе, как мы уже отмечали в главе 3, сверхприбыли («огромные премии», у Шумпетера), не соизмеримые с затратой сил и достигающиеся незначительному меньшинству, играют двоякую роль. С одной стороны, они служат постоянным стимулом к обновлению, но также стимулируют активность подавляющего большинства бизнесменов, вступающих в эту область производства сверхприбыли и в тот процесс, который усиливает конкуренцию, не только уничтожающую сверхприбыль, но даже вызывающую большие потери за счет разрушения ранее существовавших производственных комбинаций. Харви рассматривает схожий процесс, но обращает внимание на то, что отдельные капиталисты могут получать сверхприбыль, не только

¹ Harvey (2003: 98–99, 109–112).

² Harvey (2003: 101).

переходя к более высоким технологиям, но и находя более подходящие территории: «Так что в конкурентной борьбе за сверхприбыль осуществляется выбор между сменой технологий или местоположения... В обоих случаях сверхприбыль, накапливаемая отдельными капиталистами, исчезает, как только другие капиталисты осваивают ту же технологию или переходят на столь же прибыльное место... Чем больше устраняются возможности извлечения сверхприбыли из местоположения, тем больше у отдельного капиталиста стимулов разрушить самую базу (сложившегося) равновесия путем изменения технологии... Конкуренция (таким образом) одновременно способствует сдвигу пространственных конфигураций производства, технологическим изменениям, реструктуризации отношений стоимости и временным сдвигам во всей динамике накопления. Пространственный аспект конкуренции служит изменчивой составляющей этого изменчивого сочетания сил»¹.

Пространственно-временные сдвиги во всей динамике накопления, поглощающие избыточный капитал, как правило, «представляют угрозу... для ценностей, уже закрепленных в пространстве (“вкопанных в землю”), но пока еще не реализованных». Следовательно, «огромные объемы капитала, территориально закрепленные, задерживают осуществление возможности пространственного закрепления где-то еще... Если капитал уходит, он оставляет после себя разорение и обесценение; примером может служить деиндустриализация в главных центрах капитализма в 1970–1980-х годах. Если же капитал не уходит или не может уйти, то перенакопленный капитал начинает обесцениваться вследствие начинающейся дефляции или депрессии»².

В любом случае пространственное закрепление вызывает межрегиональные перемены и перенаправление потоков капитала. Перенаправление может происходить спокойно и ровно, но может приводить к тому, что Харви называет кризисами переключения³. Харви не поясняет, в чем именно заключаются эти кризисы. Его аргументы, однако, заставляют думать, что

¹ Harvey (1982: 390–393; 2003: 96–98). *Mutatis mutandis*, соображения Харви относительно отношений между технологическими нововведениями и борьбой за территориальные преимущества можно распространить также на производственные инновации.

² Harvey (2003: 116).

³ Harvey (2003: 121–123; 1982: 428–429).

кризисы переключения — это тупиковые моменты, вызванные сопротивлением тем перемещениям (связанным с пространственно-временным закреплением), которые время от времени производят коренную ломку исторической географии капитализма. Отчасти такое сопротивление вызвано внутренне противоречивой логикой накопления капитала. По сути, «чем дальше развивается капитализм, — утверждает Харви, — тем больше он склонен уступать силам, ориентированным на географическую инертность».

Обращение капитала все больше заключается в неизменные физические и социальные инфраструктуры, в свое время созданные для поддержания определенных видов производства... процессов труда, механизмов распределения, моделей потребления и так далее. Все большие объемы закрепленного капитала... ограничивают ничем не сдерживаемую мобильность... создаются территориальные объединения (все более сильные и укрепленные) для консервации уже полученных привилегий, для поддержки уже произведенных инвестиций, для сохранения в неизменном виде достигнутого (на месте) компромисса, для того чтобы уберечься от холодных ветров пространственной конкуренции... Создание новых пространственных структур невозможно, потому что обесценивание этих инвестиций на региональном уровне не позволяет им свободно развиваться¹.

Силы географической инерции, однако, приводятся в движение сопротивлением не только экономическим изменениям, но и реальным или воображаемым политическим и социальным последствиям пространственного закрепления. Пример такого политического сопротивления Харви видит в Китае, считая его самым вероятным местом действенного пространственного закрепления продолжающегося кризиса перенакопления. Китай не только особенно быстро притягивает прямые иностранные инвестиции, но и его внутренний рынок растет быстрее остальных. Еще более впечатляющие перспективы, с точки зрения Харви, имеют инфраструктурные инвестиции: строительство новых линий метро, шоссе, железных дорог и совершенствование городских инфраструктур, которые «в целом намного больше тех, что были сделаны Соединенными Штатами в 1950–1960-х годах, и способны поглотить излишки капитала в течение нескольких лет»².

¹ Harvey (1982: 428–429).

² Harvey (2003: 123).

Это массовое производство, финансирование которого приводит к бюджетному дефициту, несет в себе риск крупного финансового кризиса китайского государства. Однако в надежде на то, что этого кризиса удастся избежать или, по крайней мере, пережить его без больших потерь, это пространственно-временное закрепление «имеет глобальные последствия не только для освоения перенакопленного капитала, но и для смещения баланса экономической и политической власти к Китаю... и, возможно, перевод азиатского региона (во главе с Китаем) в гораздо более выгодное конкурентное положение по сравнению с Соединенными Штатами». Вот почему США сопротивляются этому спокойному пространственному закреплению, хотя, казалось бы, этот процесс обеспечивает наилучшие перспективы для решения основного кризиса перенакопления¹. Связь между пространственным закреплением и сдвигами гегемонии, таким образом, укрепляет «уловку 22», с которой всегда сталкиваются ведущие центры капиталистического развития. Неограниченное развитие новых регионов ведет к девальвации этих центров вследствие усиления международной конкуренции. Ограниченное развитие за пределами регионов сдерживает международную конкуренцию, но при этом закрывает возможности прибыльных инвестиций избыточного капитала и тем самым способствует внутренней девальвации².

Если центр, которому брошен конкурентный вызов, является также гегемонистским центром, то при любом исходе из указанных двух может произойти не только падение стоимости его активов, но и утрата его власти. К тому же появляется угроза социальной стабильности этого центра, потому что пространственное закрепление кризисов перенакопления всегда имеет социальное измерение, испытывающее на себе как положительное, так и отрицательное воздействие. Харви заимствовал это социальное измерение из «Философии права» Гегеля, где тот писал, что буржуазное общество, по-видимому, не способно при помощи *внутренних* механизмов решить проблемы социального неравенства и нестабильности, связанные с тенденцией к перенакоплению капитала на одном полюсе и его изъятию на другом. Таким образом, «зрелое» гражданское общество подталкивается к *внешним* решениям: за счет развития

¹ Harvey (2003: 123–124).

² Harvey (1982: 435).

внешней торговли и колониальных или имперских практик¹. В «Новом империализме» Харви дополняет это наблюдение утверждением Ханы Арендт (Hannah Arendt) о том, что «государство Гоббса представляет собой неустойчивую структуру и вынуждено обеспечивать себе все новые опоры извне; иначе оно быстро превратилось бы в бесцельный и бессмысленный хаос частных интересов, из которого и возникло»².

Харви считает, что утверждение Арендт в особенности применимо к Соединенным Штатам. В этом «совершенно необычайном мультикультурном иммигрантском обществе... безжалостная конкуренция индивидов... постоянно революционизирует социальную, экономическую и политическую жизнь... делая демократию хронически нестабильной». Поскольку в таком этически смешанном и весьма индивидуалистическом обществе было трудно достичь внутренней сплоченности, установилась традиция, которую Ричард Хофштадтер (Richard Hofstadter) в начале 1960-х называл «паранойальным стилем» американской политики; традиция, когда для политической сплоченности в обществе нужен страх перед неким «другим», чужаком (коммунизмом, социализмом, анархизмом, «подстрекателями извне», а для левых — перед заговорами капиталистов или государства)³. Иногда «вся страна кажется непокорной вплоть до неуправляемости». Несмотря на быстрое развитие экономики и исчезновение коммунистической угрозы после окончания холодной войны (или вследствие этого), 1990-е годы, с точки зрения Харви, стали именно таким временем, и Джордж Буш отчасти обязан своим успехом в 2000 году именно своему обещанию «предоставить надежные и жесткие моральные ориентиры вышедшему из-под контроля гражданскому обществу». Как бы то ни было, 11 сентября «стимулировало разрыв с беспутными девяностыми». В этом отношении война в Ираке не просто отвлекала внимание от внутренних трудностей: «она была прекрасной возможностью поновому оценить соци-

¹ Hegel (1967: 149–152); Harvey (2001: ch. 14; 1982: 414–415).

² Arendt (1966: 142).

³ Harvey (2003: 15–16, 49); Hofstadter (1996). Хофштадтер ввел понятие паранойального стиля американской политики, когда радикальные правые сумели на съезде Республиканской партии (1964) выдвинуть кандидатом в президенты Барри Голдуотера. По замечанию Кругмана, сегодня эти правые контролируют Конгресс и Белый дом, так что «политическая паранойя... стала основным направлением в политике». *The Paranoid Style*. *The New York Times*, October 9, 2006.

альный порядок у себя в стране и заставить население повиноваться». И вновь «ненавистный враг стал главной силой для изгнания внутренних бесов и их приручения»¹.

Все эти наблюдения заставляют предположить, что пространственное закрепление ограничивается не только сопротивлением экономическому перемещению и связанной с ним геополитической перегруппировке сил, но также сопротивлением социальным изменениям. Закрепление капитала в виде портов, дорог, аэропортов, электросетей, систем водоснабжения и канализации, фабрик, жилых домов, больниц, школ и тому подобного создает не просто геополитический ландшафт, облегчающий накопление капитала. Создается особая человеческая среда социального взаимодействия и воспроизводства. И наоборот, метафорическое пространственное закрепление кризисов перенакопления не только обесценивает капитал, укорененный в земле, который становится ненужным вследствие создания нового геополитического ландшафта, разрушается и человеческая среда, которая коренилась в устаревшем ландшафте накопления капитала.

Как уже давно заметил Полани, говоря о кризисах перенакопления конца XIX — начала XX века, подобное разорение неизбежно приводит к «самозащите общества» как в прогрессивных, так и в реакционных политических формах, к мобилизации сил, стремящихся замедлить или полностью остановить перемещение экономической деятельности и политической власти в связи с пространственным закреплением². Такая мобилизация подпитывает географическую инерцию, делая разрешение кризиса перенакопления еще более проблематичным. Тем не менее из этого тупика есть выход: использование финансовых средств для того, чтобы «спасти систему перенакопления при помощи кризисов девальвации на уязвимых территориях». Харви называет использование этих средств «зловещей и разрушительной стороной пространственно-временного закрепления проблемы перенакопления»³. Кратко рассмотрим, что для этого нужно.

¹ Harvey (2003: 16–17).

² Полани не говорит ни о пространственных закреплениях, ни о кризисах перенакопления. Тем не менее, подчеркивая оппозицию «существование vs улучшение», он передает ту же идею фундаментального противоречия между стремлением капитала бесконечно трансформировать географический ландшафт, с одной стороны, и стремлением общин, включенных в эти ландшафты, сопротивляться этим трансформациям — с другой. Polanyi (1957: ch. 3).

³ Harvey (2003: 134–135).

Накопление через изъятие

Рассматривая вопрос об освоении избыточного капитала при создании нового пространства, Харви отмечает, что превращение нераспроданных товаров и неработающих производственных мощностей в инфраструктурные инвестиции в значительной степени зависит от финансовых и государственных институтов, которые выступают здесь посредниками: «Избыточный капитал в рубашках и ботинках нельзя прямо превратить в аэропорт или научно-исследовательский институт». Но государственные и финансовые институты могут производить кредит, сопоставимый с избыточным капиталом, запертым в производстве рубашек и ботинок, и предлагать желающим вложить его в аэропорты, научно-исследовательские институты или иные формы инфраструктурных инвестиций, вовлеченных в создание нового пространства. Государства также могут направлять избыточный капитал в производство нового пространства посредством дефицитного финансирования или направляя налоговые поступления в инфраструктурные инвестиции¹.

В реальном мире капитализма эта конструктивная функция частных и государственных финансов тесно сплетается со спекулятивными взлетами и падениями как на рынках земли и недвижимости, так и в государственном долге. Спекулятивные злоупотребления, выводя капитал из торговли и производства, в итоге приводят к его обесцениванию. Тем не менее ограничение спекуляций имело бы с точки зрения капитализма «столь же пагубные последствия»: произошло бы сдерживание трансформации пространственной структуры организованной среды, и создание материального ландшафта, необходимого для будущего накопления, стало бы проблематичным... Необузданная спекуляция и неумеренное присвоение, которые дорого обходятся капиталу и изматывают рабочую силу, производят тот хаотический фермент, из которого могут вырасти новые пространственные структуры².

Пока спекулятивные злоупотребления способствуют, а не препятствуют возникновению новых пространственных конфигураций, позволяющих торговле и производству расширяться дальше, чем они могли бы расширяться при вытесняемых конфигурациях, они представляют собой «необходимое зло», в целом являясь игрой с положительным результатом.

¹ Harvey (2003: 113; 1982: 404).

² Harvey (1982: 398); см. также: Harvey (2003: 131–132).

Вот как оправдывала официальная риторика спекулятивные злоупотребления и «иррациональное изобилие» 1990-х: беспрепятственная мобильность капитала в пространстве в конечном итоге приведет к расширенному воспроизводству глобальной экономики, в том числе самых уязвимых ее составляющих. Однако за этой официальной риторикой стоит более разрушительная реальность игры с отрицательным результатом, которая на самом деле препятствовала возникновению новых пространственных структур.

Как война есть дипломатия иными средствами, так и интервенция финансового капитала при поддержке государства зачастую становится накоплением капитала другими средствами. Нечестивый союз государства с грабительским финансовым капиталом превращается во взрывчатую смесь «хищнического капитализма» с переходом к людоедским практикам и вынужденным девальвациям, якобы необходимым для достижения гармоничного глобального развития¹.

Далее Харви отмечает, что эти «другие средства» суть то, что Маркс вслед за Адамом Смитом называл средствами «примитивного», или «первоначального», накопления. Харви поддерживает точку зрения Арендт: из-за «появления „лишних“ денег, которые некуда было вкладывать внутри страны», в конце XIX — начале XX века сложилась такая ситуация, когда Марксов «первородный грех прямого грабежа... имел перспективу повторяться до тех пор, пока маховик накопления неожиданно не остановится». Поскольку схожая ситуация, по-видимому, сложилась в конце XX — начале XXI века, Харви ратует за «общую переоценку неизменной роли и сохранения хищнических практик “примитивного”, или “первоначального”, накопления, как они проявлялись в долгой исторической географии накопления капитала». Поскольку же ему кажется странным называть этот непрерывный процесс «примитивным», или «первоначальным», он предлагает заменить эти термины понятием «накопление через изъятие»².

Исторически накопление через изъятие принимало множество различных форм: превращение всех многообразных прав собственности (общественных, коллективных, государственных и так далее) в исключительные права собственности; колониальное, полуколониальное, неоколониальное присвоение активов и природных ресурсов; подавление всех иных (кроме

Harvey (2003: 136).

¹ *Harvey (2003: 142–44); Marx (1959: 713); Arendt (1966: 148).*

капиталистических) форм использования людских и природных ресурсов. И хотя в *modus operandi* этих процессов было много случайного и произвольного, финансовый капитал и кредитная система оставались основными рычагами изъятия, а государство с его монополией на насилие и представлениями о законности — главной действующей силой. Но каковы бы ни были проявления, действующие лица и инструменты, при накоплении через изъятие происходит высвобождение активов (включая рабочую силу) по очень низкой, в некоторых случаях нулевой цене. Перенакопленный капитал может завладеть этими активами и сразу же обратить их к своей выгоде¹.

С точки зрения Харви, неолиберальная идеология и определяемая ею политика приватизации с конца 1970-х годов представляют собой самое острое нынешнего этапа процесса накопления через изъятие. Крушение Советского Союза и дикая приватизация, названная «шоковой терапией» и проведенная по рекомендации капиталистических держав и международных финансовых институтов, стали крупным событием — по бросовым ценам распродавались до того недоступные активы. Не менее важным было высвобождение обесцененных активов в других бедных государствах, которые провели финансовую либерализацию после кризисов 1980–1990-х².

Конечно, всегда есть опасность, что региональные кризисы и местные девальвации выйдут из-под контроля и приведут к глобальному краху или вызовут восстание против той системы, которая их породила. Даже когда гегемонистская держава организует этот процесс к собственной выгоде, ей приходится организовывать экономическую помощь другим странам, чтобы не помешать глобальному накоплению капитала. Такая помощь представляет собой самые разные сочетания принуждения и согласия. Тем не менее, делает вывод Харви, становится ясно, каким образом гегемония выстраивается посредством финансовых механизмов так, чтобы приносить выгоду гегемону, при этом ведя подчиненные государства по якобы золотому пути капиталистического развития. Пуповиной, связывающей накопление через изъятие с расширенным воспроизводством, является финансовый капитал и институт кредитования — как всегда, при поддержке государственной власти³.

¹ Harvey (2003: 145–149).

² Harvey (2003: 149–150; 156–161).

³ Harvey (2003: 151–152).

В главе 3 мы уже говорили, что Маркс тоже придавал особое значение роли финансовых и государственных институтов в привязывании накопления через изъятие (Марксово «первоначальное накопление») к расширенному воспроизводству исторического капитализма. Однако, в отличие от Харви, он говорил исключительно о роли государственного долга и международной системы кредитования как средств незримого сотрудничества между капиталистическими странами, которое вновь и вновь «начинало» накопление капитала в пространстве и времени мировой капиталистической системы с момента ее возникновения и до его (Марксова) времени. В Марковом списке сотрудничавших капиталистических стран то, что кажется «исходным пунктом» в зарождающемся центре (Голландия, Англия, Соединенные Штаты), одновременно представляет собой «результат» длительных периодов накопления капитала (и, наконец, перенакопления) в ранее сложившихся центрах (Венеция, Голландия, Англия). Кроме того, хотя Маркс никогда напрямую об этом не говорил, в выстроенной им последовательности каждый зарождающийся передовой центр является более крупной в территориальном отношении действующей силой, чем его предшественники.

Марков список, переформулированный в терминологии Харви, представляет ряд пространственных закреплений большего масштаба и охвата, которые служат прибыльным выходом для избыточного капитала, перенакапливающегося в ранее сложившихся капиталистических центрах, и одновременно *снижают* потребность в накоплении через изъятие в недавно возникших центрах. Если бы эта тенденция действовала и сегодня, Соединенные Штаты и другие сложившиеся центры накопления капитала сужали бы капиталы складывающимся сейчас центрам. Так почему же США, вместо того чтобы давать в долг, берут громадные суммы? Как мы уже говорили в главе 5, больше чем по 2 млрд долларов в день? И почему все больше денег поступает из складывающихся центров, в особенности из Китая?

Эта аномалия свидетельствует о том, что заблокированы механизмы, которые в прошлом облегчали поглощение избыточного капитала в пространственных закреплениях большего масштаба и охвата. Харви эту аномалию не рассматривает, но его теория пространственного закрепления предполагает, что они заблокированы в результате усиления экономических, политических и социальных сил географической

инерции. Но это лишь частичное объяснение. Другая же причина состоит в том, что накопление через изъятие достигло своих пределов — или потому, что главный зарождающийся центр (Китай) накапливает капитал другими средствами (вполне возможная гипотеза, как мы увидим в главе 12), или потому, что методы насилия больше не могут создавать пространственные укрепления достаточных размеров, чтобы с прибылью поглощать беспрецедентно громадные массы избыточного капитала, накапливаемого в мире.

Харви не исследует эту возможность, как и не проясняет связь между накоплением через изъятие и вашингтонским проектом «За новый американский век». Предполагая, что «изъятие иракской нефти» знаменует переход к накоплению через изъятие военными средствами, он также заявляет, что специфическая территориальная логика, которую навязывает империалистическая программа неоконсерваторов, не согласуется с капиталистической логикой власти. И хотя в ближайшее время военные расходы могут подстегнуть американскую экономику, в дальней перспективе они приведут лишь к росту задолженности, а следовательно, все большему бегству капитала из США. Соответственно, вырастут риски для финансового капитала, выступающего гарантией американского государственного долга, и, если ситуация не изменится, рано или поздно бегство капитала вынудит экономику США прибегнуть к «структурному регулированию», которое приведет к «небывалой экономии, которой не наблюдалось со времен Великой депрессии 1930-х годов»¹.

Харви считает, что в сложившихся обстоятельствах у Соединенных Штатов возникнет «соблазн использовать свой контроль над нефтью, чтобы удержать Китай, развязав большой геополитический конфликт, по крайней мере в Средней Азии, возможно, превратив его в глобальный конфликт». У такого губительного исхода есть только одна, с точки зрения Харви, реальная альтернатива — своего рода новый Новый курс, который Соединенные Штаты и Европа начали бы проводить как внутри, так и в остальном мире: «Это означает освобождение логики капитала... от неолиберальных цепей, пересмотр полномочий государства в направлении расширения его интервенционистских и перераспределительных функций, ограничение спекулятивных возможностей финансового капитала и децентрализацию или установление демократического

контроля над непомерной властью олигополий и монополий (в особенности... в военно-промышленном комплексе)». Предлагаемый альтернативный проект напоминает «ультраимпериализм» содружества капиталистических держав, давным-давно описанный Карлом Каутским, и как таковой он также имеет свои негативные аспекты и последствия. И все же он «предлагает ненасильственное и куда более благотворное развитие империи, чем неприкрытый милитаристский империализм, за который сейчас выступает неоконсервативное движение в Соединенных Штатах»¹.

За четыре года, прошедшие после того, как это было написано, провал неоконсервативной империалистической программы исключил возможность того, что присвоение иракской нефти военными средствами откроет новую фазу накопления через присвоение, и еще больше увеличил задолженность США и их уязвимость перед бегством капитала. Однако, пока финансовый капитал и иностранные правительства продолжают гарантировать американский государственный долг, бегство капитала не вызывает структурных преобразований, которые привели бы к экономии, не говоря уж о чем-то, сравнимом с бедствием 1930-х годов. Впрочем, сохраняется возможность и бегства капитала, и структурных преобразований, и трудно сказать, как будут реагировать США, если это произойдет. Как мы увидим в части IV нашей книги, неудача в Ираке не обескуражила Соединенные Штаты, и они по-прежнему придерживаются относительно Китая такой стратегии, которая может привести к геополитическому конфликту вроде предвиденного Харви. Но политико-экономическая обстановка в мире теперь менее благоприятна для таких действий, во всяком случае, европейско-американский «ультраимпериалистический» план теперь не представляется ни единственной, ни самой вероятной альтернативой той стратегии грубого милитаристского империализма, которую так неудачно осуществляла администрация Буша.

Чтобы определить все исторические возможности, которые открываются с утратой американской гегемонии, следует рассмотреть в более широкой, чем у Харви, исторической перспективе понятия *пространственное закрепление* и *накопление через изъятие*. С такой оптикой мы увидим, что новый империализм — это, с одной стороны, итог длительного исторического

¹ Harvey (2003: 209–211).

процесса пространственных закреплений все более широкого масштаба и охвата, а с другой — результат попытки США завершить этот процесс созданием мирового правительства с Соединенными Штатами во главе. Я утверждаю, что такая попытка изначально была неотъемлемой составляющей американской гегемонии. При Джордже Буше она просто достигла своего предела и в дальнейшем, по всей вероятности, перестанет быть определяющим фактором процесса преобразования мировой политической экономики.

Перенакопление и «финансиализация»

В «Истоках тоталитаризма» Хана Арендт сделала проницательное и до некоторой степени функциональное замечание относительно отношений между накоплением капитала и накоплением власти: «Когда Гоббс настаивает, что власть есть движитель всего человеческого... он исходит из теоретически бесспорного суждения, что непрекращающееся накопление собственности должно основываться на непрекращающемся накоплении власти... Непрекращающийся процесс накопления капитала нуждается в политической структуре такой “неограниченной Власти”, которая может защитить растущую собственность благодаря постоянному росту влияния... Этот процесс непрекращающегося накопления власти, *необходимой* для защиты непрекращающегося накопления капитала, определил “прогрессивную” идеологию конца XIX столетия и предвосхитил возникновение империализма»¹.

Харви подметил точное сходство между теоретическим наблюдением, сделанным Ханой Арендт, и моим эмпирическим наблюдением о последовательности ведущих организаций, которые продвигали и поддерживали формирование мировой капиталистической системы, от итальянских городов-государств, затем Голландии, Британии и до фазы американской гегемонии².

И как в конце XVII — начале XVIII века роль гегемонистского государства была слишком велика для небольшого и с ограниченными ресурсами государства Соединенные Провинции Нидерландов, так и в начале XX века эта роль превысила силы и возможности такого государства, как Соединенное

¹ Arendt (1966: 143). «Нуждается» и «необходимой» выделено мной.

² Harvey (2003: 34–35). *Мое эмпирическое наблюдение было сделано независимо от теоретических построений Арендт. И я благодарен Харви за то, что он заметил сходство.*

Королевство. В обоих случаях эта роль выпала тому государству — Соединенному Королевству в XVIII веке и Соединенным Штатам в XX, — которое начало пользоваться немалой охранительной рентой, то есть исключительными преимуществами доходов, в связи с абсолютной или относительной геостратегической изолированностью... Но соответствующее государство в обоих случаях также обладало немалым весом в капиталистической мир-экономике, чтобы сместить баланс власти в желательную для них сторону. А так как капиталистическая мир-экономика исключительно разрослась в XIX веке, то и необходимые для гегемонистского положения территории и ресурсы в начале XX века значительно выросли по сравнению с XVIII веком¹.

Впрочем, соответствие здесь не такое точное, как утверждает Харви. Потому что, если наблюдение Арендт относится к накоплению власти и капитала *внутри государств*, то мое наблюдение относится к накоплению власти и капитала в *поступательно развивавшейся системе государств*. Есть и другие отличия.

Арендт привлекает наше внимание к процессу, посредством которого отдельные капиталистические государства приходят к накоплению «избыточных денег» (то есть избытка объема капитала относительно того, что можно прибыльно реинвестировать внутри этих государств) и потребности в накоплении силы для защиты растущей собственности. С этой точки зрения империализм капиталистического типа представляет собой политику, направленную на поиск выгодных для избыточного капитала выходов вовне при одновременном усилении самого государства. Мое же наблюдение, напротив, обращает внимание на процесс, посредством которого все более сильные капиталистические организации становились движущей силой экспансии системы накопления и правления, изначально охватывавшей множество государств. В этом смысле империализм капиталистического типа отражает борьбу, в ходе которой капиталистические государства использовали насильственные средства, пытаясь обратить себе на пользу пространственные сдвиги, вызванные «бесконечным» накоплением капитала и власти².

¹ Arrighi (1994: 62).

² Я предпочитаю эпитет «бесконечное», а не «непрекращающееся», как у Арендт, потому что «бесконечное» точнее передает значение «предположительно никогда не прекращающегося» накопления и в то же время имеет значение «конца как такового», независимо от того, наступил он или нет.

Как подчеркивает Харви, финансовый капитал при поддержке государственной власти играет важную посредническую роль и в производстве пространства, которое связано с расширенным воспроизводством капитала, и в «людоедских практиках и принудительных девальвациях», которые составляют суть накопления через изъятие. Тем не менее он никак не определяет всемирно-исторические координаты этой посреднической роли. По-видимому, он, как и Арендт, придерживается представления о том, что финансовый капитал был продуктом индустриального капитализма XX века; но хотя такое представление, может быть, справедливо для капиталистического развития отдельных стран, в мировом масштабе дело, конечно же, обстоит иначе.

Как мы отмечали в главе 3, Фернан Бродель показал, что «финансовый капитализм», или то, что мы называем финансовализацией (способность финансового капитала «взять на себя все другие виды деятельности в мире бизнеса и, по крайней мере на короткое время, занять в этом мире главенствующее положение») в ответ на перенакопление капитала («то есть накопление капитала в таких размерах, которые превосходят возможности инвестиций по обычным каналам»), появился в европейской экономике задолго до того, как капитализм стали связывать с индустриализмом. Добавим, что Бродель также приводит перечень дат, мест и организаций, которые позволяют нам связать теоретические соображения Харви о финансовом капитале с пространством и временем мировой истории. Харви утверждает, что уход голландцев из торговли примерно в 1740 году и превращение их в «банкиров Европы» было типичной, нормальной миросистемной тенденцией. Тот же процесс имел место в Италии в XV веке, и около 1560 года, когда виднейшие семьи генуэзской деловой диаспоры постепенно оставили торговлю и на протяжении семидесяти лет имели такую власть над европейскими финансами, которую можно сравнить только с властью базельского Банка международных расчетов в XX веке: «Власть столь незаметная и изощренная, что она долгое время ускользала от внимания историков». После голландцев тем же путем пошли и британцы во время и после Великой ценовой депрессии 1873–1896 годов, когда «промышленная революция, вступив в фантастически рискованные предприятия», породила избыток денежного капитала. Можно добавить, что после столь же «фантастически рискованных

предприятий» так называемого фордизма-кейнсианизма тем же путем в 1970-х годах пошел и американский капитал: «И все же любая эволюция такого рода, достигая стадии финансового расцвета, как бы возвещала некую зрелость; то был *признак надвигающейся осени*»¹.

В свете этих наблюдений общую формулу капитала у Маркса (Д–Т–Д') можно считать описанием не только логики индивидуальных капиталистических вложений, но и регулярной закономерности мирового капитализма. Суть этой закономерности состоит в чередовании эпох материальной экспансии (стадия накопления капитала Д–Т) и этапов финансовой экспансии (стадия Т–Д'). На этапе материальной экспансии денежный капитал (Д) приводит в движение растущую массу товаров (Т), включая превращенную в товар рабочую силу и природные ресурсы; на этапе финансовой экспансии возросшая масса денежного капитала (Д') освобождается от своей товарной формы и накопление осуществляется через финансовые сделки (как в сокращенной формуле Маркса Д–Д'). Взятые вместе, эти две эпохи, или стадии, составляют то, что я назвал *системным циклом накопления* (Д–Т–Д')².

Исходя из этих положений я выделил четыре цикла, каждый из которых включает свой «долгий» век: генуэзско-иберийский цикл, включающий период с XV до начала XVII века; голландский цикл с конца XVI до конца XVIII столетия; британский цикл с середины XVIII до начала XX столетия; и американский цикл с конца XIX века до нынешнего этапа финансовой экспансии. Каждый цикл определяется особым комплексом правительственных и деловых организаций, приведших мировую капиталистическую систему сначала к материальной, а затем к финансовой экспансии. Последовательные системные циклы накопления накладываются друг на друга в начале и в конце, потому что этапы финансовой экспансии были не только «осенью» важных событий истории мирового капитализма. Они также были временем возникновения нового ведущего правительственно-делового комплекса, который позднее приводил к реорганизации мировой системы и создавал тем самым условия для дальнейшей экспансии³.

¹ Braudel (1984: 157, 164, 242–243, 246). Выделено мной.

² Arrighi (1994: 4–6).

³ Об исторических и теоретических основаниях системных циклов накопления см.: Arrighi (1994). Переход гегемонии от Голландии к Британии и от Британии к США подробно рассмотрен в Arrighi and Silver (1999).

Материальная и финансовая экспансия — это процессы системы накопления и правления, глубина и охват которых росли на протяжении многих веков и которые изначально охватывали множество самых разных правительственных и деловых организаций. В каждом цикле материальная экспансия осуществляется блоком правительственных и деловых организаций, способных повести систему к новому пространственному закреплению, что, в свою очередь, создает условия для более широкого или более глубокого разделения труда. При таких условиях прибыль на капитал вкладывается в развитие производства и торговли; как правило, она идет на дальнейшее расширение торговли и производства; и — осознанно или нет — ведущие центры миросистемы сотрудничают и поддерживают экспансию друг друга. Однако со временем инвестирование постоянно растущей массы прибыли в торговлю и производство неизбежно приводит к накоплению капитала сверх того объема, который может быть повторно инвестирован в покупку и продажу товаров без резкого сокращения размера прибыли. В этом случае капиталистические организации обычно вторгаются в сферы действия друг друга; разделение труда, которое прежде было условием их взаимного сотрудничества, разрушается, и конкуренция становится все более острой. Перспективы возврата капитала, вложенного в торговлю и производство, ухудшаются, и капиталистические организации начинают держать в ликвидной форме большую часть поступающих денежных средств. Тем самым создается основа для смены этапа материальной экспансии этапом экспансии финансовой.

Во всех имеющих системное значение финансовых экспансиях накопление избыточного капитала в ликвидной форме имело три основных следствия. Во-первых, оно превращало избыточный капитал, овеществленный в земле, инфраструктуре и средствах торговли и производства, в растущее предложение денег и кредита. Во-вторых, оно лишало правительства и население доходов от тех видов торговли и производства, которыми перестают заниматься из-за нерентабельности или высокого риска. Наконец, в значительной степени в результате первых двух следствий оно создало весьма выгодные рыночные ниши для финансовых посредников, способных направить растущее предложение ликвидности в руки правительств и населения, испытывавших финансовые затруднения, либо государств и

частных предпринимателей, стремившихся найти новые способы получения прибыли в торговле и производстве.

Как правило, ведущие действующие лица предшествующей материальной экспансии имели возможность занять наиболее выгодные рыночные ниши и тем самым привести систему накопления к финансовой экспансии. Эта способность переключаться с одного вида лидерства на другой была основной причиной того, что после сигнального кризиса своего лидерства все сложившиеся центры мирового капитализма на какое-то время «возрождались» и даже могли насладиться belle époque временного, но все же весьма существенного возврата своего богатства и власти. Belles époques исторического капитализма были временным явлением, потому что они обычно усугубляли, а не решали основной кризис перенакопления. Таким образом, они обостряли экономическую конкуренцию, социальные конфликты и межгосударственное соперничество до такой степени, что те выходили из-под контроля сложившихся на тот момент центров силы. Прежде чем перейти к рассмотрению постоянно менявшегося характера последующей борьбы, необходимо сделать два наблюдения.

Первое наблюдение связано с тем, что все финансовые экспансии порождали накопление через изъятие. Достаточно сказать, что предоставление избыточного капитала правительствам и населению, испытывавшим острые финансовые затруднения, было выгодно лишь постольку, поскольку оно перераспределяло средства или доходы от заемщиков в пользу тех, кто распоряжался избыточным капиталом. Подобные крупные перераспределения были важнейшей составной частью всех belles époques финансового капитализма от Флоренции эпохи Возрождения до эры Рейгана и Клинтона. Но сами по себе они не становились способом выхода из основного кризиса перенакопления. Напротив, переход покупательной способности от страт и общин с более низким предпочтением ликвидности (то есть с меньшими возможностями для накопления денежного капитала) к стратам и общинам с более высоким предпочтением ликвидности, как правило, вызывал еще большее перенакопление капитала и повторение кризисов доходности. Кроме того, отчуждение страт и общин, у которых производилось изъятие, вызывало еще и кризис легитимности. Именно таким сочетанием кризисов доходности и легитимности характеризуют Арендт и

Харви империализм соответствующих эпох. Однако схожее положение наблюдалось и при более ранних финансовых экспансиях, прямо или косвенно усугублявших конфликты в самих странах и между ними¹.

По крайней мере, поначалу возникавшие межгосударственные конфликты шли на пользу сложившимся центрам, поскольку увеличивали финансовые потребности государств и тем самым усиливали взаимную конкуренцию за мобильный капитал. Но как только конфликты перерастали в серьезные войны, сложившиеся центры, как правило, проигрывали недавно возникшим центрам даже в финансовой сфере, поскольку последние были лучше, чем их предшественники, приспособлены к тому, чтобы обеспечить «бесконечное» накопление капитала и власти с пространственным закреплением большего, чем прежде, масштаба и охвата.

Это подводит нас ко второму наблюдению, связанному с передачей избыточного капитала из сложившихся центров капиталистического развития в зарождающиеся. Как уже отмечалось, роль, которую Маркс приписывал кредитной системе в продвижении такого перераспределения, указывает на незримое сотрудничество между капиталистами, *ослаблявшее* потребность в накоплении через изъятие в зарождающихся центрах. Мы также отметили, что Марксов список сменявших друг друга ведущих капиталистических центров (Венеция, Голландия, Британия, Соединенные Штаты) указывает на ряд пространственных закреплений большего масштаба и охвата, создававших условия для разрешения предшествующих кризисов перенакопления и для нового этапа материальной экспансии. Теперь к этому необходимо добавить, что решающую роль играли войны. По крайней мере, в двух случаях перехода (от Голландии к Великобритании и от Великобритании к Соединенным Штатам) перераспределение избыточного капитала от сложившегося центра к зарождавшемуся начиналось задолго до межгосударственных конфликтов. Однако этот ранний переход привел к усилению притязаний на активы и будущие доходы зарождавшихся центров, которые позволяли вернуть сложившимся центрам потоки капиталовложений, прибыли и ренты, равные или даже превосходившие первоначальные инвестиции. Позиции сложившихся центров в мире крупных финансовых операций не ослаблялись, а усиливались. При переходе к состоянию войны, однако, отношение кредиторов

¹ Arrighi (1994); Arrighi and Silver (1999: в особенности глава 3).

и должников, связывавшее сложившиеся центры с зарождавшимися, изменялось насильственным образом, и перераспределение в пользу зарождавшихся центров становилось более решительным и постоянным.

Механизмы столь радикальной перемены были различными. При переходе от Голландии к Великобритании ключевым механизмом стало разграбление Индии во время и после Семилетней войны, что позволило Великобритании выкупить у Голландии свой государственный долг, так что в период наполеоновских войн Великобритания вступила практически без долгов. При переходе от Великобритании к Соединенным Штатам ключевым механизмом стали военные поставки из Соединенных Штатов в Великобританию вооружения, машин, продуктов питания и сырья в таких объемах, которые Великобритания не могла оплатить из текущих доходов. Но в обоих случаях войны оставались необходимой составляющей в процессе смены рулевого мирового капитализма¹.

Происхождение капиталистической стратегии власти
Вопреки мнению некоторых критиков в моей концепции системных циклов накопления история капитализма не описывается как «вечное возвращение [того же самого]»². Напротив, я старался показать, что, несмотря на кажущееся возвращение «того же самого» (то есть системных экспансий), новые циклы конкуренции между капиталистами, соперничества между государствами, накопления через изъятие и производство пространства все больше революционизировали географию и *modus operandi* мирового капитализма, а также его связь с империалистическими практиками. Таким образом, если сосредоточить внимание на «сосудах власти»³, где располагались

¹ О переходе Голландия–Великобритания см.: Davis (1979: 55–56); Cain and Hopkins (1980: 471) и Arrighi (1994: 208–212). О переходе Великобритания–Соединенные Штаты см.: Eichengreen and Portes (1986: 601–603); Kennedy (1987: 268); Arrighi and Silver (1999: 73–77). Особенности перехода США–Восточная Азия уже были кратко охарактеризованы в части II и будут рассмотрены ниже.

² Hardt and Negri (2000: 239).

³ Это выражение введено в употребление Энтони Гидденсом (Anthony Giddens) в 1987 году для характеристики государств, в особенности национальных. Читатель заметит, что я употребляю это выражение для обозначения более широкого круга организаций.

«штаб-квартиры» главных действующих лиц последовательных циклов капиталистического накопления, сразу же станет видно движение вперед от городской и космополитической деловой диаспоры (Генуя) к протонациональному государству (Соединенные Провинции) и его колониальным акционерным компаниям; к многонациональному государству (Великобритания) и его всемирной вассальной империи; к огромному национальному государству (Соединенные Штаты) и его общемировой системе транснациональных корпораций, военных баз и институтов мирового правления¹.

Как видно из этого развития, ни одна из организаций, способствовавших возникновению и экспансии мирового капитализма, не связана исключительно с тем мифическим национальным государством, которым оперируют политическая и социальная теории: Генуя и Соединенные Провинции были меньше, а Великобритания и Соединенные Штаты — больше, чем национальные государства. И с самого начала сети накопления и власти, которые позволили этим организациям играть ведущую роль в возникновении и экспансии мирового капитализма, не «ограничивались» территориями метрополии, определявшими их протонациональные, транснациональные или национальные идентичности. На самом деле торговля на большие расстояния, крупные финансовые операции и соответствующие им империалистические практики (то есть ведение войны и создание империй) как источник прибыли были для ранних организаций даже важнее, чем для более поздних. Как утверждает Арендт, империализм следует считать «первой стадией политического правления буржуазии, а не последней стадией капитализма»². Но, как дальше утверждает Арендт, первой стадией следует считать города-государства начала Нового времени, а не национальные государства конца XIX века.

То, что империалистические практики были более важным источником прибыли на ранних, а не на более поздних этапах капиталистической экспансии, не означает, что политика и действия позднейших капиталистических организаций были менее империалистическими, чем политика и действия более ранних. Напротив, они становились все более империалистическими вследствие все более глубокого взаимопроникновения капиталистических и

¹ Это движение детально рассмотрено в Arrighi (1994); Arrighi and Silver (1999: ch. 1); Arrighi and Silver (2001).

² Arendt (1966: 138).

территориальных стратегий власти. Такая тенденция становится очевидной при сравнении исторической географии последовательных системных циклов накопления.

Еще до начала первого миросистемного цикла гегемонии некоторые итальянские города-государства, особенно Венеция, доказали жизнеспособность капиталистической стратегии власти в европейском контексте раннего Нового времени. Правители, преследующие стратегии территориальных завоеваний, стремились накапливать власть, расширяя свои территориальные владения. Буржуазия, которая правила итальянскими городами-государствами, напротив, стремилась накапливать власть, расширяя свое влияние на денежный капитал и воздерживаясь от территориальных приобретений, если только они не были абсолютно необходимы для накопления капитала. Успех этой стратегии зависел от соблюдения двух условий. Первым был относительный баланс сил между крупными территориальными объединениями на европейском субконтиненте. Вторым — специфика зарождавшейся европейской системы государств: успешное получение прибыли и власти *внутри* Европы критически зависело от привилегированного доступа к колониальным ресурсам *вне* Европы при помощи торговли или грабежа. Баланс сил обеспечивал не только политическое выживание территориально ограниченных капиталистических организаций. Благодаря балансу сил конкуренция между крупными территориальными организациями за финансовые ресурсы усиливала капиталистические организации, эти ресурсы контролировавшие. В то же время ориентированность европейской борьбы за власть вовне гарантировала, что это соперничество будет постоянно подстегиваться потребностью государств обогнать соперников при получении привилегированного доступа к внеевропейским заморским богатствам¹.

В начале сочетание этих двух условий было весьма благоприятным для капиталистической стратегии власти. На самом деле оно было настолько благоприятным, что в наибольшей степени преуспела почти полностью детерриториализованная организация. Название первого системного цикла накопления (генуэзско-иберийский) связано не с Генуэзской республикой как таковой — городом-государством, который на протяжении всего цикла вел сомнительное в политическом отношении существование и «вмещал» очень ограниченную власть. Это

¹ Arrighi (1994: chs. 1 and 2).

название связано с трансконтинентальными торговыми и финансовыми сетями, которые позволили генуэзскому классу капиталистов, организованному в космополитическую диаспору, общаться на равных с самыми влиятельными европейскими правителями и превратить соперничество между этими правителями за капитал в мощный двигатель экспансии собственного капитала. С этих позиций силы генуэзская капиталистическая диаспора вступила в весьма выгодные отношения неформального политического обмена с правителями Португалии и имперской Испании. Благодаря таким отношениям иберийские правители сделали все возможное (в смысле военных и государственных усилий) для создания мирового рынка и мировых империй, а диаспора капиталистов Генуи ограничилась коммерческим и материальным содействием этим завоеваниям. В отличие от Фуггеров, которые разорились из-за своих слишком тесных связей с имперской Испанией, генуэзцы, вероятно, выигрывали от этих отношений больше, чем их иберийские партнеры. Как отмечал Ричард Эренберг (Richard Ehrenberg), «не серебряные копи Потоси, а генуэзская торговля позволила Филиппу II десятилетие за десятилетием проводить в мире силовую политику». Но в этом процессе, как сетовал Суарес де Фигероа в 1617 году, Испания и Португалия превратились в «генуэзские Индии»¹.

Во втором (голландском) системном цикле накопления по-прежнему сохранялись благоприятные условия для проведения строго капиталистической стратегии власти, но они были уже не столь благоприятными, как во время первого цикла. Безусловно, в подъеме Голландии сыграли важную роль острые конфликты крупных государств Европы, а Вестфальский мир 1648 года придал европейскому балансу сил определенность и институциональную прочность. Кроме того, в XVII веке голландцы смогли так легко и быстро расширить масштаб своей деятельности от Балтики до Атлантического и Индийского океанов только потому, что иберийцы уже завоевали Америку и открыли прямые морские пути в Ост-Индию. Однако геополитический ландшафт, созданный в Европе иберийским освоением и закреплением мирового пространства, уже не оставлял места для той разновидности капиталистической

¹ Эренберг цитируется по (1983: 47), а Фигероа — по Elliott (1970b: 96). Подробнее о генуэзско-иберийском цикле см.: Arrighi (1994: 109–132, 145–151).

стратегии власти, которая обеспечила благосостояние генуэзской диаспоры в «долгом» XVI веке. Но, несмотря на противодействие иберийских морских и территориальных империй, голландцам удалось создать завязанную на Амстердам систему транзитной торговли и акционерных обществ, ставших основой второго системного цикла накопления. Тем самым голландцы добились того, чего не смогли сделать генуэзцы: прийти к самодостаточности в ведении войны и в создании государства¹.

Виолетта Барбур (Violet Barbour) утверждает, что эта завязанная на Амстердам система была последним примером «подлинной империи торговли и кредита... поддерживаемой исключительно городом, а не силами современного государства»². Сомнительно, можно ли называть Соединенные Провинции «современным государством», поскольку здесь соединялись как черты исчезающих городов-государств, так и черты зарождавшихся национальных государств. Но, какую бы черту мы ни выделили, голландский цикл, несомненно, стал водоразделом между двумя эпохами исторического капитализма: с одной стороны, эпохой города, а с другой — эпохой территориального государства и национальной экономики: «В центре Европы, кичащейся своими успехами и склонной (в конце XVIII века) вобрать в себя весь мир, господствовавший центр должен был расти, чтобы уравновесить целое. Ведущие самостоятельное (или почти самостоятельное) существование города теперь не имели достаточной опоры на близлежащую экономику, где они черпали силу; и скоро они не смогут выполнять свою задачу. Эстафету примут территориальные государства»³.

Ниже мы рассмотрим вопрос о том, почему господствовавшая территория должна была «расти», чтобы «уравновесить целое». Пока же отметим, что появление территориальных государств как главных действующих лиц капиталистической экспансии привело к еще более глубокому взаимопроникновению капитализма и империализма. Хотя богатство генуэзской капиталистической диаспоры полностью зависело от усилий по ведению войн и строительству империй ее иберийских партнеров, сама диаспора воздерживалась от участия в такой деятельности. Генуэзский капитализм и иберийский империализм

¹ Arrighi (1994: 36–47, 127–151), Arrighi and Silver (1999: 39–41, 99–109).

² Barbour (1950: 13).

³ Braudel (1984: 175). Выделено мной.

поддерживали друг друга, но лишь путем обмена, постоянно воспроизводя свою отдельную организационную идентичность. В голландском цикле такого разделения не было, но восьмидесятилетняя борьба за независимость Соединенных Провинций против имперской Испании наложила на голландский капитализм антиимпериалистический отпечаток. Даже по завершении этой борьбы Питер де ла Курт (Peter de la Court) представлял Голландию «кошечкой» в джунглях, полных «хищников». Этими хищниками были территориальные государства Европы: «...львы, тигры, волки, лисы, медведи или любые другие хищники, которые часто гибнут от своей собственной силы и не выносят, когда им приходится лежать в ожидании». Кошка действительно походит на льва. Но Голландия была «кошкой» раньше и останется ею впредь, потому что «мы, прирожденные торговцы, не можем превратиться в солдат» и «от нас большего добьешься в мирное время и при хорошей торговле, чем во времена войны и упадка торговли»¹.

В действительности же в основе голландской системы накопления, которая после заключения Вестфальского соглашения извлекала больше пользы из мира, чем из войны, лежали война и разрушение иберийской торговли. Кроме того, в неевропейском мире, особенно на Индонезийском архипелаге, «голландская кошка» была самой хищной из европейских «хищников» в том, что касалось насильственного уничтожения существующих систем торговли и производства и создания систем, более подходящих для «бесконечного» накопления голландского капитала. В метафоре де ла Курта все же содержится различие между империализмом больших территориальных европейских государств и территориально ограниченным капитализмом Голландской республики, различие, которое оставалось заметным на всем протяжении голландского цикла. Ибо стратегия власти Голландской республики базировалась прежде всего не на расширении территориальных владений, а на расширении контроля над денежным капиталом и международной системой кредитования. Сочетая сильные стороны венецианской и генуэзской стратегий, она опиралась на деньги и кредит как на основные средства, позволявшие превратить борьбу между территориальными европейскими государствами в орудие экспансии голландского капитала. Со временем, однако, эскалация этой борьбы подрывала успех голландской стратегии и создала условия

¹ Цит. по: Taylor (1994: 36, 38).

для полного слияния капитализма и империализма в действительности того государства, которое в конечном итоге стало новым лидером капиталистической экспансии¹.

Чтобы понять причины этого слияния, нам необходимо вернуться к утверждению Броделя о том, что размеры территории господствовавшего центра системы накопления так или иначе должны были расти одновременно со всей системой. Бродель полагает, что одной из главных причин того, что небольшая территория Голландии помешала ей остаться центром глобализующейся европейской системы накопления, была структурная нехватка рабочей силы. Он утверждает, что «Голландия могла взвалить на себя мировые морские перевозки лишь потому, что она получала от Европы дополнительную рабочую силу». Именно нищета остальной Европы «позволила голландцам “положить начало” своей республики»². Но как только все большее число европейских государств попыталось сосредоточить в своих владениях источники голландского богатства и влияния при помощи той или иной разновидности меркантилизма и империализма, началось усиление конкуренции за европейские трудовые ресурсы, а размеры Голландской республики становились все более непреодолимым препятствием. Как сетовал Ставоринус, «после 1740 года многочисленные морские войны, громадный рост торговли и мореплавания, особенно в тех странах, где этим занятиям прежде не уделяли большого внимания, и вытекающий отсюда огромный и растущий спрос на опытных моряков, на военные корабли и торговые суда настолько резко сократили их предложение, что в нашей собственной стране, славившейся прежде моряками, теперь необходимо потратить много сил и средств, чтобы обеспечить судно достаточным количеством опытных рук»³.

При этом голландцы не могли конкурировать с большими территориальными государствами в создании колоний просто потому, что голландцев для этого было слишком мало. В результате в Северной Америке большинство колониального населения, почти все состоятельные торговцы, плантаторы и профессиональные слои имели британское происхождение, пользовались товарами, произведенными в Великобритании, и вели торговлю через британских торговых агентов.

¹ Arrighi (1994: 144–158); Arrighi and Silver (1999: 48–51).

² Braudel (1984: 192–193).

³ Цит. по: Boxer (1965: 109).

Английские порты начали соперничать в транзитной торговле с Амстердамом, а затем и превосходили его. Кроме того, пока голландская промышленность приходила в упадок, британская быстро росла благодаря успехам трансатлантической торговли и растущей защите со стороны государства¹. Успехи Великобритании, опережавшей Голландию в экспансии внешней торговли и развитии промышленности внутри страны, постепенно привели к сокращению доли транзитной торговли Амстердама. Но смертельный удар голландскому торговому превосходству был нанесен распространением меркантилизма на балтийский регион и последовательным разрушением всего, что так долго имело отношение к торговле — матери голландского капитализма².

Слияние капитализма и империализма

Именно в таком контексте Соединенное Королевство стало новым лидером «бесконечного» накопления капитала и власти путем слияния капитализма и империализма. Как только Лондон, вытеснив Амстердам, в 1780-е годы стал финансовым центром европейской системы объединявшихся государств, именно Соединенное Королевство стало больше всего выигрывать от межгосударственной конкуренции за мобильный капитал. В этом отношении оно стало наследником капиталистической традиции, начало которой положили генуэзцы в «долгом» XVI веке и которую развили голландцы в «долгом» XVII веке. В других отношениях, однако, Соединенное Королевство стало наследником империалистической традиции, начало которой положили иберийские партнеры

¹ Boxer (1965: 109); Davis (1966: 307; 1969: 115); Minchinton (1969: 13).

² «Главной причиной окончательного упадка голландской системы мировой торговли в 1720–1730-х годах была волна промышленного меркантилизма нового стиля, которая пронеслась практически по всему континенту где-то около 1720 года... До 1720-го такие страны, как Пруссия, Россия, Швеция и Дания—Норвегия, не имели средств, а в ходе Великой Северной войны и возможности покончить с агрессивным меркантилизмом Англии и Франции. Но усиление чувства конкуренции среди северных стран вместе с распространением новых технологий и навыков (которые часто имели голландское или гугенотское происхождение) примерно в 1720 году привело к решительным переменам. В следующие двадцать лет на большую часть Северной Европы распространялась систематическая промышленно-меркантилистская политика». Israel (1989: 383–384).

генуэзцев, — традиции, которую «антиимпериализм» голландцев и установление равновесия сил Европы в Вестфалии обратили вспять лишь временно и лишь частично¹.

Это особое слияние капитализма и империализма обеспечило накопление капитала и власти вместе с пространственным и институциональным закреплением, что отличало этот этап от голландского цикла в ключевых пунктах. Геополитически система государств, установленная в Вестфалии под руководством голландцев, была поистине анархической — то есть не имела центрального правления. Система межгосударственных отношений, воссозданная после наполеоновских войн под руководством Великобритании, напротив, была такой, когда равновесие сил в Европе трансформировалось хотя бы на время в инструмент неформального британского правления. После того как в ходе войн британцы добились превосходства в системе равновесия сил, они предприняли ряд дальнейших шагов с целью закрепить свое преимущество. Обеспечив положение, когда абсолютистские правительства континентальной Европы, соединенные в Священный союз, менявший равновесие сил, будут возникать только после консультаций во вновь установленной Венской системе международных отношений (европейском концерте), они создали им два противовеса. В Европе они потребовали, чтобы побежденная Франция была включена в число великих держав, и добились этого. Но в то же время она была отнесена к великим державам второго порядка. Противодействуя планам Священного союза восстановить колониальное правление, британцы выдвинули принцип невмешательства в Латинской Америке, приглашая Соединенные Штаты поддерживать этот принцип. То, что позднее стало доктриной Монро — идея, чтобы Европа не вмешивалась в американские дела, — поначалу было британской политикой².

Преследуя свой национальный интерес через сохранение и консолидацию разбитой на части и «сбалансированной» структуры власти в континентальной Европе, Великобритания насаждала представление, будто ее огромная власть в мире используется в общих интересах — в интересах как бывших врагов, так и бывших союзников, как новых американских

¹ Arrighi (1994: 47–58; 159–169).

² Polanyi (1957: 5–7, 259–262); Weigall (1987: 58, 111); Kissinger (1964: 38–39); Aguilar (1968: 23–25).

республик, так и старых монархий Европы. Это представление поддерживала также односторонняя либерализация Великобритании ее торговли, кульминацией которой стала отмена Хлебных законов в 1848 году и законов о мореплавании в 1849-м. В последующие двадцать лет более трети всего экспорта в мире направлялось в Великобританию. Соединенные Штаты, на долю которых приходилось 25% всего импорта и экспорта, были крупнейшим торговым партнером Великобритании, а на остальные европейские страны приходилось еще 25%. Проведением этой политики Великобритания сокращала внутренние расходы и одновременно обеспечивала другим странам средства для приобретения британских товаров. Эта политика вовлекала в торговлю почти весь западный мир, способствовала кооперации между отдельными странами и обеспечивала низкие издержки торговли за морем и в территориальной империи¹.

В этом отношении система накопления с центром в Соединенном Королевстве радикально отличалась от предшествовавшей ей голландской. В обеих системах территории метрополии служили главным транзитным пунктом. Но вскоре после того, как голландская система стала господствующей, ей бросил вызов агрессивный меркантилизм Великобритании и Франции. Британская же система могла консолидироваться на протяжении самого долгого мирного периода в европейской истории (1815–1914), который Полани назвал Столетним миром. Британцы, в совершенстве управлявшие балансом сил в Европе и являвшиеся центром мировой торговли, использовали эти два обстоятельства для укрепления условий наступившего долгого мира. Первое обстоятельство уменьшало возможность того, что какое-нибудь государство бросит вызов коммерческому превосходству британцев, как когда-то Великобритания начала оспаривать превосходство голландцев после Вестфальского мира. Второе обстоятельство «загоняло» все больше территориальных государств в систему мирового разделения труда, причем их заинтересованность в сохранении центрального положения Соединенного Королевства только росла. И чем более общим становился этот интерес, тем легче было Великобритании манипулировать балансом сил для предотвращения покушений на ее коммерческое превосходство.

¹ Barrat Brown (1963: 63); Kennedy (1976: 156–164, 149–150); Nye (1990: 53).

Указанная комбинация обстоятельств чрезвычайно зависела от третьего отличия британской системы от голландской. В то время как Голландия была в первую очередь коммерческим транзитным пунктом, Британия была еще и промышленным центром, «мастерской мира». К тому времени Англия давно уже стала одним из ведущих промышленных центров Европы. Но лишь в XVIII веке расширение транзитной торговли Англии и огромные расходы ее правительства во время наполеоновских войн превратили индустриальные мощности Англии в эффективный инструмент усиления государства¹. И наполеоновские войны стали здесь поворотным пунктом. По замечанию Макнилла, потребности правительства дали толчок развитию черной металлургии, мощность которой, как показала послевоенная депрессия 1816–1820 годов, превосходила потребности мирного времени. Но одновременно это закладывало основы для будущего роста, поскольку британские металлурги должны были искать новые применения тому дешевому продукту, который выдавали их новые мощные печи. Так что военные потребности формировали следующие этапы промышленной революции, приведя к совершенствованию паровых двигателей, а также таким важнейшим новшествам, как железные дороги и корабли из металла, в условиях, которые были бы невозможны в мирное время, в отсутствие особого стимула к развитию черной металлургии².

В XIX веке железные дороги и пароходы впервые связали мир воедино, превратив его в экономику взаимодействующих сил. В 1848 году нигде не было такой сети железных дорог, как в Великобритании. В течение следующих примерно тридцати лет, замечает Эрик Хобсбаум, «самые отдаленные уголки мира [начали] связываться такими средствами сообщения, какие по своей регулярности, способности к транспортировке огромных количеств товаров и людей и в особенности по скорости сообщения были беспрецедентными». По мере того как создавалась эта система транспортировки и сообщения, с неслыханной скоростью расширялась мировая торговля. С середины 1840-х до середины 1870-х годов объем товаров, перевозимых по морю между крупнейшими европейскими странами, увеличился более чем вчетверо, а торговый оборот (в стоимостном выражении) между Великобританией и Османской империей, Латинской Америкой, Индией

¹ Arrighi (1994: ch. 3).

² McNeill (1982: 211–212). См. также: Jenks (1938: 133–134) и Hobsbawm (1968: 34).

и Австралией увеличился примерно в шесть раз. Наконец, расширение торговли усилило конкуренцию и соперничество между государствами. Но в середине века европейские государства уже слишком сильно зависели от Великобритании как центра торговли, где можно было получать оборудование и ресурсы, чтобы так легко отказаться от этого¹.

Таким образом, в отличие от голландской системы международной торговли XVII века, которая была исключительно меркантильной, британская система международной торговли XIX века стала еще и единой системой механизированного транспорта и производства. Великобритания была одновременно и главным организатором и главным бенефициаром этой системы, в которой она играла двойную роль главного расчетного центра и регулировщика. Но подобно тому, как роль главного расчетного центра была неотделима от роли Великобритании как «мастерской мира», роль главного регулировщика была неотделима от роли строителя империй в неевропейском мире. Возвращаясь к метафоре де ла Курта, в отличие от Голландии, которая была и остается «кошечкой», Великобритания была и остается «хищником», у которого с переходом к капитализму еще больше разгорелся аппетит к территориальной экспансии. Мы уже говорили, что разграбление Индии позволило Великобритании выкупить у голландцев свой государственный долг и вступить в наполеоновские войны практически без внешних долгов. Это способствовало шестикратному увеличению британских государственных расходов в 1792–1815 годах, чему Макнил приписывает решающую роль в переходе к следующему этапу промышленной революции — производству средств производства. Еще важнее то, что начался процесс завоевания территориальной империи в Южной Азии, ставшей затем главной опорой всемирной власти Великобритании.

Этот процесс территориальных завоеваний был подробно рассмотрен в другой работе². Здесь же я лишь упомяну два главных аспекта его связи с расширяющимся воспроизводством британской власти: демографическим и финансовым. Гигантские демографические ресурсы Индии укрепляли как экономическую, так и военную власть Великобритании. Экономический аспект заключался в том, что индийские рабочие были принудительно

¹ Hobsbawm (1979: 37–39, 50–54).

² Arrighi and Silver (1999: 106–114, 223–246).

превращены из главных конкурентов европейских текстильных производств в главных производителей дешевой еды и сырья для Европы. В военном отношении, как мы уже упоминали в главе 5, людские ресурсы Индии были организованы в колониальную армию по европейской модели, эта армия полностью была на содержании индийских налогоплательщиков и постоянно использовалась в XIX веке в бесконечных войнах, открывших Азию и Африку для западной торговли и инвестиций. Что до финансового аспекта, то девальвация индийской валюты, навязанные печально знаменитые сборы в пользу метрополии, посредством которых Индия была вынуждена оплачивать свою привилегию быть обобранной и эксплуатируемой Великобританией, контроль Банка Англии над валютными резервами Индии — все это, вместе взятое, превратило Индию в «опорный пункт» финансового и экономического превосходства Великобритании¹.

Таким образом, под руководством Великобритании «бесконечное» накопление капитала и власти приобрело более масштабное пространственное закрепление, чем в других циклах: гемузско-иберийском и голландском. Но по этой же причине оно в конечном итоге привело в большему перенакоплению капитала. Как и во время предыдущих циклов, действующий центр находился в положении, которое давало ему наибольшие преимущества от усиления конкуренции, предвещавшей смену фазы развития: от материальной экспансии к финансовой. Наступившая затем эдвардианская *belle époque*, однако, была лишь прелюдией к дальнейшей эскалации межгосударственных конфликтов, которые снова революционизировали историческую географию мирового капитализма. Аналогичная «революция» конца XVIII — начала XIX века вывела из борьбы за первенство в капиталистическом мире протонациональные государства вроде Соединенных Провинций (Голландии). Во время «революции» первой половины XX века уже наступила очередь национальных государств оказаться выдавленными из этой борьбы, если только они не контролировали аграрно-промышленно-военный комплекс размером с континент.

«[К концу XIX века] Великобритания становится более уязвимой, растет милитаризм и ура-патриотизм, — пишет

¹ Об этих и других аспектах использования ресурсов Индии см.: Barrat Brown (1974: 133–136); Tomlinson (1975); de Cecco (1984, 62–63); Washbrook (1990: 481); Bagchi (2005: 145–157, 239–243).

Эндрю Гэмбл (Andrew Gamble), — поскольку неожиданно оказалось, что мир полон промышленных держав, которые с точки зрения ресурсов, людских резервов и промышленного производства как метрополия были гораздо сильнее, чем Великобритания»¹. Быстрая индустриализация объединенной Германии после 1870 года особенно противоречила британским интересам, поскольку создавались условия для подъема неостровного государства Европы, которое могло претендовать на первенство на континенте и бросить вызов морскому могуществу Великобритании. Великобритания с союзниками сумели сдержать Германию во время Первой мировой войны, и Великобритания даже расширила границы своих заморских территорий. Но при этом она заплатила за эти военно-политические успехи такую цену, что больше не могла оставаться центром мирового капитализма.

Во время войны Великобритания действительно оставалась главным банкиром и сборщиком долгов на мировом рынке кредитов, гарантируя долги и для России, Италии и Франции. Было похоже, что Великобритания снова играет роль «банкира коалиции», как в XVIII веке. Но была одна существенная разница: огромный торговый дефицит с США, поставлявшими союзникам снаряжение и продукты питания на миллиарды долларов и требовавшими в ответ лишь некоторое количество их продукции: «Ни золото, ни продажа огромных запасов долларовых ценных бумаг Великобритании не могли закрыть эту дыру; и только за счет займов на нью-йоркском и чикагском денежных рынках можно было заплатить долларами поставщикам вооружений»². Когда кредит Великобритании почти что истощился, Соединенные Штаты употребили всю свою экономическую и военную мощь, чтобы склонить весы в пользу своего должника. Влияние на равновесие сил решительно перешло от британцев к американцам. И если Ла-Манш больше не обеспечивал изоляции, то Атлантика еще эту задачу выполняла. Еще важнее то, что с появлением новых средств транспорта и связи и с преодолением барьеров пространства отдаленность Америки переставала быть препятствием для коммерции и военных целей: «И действительно, по мере того, как Тихий океан все больше соперничал с Атлантическим в качестве экономической зоны, положение Соединенных Штатов — этого острова размером с континент и

¹ Gamble (1985: 58).

² Kennedy (1987: 268).

с доступом к обоим величайшим океанам мира — становилось центральным»¹.

Этот «остров размером с континент» долгое время пребывал в процессе становления. Он стал продуктом столетнего процесса территориальных захватов и оккупации, благодаря чему Соединенные Штаты с самого начала своей истории вступили в эпоху империализма: «Американские историки, которые самодовольно хвастают тем, что европейские страны не знали колониализма поселенческого типа, всего лишь скрывают тот факт, что вся *внутренняя* история империализма Соединенных Штатов была развернутым процессом территориальных захватов и оккупации. Отсутствие захваченных территорий “за границей” объясняется беспрецедентным захватом территорий “дома”»². Вот на что указывает Клайд Барроу (Clyde Barrow) подытоживая описание этого внутреннего империализма у Чарльза Берда (Charles Beard): «Мигрируя на запад, американские поселенцы несли с собой кровавую резню и разрушение окружающей среды; подобно саранче, они проходили один рубеж за другим, останавливаясь лишь для того, чтобы разграбить поселения, убить или оттеснить аборигенов». Перед самой Первой мировой войной в своих лекциях студентам-пацифистам Берд говорил, что «было заблуждением считать американцев мирными людьми; они самые жестокие люди в истории и были таковыми всегда»³.

Если американский «остров размером с континент» создавался за счет массового истребления людей и разрушения окружающей среды, то за счет транспортной революции и индустриализации войны во второй половине XIX века он превратился в мощный аграрно-промышленно-военный комплекс, обладающий решающими конкурентными и стратегическими преимуществами по сравнению с европейскими государствами. Конечно, охватившая мир территориальная империя Великобритании имела больше ресурсов, чем Соединенные Штаты. Разбросанность и слабая взаимная интеграция британских колониальных владений — в противоположность региональной концентрации и сильной взаимной политической и экономической интеграции территориальных владений Соединенных Штатов — вот чем кардинально отличалась пространственная конфигурация ведущих капиталистических государств «долгих» XIX и XX веков. Как мы уже

¹ Goldstein and Rapkin (1991: 946).

² Stedman Jones (1972: 216–217). Выделено в оригинале. См. также: Agnew (1987).

³ Barrow (2004: 28).

отмечали выше, широко раскинувшаяся империя Великобритании была главным ингредиентом в создании и консолидации системы накопления, имевшей центром Соединенное Королевство. Но как только под влиянием революции в транспортных средствах и индустриализации войны усилилась конкурентная борьба государств за «жизненное пространство», начали расти затраты на защиту британских территорий, и ее имперские владения превратились из активов в задолженности. Одновременно преодоление пространственных барьеров (под действием тех же двух процессов) превратило континентальный размер, компактность, изолированность и прямой выход к двум океанам Соединенных Штатов в решающее стратегическое преимущество в ходе усиливающейся межгосударственной борьбы за власть¹.

Неудивительно, что эта борьба прекратилась с появлением двухполярного мира, что так часто предсказывали в XIX — начале XX века: «Международный порядок... перешел теперь “от одной системы к другой”». Значение имеют только Соединенные Штаты и СССР... и из этих двух американская “сверхдержава” гораздо сильнее»². Как подчеркивал Томас Маккормик (Thomas McCormick), американские лидеры участвовали во Второй мировой войне «не просто для того, чтобы одолеть своих врагов, но чтобы заложить геополитическую основу послевоенного мирового порядка, который они будут создавать и который возглавят». В осуществлении этой грандиозной задачи помог британский опыт времен наполеоновских войн. Великобритания появилась на основном европейском театре военных действий только тогда, когда война вступила в завершающую, решающую стадию. Своим прямым военным присутствием Великобритания стремилась помешать какому-нибудь другому государству занять место Франции в континентальной структуре власти, а также подкрепить законность своих претензий на решающее слово в мирных переговорах. Так же и Соединенные Штаты вышли на европейский театр военных действий на последней, решающей стадии Второй мировой войны. Операция «Оверлорд» (высадка союзников в Нормандии. — *Прим. ред.*), вторжение американских войск в июне 1944 года во Францию и продвижение затем на восток в Германию сдерживали возможности русских на западе и обеспечили Америке место во главе стола переговоров о мире³.

¹ Arrighi and Silver (1999: 66–84).

² Kennedy (1987: 357).

³ McCormick (1989: 33–35).

Эти аналогии отражают тот факт, что при обоих переходах власти главным для возвышения государства как гегемонистского была его решающая роль в установлении равновесия власти в системе государств. Но пространственное и организационное закрепление «бесконечного» накопления капитала и власти при гегемонии Соединенных Штатов было иным, чем во время британской гегемонии. Оно отражало новую историческую географию капитализма, сложившуюся в результате окончательного разрушения британского пространственного закрепления XIX века. Эта новая историческая география лежала в основе самого грандиозного политического проекта в истории человечества: создания мирового государства. Теперь мы переходим к появлению и провалу этого проекта.

Глава 9

Мировое государство, которого никогда не существовало

Вскоре после окончания Второй мировой войны Людвиг Дейо (Ludwig Dehio) в своей книге утверждал, что каждый раунд европейской борьбы за власть создавал условия для географической экспансии евроцентричной системы суверенных государств, перемещения центра силы дальше на запад и на восток и для необратимых изменений структуры самой этой расширяющейся системы. Дейо рассматривал механизмы, воспроизводившие баланс сил в Европе на протяжении пяти предыдущих столетий, как «структуру, которая... как показало вскрытие, перестала существовать». «Баланс сил на Западе сохранялся лишь потому, что противовес в виде новоосвоенных территорий за его пределами вновь и вновь использовался против сил, стремящихся к господству над миром... Те, кто покинул Европу в ходе последовательных волн эмиграции, после Второй мировой войны вернулись в регион... Старую плюралистическую систему малых государств полностью затмили гигантские молодые державы, которые Европа теперь призвала на помощь... Таким образом, старая система, охватывавшая всю Европу, теперь разрушается. Небольшая сцена как место, где выступала собственная сильная труппа, теперь теряет свою первостепенную важность и поглощается более широким просцениумом. Подпирая с двух сторон, два мировых гиганта берут на себя роли главных действующих лиц... Разделенная система государств меняется вновь и вновь. Но старая

европейская тенденция к разделению теперь отброшена вытесняющей ее новой глобальной тенденцией к объединению. И развитие этой тенденции не остановится, пока она не утвердится по всей планете»¹.

Полвека спустя после того, как были написаны эти строки, крах одного из двух «мировых гигантов» и последующая централизация мирового военного потенциала в Соединенных Штатах превратили эти замечания в пророчество. Но задолго до того, как Дейо заметил конец «старой европейской тенденции к разделению», Франклин Делано Рузвельт задался вопросом, какая политическая структура может появиться из «новой глобальной тенденции к объединению». Оглядываясь на тридцать лет мировых войн, революций, контрреволюций и самого серьезного экономического спада в капиталистической истории, он пришел к убеждению, что всемирный хаос можно преодолеть только фундаментальной перестройкой мировой политики. В его представлении самым важным было, чтобы безопасность мира гарантировалась американской властью, осуществляемой через международные институты: «Но для того, чтобы такая схема стала идеологически привлекательной для страдающих народов мира, она должна опираться на институт, более открытый, чем международная валютная система, и менее грубый, чем совокупность военных союзов или баз»².

Таким институтом должна была стать Организация Объединенных Наций, идеологией которой стало стремление всех народов к миру и мечта бедных наций о независимости и в конечном итоге о равенстве с богатыми нациями. Не без причин Франц Шурманн считает политические последствия такого воззрения поистине революционными: «Впервые в мировой истории произошла конкретная институционализация идеи мирового правительства. Если Лига Наций руководствовалась, в сущности, духом Конгресса наций XIX века, то Организация Объединенных Наций открыто руководствовалась американскими политическими идеями... В мировой системе, созданной Британской империей, не было ничего революционного. Истинное имперское величие Британии было экономическим, а не политическим. Однако Организация Объединенных Наций была и остается политической идеей. Американская революция доказала, что нации могли создаваться в результате осознанных

¹ Dehio (1962: 264–266, 269).

² Schurmann (1974: 68).

и продуманных действий людей... То, что смело задумал и осуществил Рузвельт, было продолжением этого процесса создания правительства для всего мира»¹.

Представления Рузвельта о мировом правительстве включали и социальные задачи, и фискально-финансовые последствия. Это была сознательная проекция американского Нового курса на весь мир в целом: «В основе Нового курса лежало представление о том, что правительство сильного государства должно много тратить для обеспечения безопасности и прогресса. Таким образом, послевоенная безопасность потребует от Соединенных Штатов больших расходов для преодоления хаоса, порожденного войной. Помощь... бедным странам должна была принести те же результаты, что и программы социального обеспечения в Соединенных Штатах: она должна была обеспечить безопасность для преодоления хаоса и предотвратить революции. Между тем бедные страны будут непременно втянуты в восстановленную систему мирового рынка. Войдя в общую систему, они станут такими же ответственными, как американские профсоюзы во время войны. Помощь Британии и остальной Западной Европе способствовала бы экономическому росту, который, в свою очередь, привел бы к оживлению трансатлантической торговли и в конечном итоге принес бы пользу американской экономике. Для поддержания военной экономики Америка потратила огромные суммы, которые привели к колоссальному дефициту. В результате начался поразительный и внезапный экономический рост. Расходы на преодоление последствий войны должны были оказать такое же влияние в общемировом масштабе»².

Так и случилось, но лишь после того, как рузвельтовский «единый мир», включавший (на благо и для безопасности всех) среди прочих бедных стран мира и Советский Союз, сменился трумэновским «свободным миром», когда сдерживание СССР стало основным организующим принципом американской гегемонии. На смену революционному идеализму Рузвельта, видевшего в институтах международного правления основной инструмент распространения в мире Нового курса, пришел реформистский реализм его преемников, кото-

¹ Schurmann (1974: 71).

² Schurmann (1974: 67).

деньгами и глобальную военную мощь в основные инструменты американской гегемонии¹.

Проект Рузвельта, на взгляд Конгресса и американского бизнеса, был слишком идеалистическим. Мир был слишком большим и хаотичным, чтобы Соединенные Штаты могли перестраивать его по своему образу и подобию, особенно если для такой перестройки через органы мирового правительства пришлось бы идти на компромисс со взглядами и интересами своих друзей и врагов. Конгресс и американские деловые круги были слишком «рациональны» в своих расчетах денежной выгоды и издержек от американской внешней политики, чтобы предоставить средства для осуществления этого нереалистичного плана. В действительности, как уже было отмечено ранее в главе 7, если бы не «случилась» Корея и Трумэн не получил бы всего необходимого для «запуливания американского народа», невозможно было бы профинансировать даже перевооружение США и Европы, предусмотренное меморандумом Совета национальной безопасности 68 (NSC-68). Но Корея случилась, и серьезное перевооружение во время и после корейской войны обеспечило огромный рост американской и мировой экономики.

Притом что правительство США действовало как весьма снисходительный мировой центральный банк, американская военная помощь иностранным правительствам и прямые военные расходы за рубежом, непрерывно возраставшие с 1950-го по 1958-й, а затем с 1964-го по 1973 год, нагнетали американскую ликвидность в мировую торговлю и производство, которые тогда росли беспрецедентными темпами². Согласно Маккормику, двадцатитрехлетний период, начавшийся войной в Корее и завершившийся парижскими мирными соглашениями 1973 года, которые положили конец вьетнамской войне, был «самым устойчивым и прибыльным периодом экономического роста в истории мирового капитализма»³.

Многие называют этот период «золотым веком капитализма». Но, хотя по историческим меркам темпы роста мировой торговли и производства в 1950–1960-х годах действительно были необычайными, эти годы не были первым золотым веком капитализма. Столь же впечатляющим был описанный Хобсбаумом «век

¹ Schurmann (1974: 5, 67, 77).

² Calleo (1970: 86–87); Gilpin (1987: 133–134).

³ McCormick (1989: 99).

капитала» (1848–1875), который в конце XIX века сравнивали с эпохой великих географических открытий¹. Подобно «веку капитала», золотой век 1950–1960-х завершился длительным периодом финансовой экспансии и в конечном итоге империалистическим всплеском. Подлинная новизна нынешнего всплеска по сравнению с тем, что имел место сто лет тому назад, заключалась в попытке клонящейся к упадку гегемонистской державы не только противодействовать этому упадку, но и превратиться в мировое государство. Такая попытка — это продолжение другими средствами и в совершенно иных условиях рузвельтовского проекта мирового правительства. Если рузвельтовская идея Нового курса для всего мира так никогда и не была осуществлена на практике, то трумэндовская идея — уменьшенная, милитаризованная, бывшая вариантом холодной войны — привела к значительной экспансии американского капитала и власти. Почему же неоконсервативный проект так жалко провалился при повторении этого опыта в условиях еще большей централизации мирового военного потенциала в Соединенных Штатах?

США: изменение формы защиты

Чарльз Тилли предложил считать государственную деятельность одной из сторон организации и монополизации насилия, и это позволяет нам дать простой ответ на поставленный вопрос. Что еще могут делать правительства, задается вопросом Тилли, как не стремиться (в отличие от других организаций) «концентрированно монополизировать средства насилия»? Такая тенденция проявляется в четырех различных видах деятельности: защите, государственном строительстве, войне и извлечении средств для этого. Защита — наиболее заметный «продукт» деятельности правительства. Как отмечает Тилли, «слово *защита* имеет два противоположных оттенка смысла». В первом случае оно будит в воображении спокойный образ сильного друга или организации, которая защищает от опасности. Во втором же случае мы мысленно рисуем зловещую картину вымогательства, когда громила заставляет торговцев откупаться во избежание ущерба, нанесением которого скрыто или явно угрожает сам громила.

«Какой образ пробуждает в сознании слово *защита*, зависит главным образом от нашей оценки реальности и вида угрозы. Тот, кто одновременно и создает опасность, и за

вознаграждение предоставляет защиту от нее, — вымогатель. Тот, кто предоставляет необходимую защиту, но не имеет отношения к появлению опасности, считается *настоящим защитником*, особенно если он обходится дешевле своих конкурентов. Тот, кто предоставляет надежную и недорогую защиту от местных вымогателей и чужих грабителей, предоставляет лучшее».

В соответствии с этим критерием далее Тилли утверждает, что предоставление защиты правительствами часто квалифицируется как вымогательство: «Поскольку угрозы, от которых данное правительство защищает своих граждан, являются мнимыми или представляют собой последствия его же собственной деятельности, оно предоставляет своеобразную “защиту” от своих же нападков. Поскольку сами правительства обычно имитируют или даже фабрикуют угрозы внешней войны, а репрессивная и ориентированная на добычу средств деятельность правительств зачастую представляет наибольшую угрозу средствам собственных граждан, многие правительства, по сути, действуют теми же методами, что и рэкетеры. Конечно, имеется различие: рэкетеры, согласно принятому определению, не обладают неприкосновенностью»¹.

Вслед за Артуром Стинчкомбом Тилли утверждает, что законность властей притесняющих зависит не столько от согласия тех, кто им подвластен, сколько от согласия других властей притесняемых. К этому Тилли добавляет, что вообще власти при возникновении вопросов «скорее подтвердят решения тех, кто обладает значительной силой, причем не только из страха возмездия, но и из желания сохранить стабильность окружения»². Так что уверенность в том, что некоторое правительство действительно обеспечит защиту, тем больше растет, чем большего достигнет это правительство в деле монополизации концентрированных средств насилия. А это влечет за собой устранение или нейтрализацию соперников на его внутренних (государственное строительство) и внешних (война) территориях. Поскольку же защита, государственное строительство и ведение войны требуют определенных финансовых и материальных ресурсов, извлечение средств представляет собой деятельность, позволяющую правительствам приобретать таковые ресурсы. При благоприятном исходе каждый из четырех этих видов деятельности «обычно укрепляет другие»³.

¹ Tilly (1985: 170–171). Выделено мной.

² Stinchcombe (1968: 150); Tilly (1985: 171).

³ Tilly (1985: 171, 181).

Тилли подчеркивает необходимость объединения усилий в деятельности, направленной на государственное строительство, ведение войны, извлечение средств и обеспечение успешной монополизации правительством концентрированных средств насилия *на национальном уровне*. Чтобы применить данную теорию конкретно к американскому правительству, которое попыталось организовать и монополизировать концентрированные средства насилия *на глобальном уровне*, необходимо сделать два уточнения. Во-первых, создание мирового государства стирает различие между деятельностью, связанной с внутренним строительством государства, и ведением внешних войн, потому что будущее мировое государство предъявит претензии на весь мир и тем самым де-факто сотрет различие между внутри- и межгосударственными территориями. Отсюда распространенное представление о многих «войнах», которые вели Соединенные Штаты с конца Второй мировой войны, как о полицейских действиях, а не о войнах в собственном смысле слова. Во-вторых, поскольку национальные государства по-прежнему пользуются «государственной неприкосновенностью», мировому государству трудно представить себя в качестве организатора «законной защиты», а не «рэкетира».

Имея в виду эти уточнения, теперь мы можем понять, почему администрации Буша не удалось повторить успехи администрации Трумэна, рассуждая в терминах бессмысленного вымогательства и законной защиты. Несмотря на все свои недостатки, ограниченный и милитаризованный проект мирового правительства, предложенный Трумэном, определялся и воспринимался многими правительствами (на государственном уровне) как законная защита. Отчасти это было связано с тем, что на всем протяжении 1950–1960-х годов США опирались на ООН, пытаясь заручиться согласием хотя бы некоторых национальных «суверенных правительств» с действиями американского мирового правительства. Однако две основные причины того, что американский проект холодной войны считался законной защитой, были фактическими, а не институциональными.

Первая причина, если перефразировать Тилли, заключалась в том, что они предлагали необходимую защиту от той опасности, к появлению которой США не имели отношения. Хотя США извлекли наибольшую экономическую и политическую выгоду от эскалации насилия в первой половине XX века, эпицентр этой эскалации находился в Европе, а не в Соединенных Штатах. Европа

больше всего нуждалась в защите, потому что, как отмечает Арно Майер (Aрно Mayer) по другому поводу, в обеих мировых войнах «кровавые жертвы Европы были несоизмеримо более многочисленными и тяжелыми, чем жертвы Америки»¹. Причем эти жертвы возникли в результате европейских конфликтов. Предлагая новый миропорядок, способный снизить вероятность повторения подобных конфликтов, Соединенные Штаты выступали как законный защитник.

Вторая причина заключалась в том, что Соединенные Штаты предлагали действенную защиту по лучшей цене. И Рузвельт, и Трумэн предлагали финансировать обеспечение защиты во всем мире при помощи избыточного капитала, накопленного Соединенными Штатами в течение предшествующих тридцати лет всемирного хаоса. Ни одно государство, не говоря уже о любом из недавно созданных международных институтов, не имело средств для подобного недорогого предложения. В действительности же основная проблема администрации Трумэна заключалась не в том, чтобы найти клиентов для защиты, а в том, чтобы убедить Конгресс в необходимости инвестировать избыточный американский капитал в производство защиты в мировом масштабе как в план, отвечающий национальным интересам Америки. Именно с этой целью Трумэн искусно раздувал коммунистическую угрозу.

Ситуация начала меняться с наступлением сигнального кризиса американской гегемонии в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Вьетнамская война показала, что американская защита была не столь надежной, как утверждали Соединенные Штаты и ожидали их клиенты. Во время Первой и Второй мировых войн Соединенные Штаты разбогатели и укрепились (притом что собственно боевые действия велись другими странами). В это время США предоставляли им кредиты, поставляли продовольствие и оружие, наблюдая за тем, как они истощали друг друга в экономическом и военном отношении, и, включившись в войну на последнем этапе, США обеспечили результат, отвечавший их национальным интересам. Во Вьетнаме, напротив, они вынуждены были по большей части самостоятельно вести боевые действия в среде, враждебной в социальном, культурном и политическом отношениях, в то время как их европейские и восточноазиатские клиенты становились все более сильными экономическими конкурентами, а

¹ Mayer (2003).

американские транснациональные корпорации получали прибыль на экстерриториальных финансовых рынках, лишая американское правительство чрезвычайно необходимых налоговых поступлений. В такой обстановке американская военная мощь лишилась доверия, и Соединенные Штаты были вынуждены отказаться от обеспеченного золотом доллара. И, что еще хуже, Организация Объединенных Наций превратилась в рупор недовольства стран третьего мира, что ослабляло легитимность выполнения Соединенными Штатами функций мирового правительства.

И через десять лет углубления кризиса администрация Рейгана начала превращать законную защиту в вымогательство. США отказались считать ООН источником легитимности американской гегемонии. Они надавили на Японию, оказавшуюся самым зависимым от американской защиты клиентом, быстрее всех накапливавшим избыточный капитал, вынуждая ее ограничить конкуренцию с Соединенными Штатами посредством «добровольных» экспортных ограничений (немыслимое в международной торговле новшество) и использовать ее избыточный капитал для покрытия растущего дефицита американского бюджета и торгового баланса. Они увеличили «баланс страха» с СССР посредством значительной эскалации гонки вооружений. И привлекли множество разных местных «громил» (в том числе Саддама Хусейна) и религиозных фундаменталистов (в том числе Усаму бен Ладена) для борьбы с советской властью и странами третьего мира. Затем Соединенные Штаты начали назначать цену за свою защиту от тех угроз, которые они сами же и создавали¹.

В связи с успехом администрации Рейгана в подрыве третьего мира и мощи Советов при Джордже Буше-старшем появилась иллюзия, что американскую «империю баз» можно сделать самокупающейся. Как отметил Челмерс Джонсон (Chalmers Johnson), такая империя была и остается куда более уязвимой к дефициту торгового баланса и движению капитала, чем «старые самофинансировавшиеся империи». Но подчас американская «империя баз», «подобно гангстерам в 1930-х годах (которые принуждали простых людей и предпринимателей оплачивать “крышу”», делает деньги, заставляя иностранные правительства

¹ О том, как при Рейгане, перейдя от прямого участия в борьбе с коммунизмом к тактике поддержки частными ополчениями местных повстанцев, США породили будущих террористов, см.: Mamdani (2004).

оплачивать свои имперские проекты». Особенно показательна в этом отношении первая иракская война. Обратившись к ООН за признанием законности этой войны, администрация Буша смогла получить от своих наиболее богатых и наиболее зависимых в военном отношении клиентов (особенно Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, Германии и Японии) финансовые пожертвования на сумму 54,1 млрд долларов, причем вклад США составил 7 млрд долларов — чуть более половины вклада Японии, внесшей 13 миллиардов. Заметим, что эта гигантская сумма пошла не на защиту от угрозы вроде коммунизма (возникшей независимо от воли Соединенных Штатов), но от той угрозы, которая, по крайней мере отчасти, возникла вследствие поддержки Соединенными Штатами Саддама Хусейна в войне против Ирана.

Переход от законной защиты к рэкету продолжался другими средствами при Клинтоне. США снова отказались от использования ООН для легитимации своих полицейских действий — теперь ради различных коллективных «гуманитарных» миссий с участием НАТО. Одновременно бреттон-вудские институты были превращены в инструменты американского господства на все более интегрировавшемся глобальном рынке. На фоне «успеха» миссий в Боснии и Косово и при все большем разрастании мыльного пузыря «новой экономики», госсекретарь Мадлен Олбрайт впервые назвала Соединенные Штаты «незаменимым государством». Однако основанием такой «незаменимости» была не сомнительная способность Соединенных Штатов, как утверждала Олбрайт, «смотреть в будущее дальше других стран»¹. Скорее дело было в общем страхе перед тем непоправимым ущербом, который американская политика могла причинить остальному миру. Теперь Соединенные Штаты предлагали защиту от тех угроз, которые были (или могли быть) созданы самими же Соединенными Штатами. И триллионы долларов, которыми иностранные правительства начали наполнять казну американского правительства, свидетельствовали о том, что стоимость этой защиты очень выросла.

Незаменимы ли Соединенные Штаты?

Таким образом, превращение США из законного защитника в вымогателя началось не при неоконсерваторах из администрации

¹ Цит. по: S. Sestanovich, *Not Much Kinder and Gentler. The New York Times*, February 3, 2005.

Буша. Ко времени их прихода к власти Соединенные Штаты уже далеко продвинулись в этом деле. Администрация Буша пошла еще дальше и наконец (невольно) достигла экономических и военных пределов данного движения. Как уже отмечалось в главе 7, провалились и их попытка показать, что американская военная мощь способна обеспечить безопасность в мире, и их стремление сохранить центральное положение Соединенных Штатов в глобальной политической экономии. Мы теперь попытаемся связать эту двойную неудачу с безмерным ростом претензий США на осуществление защиты-рэкета в мире.

Сам Колин Пауэлл однажды обратился к зловещему образу, предложенному Тилли, сказав, что США должны быть «квартальным громилой». Остальной мир с радостью согласился бы с этой ролью, продолжил он, будучи уверен, «что Соединенные Штаты не станут злоупотреблять этой властью»¹. Мы не знаем, на чем основана такая убежденность Пауэлла. Но меньше чем через год после вторжения в Ирак со всего света начали поступать свидетельства того, что надежный образ американской защиты сменяется зловещим образом Соединенных Штатов, которые пытаются силой загнать остальные страны в рамки своей внешнеполитической программы. Эти попытки американцев провалились.

Особенно показательно в этом отношении нежелание даже самых преданных клиентов предоставить Соединенным Штатам средства для того, чтобы выбраться из иракской трясины. Несмотря на попытку Колина Пауэлла поднять дух потенциальных доноров заявлениями об успехе «конференции доноров» в Мадриде (после того как Совет Безопасности ООН отчасти узаконил оккупацию Ирака), взносы оказались гораздо меньше ожидаемых, особенно в сравнении с суммой, какую Соединенные Штаты собрали в 1991 году на войну в Заливе. Действительные пожертвования (то есть безвозмездная помощь) составили менее одной восьмой из намеченных 36 млрд долларов и значительно меньше четверти официально обещанного Соединенными Штатами взноса в 20 млрд долларов. Ничего похожего на исключительно щедрые пожертвования на первую иракскую войну (войну в Заливе); на этот раз никто не пришел на помощь США. Германия и Саудовская Аравия не дали почти ничего. Даже официально обещанные Японией 1,5 млрд долларов — самая крупная сумма на мадридской конференции — меркнут по

сравнению 13 млрд, выделенными Японией на первую иракскую войну, особенно учитывая, что в реальном исчислении в 1991 году доллар стоил намного больше, чем в 2003-м.

Отчасти это резкое уменьшение пожертвований было вызвано тем, что американская защита стала приводить к обратным результатам, что Соединенные Штаты, выдавив из своих клиентов все что можно, оставляют их беззащитными перед еще более грозными опасностями, чем те, от которых их защищали, и что американские действия угрожают появлением более серьезной опасности, чем нынешняя, от которой они предлагают защиту. В любом случае, как заметил Джеймс Кэрролл (James Carroll), имея в виду в первую очередь Западную Азию, «незаменимая страна оказалась незаменимой только в насаждении хаоса».

Иракцы, ливанцы, израильтяне и палестинцы — все они избили насилие и теперь пожинают печальные плоды такого выбора, но их выбор был сделан в контексте, который определялся выбором Вашингтона, сделавшего ставку на насилие¹.

Отчасти столь резкое уменьшение взносов можно приписать убеждению, что необходимость в защите со стороны США (какой бы она ни была) не так остра, как в 1991 году. И осознание этого распространено гораздо шире ритуального уважения к американскому могуществу, дань которому по-прежнему продолжают отдавать. Но, возможно, это в большей степени относится к клиентам Соединенных Штатов в восточноазиатском регионе. Если в прошлом многие страны в этом регионе считали американскую защиту основой противодействия реальной или мнимой угрозе собственной безопасности со стороны Китая, то сегодня Китай перестал считаться серьезной угрозой. На случай же, если такая угроза вновь возникнет, американская защита представляется ненадежной. Кроме того, получение Соединенными Штатами платы за защиту со своих восточноазиатских клиентов теперь ограничивается еще и тем, что зависимость США от восточноазиатских денег выросла, а зависимость стран Восточной Азии от американского рынка уменьшилась в связи с усилением Китая как крупного и быстрорастущего рынка.

Выше мы уже отметили, что привлекательность Китая как экономического и стратегического партнера вышла за

¹ J. Carroll, *Reject the War*. *International Herald Tribune*, December 19, 2006. О том, что обращение США к насилию превратило Ирак в громадный тренировочный лагерь террористов, см. также: Benjamin and Simon (2005); P. Rogers, *The War on Terror: Past, Present, Future*. *openDemocracy*, August 24, 2006.

пределы восточноазиатского региона. Взлет Китая напоминает взлет США во время мировых войн первой половины XX века. Как Соединенные Штаты оказались настоящим победителем во Второй мировой войне после того, как СССР переломил хребет вермахту в 1942–1943 годах, так и сегодня все указывает на Китай как на настоящего победителя в войне с терроризмом, независимо от того, удастся ли Соединенным Штатам победить «Аль-Каиду» и подавить восстание в Ираке¹.

В эпилоге настоящей книги мы займемся вопросом, какой новый миропорядок (или миробеспорядок) может вырасти из этой «победы». Пока же отметим, что новый империализм проекта «За новый американский век», возможно, знаменует бесславный конец шестидесяти лет борьбы Соединенных Штатов за то, чтобы стать создателем мирового государства. Эта борьба изменила мир, но даже при самых триумфальных победах Соединенные Штаты так и не сумели достичь поставленной цели. И вот в конце этого долгого процесса все, что удалось Джорджу Бушу-младшему, — это опровергнуть Олбрайт. «Соединенные Штаты, оказывается, — жалутся Майкл Линд (Michael Lind), — заменимая страна».

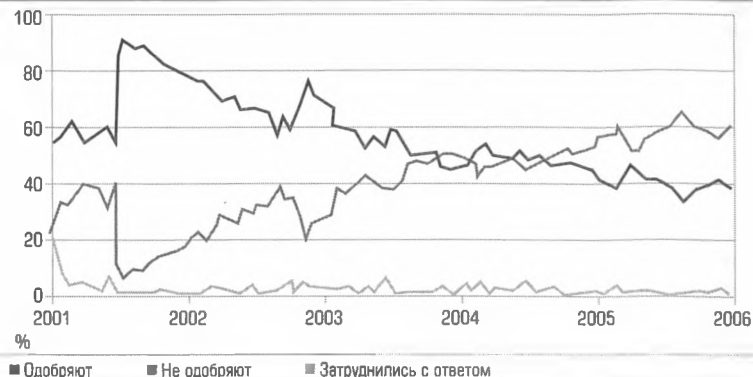
На нашей памяти без США в мире не делалось ничего. Сегодня, однако, создание практически всех новых сколько-нибудь важных долгосрочных международных институтов мировой дипломатии и торговли происходит без участия США... Европа, Китай, Россия, Латинская Америка и другие регионы и страны потихоньку принимают меры... чтобы сократить влияние Америки².

«Менее чем за четыре года столь сильно подорвать почетное положение мирового лидера, за которое США боролись столетие или даже больше, — писал Брайан Уркхарт (Brian Urquhart) перед выборами в ноябре 2004 года, — это исключительное достижение»³. Но несмотря на это «исключительное достижение»

¹ В 2004 году участник дискуссии из Института инженеров по электротехнике и электронике вспомнил старую шутку: США вели холодную войну, а победила Япония. «Новая шутка, — добавил он, — состоит в том, что США ведут войну с терроризмом, а побеждает Китай» (J. Kumatagi and W. Sweet. *East Asia Rising*. IEEE Spectrum Online, www.spectrum.ieee.org, accessed October 19, 2004). Кажется, что в этой шутке отражается важный аспект не только современной, но и прошлой динамики исторического капитализма, описываемой в главе 8.

² M. Lind, *How the U.S. Became the World's Dispensable Nation*. *The Financial Times*, January 25, 2005.

³ Appiah et al. (2004: 16).

Источник: Washington Post — ABC News Poll

и к изумлению всего остального мира, выборы не только вернули президента Буша в Белый дом, но и усилили положение неоконсерваторов во всех ветвях американской власти. После победы на выборах Буш заявил, что завоевал «политический капитал», который он теперь намерен потратить по собственному усмотрению. Однако если мы посчитаем разницу между количеством одобряющих его политику и количеством не одобряющих ее за грубый показатель размеров этого политического капитала, то увидим (см. график 5), что он очень далек от понимания реального положения дел.

Судя по графику, большая часть политического капитала Буша заработана не им самим, но получена 11 сентября в подарок от Бен Ладена. К тому же, несмотря на резкое, но кратковременное улучшение показателей после вторжения в Ирак в марте 2003 года, ко времени перевыборов в 2004 году он этот подарок уже промотал и теперь живет непонятно чем. Еще четыре года достались ему не только в связи с отсутствием у конкурентов-демократов каких-нибудь предложений о том, как же справиться с тем беспорядком, который Буш создал. Особую роль сыграла прославленная изобретательность его советника Карла Роува (Karl Rove), выдвинувшего идею, что войну с терроризмом лучше вести вне США, а не у себя дома, и что, если террористов не разбить в Ираке, они появятся на улицах Сан-Франциско и Де-Мойна. Этот аргумент, хоть он и «опять до смерти напугал американцев» и позволил переизбрать Буша, едва ли был

убедительным для иракцев, которым навязанный США хаос сократил или отнял жизнь. Не убедил он и другие страны, которые почувствовали опасность жесткого и необдуманного распространения Соединенными Штатами угроз, защитником от которых они себя провозглашали. Но даже американцев нельзя было дурачить все время, как не мог хитроумный Карл Роув бесконечно справляться со сложностью замысла исторического процесса, так что — как показывает график 5 — вскоре после второй инаугурации Буша возобновилось неуклонное истощение его политического капитала.

Решающим моментом стало разорение Луизианы ураганом Катрина в сентябре 2005 года. «Если 11 сентября — это первая серия фильма под названием “Правление администрации Буша”, — писал Томас Фридман, — то Катрина — вторая. Если 11 сентября было ударом в спину, то Катрина ударила в лицо»¹. «Вопреки утверждениям Буша и Рамсфелда, что эта трагедия не имеет ничего общего с Ираком, — замечает Майк Девис (Mike Davis), — отсутствие более трети национальных гвардейцев Луизианы и большей части тяжелой техники с самого начала мешало успеху спасательных операций и операций по оказанию помощи... Как с горечью констатировал прихожанин разрушенной церкви Св. Бернарда в разговоре с корреспондентом *Times-Picayune*, “помощь из Канады прибыла раньше, чем американская армия”»². И вопреки заявлению Буша, что никто не мог предсказать пролом в дамбах Нового Орлеана, Катрина, по словам Симона Шамы (Simon Schama), «была самой предсказуемой катастрофой в современной истории Америки».

На выборах [2004 года] Джордж Буш-младший просил американцев голосовать за него как за человека, который лучше всех исполнит наиглавнейшее обязательство правительства: справедливую и неусыпную защиту своих граждан. Теперь это ложное заявление обратилось против него — не в Багдаде, но в затопленных графствах Луизианы³.

На самом деле Ирак и Луизиана были двумя сторонами одной медали для страны, которая в течение четверти века формировала стойкую веру в чудодейственные силы высоких

¹ *Osama and Katrina. The New York Times, September 7, 2005.*

² *The Predators of New Orleans. Le Monde Diplomatique, English edition, September, 2005. См. также: R. Scheer, Finally Fooling None of the People. Los Angeles Times, September 13, 2005.*

³ *Sorry, Mr. President, Katrina Is Not 9/11. Guardian, September 12, 2005.*

технологий и в чудодейственные силы саморегулирующихся рынков. Войдя в Ирак под лозунгом «Шок и трепет», что означало «демонстрировать такую силу, какой не видывали на земле», пишет Поли Тойнби (Polly Toynbee), Соединенным Штатам затем пришлось испытать другой шок.

Это шок от осознания, что... Америка теперь выглядит эдаким жутким динозавром-роботом, топающим по земле, гигантским заводным солдатиком с потрясающими наворотами и дисплеем, но не имеющим силы и пустым внутри... Ирак показал, что мудреные ракеты, высокотехнологичные приемчики и солдаты, получающие команды прямо в шлем с электронных пультов в Южном округе в Тампе, — все это практически бесполезно. И теперь, когда Белый дом в смятении смотрит в лицо своему поражению, повсюду вспоминают уроки, которые преподали этому Левиафану вьетконговцы на велосипедах... Когда Соединенные Штаты обнаружили, что сила сломить государство бесполезна без силы его воссоздать, страх и трепет кончились. Но понадобилась Катрина, чтобы увидеть пустоту под панцирем Соединенных Штатов. Неудивительно, что не смогла управлять Ираком держава, которая так плохо управляется у себя дома. Да и на что хорошее способно государство, где половина избирателей не доверяют правительству? Великая катастрофа Луизианы показала страну, которая вовсе и не страна, но отдельные, распыленные индивидуумы, ведущие параллельную жизнь как можно дальше друг от друга, у которых нет ничего общего, кроме идеи верности флагу¹.

Теперь нам следует вернуться к утверждению Арендт, что «государство Гоббса представляет собой неустойчивую структуру и вынуждено находить для себя все новые опоры извне, чтобы быстро не превратиться в бесцельный и бессмысленный хаос частных интересов, из которого оно возникло». Но именно поэтому, по мере того как стирается память о Катрине, страх американцев перед дальнейшими бедствиями, которые Буш может навлечь на американский флаг, начинает превосходить страх перед террористами, которые могут объявиться на улицах Сан-Франциско и Де-Мойна, что ведет к дальнейшему сокращению политического капитала Буша. В своем самом откровенном высказывании о стоимости иракской войны в марте 2006 года Буш с неохотой признал: «Я бы

¹ *The Chasm Between Us. Guardian, September 9, 2005. Сходную точку зрения см.: R. Drayton, Shock, Awe and Hobbes Have Backfired on America's Neocons. Guardian, December 28, 2005.*

сказал, что я трачу на эту войну свой [политический] капитал»¹. К промежуточным выборам 2006 года он был уже по уши в долгах; демократы победили на выборах в обе палаты Конгресса; все оставшиеся неоконсерваторы в правительстве, кроме Чейни, были отправлены в отставку; и были отставлены все мечты о Новом американском веке — пришлось сконцентрироваться на мерах борьбы со стихийными бедствиями.

Реприза и предварительный обзор

«История армии всего нагляднее подтверждает правильность воззрения на связь производительных сил и общественных отношений, — писал Маркс Энгельсу 25 сентября 1857 года. — Вообще армия играет важную роль в экономическом развитии. Например, в Древнем мире *salaire* (система оплаты) труда впервые появилась именно в армии. Здесь же впервые в крупном масштабе применяются машины. И даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег первоначально, по-видимому, была основана на их военном значении. В армиях же было впервые осуществлено и разделение труда внутри одной отрасли производства. Кроме того, в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества. Если у тебя будет как-нибудь время, ты должен разработать данный вопрос с этой точки зрения»².

Буде Энгельс нашел время, он сумел бы продемонстрировать верность своих и Маркса взглядов на связь производительных сил и общественных отношений, но только при условии включения в производительные силы производства защиты. Важнее то, что он, по всей видимости, почувствовал бы необходимость заняться вопросом об отношениях между капитализмом, индустриализмом и милитаризмом, вопросом, который имплицитно был поднят Адамом Смитом, заметившим, что высокая стоимость современных военных действий дает богатым народам военное преимущество над бедными народами. В главе 3 мы задавались вот каким вопросом: при той преимущественной роли, какую промышленность, внешняя торговля и навигация играли в европейском пути развития капитализма — сравнительно с «естественным» путем Адама Смита с его рыночной основой, — не станут ли капитализм, индустриализм и милитаризм

¹ E. Bumiller, *Bush Concedes Iraq War Erodes Political Status*. *New York Times*, March 22, 2006.

² Цит. по: Johnson (2003). Выделено в оригинале.

усиливать друг друга посредством положительной обратной связи, обогащаясь и укрепляясь за счет остального мира? А если да, то каковы пределы этого обогащения и усиления?

Захватывающий рассказ Уильяма Макнила о погоне за властью на путях европейского развития наряду с анализом, предложенным в этой и предыдущих двух главах, позволяют сделать несколько замечаний и ответить на поставленные вопросы. Первое замечание состоит в том, что коммерциализация войны и непрерывная гонка вооружений были характерной чертой западного пути развития капиталистического производства от самого его начала в итальянских городах-государствах до кульминации — провала плана установления мирового господства Соединенных Штатов. Так называемый военный кейнсианизм — когда за счет военных расходов повышаются доходы граждан производящего эти расходы государства, повышая таким образом налоговые поступления и возможность финансировать новые военные расходы, — не является изобретением XX века, как не новы и финансовый капитал, и транснациональные предприятия. Развивая систему наемного труда в деле ведения войны и строительства государства, уже итальянские города-государства практиковали своего рода маломасштабный военный кейнсианизм, обращавший часть их расходов на защиту в доходы, так что войны становились самоокупаемыми.

В богатых итальянских городах было достаточно денег, чтобы граждане, заплатив налоги, могли использовать наемников. Затем наемные солдаты возвращали эти деньги в оборот просто тем фактом, что тратили их. Таким образом они участвовали в рыночном обмене (и способствовали ему), в результате чего эти города в первую очередь коммерциализировали ведение войны. Складывающаяся система имела тенденцию превращаться в самообеспечивающуюся¹.

Но в действительности система превращалась в самообеспечивающуюся только при условии, что военные расходы приносили доход, превышавший сумму потраченных на них налогов. Из этого мы делаем второй вывод: в европейской системе активизация этого условия в некоторых государствах была возможна только при одновременном действии двух механизмов. Во-первых, механизма установления баланса сил, который позволял ведущим капиталистическим государствам

¹ McNeill (1982: 74).

определенной эпохи употреблять вырученное от межгосударственной конкуренции и таким образом реально заставлять войны оплачивать себя. Второй механизм — это систематическое расширение своих границ, что имело двойную функцию: непрерывно актуализировало конкуренцию европейских государств в деле изобретения все более совершенных орудий и техник войны и в то же время позволяло забирать у остального мира ресурсы, необходимые для расширения торговли, и увеличивать налоговые поступления. Как обобщенно описывает этот процесс Макнил, имея в виду конкретные полтора столетия перед промышленной революцией, «в рамках Западной Европы одна усовершенствованная современная армия могла потеснить своих соперников. В результате баланс сил нарушался только временно и только локально, с чем вполне могла справиться дипломатия. С приближением к границам европейского радиуса действия, однако, это выливалось в систематическую экспансию — будь то Индия, Сибирь или Америка. Расширение границ поддерживалось расширением торговой сети, увеличивало облагаемое налогом богатство Европы, а также делало менее обременительным содержание армий (что в ином случае было бы более чувствительным для европейцев). Таким образом, Европа вступила в саморазвращающийся цикл, когда ее военные структуры поддерживали экономическую и политическую экспансию за счет других народов и государств и сами военные структуры этой экспансией поддерживались¹.

Третье наблюдение состоит в том, что этот саморазвращающийся цикл был одновременно и причиной, и следствием двух отдельных нововведений в области защиты. Первое, как заметил Маркс в письме к Энгельсу, касалось технического разделения труда в армии. Вновь открыв и усовершенствовав давно забытые римские военные техники, Мориц фон Нассау в начале XVII века реорганизовал голландскую армию так же, как двумя столетиями позднее реорганизовал американскую промышленность Фредерик Уинслоу Тейлор: на основе научного менеджмента. Он изменил технику осады, повысил эффективность военных действий (а именно — сократив потери) и укрепил дисциплину в армии. Он стандартизировал строевой шаг, ружейные приемы и приемы ведения огня, а также ввел регулярное обучение солдат. Он разделил армию на более мелкие тактические единицы, повысил количество офицеров

¹ McNeill (1982: 143).

младшего и высшего командного состава, а также усовершенствовал способы подачи команд.

За счет этого армия оформилась как единый организм с центральной нервной системой, способный чутко реагировать на непредвиденные обстоятельства и давать на них более или менее разумный ответ. Каждое движение армии стало более четким и быстрым. Теперь стали предсказуемыми движения и действия отдельных солдат и передвижения батальонов на поле боя. Хорошо обученное боевое соединение, каждое действие которого было оправданно, могло теперь увеличить плотность огня, направленного на противника. Теперь уже мало что значили ловкость и решительность отдельного солдата. Доблесть и личное мужество почти перестали иметь значение ввиду появления общеармейской системы действий... И войска, обученные по системе Морица, автоматически демонстрировали большую эффективность в бою¹.

Второй тип нововведений соответствует тому, что Маркс называл применением «машин в крупном масштабе». Как мы уже упоминали в главе 8, Макнил среди прочего приписывает решающее значение для британской экономики во время наполеоновских войн усовершенствованию парового двигателя и таким эпохальным нововведениям, как железные дороги и корабли, которые просто не могли появиться, если бы не потребность военного времени в металлургической промышленности. В этом смысле промышленная революция в действительно важных секторах — то есть в производстве средств производства — была в основном побочным продуктом европейской гонки вооружений. И очень скоро применение продуктов и процессов современной промышленности в целях ведения войны — что Макнил называет «индустриализацией войны» — чрезвычайно стимулировало гонку вооружений.

¹ Распространение «научного менеджмента» Морица на другие армии Европы имело двойное значение. В Европе таким образом были нейтрализованы преимущества армии Испании, военные возможности начали уравновешиваться и восстановился баланс сил. За пределами Европы эта система позволяла европейцам обучать миниатюрные местные армии для защиты европейских торговых пунктов по берегам Индийского океана. «К XVIII веку такие армии (как бы малы они ни были) демонстрировали несомненное преимущество над громоздкими армиями местных правителей». McNeill (1982: 127–139).

Индустриализация войны по-настоящему началась в 1840-е годы, когда во французском флоте появились броненосцы, на которых были установлены крупнокалиберные пушки, и деревянные военные корабли безнадежно устарели. По мере того как французы строили все более совершенные броненосцы, британцам ничего не оставалось, как пойти тем же путем. Когда же присоединились и другие государства, новая гонка вооружений развернулась с невиданной силой, и ее уже не могли контролировать ни Великобритания, ни Франция.

Поворотным пунктом стала Крымская война (1854–1856). В середине века по всей Европе производство оружия еще оставалось кустарно-ремесленным, как и другие отрасли капиталистического товарного производства. Но в 1855–1870 годах под влиянием Крымской войны эти методы были вытеснены тем, что тогда называли американской системой производства. Главным здесь было применение автоматических и полуавтоматических фрезерных станков для нарезания взаимозаменяемых деталей нужной формы. Эти станки были дорогими и неэкономичными в отношении исходного материала: «Но если было нужно много ружей (или пушек), автоматизация окупалась многократно за счет экономичного массового производства». Британское правительство и бельгийские оружейники первыми стали импортировать американские станки; к 1870 году к ним присоединились Австрия, Франция, Пруссия, Россия, Испания, Дания, Швеция, Турция и даже Египет. В результате межгосударственная конкуренция в поставке стрелкового оружия освободилась от пут ремесленного производства; теперь можно было перевооружить целые армии уже не за десятилетия, а всего лишь за годы; и это ускорение само по себе стало фактором непрерывного совершенствования стрелкового оружия¹.

Одновременно фактором гонки вооружений стало широко-масштабное частное предпринимательство. Главным изобретением, сделанным под влиянием Крымской войны, стало открытие бессемеровского процесса производства стали, что покончило со старыми методами отливки орудий. В противоположность тому, что происходило в производстве малокалиберного стрелкового вооружения, где государственные арсеналы возглавили изменения в трудовом процессе и конструировании производимого вооружения, сосредоточив производство в своих руках и вытесняя

мелкий частный бизнес, в производстве тяжелой артиллерии введение новых методов и материалов осуществлялось большими частными предприятиями, и теперь в их руки перешла та деятельность, которая раньше была сосредоточена в государственных арсеналах.

Таким образом, всемирный индустриализованный бизнес по производству вооружения появился в 1860-е годы. Даже передовым в техническом отношении правительственным арсеналам, как французский, британский и прусский, теперь постоянно бросали вызов частные производители, охотно демонстрировавшие, чем их продукт превосходит то, что выпускается государством. Так что к соперничеству наций добавилась коммерческая конкуренция, ускоряя совершенствование артиллерийских орудий¹.

Крымская война ускорила создание государственных систем железных дорог по всей континентальной Европе. Эта война продемонстрировала, что установка паровых двигателей на судах усиливает преимущества флота сравнительно с сухопутными войсками. Если из Франции и Англии войска и поставки для армии по морю доходили до Крыма за три недели, то русские войска и поставки из Москвы нередко добирались до фронта три месяца. Кроме того, из-за блокады англичан русские не могли получать по морю оружие, как не могли экспортировать зерно и другие товары в оплату поставок по импорту, пусть даже они шли сухопутным путем. Так что строительство в стране надежной системы железных дорог стало неотъемлемой частью военно-государственной деятельности не только в России, но также в Центральной и Южной Европе, и постепенно стало истинной манией европейских правительств. В 1850–1870 годах в Европе было проложено 50 тысяч миль новых дорог, а за все время до того — только 15 тысяч. Развитие железных дорог в Европе, в свою очередь, стало важнейшим, по сути, единственным, фактором

¹ Это было лишь начало длительного процесса, в ходе которого предприятия стали участвовать в гонке вооружений и сами изменялись под ее влиянием: «Поскольку фирмы по производству оружия вводили одну новую технологию за другой: сталелитейное производство, промышленную химию, электронику, передачу информации по радио, турбины, дизели, новую оптику, калькуляторы-счетчики (для контроля действий артиллерии), гидравлические машины и тому подобное — они превращались в гигантские бюрократизированные квазигосударственные структуры». McNeill (1982: 237, 241, 292).

сокращения промышленного разрыва между Великобританией и континентальными европейскими государствами¹.

Индустриализация войны дала новый могучий импульс саморазворачивающемуся циклу, при котором европейский милитаризм поддерживал экономическую и политическую экспансию за счет других стран и народов и сам ею поддерживался. По мере того как пароходы и железные дороги уничтожали естественные географические препятствия и сокращали расстояния, «в одной части света, а потом в следующей становился очевидным вопиющий разрыв военных возможностей европейцев и местного населения». Вновь обретенная «почти что монополия на стратегические коммуникации и транспортировку вкупе с быстроразвивающимся вооружением всегда намного превосходили то, что имели в своем распоряжении местные воины», и имперская экспансия становилась «столь же легкой и дешевой для европейцев, сколь катастрофической она была для азиатов, африканцев и жителей Океании»².

Четвертое наблюдение, касающееся связи капитализма, индустриализма и милитаризма, состоит в том, что для обеспечения военного преимущества необходимо контролировать мировую ликвидность. В этом отношении шумпетеровские капиталисты действуют удачнее, чем мелкие предприниматели. Так, большое количество ликвидности, скопившейся у британцев или прошедшей через их руки в XIX веке, было действенным инструментом

¹ Kennedy (1987: 174); McElwee (1974: 106–110); Landes, (1969: 201–202). Как утверждает Клайв Требилкок (Clive Trebilcock), государственные расходы на производство вооружения в 1890–1914 годах так же повлияли на экономику европейских стран, как до этого повлияло строительство железных дорог. Цит. по: McNeill (1982: 292).

² McNeill (1982: 143, 257–258). Как мы уже отмечали, дешевизна британского империализма в Викторианскую эпоху объяснялась в первую очередь тем, что из Индии принудительно извлекались деньги и людские ресурсы. Для Индии главный эффект индустриализации войны проявлялся в возможности оказывать все более действенное сопротивление. Если в конце XVIII века британская армия в шесть-семь раз превосходила силами индийскую, то к 1840-м годам британцам уже приходилось выставлять столько же солдат и превосходящую силу артиллерии, чтобы нанести поражение индийской армии. См.: Marks (2007:153) и Curtin (2000: ch. 2). О некоторых катастрофических аспектах имперской экспансии европейцев для народов мирового Юга см.: Davis (2001).

в конкурентной борьбе не только на товарных рынках, но и в гонке вооружений. С середины 1840-х и до конца 1860-х самые важные технологические прорывы в строительстве военных кораблей делала Франция. Однако для внедрения этих новшеств на флоте Великобритании выделяла несравнимо больше средств, чем Франция, так что «королевский флот сравнительно легко догонял французский по техническим характеристикам и превосходил его количественно всякий раз, как французы вносили изменения в конкурентную базу»¹. Эта модель гонки вооружений XIX века впервые и с величайшим успехом была применена капиталистической диаспорой генуэзцев за три столетия до того (о чем мы уже писали в главе 8), когда они в полной мере воспользовались тем, что совершили их иберийские партнеры, открывшие для европейцев новые торговые пути и континенты. Эта модель снова была задействована в соревновании Соединенных Штатов с СССР во время холодной войны. Важнейшим технологическим нововведением этого периода был запуск Советами спутника в октябре 1957 года, однако это достижение решительно померкло в тени космической программы, начатой США в 1961 году, программы, получившей колоссальное финансирование, какое было совершенно недоступно для СССР.

Итак, конкурентная борьба между странами за контроль над мировыми ресурсами была неотъемлемой составляющей капиталистической конкуренции как движущей силы «бесконечного» накопления власти и капитала на путях европейского развития. А гонка вооружений стала главным источником бесконечных инноваций, непрерывно порождавших все новые и все более масштабные пространственные конфигурации торговли и производства, сменявшие устаревающие. При этом особый капиталистический характер европейского пути развития определялся тем, что контроль над мировыми финансовыми ресурсами был решающим преимуществом в борьбе за все прочие ресурсы. И хотя индустриализм с самого начала был неотделим от этого пути развития, сама промышленная революция была «промежуточной», а не «независимой» переменной: результатом двух или трех столетий взаимодействия финансового капитализма, милитаризма и империализма, проверившим действенность этой смеси. Больше того, как только индустриализация стала главным определяющим фактором военной мощи, положительная обратная связь обогащения и усиления на

¹ McNeill (1982: 227–228).

европейском пути развития начала истощаться. Борьба европейцев за территории, необходимая для создания и поддержания конкурентоспособных военно-промышленных комплексов, вышла из-под контроля и открыла путь «восстанию против Запада» первой половины XX века, отчего территориальная экспансия стала гораздо дороже, а доходы от нее сократились. Одновременно произошедшие перемены спровоцировали перенос средоточия власти дальше на запад и на восток по направлению к двум огромным государствам, которые уже приобрели достаточно территории, чтобы создать и поддерживать конкурентоспособные военно-промышленные комплексы. В результате необратимо изменилась структура глобализованной европейской системы, описанной Дейо в приведенном в начале этой главы отрывке.

В рамках этой новой системы мировой военный потенциал приобрел вид эффективной двухполярности (США и СССР), но гонка вооружений продолжалась с удвоенной силой под действием политики устрашения, а не равновесия. Как пишет Макнил, «с появлением атомного оружия разрушительность вооружения, создаваемого людьми, достигла нового, самоубийственного уровня, в немыслимой степени превосходя все, что было известно раньше». Причем разрушительная сила новых вооружений еще возросла, когда после 1957 года были установлены сотни межконтинентальных ракет, так что Соединенные Штаты и СССР могли уничтожить друг друга буквально в считанные минуты. Подписание в 1972 году Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) сроком на пять лет позволило установить политическое равновесие между двумя сверхдержавами на основе равного доступа к «средствам устрашения», но не остановило гонки вооружений. Теперь гонка шла «в тех видах оружия, которые не были упомянуты в договоре, поскольку их еще не существовало на момент его подписания»¹.

В научных разработках новых систем вооружения — даже больше, чем при индустриализации войны, — сверхдержава, располагающая бо льшими финансовыми ресурсами в глобальном масштабе, может обратить политическое равновесие на основе равного доступа к «средствам устрашения» к своей выгоде, расширяя эти разработки (или грозя их расширить) до такой степени, кото- 303

рая просто невозможна для другой сверхдержавы. Именно это пределали Соединенные Штаты в 1980-х годах, так что СССР

¹ McNeill (1982: 360, 368, 372–373).

обанкротился, а тенденция к централизации мирового военного потенциала достигла предела. Но если обращение богатства Америки в источник власти было сравнительно легким делом, то обращение воспоследовавшей почти полной монополии на мировой военный потенциал в источник обогащения было гораздо большей проблемой.

Для анализа связи богатства и власти нам будет полезнее воспользоваться не представлением Смита (об ограничении власти, приносимой богатством, покупательной способностью), а первоначальным представлением Гоббса (которое приводит и Смит, не воздавая, впрочем, ему должного). Замечание Гоббса, о котором здесь идет речь, в его труде следует за наблюдением: «Иметь слуг есть могущество, иметь друзей есть могущество, ибо все это означает объединенные силы». Из чего выводится следующая максима: «Богатство, соединенное с щедростью, также является могуществом, ибо оно дает друзей и слуг; без щедрости богатство — ничто, ибо в этом случае оно не защищает своих обладателей, а делает их добычей зависти»¹.

И хотя это замечание относится к частным лицам, оно очень пригодится нам для определения меняющейся логики власти капиталистических стран в европейской системе государств. Когда итальянские города-государства впервые открыли капиталистическую логику власти посредством огромного накопления капитала на маленькой территории, часть своего богатства они употребили на приобретение «друзей» и «слуг», но употребили недостаточно и стали добычей более крупных государств, которых они привлекали как союзников в борьбе друг с другом. Употребляя метафорическое выражение де ла Курта, та же судьба постигла и «кошечку Голландию», которая, несмотря на свои более крупные территориальные владения и гораздо более развитые сети торговли и накопления, переживала все более тяжелые времена, с трудом сдерживая «хищников» европейских джунглей. Ситуация изменилась, когда такой хищник, как «лев Англия», стал ведущим капиталистическим государством, привлекая ресурсы своей мировой империи, в первую очередь из Индии, для приобретения союзников и клиентов в расширяющемся европейском мире, в первую очередь в обеих Америках. Но, как и в случае с предшественниками, исключительное богатство английского «льва» вызвало зависть других государств, пошедших вслед за ним по пути индустриализма и

¹ *Hobbes (1968: 150).*

империализма, что повышало стоимость того и другого и снижало доходы от них.

Ситуация изменилась еще решительнее, когда лидером капиталистического мира стали Соединенные Штаты и когда они в попытке сдержать силы национализма и коммунизма приступили к созданию мирового правительства, беспрецедентного в системе государств Запада. Для осуществления этого плана Соединенные Штаты взяли на вооружение идею Гоббса, что «богатство, соединенное с щедростью, также является могуществом, ибо оно доставляет друзей и слуг».

Щедрость, однако, была главным средством укрепления американского «могущества» на ранних стадиях холодной войны; она же превратила Германию и Японию, получивших больше других, в соперников, подрывая самые основы устанавливаемого американцами порядка. Сказанное не означает, что щедрость в межгосударственных отношениях недолговечна и обречена на провал. Мы можем продемонстрировать, как максима Гоббса может оставаться эффективной долгое время и в разных системах и может вернуть свою действенность после периода бездействия, но для этого перенесем наше внимание с европейского пути развития капиталистического производства на восточноазиатский путь рыночного развития — что мы теперь и сделаем в части IV.

Часть IV

Происхождение Нового азиатского века

Глава 10

Проблема «мирного подъема»

«Штормовой центр мира переместился... в Китай. Все понимают, что эта могучая империя... будет влиять на мировую политику следующие пятьсот лет» — такими словами госсекретарь США Джон Хэй (John Hay) провозгласил в 1899 году политику открытых дверей, которая должна была обеспечить Соединенным Штатам такой же коммерческий доступ в Китай, какой был у других великих держав. Цитируя Хэя столетие спустя, бывший постпред США в ООН Ричард Холбрук (Richard Holbrooke) заявил, что сегодня «все по-другому, но ничего не изменилось». «Совершенно иными путями Соединенные Штаты все еще ищут открытые двери; министр финансов и разгневанный Конгресс добиваются от Китая переоценки его валюты, чтобы у американских компаний повысились шансы конкурировать с самой быстрорастущей экономикой мира»¹.

При всем уважении к Холбруку заметим, однако, что сегодня, через сто лет, ситуация изменилась радикально. По правилам ВТО Соединенные Штаты имеют такой же коммерческий доступ в Китай, как и любая другая страна. Более того, вступив в 2001 году в ВТО, Китай «согласился сократить импортные пошлины и открыть рынок быстрее, чем когда-либо обещали новые члены ВТО»; и, несмотря на все трудности, «уложился в сроки и принял необходимые законы»². Но на заре XXI века проблема американско-китайских отношений состоит вовсе не в коммерческом доступе США в Китай. Проблема состоит в том, что теперь Китай, а не Соединенные Штаты — самая быстроразвивающаяся экономика мира, и теперь Китай стремится получить такой же коммерческий доступ в США, как и другие страны. Теперь вопрос не в том, что «штормовой центр» переместился в

¹ R. Holbrooke, *China Makes Its Move*. *The Washington Post*, May 27, 2005.

² H. Winn, Howard, *Accession has Brought Changes to China and WTO*. *International Herald Tribune*, November 7, 2005. Между прочим, Китаю позволили вступить в ВТО, только заручившись его согласием на то, чтобы другие члены ВТО могли ограничивать слишком возросший китайский экспорт текстиля и предметов одежды, который угрожал бы рынкам. В 2005 году Евросоюз и США воспользовались этим соглашением, чтобы навязать квоты на китайский импорт. См.: J. Kanter and K. Bradsher, *A Return to Quotas*. *The New York Times*, November 9, 2005.

Китай — сейчас это верно как никогда. А в том, что зародившийся в Китае «красный ураган», как сформулировал это Лу Доббс (Lou Dobbs) в выпуске CNN 27 июня 2005 года, «обрушился на наши берега».

Вопрос о том, насколько широко должна быть открыта американская дверь для китайского экспорта и инвестиций, назревавший несколько лет, вылился в панику в связи с заявкой китайской нефтегазодобывающей компании National Offshore Oil Company (CNOOC) на покупку американской нефтегазовой корпорации Unocal. И хотя Unocal раньше уже дала согласие на слияние с Chevron, что в конце концов и произошло, 30 июня 2005 года палата представителей приняла резолюцию (при 398 «за» и 15 «против»), согласно которой покупка Unocal китайской CNOOC создаст «угрозу национальной безопасности США». Все кипело эмоциями. Директор ЦРУ при администрации Клинтона назвал CNOOC корпоративным средством транспортировки «коммунистической диктатуры», отчасти повторяя риторику Доббса с его «красным ураганом». Высокопоставленный чиновник из министерства обороны (уже при администрации Рейгана) заявил, что Китай стремится обеспечить себя необходимыми ресурсами и, «вытеснив США, занять место первой в экономическом отношении державы мира, а если понадобится, нанести Соединенным Штатам военное поражение»¹.

Определить, где кончается антикоммунизм холодной войны и начинается беспокойство в связи с появлением нового конкурента, непросто, но паника 2005 года по поводу претензий CNOOC напоминает волнения в связи с «японской угрозой» конца 1980-х. В то время, вспоминает Даг Хенвуд (Doug Henwood), заявляли, что, «разрушив нашу промышленную базу “нечестной” конкуренцией, японцы начали скупать американские активы: правительственные облигации, Рокфеллер-центра и Music Corporation of America (MCA). Угроза того, что у Соединенных Штатов появляется серьезный конкурент в экономике, была реальной... Беспокойство было тем более невыносимым, что угроза эта исходила из Азии. Позднее японский пузырь лопнул, и желтая угроза исчезла. И вот она возвращается, на этот раз с китайским лицом»².

Даже такой обозреватель, как Крутман, за пятнадцать лет до того призывавший американскую общественность не

¹ S. Lohr, *Who's Afraid of China Inc.? The New York Times*, July 24, 2005.

² D. Henwood, *Chinese Shark Attack. The Nation*, July 12, 2005.

паниковать по поводу приобретения японцами американских корпораций, почувствовал, что «китайская угроза гораздо серьезнее японской». Кругман не видел «ничего страшного» в том, что китайцы, кажется, «больше не довольствуются ролью пассивных финансистов [иностранный долг США] и претендуют на власть, которая неотделима от собственности». Напротив, Соединенные Штаты должны чувствовать облегчение, поскольку китайцы покупают американские компании за доллары, не снижая их реальной цены. Однако он усмотрел и отличия китайских инвестиций от японских. Во-первых, китайцы «не проявляют ни малейшего намерения попусту тратить деньги [на престижные инвестиции], как это делали японцы». Соответственно, их инвестиции меньше субсидируют США, чем японские пятнадцать лет назад. Но еще важнее то, что «Китай, в отличие от Японии, кажется, действительно превращается в стратегического соперника Америки в том, что касается дефицитных ресурсов». Вот почему стремление Китая купить глобальную энергетическую компанию Unocal «было не просто деловым предложением».

Unocal — именно та компания, которая нужна Китаю в преддверии «большой игры», когда крупные экономические державы вступят в борьбу за разбросанные по миру запасы нефти и газа. Ведь, покупая компанию, тратишь меньше (денег и жизней), чем вторгаясь в нефтедобывающую страну... Если бы это зависело от меня, я бы блокировал китайцев в сделке с Unocal. Но это нелегко сделать сейчас, когда Соединенные Штаты так сильно зависят от Китая, не только в отношении американских долгов, но теперь и в связи с Северной Кореей, поскольку военные силы США глубоко завязли в Ираке¹.

В этом диагнозе присутствуют все симптомы китайского синдрома, которые мы уже рассматривали в главе 7. Атака 11 сентября дала неоконсерваторам из администрации Буша редкую и долгожданную возможность вторжения в Ирак. При этом преследовались две цели: во-первых, преодолеть вьетнамский синдром и, во-вторых, усилить контроль Соединенных Штатов над мировыми источниками энергии. И хотя из-за начавшихся военных действий в Западной Азии неоконсерваторам пришлось на время отложить кампанию по обузданию Китая, за которую они давно ратовали, они считали, что быстрая и легкая победа в

¹ P. Krugman, *The Chinese Challenge*. *International Herald Tribune*, June 28, 2005.

Ираке будет способствовать возобновлению этой кампании с еще большим успехом. К лету 2004 года, однако, стало ясно: вторжение в Ирак не только не приносит ожидавшегося результата, а напротив, способствует консолидации и дальнейшей экспансии экономической и политической власти Китая в восточноазиатском регионе и за его пределами. В кругах, близких к администрации Буша, начало складываться ощущение, что момент, чтобы сдерживать Китай, упущен и что настало время разработать новый, более реалистичный альтернативный план вместо провалившегося плана неоконсерваторов.

В настоящей главе мы рассмотрим три альтернативных плана и связанные с ними проблемы, а также попытаемся понять, почему американская политика в отношении Китая характеризовалась непоследовательным смещением этих планов. Все три альтернативы были предложены консерваторами, но представляли разные возможности, которые в том или ином варианте могли бы направлять политику Соединенных Штатов независимо от того, какая партия хозяйничает в Вашингтоне. Трудно сказать, какой план окажется действующим. С уверенностью можно сказать лишь то, что антикитайская риторика преодолевает партийные разногласия и что администрация демократов вряд ли отойдет от изложенной здесь политики.

Как примириться с подъемом Китая

Соединенные Штаты взяли за правило посылать Китаю «самые противоречивые» сигналы. «„Можешь играть на капиталистическом поле, но не выбивайся в чемпионы“ — таков смысл американской политики, который, как и давление на Японию в 1980-х годах, представляется в лучшем случае паранойальным, а в худшем — расистским. Нам на Западе можно доверить безмерное экономическое могущество, чего не скажешь о детях младших богов»¹.

Сигналы стали еще более противоречивыми во время паники по поводу планов CNOOC относительно Unocal. «Мы сами дали Китаю деньги, на которые они хотят купить Unocal, — сказал Клайд В. Престовиц (Clyde V. Prestowitz) из администрации Рейгана. — А теперь мы говорим китайцам: пожалуйста, продолжайте инвестировать в наши облигации, но не смейте инвестировать в нефтяные компании. С нашей стороны это

¹ R. Scheer, *On China at least, Nixon was right*. Los Angeles Times, July 26, 2005.

непоследовательно и лицемерно»¹. Более того, законодатели, которые одобрили «создание “упреждающих” запасов нефти (вторых по размерам на планете), теперь оспаривают право Китая потратить заработанные им доллары на покупку американской транснациональной компании». И если азиаты «не чувствуют никакой угрозы от того, что Unocal владеет месторождениями газа на их континенте», то демократы и республиканцы в один голос заявляют, что США имеют право помешать китайцам купить Unocal из соображений национальной безопасности, и это при том, что только у Соединенных Штатов «достаточно военной мощи, чтобы заблокировать добычу нефти или любого другого сырья в мире или снять эту блокаду»².

И противоречивые сигналы, и вся история с CNOOC суть составляющие новой, более агрессивной американской антикитайской политики. Уже на съезде республиканцев в Нью-Йорке в августе 2004 года было заявлено, что «Америка поможет Тайваню защитить себя». Тем же летом военно-морской флот США провел учения Summer Pulse'04, где были одновременно задействованы семь из двенадцати авианосных ударных групп США. И хотя в Тихоокеанский регион были посланы только три авианосные ударные группы, эта демонстрация силы произвела сильнейшее впечатление на китайцев. Чтобы смягчить обстановку, 26 октября госсекретарь Пауэлл на пресс-конференции в Пекине заявил, что «Тайвань не является независимым. Он не имеет суверенитета как отдельная страна, и таковой политики мы будем строго придерживаться и в будущем... Мы не хотим никаких односторонних действий, которые повредили бы желательному исходу, а именно объединению, которого хотят все»³.

Несмотря на недвусмысленное заявление Пауэлла, после ноябрьских выборов и передачи полномочий государственного секретаря от Пауэлла к Райс политика Соединенных Штатов определенно становится агрессивно антикитайской. 19 февраля 2005 года Соединенные Штаты и Япония подписали новый военный договор и выступили с заявлением, в котором Япония впервые присоединилась к американской позиции по безопасности в Тайваньском проливе, провозгласив

¹ Cum. no: Lohr, *Who's Afraid of China Inc.? The New York Times*, July 24, 2005.

² Scheer, *On China at least, Nixon was right*. См. также: A. M. Jaffe, *China's Oil Thirst: Wasted Energy*. *International Herald Tribune*, July 28, 2005.

³ Johnson (2005: 7).

безопасность в Тайваньском проливе «общей стратегической целью». «Для китайских руководителей не было ничего хуже, — замечает Чалмерс Джонсон (Chalmers Johnson), — чем решительный отказ Японии от шестидесятилетнего официального пацифизма и заявление о праве вмешательства в дела в Тайваньском проливе»¹. Официальный печатный орган Китая New China News Agency назвал совместную декларацию беспрецедентной и привел слова одного из высших чиновников министерства иностранных дел: Китай «решительно возражает против того, чтобы Соединенные Штаты и Япония выступали с совместными документами по поводу китайского Тайваня, так как это вмешательство во внутренние дела Китая и покушение на его суверенитет»².

Несколько месяцев спустя, 4 июня, на конференции в Сингапуре Рамсфельд сказал следующее: Китай «кажется, совершенствует ракетные вооружения, что позволит ему поражать цели во многих районах мира», Китай и другими способами «повышает свою способность демонстрировать силу». Затем он задался вопросом: «Поскольку Китаю никто не угрожает, так почему же он наращивает свою военную мощь? Почему продолжает покупать оружие и даже увеличивает военные расходы? Почему продолжается развертывание новейших систем вооружения?» Рамсфельду ответил Майкл Клэр (Michael Klare): «Учитывая, что самолеты и военные корабли Соединенных Штатов постоянно патрулируют побережье Китая; что американские ракеты с ядерными боеголовками нацелены на Китай; что американские базы окружают Китай со всех сторон; и что за последние десять лет Соединенные Штаты поставили на Тайвань новейшее оружие, — учитывая все это, Китай должен был удивиться такому заявлению». Удивился Китай или нет, но заявление Рамсфельда «продemonстрировало возросшую враждебность к Китаю, настолько враждебного отношения в высказываниях официальных лиц США после 11 сентября не было. Так это заявление и было воспринято и американской, и азиатской прессой»³.

Месяц спустя в докладе о боеспособности китайских вооруженных сил враждебность продемонстрировал и Пентагон. Хотя в документе отмечались слабости и преимущества

¹ Johnson (2005: 7).

² Цит. по: M. Klare, *Revving Up the China Threat: New Stage in US China policy*. Japan Focus, October 13, 2005.

³ Klare, *Revving Up the China Threat...*

китайских вооруженных сил, главный упор в нем был сделан на то, что Китай развивает способность вести военные действия за пределами своей территории, бросая, таким образом, вызов всему мировому порядку. «Темпы и размах военного строительства в Китае уже сейчас таковы, что угрожают военному равновесию в регионе, — говорилось в докладе. — Направление модернизации вооруженных сил Китая гарантирует возможность столь масштабных военных действий в Азии — далеко за пределами Тайваня, — что они становятся реальной угрозой современным армиям данного региона». Китайцы немедленно отреагировали. Быстро организовав встречу с американским послом, один из высокопоставленных чиновников министерства иностранных дел заявил, что доклад намеренно распространяет миф о «китайской угрозе»: «Мы видим здесь грубое вмешательство во внутренние дела Китая, а также провокацию с целью поспорить Китай с другими странами»¹.

К тому времени, когда в Конгрессе и в прессе разыгрались страсти в связи с намерением СНООС приобрести Unocal, администрация Буша уже возобновила кампанию по сдерживанию и по возможности возвращению Китая «на место». В этом отношении, однако, администрация, у которой руки были связаны войной с Ираком, отставала от Конгресса с его антикитайскими настроениями, прежде всего спровоцированными торговым дефицитом Соединенных Штатов и якобы нечестными приемами китайцев, ставшими причиной этого дефицита. Это новое обращение администрации к антикитайским инициативам в геополитике вполне можно рассматривать как способ сдерживать давление Конгресса, выступающего за усиление антикитайских мер в экономической сфере.

Именно это имел в виду неоконсерватор Макс Бут (Max Boot), проводя различие между «разумными» и «неразумными» нападениями на Китай. Вот что он пишет: «Неразумные нападки заключаются в жалобах на то, что китайские товары наводнили наш рынок. Однако это проявление недостаточной конкурентоспособности нашей экономики. Вместе с тем замечания Рамсфельда [о том, что Китай слишком много тратит на военные расходы и недостаточно быстро продвигается к “более открытому и представительному правительству”], представляют собой разумные нападки, поскольку быстрое вооружение Китая... [угрожает] Тайваню и может вызвать гонку вооружений, которая

¹ Klare, *Revving Up the China Threat...*

превратит Японию, Южную Корею и Тайвань в ядерные государства». Бут полагает, что по этой причине Китай должен сократить военные расходы (хотя военные расходы Соединенных Штатов в пять–десять раз превосходят китайские) и принять сложившийся в Азии статус-кво, когда гарантом региональной безопасности выступают США¹.

Аргументы Бута вполне укладываются в американскую доктрину национальной безопасности от сентября 2002 года, согласно которой вооруженные силы США «будут в состоянии удерживать потенциальных противников от такого наращивания военного потенциала, который сравнялся бы с военной мощью США или даже превзошел ее». Тем не менее в новых обстоятельствах, когда США запугивают весь мир, а между тем возрастает экономическая зависимость Соединенных Штатов от Китая, администрации Буша в попытках сохранить власть США приходится действовать осторожнее. Вот почему администрация воздерживается от принятия протекционистских решений, которые могут спровоцировать Китай на ответные действия, что вызовет рост процентных ставок и негативно скажется на потребительской активности и на рынке недвижимости. В июле 2005 года нынешний глава Федеральной резервной системы США, тогда занимавший должность председателя Экономического совета при президенте, заявил, что у правительства Соединенных Штатов «нет иного выбора, кроме как проявлять терпение» и создавать такие условия, когда удалось бы поменяться ролями: Соединенные Штаты стали бы в большей степени страной-производителем и даже увеличили экспорт в Азию, вынуждая ее, и в особенности Китай, становиться в большей степени потребителем².

Несмотря на растущую враждебность по отношению к Китаю в геополитическом плане («разумные нападки на Китай» Бута), трудности в Ираке вынуждают проявлять больше реализма даже в этом. Новый «реализм, рожденный в Ираке, в таком дорогостоящем предприятии (в смысле положения Америки в мире и доверия к ней), осложнившем и даже делающим невозможными любые упреждающие действия в войне с терроризмом», скоро стал проявлять себя в «попытках исправить

¹ Цит. по: R. Cohen, *Shaping China's Future Power. The New York Times*, June 12, 2005.

² L. Uchitelle, *China and the U.S. Embark on a Perilous Trip. The New York Times*, July 23, 2005.

ошибки первой администрации Буша путем обращения к союзникам для совместных действий в самых разных регионах: от Ирана до Косово»¹. Однако оказалось, что очень трудно применить этот новый реалистический подход, рожденный Ираком, именно там, где в нем была особая нужда: в отношениях Соединенных Штатов с Китаем. Даже консерваторы не могут договориться между собой о том, в чем именно должен заключаться реализм американо-китайских отношений. Весь объем толкований этого представления можно вывести из совершенно противоположных по смыслу заявлений Роберта Каплана, Генри Киссинджера и Джеймса Пинкертона.

Новая холодная война?

Роберт Каплан (Robert Kaplan) предлагает развивать стратегию Миршеймера: сдерживать Китай посредством «коалиции уравнивания»². Как и Миршеймер, Каплан считает, что Китай неизбежно станет великой державой и в будущем не избежать столкновения интересов Китая и Соединенных Штатов: «Всякий раз, когда появляется великая держава... (из недавних примеров возьмем Германию и Японию начала XX века), она обычно проявляет большую напористость и этим провоцирует беспорядок и обращение к насилию в международных делах. И Китай не будет исключением». Вполне закономерно, по мнению Каплана, что китайцы вкладывают средства в подводные лодки (на дизельном и ядерном топливе)... не только для защиты своих прибрежных шельфов, но и для сопровождения своих судов, которые будут перевозить энергоресурсы со Среднего и Ближнего Востока и из других районов. Естественно, они не доверят этого Соединенным Штатам. Принимая во внимание, что именно поставлено на карту, и памятуя уроки истории о том, что с появлением великих держав, каждая из которых преследует свои вполне законные цели, неизбежно возникают конфликты, можно сказать, что этот будущий военный конфликт станет определяющим для всего XXI века: если не большая война с Китаем, то серия конфликтов в духе холодной войны, которые будут тянуться годами и десятилетиями³.

¹ Cohen, *Shaping China's Future Power...*

² Взгляды Миршеймера мы уже кратко излагали в главе 7 и подробно остановимся на них в главе 11.

³ Kaplan (2005: 50–51).

Чтобы выиграть эту новую холодную войну, Соединенные Штаты «должны действовать крайне осторожно, продуманно и практично, вновь и вновь обеспечивая баланс сил в регионе», не позволяя «увлечь себя либеральным интернационализмом и интервенционизмом неоконсерваторов». Так и было при таких умеренных президентах-республиканцах, как Джордж Буш-старший, Джеральд Форд и Ричард Никсон: умеренный риск — вот что снова должно стать господствующей идеологией. А таких военных авантур, как иракская, следует старательно избегать: «Даже если в Ираке восторжествует демократия, это все же будет победой на грани поражения, какую никому из военных и дипломатов не захотелось бы повторить — в особенности в Азии, где экономические последствия беспорядочной военной авантюры были бы особенно разрушительны... где Соединенные Штаты и Китай... могут продолжать сражаться даже после того, как один проиграет великую битву, или после обмена ракетными ударами». Во избежание столь опасного развития событий Каплан предлагает следовать стратегии сдерживания по Бисмарку, опираясь на Объединенное Тихоокеанское командование ВС США (PACOM). Вслед за немецким журналистом Йозефом Йоффе (Josef Joffe) он считает, что, вторгшись в Афганистан, США поставили себя в положение Пруссии при Бисмарке. Великобритания, Россия и Австрия нуждались больше в Пруссии, чем друг в друге, и стали всего лишь спицами в колесе Берлина. Так и вторжение в Афганистан продемонстрировало, что США могут создавать разные коалиции для разных кризисов, поскольку другие государства больше нуждаются в Соединенных Штатах, чем друг в друге.

К сожалению, Соединенные Штаты не воспользовались немедленно новым соотношением сил, потому что президент Джордж Буш-младший не имел той тонкости и сдержанности, какие Бисмарк считал необходимыми для успешного функционирования предложенной им системы. Вместо этого администрация Буша предприняла вторжение в Ирак, так что Франция, Германия, Россия, Китай и множество более мелких государств, таких как Турция, Мексика и Чили, — все объединились против нас¹.

К счастью, впрочем, бисмаркианский подход все еще имеет приверженцев в Тихоокеанском регионе, «где его поддерживает

¹ Kaplan (2005: 50).

прагматизм наших офицеров на гавайских базах, находящихся за пять часовых поясов от идеологического рассадника в Вашингтоне, округ Колумбия». И в самом деле, как считает Каплан, РАСОМ «представляет гораздо более чистую версию имперской надстройки по Бисмарку, чем все то, что произвела администрация Буша до вторжения в Ирак». Устанавливая двусторонние соглашения по вопросам безопасности со странами, имеющими мало таких соглашений друг с другом, американские военные сформировали Тихоокеанский военный альянс, «географический центр которого сравнительно изолирован — Гавайские острова, — а радиусы расходятся к крупным союзникам, таким как Япония, Южная Корея, Таиланд, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия и Индия. Эти страны, в свою очередь, могут создавать вторичные центры, распространяя наше влияние (среди прочего) на меланезийский, микронезийский и полинезийский архипелаги, а также в Индийском океане»¹.

Возникшая «большая, но гибкая конструкция», не обремененная дипломатической бюрократией, представляет собой действенную замену союзнической системы второй половины XX века: «Вести войну с помощью комитетов и комиссий, как это делается в НАТО, слишком громоздко в наш век, когда необходимо наносить быстрые поражающие удары». Организовывать взаимодействие с военными силами дружественных стран Азии, постоянно переводя американские войска из одного места дислокации в другое, — «лучше того, что делается в НАТО, где к тому же сильно снизилась боеспособность из-за присоединения не отвечающих стандартам армий бывших стран Варшавского блока». Кроме того, «напряженность в отношениях Соединенных Штатов с Европой постоянно препятствует военной интеграции, в то время как союзники в Тихоокеанском регионе, в особенности Япония и Австралия, стремятся к все большему военному сотрудничеству с США, опасаясь развития военно-морского флота Китая». При этом членство в РАСОМ не отменяет членства в НАТО. Напротив, «холодная война на Тихом океане может снова оживить НАТО — и новое обращение к НАТО как к незаменимому инструменту ведения войны должно стать целью Америки».

НАТО — это наше детище, и мы стоим во главе этой организации, в отличие от усиливающегося Евросоюза, собственная оборонительная мощь которого в случае необходимости, несомненно, станет конкурирующей региональной силой,

¹ Kaplan (2005: 51, 54–55).

которая может объединиться с Китаем, чтобы уравновесить силы с нами... НАТО и автономная европейская оборонительная мощь вместе процветать не могут. Успеха добьется только одна сторона — и нам бы хотелось, чтобы это была первая из перечисленных, так что в противостоянии с Китаем Европа для нас — военный актив, а не пассив¹.

Другими словами, представление, будто Соединенные Штаты «покончили с “бесстыдной” игрой в политику силы», «совершенно не соответствует истинному положению дел»: «Нам придется постоянно вести дело к тому, чтобы отрывать от Китая разные регионы мира, как Ричард Никсон отрывал от Советского Союза далеко не безупречные в нравственном отношении страны». Действия будут разворачиваться в Тихоокеанском, а не в Атлантическом регионе, и главным игроком станет РАСОМ, а не НАТО. Но цель игры останется по большей части прежней: «тонко воздействовать на Китай, чтобы со временем втянуть этого поднимающегося исполина в союзническую систему РАСОМ без широкомасштабного противостояния — как в свое время НАТО в конечном счете удалось нейтрализовать Советский Союз». Каплан предостерегает, что усилия Соединенных Штатов в этом направлении «потребуют особой тщательности, потому что Китай, в отличие от прежнего Советского Союза (и от современной России, кстати), обладает не только грубой военной силой, но и иной — мягкой». Организуя деловые сообщества, устанавливая дипломатические представительства, заключая соглашения о торговле и строительстве по всему миру, «китайцы умело проводят свое опосредованное влияние». Больше того, «людям бизнеса нравится идея Китая... свойственное ему смешение традиционного авторитарного стиля и рыночной экономики имеет немалую культурную привлекательность не только в Азии, но и в других частях света. А поскольку Китай постоянно улучшает материальное положение сотен миллионов своих граждан, то и преследование китайских диссидентов продается в мире не так хорошо, как продавалось когда-то преследование в Советском Союзе Сахаровых и Щаранских»².

Предлагаемая Капланом стратегия новой холодной войны, без сомнения, отражает важное идеологическое направление администрации Буша. Например, как замечает один эксперт по азиатской безопасности и бывший высокий чиновник

¹ Kaplan (2005: 64).

² Kaplan (2005: 54).

министерства обороны, «в Пентагоне сейчас в моде словечко “операционная совместимость” Соединенных Штатов и Тайваня». Это сотрудничество уже приближается к восстановлению союзнических отношений, существовавших между Тайванем и США до того, как Вашингтон переключил свою благосклонность на Пекин. И хотя ни Япония, ни Соединенные Штаты не хотят этого признавать, бывший дипломат, сейчас работающий в фонде «Наследие» (The Heritage Foundation), заявляет, что японские и тайваньские вооруженные силы через Тихоокеанское командование США «гораздо шире и активнее обмениваются разведанными, чем кажется на первый взгляд»¹.

Элементы стратегии Каплана можно увидеть, в частности, в том, что сказал, выступая перед сенатским комитетом по делам вооруженных сил 8 марта 2005 года (за три месяца до публикации статьи Каплана), командующий РАСОМ адмирал Уильям Феллон (William Fallon). В ответ на военную модернизацию Китая Феллон призвал продолжать совершенствовать американские противоракетные и противолодочные военные средства одновременно с укреплением Соединенными Штатами военных связей со старыми и новыми союзниками в Азии ради удержания Китая в его собственных границах. План расширения военного сотрудничества с союзниками США в этом регионе он назвал «одной из первейших задач, решив которую, Соединенные Штаты усилят свое влияние, расширят доступ к информации и стимулируют конкуренцию между потенциальными членами коалиции». Военное сотрудничество обычно предполагает поставку оружия и военную поддержку, совместное проведение маневров, регулярные консультации высшего командования и расширение уже существующих военных баз и создание новых. В Японии, например, РАСОМ участвует в совместной разработке региональной системы отражения баллистических ракет; Филиппинам США помогают в реорганизации и модернизации национальных вооруженных сил; в Сингапуре — уже ставшем постоянным местом захода американских авианосцев — «мы пользуемся широким доступом к местным ресурсам». Феллон также рассказал о

¹ M. Dickie, V. Mallet, and D. Sevastopulo. «Теперь Вашингтон, все больше отвлекаясь от Ближнего Востока, задумывается над той опасностью, которой раньше пренебрегал, и администрация Буша считает, что она превосходит даже опасность ядерной программы Северной Кореи». *The Financial Times*, April 7, 2005.

попытках вовлечь в коалицию Индию. «Наши отношения с Объединенным штабом обороны Индии и индийскими вооруженными силами продолжают развиваться, — заметил он, — интересы безопасности США и Индии все больше сближаются, а наше военное сотрудничество развивается в направлении стратегического партнерства»¹.

Можно сделать вывод, что стратегия новой холодной войны Каплана есть не что иное, как развернутая программа действий самого РАСОМ. Однако через три месяца после публикации статьи Каплана Феллон открыто отверг мысль, что основной военный конфликт XXI века будет иметь вид серии конфронтаций в духе холодной войны, которые могут затянуться на годы и десятилетия. «Неужели мы вступим в конфликт из-за подъема Китая? Я так не думаю», — заявил он. «По мере роста они неминуемо воспользуются возросшими экономическими возможностями для усиления своей военной мощи, — сказал он о китайцах. — ...Мы должны признать, что это реальность. Это не игра с нулевой суммой». Несмотря на замечания Рамсфельда относительно мотивов Китая в модернизации его вооруженных сил, Феллон продолжал утверждать, что получил от Вашингтона прямое распоряжение установить сеть контактов с китайским правительством и военными, чтобы добиваться определенных целей в режиме совместных решений, а не через конфронтацию².

Мы не можем с уверенностью сказать, являются ли эти заявления всего лишь показной риторикой, призванной отвлечь внимание от того, что происходит в тени. Но мы точно знаем, что предложенный Капланом путь не единственный позволяющий вернуться к реалистичной политике умеренных президентов-республиканцев, как Никсон, Форд и Буш-старший. Идеальный отец этого реализма предлагал совершенно иной путь.

Идти к адаптации и приспособлению?

Хотя Каплан сам подчеркивал, что современный Китай и бывший Советский Союз решительно несхожи, вся его стратегия построена на том, что Китай, как некогда Советы, в конечном счете будет представлять собой военную угрозу, эффективным

¹ Klare, *Revving Up the China Threat...*

² E. Cody, *Shifts in Pacific Force. U.S. Military to Adapt Thinking. The Washington Post, September 17, 2005.*

средством борьбы с которой станет умелое манипулирование системой военных альянсов в Тихоокеанском регионе (а не в Атлантическом). В статье, которая была опубликована примерно в то же время, что и статья Каплана, Киссинджер выдвинул совершенно отличный от каплановского реалистичный подход. Киссинджер соглашается, что «центр тяжести мировых проблем перемещается из Атлантики в район Тихого океана», но не согласен с тем, что стратегическая конфронтация с Китаем неизбежна.

Такое предположение не только неверно, но и опасно. Из истории Европы XIX века мы знаем, что великие державы в конце концов начинают силой защищать свои интересы. Причем каждая затевавшая войну страна полагала, что война будет короткой и укрепит ее стратегические позиции¹. Но невозможно строить подобные расчеты в современном глобализованном мире, напичканном ядерным оружием: «Война между великими державами станет катастрофой для всех ее участников, победителей не будет». Более того, «Китаю вовсе не свойствен тот военный империализм», который подвиг Германию бросить вызов Великобритании, наращивая свой флот, затем постараться унижить Россию в боснийском вопросе 1908 года и Францию в двух марокканских кризисах 1905-го и 1911 годов.

Клаузевица, главного стратега Запада, занимали подготовка и проведение решающего сражения. Китайский стратег Сунь Цзю был озабочен психологическим ослаблением противника. В достижении своих целей Китай действует путем тщательного изучения, терпения и рассмотрения мельчайших подробностей — и очень редко рискует пойти на открытое и решительное столкновение².

К тому же Китай не Советский Союз. Советский Союз был наследником имперской традиции, приведшей к тому, что небольшой регион Москвы превратился в громадную империю от Центральной Европы до Владивостока: «А китайское государство остается в своих нынешних границах уже примерно две тысячи лет». Еще важнее то, что, подтверждая свои намерения сотрудничать, а не бросать военный вызов, Китай лишь отражает сложившуюся ситуацию, когда «даже при возросших показателях

¹ H. A. Kissinger, *China: Containment Won't Work*. *The Washington Post*, June 13, 2005.

² Kissinger, *China: Containment Won't Work...*

военный бюджет Китая составляет меньше 20% американского... и едва превосходит (или, может быть, даже не превосходит) военный бюджет Японии и... уж конечно, значительно меньше военных бюджетов Японии, Индии и России (соседей Китай), вместе взятых, не говоря уже о военной модернизации Тайваня, поддерживать которую США решили в 2001 году... Так что в ближайшем будущем Китай если и бросит вызов, то не военный, а политический и экономический»¹.

Киссинджер считает «очень неразумным» использовать в отношении Китая политику военного сдерживания (подобную политике времен холодной войны), как предлагает Каплан. К тому же холодная война с Соединенными Штатами может действительно оказаться «катастрофической... для повышения жизненного уровня [китайцев], что, собственно, обеспечивает легитимность нынешнего правительства». Холодная война с Китаем не принесет никакой выгоды и Соединенным Штатам: «У нас поубавится сторонников в Азии. Азиатские страны будут и дальше торговать с Китаем. Что бы ни случилось, Китай не исчезнет». Так что в интересах Соединенных Штатов, сотрудничая с Китаем, поддерживать стабильность международной системы. Здесь, добавляет Киссинджер, важны психологические факторы. Китаю нужно быть осмотрительным в том, чтобы не вытеснять Америку из Азии, а также учитывать, какое значение придают американцы соблюдению прав человека... Америке нужно понимать, что покровительственный тон воспринимается Китаем как империалистический и что он не уместен в отношении страны, которая уже четыре тысячи лет непрерывно имеет независимую власть².

Удивительно, но взгляды Киссинджера сопоставимы с китайской доктриной *heping jueqi* (мирное наращивание мощи). Эта доктрина было впервые представлена в 2003 году на азиатском форуме в Боао — этом китайском варианте Давоса. В основу было положено проведенное по поручению Политбюро КПК историческое исследование того, как именно создавались великие державы и какие реакции вызвал этот процесс. Сама доктрина была предложена как прямое опровержение представления о «китайской угрозе» и как пропагандистское наступление в ответ на американскую стратегию окружения Китая кольцом военных баз и военных договоров в рамках обеспечения

¹ Kissinger, China: Containment Won't Work...

² Kissinger, China: Containment Won't Work...

безопасности нескольких союзников. Центральное положение этой доктрины заключалось в том, что Китай может избежать (и избежит) того пути агрессии и экспансии, по которому обычно шли развивающиеся страны. По словам Чжэн Бицзяня (Zheng Bijian), одного из создателей и главного сторонника этой доктрины, «Китай не пойдет по тому пути, по которому пошла Германия в Первую мировую войну, по которому пошли Германия и Япония во Второй мировой войне, — то есть по пути изъятия ресурсов силой и обеспечения своей гегемонии в мире»¹. Как сформулировал один исследователь из финансируемой государством организации, «Китай намеревается расти и двигаться вперед, не разрушая установившегося порядка. Мы стараемся развиваться на благо наших соседей»².

Со времени своего появления формула «мирный подъем» подвергается нападкам с разных сторон как внутри Коммунистической партии, так и вне ее. На одном полюсе находятся те, кто, следуя максиме Дэн Сяопина («Китай должен скрывать свою исключительность»), считает, что само слово *подъем*, пусть и *мирный*, предполагает наличие китайской угрозы. На другом полюсе находятся те, кто возражает против определения *мирный*, полагая, что в этом Соединенные Штаты и Тайвань увидят молчаливое согласие на ущемление Китая: «Между этими двумя полюсами затаилось политическое руководство»³. Хотя от формулировки *мирный подъем* потихоньку отказались, заменив его словами *развитие* и *мирное сосуществование*, сама доктрина не исчезла и дала о себе знать, например, в провозглашении президентом Ху Цзиньтао (2004) принципа «четырех “нет”» («нет» всемирной гегемонии, «нет» применению силы, «нет» блокам, «нет» гонке вооружений) и «четырех “да”» («да» укреплению доверия, «да» сокращению противоречий, «да» развитию сотрудничества и уклонению от конфронтации)⁴. Китайские руководители не видят противоречия между доктриной «мирного развития» и своей решимостью развивать вооруженные силы. Развитие вооруженных сил представляется им

¹ Цум. no: M. Leonard, *China's Long and Winding Road*. Financial Times, July 9–10, 2005.

324 ² Цум. no: Y. Funabashi, *China is Preparing a Peaceful Ascendancy*. International Herald Tribune, December 30, 2003.

³ Leonard, *China's Long and Winding Road*...

⁴ Цум. no: M. Bulard, *China: Middle Kingdom, World Centre*. Le Monde Diplomatique, August, 2005.

неотделимым от общего развития страны, а также естественным ответом на унижительное поражение в Опиумных войнах середины XIX века, на грубое японское вторжение и оккупацию 1931–1945 годов. «Национальная политика обороны Китая — это самооборона», — заявил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао (Wen Jiabao) в апреле 2005 года. «Последние сто лет Китай страдал от других. Сам Китай не послал ни единого солдата и не занял ни дюйма чужой территории»¹.

Ху Цзиньтао вновь заявил о приверженности Китая «мирному развитию» во время своего посещения ООН в сентябре 2005 года, подчеркивая те трудности, которые возникают в борьбе за процветание страны с населением 1,3 млрд человек. Как сообщают американские официальные лица, эти трудности и весь созданный образ произвели большое впечатление на Буша². Тем не менее в развернутом заявлении администрации Буша по Китаю, сделанном вскоре после визита, заместитель госсекретаря Роберт Зеллик (Robert Zoellick) сказал, что Соединенные Штаты очень обеспокоены: «Неопределенность относительно того, как Китай использует свою возросшую силу, вынудит Соединенные Штаты, а также другие страны сократить отношения с Китаем... Многие страны надеются, что Китай будет неотступно следовать по пути “мирного подъема”, но ни одна не строит на этом своего будущего». Признавая, что «Китай не желает вступать в конфликт с Соединенными Штатами», он перечисляет критерии оценки поведения Китая. Среди прочего: раскрыть размеры расходов Китая на оборону, намерения и доктрину; шире открыть рынки, включая финансовые; проявить нетерпимость к «беззастенчивому воровству интеллектуальной собственности и изготовлению подделок»; обеспечить согласие Северной Кореи на прекращение разработки ядерного оружия, поддержать усилия, направленные на прекращение ядерных программ в Иране и пообещать больше

¹ *Dickie, Mallet and Sevastopulo, Washington is turning its attention from the Middle East...* Здесь Вэнем овладела благодетельная забывчивость, и он не вспомнил ни китайского вторжения в Индию в начале 1960-х годов, ни вторжения во Вьетнам в конце 1970-х. Тем не менее, как мы увидим в главе 11, представление о том, что Китай страдал от других (в особенности от Японии и стран Запада), действительно соответствует истории этой страны от Опиумных войн до создания КНР.

² *P. Baker and P. P. Pan, Bush's Asia Trip Meets Low Expectations. The Washington Post, November 21, 2005.*

денег на Афганистан и Ирак; остановить действия, направленные на завоевание «ведущего положения» в Азии путем заключения союзов с отдельными странами; ускорить политическое реформирование, проведя выборы на местном уровне, и «прекратить преследование журналистов, указывающих на эти нерешенные проблемы»¹.

Многочисленность этих критериев в списке Зеллика — какие-то из них невозможно проверить, другие никогда не будут достигнуты — свидетельствует о том, что США обеспокоены, но не имеют продуманной программы действий. Отсутствие конкретной продуманной программы проявляется и в том, что правительство США посылает Китаю противоречивые сигналы. Во время своего визита в Китай в октябре 2005 года министр финансов Джон Сноу (John W. Snow), который неоднократно критиковал отказ Китая от более свободного, плавающего курса юаня, похвалил пятилетний план, только что принятый Компартией Китая, как «план, который не только принесет пользу Китаю, но и послужит на благо всего мира». В особенности он одобрял намеченную в этом плане цель сократить огромный разрыв между уровнем жизни горожан и сотен миллионов китайских крестьян, потому что, если уровень жизни крестьян хотя бы немного вырастет, они, возможно, станут покупать больше американских товаров, и дефицит в торговле Соединенных Штатов с Китаем сократится².

Вскоре после отъезда Сноу в Пекин приехал сам Рамсфельд. Продолжая критиковать Китай за растущие расходы на оборону, он заключил со своими китайскими партнерами соглашение «совместными усилиями поднять на новый уровень китайско-американские военные связи, включая всеобъемлющие двусторонние отношения». Впрочем, говорят, что Рамсфельд, публично выступая с критикой китайского руководства, пытался продать Китаю американское оружие³.

Противоречивость посылаемых сигналов свидетельствует о трудностях, с которыми столкнулись США, когда поколебалась вера в военную мощь американцев в Ираке и Соединенные Штаты уже не могли держать под контролем или обращать

¹ G. Kessler, *U.S. Says China Must Address Its Intentions*. *The Washington Post*, September 22, 2005.

² T. Sakai, *Hu Jintao's Strategy for Handling Chinese Dissent and U.S. Pressure*. *Japan Focus*, November 20, 2005.

³ Sakai, *Hu Jintao's Strategy for Handling Chinese Dissent and U.S. Pressure...*

себе на пользу китайский «мирный подъем». После провала в Ираке от американской политики требуется больше реализма. При этом Соединенным Штатам все труднее находить союзников для военного сдерживания Китая, как это предполагалось, например, стратегией новой холодной войны Каплана. Достаточно упомянуть события, связанные с Сингапуром, который Каплан называл лучшим союзником США по РАСОМ-коалиции. Как объяснил декан Школы общественных отношений имени Ли Кван Ю в Сингапуре Кисоре Мабухани (Kishore Mahbuhani), присоединение Сингапура к РАСОМ не означает поддержки американской политики, направленной на дестабилизацию Китая. Напротив, как и многие другие в Восточной Азии, он считает, что прекращение коммунистического правления в Китае выпустит на волю опасные националистические силы, грозящие конфликтом всему региону¹.

Неудивительно, что попытки США окружить Китай системой военных альянсов провалились. Да, военные и разведывательные связи США с Вьетнамом и Индией укрепились. Но еще больше укрепились связи этих двух стран с Китаем. Одновременно после многолетней вражды с Китаем и продолжительного союза с Соединенными Штатами Индонезия заключила союз стратегического партнерства с Пекином, что президент Ху Цзиньтао оценил как начало «новой эры» в отношениях двух стран. Улучшились и отношения с Южной Кореей. Во время своего визита в эту страну в ноябре 2005 года президент Буш был глубоко оскорблен заявлением Сеула о намерении вывести из Ирака треть своих войск, причем в то же самое время президента Ху Цзиньтао приветствовали в южнокорейском парламенте овациями стоя. Затем последовало заявление, что отношения Южной Кореи и Китая вступили в «лучший период за всю историю»². И только Япония еще больше укрепила свои военные связи с США. Впрочем, эти укрепившиеся связи изолируют не Китай, а Японию. Вкупе с бестактными ежегодными визитами премьер-министра Коидзуми в храм Ясукуни, который многие считают символом японского милитаризма, они стоили Японии столь желанного для нее

¹ M. Vatikiotis, *U.S. Sights are back on China*. *International Herald Tribune*, June 7, 2005.

² Cody, *Shifts in Pacific Force... E. Nakashima, Vietnam, U.S. to Improve Intelligence, Military Ties*. *The Washington Post*, June 17, 2005; J. Burton, V. Mallet, and R. McGregor, *A New Sphere of Influence: How Trade Clout is Winning China Allies Yet Stocking Distrust*. *The Financial Times*, December 9, 2005.

места постоянного представителя в Совете Безопасности ООН, а также отмены (в декабре 2005 года) трехсторонней встречи с Китаем и Южной Кореей, ежегодно проводившейся в рамках встреч АСЕАН с 1999 года. Возможно, именно поэтому замену Коидзуми на посту премьер-министра Японии вновь избранным Синдзо Абэ (Shinzo Abe) приветствовали не только в азиатских столицах, но и в Японии, видя в этом событии начало новой эры сотрудничества Китая и Японии¹.

Будучи полной противоположностью стратегии Каплана, соединение тактики приспособления китайской мощи и применения политико-экономических механизмов сдерживания (как предлагал Киссинджер), без сомнения, больше нравится реальным и потенциальным союзникам США, но хуже «продается» американскому электорату. Практически единогласное голосование против китайской заявки на покупку Upocal в палате представителей было всего лишь одним из многих свидетельств того, что в Конгрессе антикитайские настроения, не зависящие от партийности, сильнее, чем в администрации Буша². Синофобия вообще имеет давние традиции в американской массовой культуре. Но ее внезапное возрождение в начале XXI века было спровоцировано осознанием того, что Китай, а не Соединенные Штаты, больше выигрывает от проекта глобализации, который сами же Соединенные Штаты и

¹ B. Wallace, *Japan Looks at Ridding Military of its Shackles*. Los Angeles Times, November 23, 2005; T. Shanker, *U.S. and Japan Agree to Strengthen Military Ties*. The New York Times, October 30, 2005; Burton, Mallet and McGregor, *A New Sphere of Influence...* V. Mallet, *Japan's Best Chance to Strike a Deal with China*. The Financial Times, September 28, 2006.

² G. Dintmore, A. Fifield, and V. Mallet, *The rivals*. The Financial Times, March 18, 2005. Другим проявлением тех же настроений стала борьба между Конгрессом и администрацией президента по поводу новых тарифов на китайский импорт с целью принудить Китай ревальвировать юань относительно доллара. В апреле 2005 года контролируемый республиканцами Сенат проголосовал (67 против 33) за поправку, предложенную сенатором-республиканцем Чарльзом Шумером (Charles Schumer) и сенатором-республиканцем Линдсеем Грэмом (Lindsey Graham), о введении 27,5-процентного тарифа на китайский импорт, если Китай не изменит своей валютной политики. И хотя администрация убедила Шумера и Грэма отозвать поправку, под давлением Конгресса начались переговоры с Китаем об ограничении его экспорта в США. E. Andrews, *Bush's Choice: Anger China or Congress Over Currency*. The New York Times, May 17, 2005.

продвигали в 1980–1990 годах. И ожидать, что дальнейшая экономическая интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе обратит ситуацию в пользу Соединенных Штатов, — значит хотеть слишком многого от нынешней конкурентоспособности американской экономики. И хотя большинство членов Конгресса в такую возможность верит, мало кто соответствующим образом поступает, подрывая действенность стратегий, направленных на приспособление «мирного подъема» Китая.

Третий радующийся?

Именно такие соображения приводятся в поддержку еще одного варианта исключительно реалистической политики Соединенных Штатов в отношении Китая. Пинкертон в своей книге *The American Conservative*, как и Киссинджер, критикует стратегии военного сдерживания — включая стратегию RACOM—Каплан.

Для нашего времени характерно представление, будто Китай, как некогда Германия кайзера Вильгельма II, представляет собой поднимающуюся державу, ищущую себе «место под солнцем». Если это верно, то неизбежно встает вопрос, как сдерживать китайцев. В случае с Германией дважды потребовался грандиозный союз Франции, Великобритании, России и Соединенных Штатов, чтобы обуздать Берлин. Посмотрим, смогут ли Соединенные Штаты собрать когда-нибудь столь же могучий союз, чтобы сдерживать Китай¹.

Пинкертон считает, что пока такой возможности нет. Больше того, по его мнению, даже попытка организовать подобную коалицию спровоцирует ужасную войну с Китаем. Однако он критически относится и к альтернативной стратегии приспособления. Прямо не указывая на Киссинджера, он называет такую стратегию «новоангелизмом», имея в виду утверждение Нормана Ангелла (Norman Angell, 1910), что война устарела. Ангелл, как и современные «глобалисты-догматики», объяснял эту якобы «устарелость» войны следующими причинами: во-первых, страны, связанные друг с другом экономическими узами, вынуждены сотрудничать и в политике, а во-вторых, военная и политическая власть больше не обеспечивают коммерческих преимуществ. Так что «новоангелизм», несмотря на всю привлекательность для бизнеса, ошибочен в своей основе.

¹ Pinkerton (2005: 5).

Главный недостаток этой теории состоит в том, что она не учитывает наличия системы аутсорсинга. В поддержку своего взгляда на аутсорсинг как на необходимый элемент конкурентоспособности США Пинкертон приводит слова одного из руководителей крупной американской транснациональной корпорации, который сказал ему: «Назовите мне такую компанию, которая не разместила своего производства в Китае, и я назову вам компанию, которая не выдержит конкуренции». В то же время, однако, он недооценивает сильнейшего обратного действия аутсорсинга в Соединенных Штатах — страх рабочих потерять работу и в особенности ослабление национальной безопасности страны: когда Америка станет полностью постиндустриальной, она не сможет производить все, что необходимо для ведения войны. Пентагон пока еще старается поддерживать хоть какую-то собственную промышленную базу... Но если современные тенденции будут развиваться и дальше, то китайцы скоро смогут просто перекрывать кислород нашей экономике, так что мы не сможем воевать с Китаем, даже если захотим или/будем вынуждены, а для самих китайцев война станет тем бо льшим искушением.

Приводя затем высказывание британского политика консервативного толка Лео Эмери (Leo Amery), «который постоянно спорил с Ангеллом и с другими “глобалистами-догматиками”», он напоминает: Эмери предостерегал, что меркантилистская политика «разорения соседа», ставшая экономической стратегией Германии в противоположность ангелистскому подходу Великобритании, давала кайзеру опасные преимущества в военном производстве. «Успех будет на стороне тех стран, у которых будет наибольшая промышленная база», — предсказывал Эмери и добавлял, что победить других могут лишь те, у кого «есть сильная промышленность, а также преимущества науки и технологий». Как заметил однажды Уинстон Черчилль, в кабинете которого Эмери состоял во время Второй мировой войны, страна, ведущая войну, нуждается в соответствующих инструментах, чтобы справиться с этой работой¹.

Второе упущение состоит в том, что ангелизм «политически неприемлем для американских ястребов, точащих клюв на Пекин». Несомненно, «большинство из списка Fortune 500 наймут лоббистов, чтобы не закрывать торговые пути на

¹ Pinkerton (2005: 8).

восток», и тем не менее «никакие лоббисты с Кей-стрит не смогли потушить пожар антикитайских настроений в связи с попыткой Китая купить Unocal».

Если речь идет о вопросах статуса и главенства, то побеждают холодные, расчетливые, всегда следующие изменчивому общему мнению в ущерб рациональному мышлению — и поднимают голову национализм, ксенофобия и другие примитивные проявления кровожадной первобытности. Результат вполне предсказуем: новоангелизм будет побежден, как был побежден и сам Ангелл девяносто лет назад¹.

Итак, стратегия военного сдерживания приведет к катастрофической войне с Китаем, потому что, «долго изображая что-то, добьешься того, что оно случится». А «прибегая к стратегии новоангелизма, Вашингтон проиграет националистически-милитаристскому лагерю, и тот, двигаясь вспять, дойдет до катастрофической войны с Китаем». «Так что же делать? — спрашивает Пинкертон. — Неужели Америке остается только милитаристский шовинизм или наивный ангелизм?»² Лучше применить, заявляет он, двойную стратегию. Вслед за Майклом Линдом (Michael Lind) он предлагает сдерживать Китай на геополитическом фронте стратегией баланса сил.

Великобритания веками использовала соперничество европейских государств. Так что если Британия переигрывала Бурбонов, Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых, может быть, и США смогут извлечь выгоду из неизбежного соперничества азиатских государств. Ведь, вообще-то, Америке просто повезло, что ей никто не угрожает в Южном полушарии, и, наверное, так будет продолжаться еще долго. Другое наше везение состоит в том, что три гигантские державы — Китай, Индия и Япония — располагаются рядом друг с другом, так же как Испания, Франция, Голландия и Германия³.

Вместо прямой конфронтации с развивающимися азиатскими державами Соединенные Штаты должны играть на их взаимных противоречиях. Как подсказывает нам латинское выражение *tertium gaudens* — «третий радующийся»⁴, — вместо того, чтобы ввязываться в драку, иногда лучше, стоя в

¹ Pinkerton (2005: 8–9).

² Pinkerton (2005: 6–7, 9).

³ Pinkerton (2005: 9).

⁴ Третье лицо, извлекающее пользу из борьбы двух противников; двое дерутся к удовольствию третьего, одинаково враждебного обоим.

сторонке, держать одежду дерущихся. Национальным интересам Соединенных Штатов отвечает такая Азия, «где Китай, Индия, Япония или любой другой “тигр” борются друг с другом за власть, пока мы будем наслаждаться счастливой участью стороннего наблюдателя»¹.

Для успешного проведения данной стратегии необходимо найти реалистическое решение проблемы Тайваня. Во избежание войны Китай воссоединится с Тайванем, как некогда американский Юг соединился с Севером после Гражданской войны: «Федеральное правительство в Вашингтоне... не одобрит, если какая-нибудь иностранная держава захочет поддержать “раскол Ричмонда”... Обратившись к прямой и честной Realpolitik, США должны посоветовать Тайпею “вернуться на родину” мирным путем Гонконга/Макао». Разрешив проблему Тайваня, Соединенные Штаты начнут извлекать выгоду из своего нового положения, а не оплачивать конфликты между тремя великими азиатскими странами: «В таком случае, если, например, Япония пойдет по пути ядерного вооружения... то такое перевооружение Японии будет проблемой азиатских государств, а не нашей. Лучше уж быть счастливым наблюдателем схватки азиатов, чем ее главным участником»².

Но чтобы стать таким «третьим радующимся» и получить выигрыш в геополитике, надо кое-что изменить внутри страны: «Американцы должны перестать обманывать себя, будто теперешний бум внутреннего рынка недвижимости... надолго обеспечит нам геополитическое первенство». Такое первенство можно обеспечить только новым (в духе XXI века) «Отчетом о мануфактурах» (подобным тому, что представил в XVIII веке Александр Гамильтон), то есть определением, какие именно отрасли промышленности являются важнейшими для национальной безопасности, а затем проведением «сознательной технологически-промышленной политики с тем, чтобы именно эти важнейшие отрасли оставались на плаву». И хотя такая политика неогамильтонства повысит цены на потребительские товары, ставки процента и, возможно, плохо отразится на фондовой бирже, все же это будет «невысокой ценой за действительную национальную безопасность». Пинкертон признает, что предлагаемая им двунаправленная стратегия пока не воспринимается ни американскими

¹ Pinkerton (2005: 1).

² Pinkerton (2005: 9–10).

политиками, ни обществом. Он лишь надеется, что когда прозвучит «сигнал тревоги, он не будет слишком ужасным. Надо отказаться от плохой политики, хотя, к сожалению, чтобы привлечь внимание политиков и общества, обычно нужно пережить поражение»¹.

У этой стратегии «третьего радующегося» есть гораздо более важные прецеденты в истории США, помимо тех, что заметил Пинкертон. По его мнению, Соединенные Штаты использовали эту стратегию в 1901–1909 годах — главным образом при президенте Теодоре Рузвельте². На самом деле, как мы старались показать в главе 8, на протяжении всего XIX века и особенно в первой половине XX века Соединенные Штаты очень выигрывали от конфликтов европейских государств друг с другом. А возможность Соединенных Штатов обратить мировые войны XX века себе на пользу объяснялась не только самодостаточностью и технологической продвинутой их военно-промышленного комплекса, но и их относительной географической изолированностью.

И сейчас в результате поражения в Ираке Соединенные Штаты вполне могут попытаться вернуться к этой традиционной стратегии, заявят они об этом открыто или нет. Тем временем элементы азиатской стратегии баланса сил, за которую так ратует Пинкертон, уже обнаруживаются в американской политике. Коидзуми вполне мог поверить, что отказ от шестидесяти лет официального пацифизма Японии ради того, чтобы стать главным помощником «мирового жандарма» (Вашингтона) в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заменив на этой должности Австралию, окажется для этого жандарма дополнительным стимулом в будущем встать на защиту Японии в случае конфликта с Китаем³. Однако вполне возможно, что прошлое и будущее втягивание Соединенными Штатами Японии в споры по поводу Тайваня есть составная часть не стратегии коалиций (по типу каплановской), но стратегии баланса сил (по типу пинкертоновской). Тогда поддержка Соединенными Штатами перехода Японии от ее недавнего пацифистского прошлого к положению военной державы местного значения, возможно, была способом уклониться от военного участия в делах Восточной Азии, обеспечив там другие военные противовесы Китаю.

¹ Pinkerton (2005: 11).

² Pinkerton (2005: 11).

³ S. Tisdall, *Japan Emerges as America's Deputy Sheriff in the Pacific*. *The Guardian*, April 19, 2005.

Эта возможность, конечно, необязательно является необъявленной целью нынешней политики США. Однако она вполне может быть резервным планом (планом В), к которому США прибегнут, если антикитайская коалиция во главе с РАСОМ так и не состоится или станет слишком рискованной. Конечно, тайваньские обозреватели не исключают возможности того, что поражение в Ираке может привести к выводу американских военных подразделений из восточноазиатского региона. Так, в своем интервью местным СМИ в октябре 2005 года Тьен Хун Мао (T'ien Hung-mao), бывший тогда министром иностранных дел, заявил: «Если Соединенные Штаты выйдут из Ирака, в Америке восторжествует изоляционизм и нежелание участвовать в делах других регионов, тогда начнет быстро распространяться гегемония Китая. По мере того как будет убывать желание Америки участвовать в военных конфликтах, будет возрастать возможность военного конфликта в Тайваньском проливе. Так что тайваньскому правительству следует уже сейчас рассматривать возможность такого сценария и разрабатывать планы выхода из этой ситуации»¹.

Вряд ли тайваньское правительство желает развития событий по такому сценарию. Примечательно, однако, что нерешительность Тайваня по поводу приобретения у Вашингтона вооружения на следующие четыре года в 2005 году вызвала возмущение в Конгрессе. Заметив, что Тайвань имеет резервы иностранной валюты в десятки миллиардов долларов, конгрессмен Том Лантос (Tom Lantos), в то время главный представитель Демократической партии в международном комитете палаты представителей, угрожающе заявил: «Если вы думаете, что мы придем вам на помощь, то придирайтесь к деталям соглашения на восемнадцать миллиардов долларов просто возмутительно»².

Как бы ни была возмутительна нерешительность Тайваня, дело не только в том, что она стала демонстрацией неуверенности в надежности спонсируемой Соединенными Штатами антикитайской коалиции. Эта нерешительность выявила основное противоречие стратегии *tertium gaudens*: если США отказываются от военного присутствия в регионе, так зачем же самим азиатским государствам и дальше идти по пути взаимных противоречий, на пользу Соединенным Штатам? Может быть,

¹ Цум. no: Sakai, Hu Jintao's Strategy...

² Цум. no: Dickie, Mallet and Sevastopulo, Washington is turning its attention from the Middle East... См. также: Cody, Shifts in Pacific Force...

перейти к политике взаимного приспособления себе на пользу? Способность Соединенных Штатов оставаться *tertium gaudens* в ходе борьбы между европейскими государствами в начале XX века была обусловлена интенсивностью и внутренней энергией отдельных этапов самой этой борьбы, но в современной Азии ничего подобного нет. На самом деле, как мы старались продемонстрировать в предыдущих главах, настоящим «третьим радующимся» конца XX — начала XXI века стала как раз Восточная Азия. В 1980-е годы от эскалации холодной войны между Соединенными Штатами и СССР больше всех выиграли Япония и четыре меньших «тигра», а затем Китай оказался в наибольшем выигрыше от войны США с терроризмом. Расчеты, впрочем, бывают неверными. Но, при всем уважении к Лантосу, совершенно непонятно, почему вдруг азиатские государства перейдут к гонке вооружений, если от этого выиграют лишь американские производители оружия и экономика вообще, но позиция кредитора, составляющая главный источник власти азиатских государств, будет подорвана.

И действительно, уже первый восточноазиатский саммит в Куала-Лумпуре в декабре 2005 года показал, как трудно стало Соединенным Штатам играть на противоречиях между азиатскими государствами и настраивать их друг против друга. Вашингтон всегда противился даже идее проведения такого саммита, продвигая в качестве альтернативы гораздо более широкое объединение АТЭС, где наибольшим влиянием обладали бы Соединенные Штаты. В последние годы, однако, с ослаблением американского влияния в АТЭС, где одновременно усилилось влияние Китая, постоянно возрастало значение АСЕАН, где по вопросам Восточной Азии Соединенные Штаты не оказывали влияния, а Китай такое влияние имел¹. «Пока Китай и

¹ После восточноазиатского финансового кризиса в АСЕАН сначала вошли Китай, Япония и Южная Корея, составив так называемый АСЕАН + 3. Этим определенно преследовалась цель ослабления влияния Соединенных Штатов, поскольку именно на США большинство правительств возлагали ответственность за этот серьезный кризис. Дальнейшее расширение АСЕАН + 3 с превращением его в АСЕАН + 3 + 3 после присоединения Индии, Австралии и Новой Зеландии как полноправных партнеров на первом восточноазиатском саммите, напротив, стало в первую очередь средством уравнивания Китая (в отсутствие США). См.: S. Mydans, *New Group for 'Asian Century' Shuns U.S.* *International Herald Tribune*, December 12, 2005; Burton, Mallet and McGregor, *A New Sphere of Influence...*

Америка борются за геополитическое первенство, остальные страны Восточной Азии просто хотят иметь простор для развития торговли и доступ на новые рынки. А сейчас самый большой рынок — это Китай». В результате на саммите АСЕАН (Филиппины, январь 2007 года) Китай занимает центральное положение, подписывая новое соглашение по торговле и услугам, и, что еще важнее, став полноправным участником различных соглашений, нацеленных на превращение АСЕАН в союз по образцу европейского¹.

Великая стена неизвестного

Обозреватель из International Herald Tribune в июле 2004 года жаловался, что США не имеют стратегии в отношении с Китаем: «Нашим действиям не хватает последовательности и определенности. Китай для нас — полноправный партнер? Вряд ли. Соперник? Иногда. Мы уверены, что поступаем правильно? Почти никогда. Не бог весть какая политика. Нам просто повезло, что, пока мы заняты Ираком, не случилось сколько-нибудь серьезных экономических или политических кризисов»².

И двумя с половиной годами позже у Соединенных Штатов все еще не было китайской стратегии. И лишь понимание, что трудности США в Ираке укрепили позицию Китая, заставило принять некоторые антикитайские инициативы и одновременно слегка отрезвило американскую политику. Впрочем, и новой комбинации недостает последовательности и определенности.

Можно выделить по меньшей мере три главные причины того, что у США до сих пор нет состоятельной политики в отношении Китая. Во-первых, решающую битву по сдерживанию растущей мощи Китая администрации Буша по-прежнему предстоит дать в Ираке. Вместо прежних планов, одержав легкую победу в Ираке, вести дела с Китаем с позиции силы теперь остается лишь мечтать о выходе из Ирака с минимальными потерями (в смысле доверия мирового сообщества Соединенным Штатам). В этих обстоятельствах были

¹ M. Vatikiotis, *East Asia Club Leaves U.S. Feeling Left Out*. International Herald Tribune, April 6, 2005; C. H. Conde, *China and Asean Sign Broad Trade Accord*. International Herald Tribune, January 15, 2007.

² T. Manning, *America needs a China strategy*. International Herald Tribune, July 22, 2004.

сделаны некоторые выпады против Китая и попытки передать часть своих полномочий «международного жандарма» австралийцам и японцам. Но пока Соединенные Штаты не вылезут из иракской трясины, им придется считаться с Китаем. Взглянув на дела в таком ракурсе, мы заметим, что китайская политика США достаточно последовательна: она представляет собой всего лишь тактический маневр, попытку приспособиться и спасти то, что еще можно спасти, в смысле доверия мирового сообщества Соединенным Штатам. С этим согласны даже те конгрессмены, которые недовольны действиями администрации. Вспомним, что поначалу демократы возражали против вторжения в Ирак именно потому, что это отвлекало от задачи противостоять Китаю. Но как только иракская авантюра пошла наперекосяк, сами демократы разделились в вопросе о том, как сократить потери. Теперь, совершенно забыв о «китайской угрозе», обсуждается вопрос о том, уходить из Ирака или нет, и если уходить, то как именно.

Вторая причина отсутствия у Соединенных Штатов последовательной китайской политики связана с трудностью определения национальных интересов США. Довольно многие согласны признают, что стратегия адаптации и приспособления отвечает интересам американского бизнеса, в особенности крупного бизнеса¹. И действительно, крупный бизнес США с гораздо большим энтузиазмом воспринял китайский экономический подъем, чем японский экономический подъем в 1980-е годы, и это несмотря на то, что Китай больше угрожает американскому превосходству.

Китай с радостью приглашает и транснациональные компании, и иностранных инвесторов, и многие западные управленцы, которым так не нравилась прежняя закрытость Японии, теперь с энтузиазмом ведут дела в Китае с его дешевой рабочей силой и гигантским рынком сбыта... Япония быстро догнала Запад в отношении лицензирования технологий... Но Китай не только лицензировал технологии, для привлечения иностранных инвестиций он использует преимущества своего

¹ Выше мы уже упоминали, что Каплан и Пинкертон в этом согласны. Киссинджер же, хотя прямо и не говорит об интересах большого бизнеса, тем не менее вынужден признать (в ранее цитированной работе), что консалтинговые фирмы советуют корпорациям вступать в деловые отношения с Китаем.

потенциально практически безразмерного рынка. В результате не только растут инвестиции, но... Китай оказывается огражденным от торговых войн. Те же самые транснациональные корпорации, которые когда-то сражались с японскими, вроде производителей автомобилей из Детройта, теперь делают крупные инвестиции в Китае, становясь инвесторами, которым не нужны ограничения на торговлю с Китаем¹.

Теперь старая поговорка «Что хорошо для General Motors, хорошо для Америки» больше не работает, пусть даже самой большой корпорацией Америки считается уже не General Motors, а Wal-Mart — лучший клиент Китая. Высказывая широко распространенное мнение, Фишман утверждает, что «предложения Китая так привлекательны для больших американских корпораций и для сверхбогатых людей, что уже не принимаются во внимание ни национальные интересы США, ни будущее здоровье национальной экономики»². В подтверждение этого факта часто указывают на то, что почти половина американского экспорта и импорта осуществляется внутри транснациональных корпораций, где сырье и компоненты перемещаются между далеко отстоящими друг от друга фабриками и где осуществляется перемещение через государственные границы произведенных продуктов в целях сокращения расходов, в особенности расходов на заработную плату. Корпорации и инвесторы от этого сильно выигрывают, но сами государства, включая Соединенные Штаты, не выигрывают³.

Поскольку интересы американских корпораций могут вступать в противоречие с национальными интересами США, то нет и единодушия в вопросе, способствует ли американо-китайское экономическое сближение национальным интересам США. Консерваторы вроде Пинкертон подчёркивают, что аутсорсинг угрожает национальной безопасности. Но даже самые авторитетные представители американского военно-промышленного комплекса сомневаются, можно ли поддерживать военное превосходство США без аутсорсинга,

¹ K. Bradsher, *Like Japan in the 1980's, China Poses Big Economic Challenge*. *The New York Times*, March 2, 2004.

² T. Fishman, *Betting on China*. *USA Today*, February 16, 2005.

³ См. также: W. Greider, *Trade Truth that the Public Won't Hear*. *International Herald Tribune*, July 19, 2005; and J. Petras, *Statism or Free Markets: China Bashing and the Loss of US Competitiveness*. *CounterPunch*, October 22, 2005.

который обеспечивается Китаем только частично или вовсе не обеспечивается¹. Демократы и представители профсоюзов подчеркивают, что из-за аутсорсинга и торговли теряются рабочие места, переходя к китайцам, и призывают правительство принять меры, чтобы заставить Китай ревальвировать свою валюту. Другие же подчеркивают, что еще опаснее быстрое обесценивание американского доллара, подвергающее риску «влияние США в мире» и погружающее Соединенные Штаты «в ту долговую яму, где долго страдала... Латинская Америка»². Впрочем, некоторые указывают на те выгоды, которые дешевые китайские кредиты и товары дают не только сверхбогатым, но и другим, более низким слоям американского общества.

Соединенные Штаты по уши в долгах. «...Много должны рабочие, которые наращивают задолженность по кредитным карточкам или по сомнительным залладным, пытаюсь хоть чуть-чуть прикоснуться к той пьянящей жизни высшего класса, который непрерывно богатеет... Рост долгов — одно из важнейших явлений общественной жизни в США. Долги позволяют менее обеспеченным тратить больше, чем у них есть, облегчая, таким образом, чувство несправедливости от того, что им не угнаться за богачами. И пока ставка процента резко не поднимется, не остановится в своем развитии и этот общественный процесс. Вот почему у Ху Цзиньтао такое влияние на Мэйн-стрит»³.

¹ В недавнем исследовании Пентагона указаны 73 в основном западноевропейских поставщика, откуда поступают 12 составляющих важнейших американских систем вооружения. «Мы должны достать лучшее, что нужно для ведения войны», — заявил ответственный за закупку вооружений в Пентагоне. «Новейшие технические достижения не признают государственных границ. Нам нужно самое лучшее и по самой выгодной цене от лучших поставщиков, каких мы сумеем найти». Один из вице-президентов Lockheed Martin, крупнейшего американского военного подрядчика, заявил, что Соединенные Штаты не могут получать все, в чем нуждается армия, в Америке, даже если бы и хотели. Конечно, сначала стараются найти американских производителей, но в некоторых случаях не остается ничего иного, как поискать за границей. См.: L. Wayne, U.S. Weapons, Foreign Flavor. The New York Times, September 27, 2005.

² Fishman, Betting on China...

³ R. Cohen, China and the Politics of a U.S. Awash in Debt. The International Herald Tribune, May 21, 2005.

Говоря словами Кругмана, Соединенные Штаты «подсели на китайские долларовые закупки» — а мы добавим, что и на дешевые китайские товары, — и «когда этому придет конец, начнется жестокая ломка». Покончив с этой зависимостью, американская промышленность, возможно, станет более конкурентоспособной, но сначала наступит ломка¹. Чем хуже идут дела в Ираке, тем глубже втягивается в эту зависимость администрация Буша, стремясь помешать развитию тяжелых экономических и социальных последствий внутри страны. Вот почему нынешняя администрация не торопится оказывать давление на Китай в вопросе о ревальвации юаня, вот почему хвалят Пятилетний план КПК (2005 года), вот почему администрация более сдержанно, чем Конгресс, жалуется на затопившие страну китайские товары и на утекающие в Китай рабочие места.

Усиленная антикитайская риторика и антикитайские инициативы на фронте геополитики — «разумные нападки на Китай», по Буту, — не просто прикрывают сдержанность нападков на Китай по вопросам экономики — «неразумные», по Буту. И здесь американцы не просто бьют себя в грудь, стараясь заверить государства-клиенты (и предупредить возможных соперников) в Восточной Азии и других регионах, что трудности в Ираке не повлияли на решимость США сохранить свое региональное и глобальное военное превосходство. Все это отвечает и национальным интересам, как их понимают главные персоны электоральной базы Республиканской партии при руководящей роли неоконсерваторов.

Как заявил Томас Франк, в последние двадцать лет одним из самых важных политических явлений в США стало появление «консерваторов-реваншистов». В основном это белые представители рабочих и среднего класса, стремящиеся отомстить за утрату своего статуса и относительное снижение доходов; они все больше обращаются к Богу, вооруженным силам и Республиканской партии в ущерб своим классовым интересам, рабочим организациям и Демократической партии. Неоконсерваторы умело воспользовались этими настроениями, завоевывая голоса избирателей, а когда пришли к власти, стали проводить политику в интересах богатых, тем самым снова воспроизводя разочарование, заставляющее их

¹ P. Krugman, *The Chinese Connection*. *The New York Times*, May 20, 2005.

избирателей обращаться к Богу, вооруженным силам и Республиканской партии¹.

В системе этих взглядов (которые, впрочем, отличаются от взглядов традиционных консерваторов, республиканцев или демократов) не важно, что американское правительство и потребители пристрастились к дешевым китайским товарам и кредитам. Важно, чтобы президент Соединенных Штатов выглядел «настоящим патриотом и настоящим человеком, а для некоторых даже посланцем Бога в Белом доме»². С этой целью надо сдерживать «неразумные» нападки на Китай, сопровождая это усилением «разумных» нападков, постоянно посылая коммунистическим лидерам Китая предупреждение: не оспаривать превосходство вооруженных сил США и принять американские ценности и свободы. И чем больше у американских вооруженных сил неприятностей в Ираке, тем громче звучат эти предостережения. Короче говоря, вторая причина того, что у Соединенных Штатов по-прежнему нет последовательной китайской политики, заключается в том, что у администрации Буша двойные обязательства: по отношению к крупному бизнесу и финансовым кругам, с одной стороны, и по отношению к «консерваторам-реваншистам» — с другой. Соответственно, непоследовательность американской политики по отношению к Китаю обусловлена необходимостью для администрации Буша приспособлять стремление американского капитала получать прибыль от китайского экономического роста и в то же время потворствовать националистически-милитаристским настроениям своего электората.

Третья и пока последняя причина отсутствия последовательной китайской политики заключается в том, что до сих пор трудно установить настоящие и будущие направления

¹ Frank (2005).

² Cohen, *China and the Politics of a U.S. Awash in Debt*. Как пишет Коэн, «нет ничего нового в том, что, столкнувшись с экономическими трудностями, люди обращаются к Богу, патриотизму и вооруженным силам». И в самом деле, можно заметить сходство воинственного американского ура-патриотизма (джингоизма) начала XXI века с британским ура-патриотизмом за сто лет до этого. Отличие состоит лишь в том, что американский бренд джингоизма возлагает больше надежд на Бога, а британский — на империю, особенность, глубоко укорененная в религиозной традиции американского экспансионизма. О религиозной традиции американского экспансионизма см.: Barrow (2004).

политической экономии Китая. Здесь американские обозреватели и политики все время наталкиваются на «Великую (китайскую) стену неизвестного». До сих пор все больше утверждалось понимание того, что «сам размах и скорость подъема Китая... превращает его в непредсказуемый X-фактор мировой [политической] экономики. Приятные и неприятные сюрпризы будут множиться, принося беспрецедентные прибыли, потери, угрозы и возможности». Однако до сих пор нет представления, каковы будут эти сюрпризы.

Единственное, что мы знаем, так это то, что мы ничего не знаем наверняка. Когда радикальные изменения происходят в такой громадной стране, как Китай, где осуществляется переход от командной экономики к рыночной, очень невелики шансы, чтобы у кого-то сложилась ясная картина происходящего, а возможно, этих шансов и вовсе нет. Если бы речь шла о небольшой стране, то и наше незнание не имело бы большого значения. Но оно пугает, когда речь идет о Китае¹.

И конечно, особенно пугает то, что на этом незнании строится политика США — государства, имеющего возможность устроить Армагеддон, которого так радостно ждут самые фанатичные представители «консерваторов-реваншистов». Проблема не в том, насколько рискованно и трудно предсказывать будущее, исходя из настоящего и прошлого. Главная проблема состоит в том, какие именно знания мобилизуются для этой цели. «В США, можно сказать, вообще не изучали историю Китая», — замечает Лирик Хью Хейл (Lyric Hughes Hale). Многие из тех, кто рассуждает о Китае, имеют «ничтожное количество устаревших фактов» и игнорируют то, что не укладывается в их схемы². Причем то же «ничтожное количество устаревших фактов» положено в основу решений,

¹ R. J. Samuelson, *Great Wall of Unknowns*. *The Washington Post*, May 26, 2004.

² Например, те, кто заявляет, что США потеряли два миллиона рабочих мест в промышленности (и эти места перешли к Китаю), никогда не упоминают, сколько именно «миллионов китайцев потеряли рабочие места в тот же период, главным образом из-за преобразования государственных предприятий». А те, кто печалится о несоблюдении в Китае прав интеллектуальной собственности, не без успеха забывают, что эти права нарушались и в Японии, пока сами японцы не пришли к необходимости защищать права интеллектуальной собственности. L. H. Hale, *It's a Juggernaut... Not!: The China of Our Imagination Bears No Resemblance to Reality*. *Los Angeles Times*, May 22, 2005.

формирующих китайскую политику США и, конкретнее, те реалистические стратегии, которые мы обсуждали в данной главе. За исключением Киссинджера, все ответственные за эти решения ничего не знают об истории Китая и очень мало знают об истории Запада. А между тем необходимо знать хотя бы что-то из прошлого, чтобы преодолеть «Великую стену неизвестного», окружающую подъем Китая, и оценить возможные последствия. И хотя непросто определить, что именно необходимо знать для правильного понимания, чего именно нам ждать, теперь мы обращаемся к определению именно этого круга сведений.

Глава 11

Государства, рынки и капитализм: Восток и Запад

Недавно, дискутируя с Миршеймером, Збигнев Бжезинский дал определение «мирного подъема» Китая, очень похожее на определение Киссинджера: «Несомненно, Китай ассимилируется в международную систему. Руководство Китая, кажется, понимает, что просто вытеснить Соединенные Штаты не удастся, поэтому осторожное распространение влияния Китая представляется более надежным путем к первенству в мире». Возражая, Миршеймер повторяет утверждение, что «подъем Китая не может быть мирным». Если он и в следующие несколько десятилетий будет развиваться такими же темпами, «очень велика вероятность, что Соединенные Штаты и Китай втянутся в борьбу по обеспечению безопасности и, вполне возможно, в войну. Большинство соседей Китая, включая Индию, Японию, Сингапур, Южную Корею, Россию и Вьетнам, скорее всего, присоединятся к США в попытках сдержать усиление Китая»¹.

Различие взглядов здесь проистекает из различия методик. Миршеймер в большей степени занят теорией, чем практической политикой, поскольку, по его собственным словам, «нам неизвестно, как будет выглядеть практическая политика в 2025 году». А теория развития великих держав подсказывает, чего ждать, «когда в Китае во много раз вырастет валовой национальный продукт, а также его военная мощь». У него есть четкий (теоретический) ответ на этот вопрос: «Китай постарается вытеснить Соединенные Штаты из Азии так же, как когда-то Соединенные Штаты вытеснили великие государства

¹ Brzezinski, Mearsheimer (2005: 2).

Европы из Западного полушария»; а Соединенные Штаты «будут сдерживать Китай и в конечном итоге ослабят его настолько, что китайское превосходство в Азии станет невозможным... то есть будут вести себя по отношению к Китаю так, как США вели себя по отношению к СССР во время холодной войны»¹.

Бжезинский же, напротив, предпочитает теории политическую реальность, потому что «теория, по крайней мере в международных отношениях, по большей части ретроспективна. Когда случается нечто, не согласующееся с теорией, теорию пересматривают». Он подозревает, что именно так и случится в том, что касается отношений США и Китая. Во-первых, политика с позиции силы совершенно изменилась с появлением ядерного оружия. То, что в противостоянии США—СССР избежали прямых столкновений, «было обусловлено наличием такого оружия, которое при дальнейшей эскалации войны вызвало бы полное уничтожение человечества. Вот почему можно предположить, что китайцы не собираются так наращивать военную мощь, чтобы бросить вызов Соединенным Штатам». Более того, поведение великих держав вообще непредсказуемо: «Если бы Германия и Япония не повели себя так, как они себя повели, то, возможно, их режимы смогли бы уцелеть». В этом отношении «китайское руководство представляется гораздо более гибким и разумным, чем многие претенденты на статус великих держав в прошлом»².

Оба метода имеют рациональное зерно. То, что произойдет в «ближайшее время», зависит от массы людей и отдельных событий, которые в дальнейшем, как говорит Миршеймер, «вымываются из уравнения более глубокими причинами». И если у нас нет теории для установления и объяснения причин, мы не сможем понять, чего ждать, когда «осядет пыль», поднятая толпой действующих лиц и отдельными событиями. При этом глубинные причины нельзя считать абсолютно неизменными и неизбежными; как и действующие лица и отдельные события, это не просто «пыль». В идеальном случае теория политики и общества должна объяснять и перемены, и последовательность событий в поведении и взаимодействии главных действующих лиц; эта теория должна бы учить тому (если не соответственно самой теории, то хотя бы из исторического опыта), что она

¹ Brzezinski, Mearsheimer (2005: 2–3).

² Brzezinski, Mearsheimer (2005: 3).

пытается описать и объяснить; и она должна определять те условия, при которых люди и отдельные события (вместо того, чтобы быть «вымытыми») нарушают установившееся направление развития или способствуют появлению новых направлений. Задача не из легких. Но для того, чтобы быть полезной, теория отношений между существующими и нарождающимися великими державами должна отвечать хотя бы двум требованиям: она должна иметь своим основанием исторический опыт, который больше всего соответствует разрешаемой проблеме, и она должна учитывать возможность разрыва с глубинными причинами. Если взглядам Бжезинского недостает теоретических оснований, то взглядам Миршеймера — понимания того, что возможны отклонения от предсказываемого исхода (например, от военной конфронтации), причем он делает свои построения на совершенно неподходящих исторических основаниях.

Миршеймер недооценивает историческую роль рынка и капитала, которые сами по себе были инструментами власти. Он считает дальнейшее экономическое развитие Китая условием его превращения со временем в великую державу, которая будет оспаривать военную мощь США. По логике его построений только превращение экономической мощи в военную, сейчас сконцентрированную у Соединенных Штатов, может сделать Китай действительно великой державой.

Если китайцы достаточно умны, они сосредоточат свои усилия на экономике, чтобы экономически сравняться с США. Затем уже они смогут перевести экономическую мощь в военную силу и обеспечить себе такое положение, когда они будут способны диктовать условия государствам своего региона и всячески вредить Соединенным Штатам... В настоящее время у Соединенных Штатов есть то преимущество, что ни одно государство Западного полушария не угрожает ни их выживанию, ни их безопасности. Вот почему американцы свободно рыщут по земному шару, творя всяческие безобразия на задних дворах других государств. Но и другие государства, конечно, включая Китай, имеют вполне законный интерес создавать Соединенным Штатам неприятности на их заднем дворе, да так, чтобы они оттуда больше никуда не выходили.

Впрочем, некоторые исторические данные заставляют сомневаться в том, что китайцы и дальше будут поступать разумно и продолжать использовать свой быстро растущий внутренний рынок и национальное богатство как инструменты

регионального и мирового влияния (как, кажется, делали до сих пор, пока могучая военная машина США увязала в Ираке). Не соглашаясь с Бжезинским в том, что вряд ли установка Китая на дальнейший экономический рост приведет к конфликту с Соединенными Штатами, Миршеймер заявляет, «что такой взгляд мог быть оправданным в отношении Германии перед Первой мировой войной и в отношении Германии и Японии перед Второй мировой войной». И тем не менее, несмотря на «внушительный экономический рост», Германия развязала обе мировые войны, а Япония — конфликт в Азии¹. На самом же деле Германия перед Первой мировой войной и Япония перед Второй мировой войной не так уж преуспевали экономически. Эти страны преуспевали в *промышленном* отношении, но в отношении национального богатства они имели практически такой же доход на душу населения, как Британия, и отставали от США². Обращение Германии и Японии к войне фактически можно интерпретировать как попытку военными средствами получить ту власть, которую они не смогли получить экономическими средствами.

Соединенным Штатам для укрепления своей экономики, напротив, вовсе не надо было бросать вызов военной мощи Великобритании. Как мы уже говорили в главе 8, все, что было нужно, так это: 1) предоставить Великобритании и ее врагам возможность истощить друг друга в военном и финансовом отношениях; и 2) самим обогащаться за счет поставки товаров и кредитов той из воюющих сторон, которая оказывалась состоятельнее; наконец, 3) на последней стадии вмешаться в военные действия, чтобы получить право продиктовать подходящие условия мира, которые позволили бы им пользоваться собственной экономической мощью на как можно большем пространстве. На сегодняшний день не видно новой военной силы, обнаруживающей хоть какую-то склонность бросать вызов доминантному государству. И тем не менее это доминантное государство втянулось в войну, которой не видно конца, чтобы продемонстрировать то, что продемонстрировать невозможно. А именно: что оно способно навязывать миру свои интересы и свои ценности, пользуясь высокой способностью своих вооруженных сил к разрушению. В этих условиях не будет ли оптимальной такая стратегия Китая в отношениях с Соединенными

¹ Brzezinski, Mearsheimer (2005: 3).

² Landes (1969: 239); Arrighi (1994: 334).

Штатами, которая была бы некоторым вариантом давнишней стратегии США в отношении Великобритании? И не лучше ли для Китая: 1) дать Соединенным Штатам истощиться в военном и финансовом отношениях в бесконечной войне с терроризмом; 2) обогатиться поставкой товаров и кредитов все более несостоятельной сверхдержаве; и 3) использовать свой растущий национальный рынок и национальное богатство для перетягивания на свою сторону новых союзников (включая некоторые американские корпорации), чтобы установить новый миропорядок, центром которого стал бы Китай, но необязательно он будет самым сильным в военном отношении?

То, что Миршеймер даже не принимает во внимание такую возможность, отражает общее отношение американцев, которые вопрос последствий прогнозируемого возвышения Китая рассматривают исключительно в терминах соперничества, а не сотрудничества нынешних и будущих великих держав. Так, сложившиеся на сегодня отношения США и Китая обычно сравнивают с отношениями Германии и Великобритании в конце XIX — начале XX века, или с отношениями Японии и США в период между войнами, или с отношениями США и СССР после Второй мировой войны. Удивительно, но большинство американских аналитиков не замечают самого подходящего сравнения — сравнения современных отношений США и Китая с отношениями государства-гегемона конца XIX — начала XX века (Соединенное Королевство) и самого активно развивавшегося государства той эпохи (Соединенные Штаты). Эти отношения прошли путь от глубокой взаимной вражды до все большего сотрудничества, причем именно тогда, когда Соединенные Штаты начали угрожать гегемонии британцев на региональном и мировом уровнях¹. Если такое случилось раньше, почему же этому не повториться теперь? Теория, не дающая ответа на данный вопрос и предсказывающая, что

¹ Как отмечал Брэд Делонг (Brad DeLong), имея в виду возможное будущее развитие отношений США и Китая, в 1840-е годы Соединенные Штаты и Великобритания были близки к войне за спорные территории в северо-западной части Тихого океана и за прибыльную торговлю там мехами. Но в следующее десятилетие Великобритания избрала путь компромисса и, не подавляя Соединенные Штаты, устанавливала все более крепкие экономические и политические связи. Цит. по: G. Ip and N. King. 2005. Is China Rapid Economic Development Good for U.S.? The Wall Street Journal, June 27, 2005.

Соединенные Штаты и Китай движутся к неотвратимой военной конфронтации (через двадцать-тридцать лет), хуже, чем отсутствие теории вообще.

Тем более что теория Миршеймера (а также представления Каплана и Пинкертонa, о которых мы говорили в главе 10) совершенно игнорирует исторический опыт межгосударственных отношений собственно в Восточной Азии. В настоящей главе мы ставим себе целью показать, что долгосрочная динамика развития, кардинально отличающаяся от западной, на которой основана теория Миршеймера, характерна не только для Китая (как отмечает Киссинджер), но и для всей системы межгосударственных отношений в Восточной Азии. Развитие этих особых отношений привело к тому, что уже в XVIII — начале XIX века здесь широко признавали первенство Китая в государственном строительстве и создании национальной экономики. Одновременно были заложены основы дальнейшего включения Восточной Азии в структуры охватившей мир европейской системы на правах подчиненности. Это включение изменило, но не разрушило сложившуюся к тому времени региональную систему межгосударственных отношений. Более того, включенная система повлияла и на саму включившую ее западную систему. В результате возникли гибридные политико-экономические формы, в особенности способствовавшие экономическому возрождению Восточной Азии и такому последующему преображению мира, которого не предполагали теории, основанные на одном лишь западном опыте.

Пятьсот лет мира

Согласно одному из величайших мифов западной социологии, национальные государства и создаваемая ими система государств — это европейское изобретение. На самом деле за исключением нескольких государств, которые возникли как европейские колонии (в особенности Индонезия, Малайзия и Филиппины), самые главные государства Восточной Азии — от Японии, Кореи и Китая до Вьетнама, Лаоса, Таиланда и Камбоджи — были национальными государствами задолго до появления национальных государств в Европе. Более того, все они были связаны друг с другом, напрямую или через общий центр — Китай, торговлей и дипломатическими отношениями и держались вместе, имея общие принципы, нормы и правила, которыми регулировались их взаимоотношения как

единого мира среди других миров. Японские ученые — специалисты по реконструкции вассальной системы торговли, центром которой был Китай, показали, что эта система государств имела достаточно сходств с европейской системой государств и их можно сравнивать¹.

Обе системы объединяли множество политических юрисдикций, имеющих общее культурное наследие и активно торговавших друг с другом. Хотя торговля между отдельными протогосударствами была лучше отрегулирована в Восточной Азии, чем в Европе, со времени правления династии Сон (960–1276) расцветает и частная торговля с «заграницей», которая преобразовала природу вассальной торговли, причем главной ее целью, по словам Такеси Хамаситы (Takeshi Hamashita), «стала погоня за прибылью посредством неофициальной торговли, дополнявшей официальную». Сходство двух систем проявлялось и в характерной для обеих межгосударственной конкуренции. Отдельные территории, соединенные вассальной системой торговли с центром — Китаем, «были достаточно близки, чтобы влиять друг на друга, но при этом достаточно далеки, чтобы ассимилироваться или быть ассимилированными». Вассальная система торговли была для них той символической структурой политико-экономического взаимодействия, которая давала периферийным районам достаточно свободы, чтобы сохранять значительную автономию от китайского центра. Так, Япония и Вьетнам были периферийными членами этой системы, но оставались соперниками Китая в попытке утвердиться в качестве империи. Япония установила отношения вассальной зависимости с государством Рюкю, а Вьетнам — с Лаосом². Сугихара определенно придерживается мнения, что распространение новейших технологий и организационных ноу-хау в Восточной Азии позволяет думать, что «существовала восточноазиатская политическая система с несколькими центрами... многие черты которой аналогичны характеристикам межгосударственной системы Европы»³.

¹ См.: Ikeda (1996b), где представлен обзор работ этих ученых. Японская реконструкция строится на более ранних реконструкциях синоцентричной системы (и критически отталкивается от них), произведенных Фейербенком и его учениками (Fairbank, 1968). Сравнение этих двух концепций см.: Perdue (2003).

² Hamashita (1993: 75–76; 1994: 92; 1997: 114–124).

³ Sugihara (1996: 38).

Указанные сходства делают осмысленным сравнение двух систем. Но как только мы начнем сравнивать динамику их развития, немедленно выдвигаются на первый план два фундаментальных различия. Во-первых, как мы уже говорили, европейская система развивалась в процессе непрерывного военного соперничества между составлявшими систему народами, а также в стремлении к географической экспансии и самой системы, и ее перемещавшегося центра. Продолжительные периоды мира были скорее исключением, чем правилом развития европейских государств. Так, «столетний мир» (1815–1914) после наполеоновских войн был неслыханным явлением для западной цивилизации¹. Но даже во время «столетнего мира» европейские государства вели многочисленные завоевательные войны на неевропейских территориях и форсировали гонку вооружений, что в итоге привело к индустриализации войны. И если первоначальным результатом стала новая волна географической экспансии, ослабившей напряженность в системе европейских государств, то конечным результатом стал новый раунд беспримерно разрушительных войн между европейскими государствами (1914–1945)².

Система государств Восточной Азии решительно отличалась от системы европейских государств почти полным отсутствием военного соперничества и географического расширения системы за пределы ее границ. За исключением приграничных войн Китая, о которых мы еще поговорим, до поглощения системой европейских национальных государств национальные государства восточноазиатской системы практически постоянно жили в мире друг с другом, и в течение не ста, а трехсот лет. Трехсотлетний мир был нарушен двумя вторжениями Японии в Корею, причем за обоими последовала война с Китаем: китайско-японские войны 1592–1598 годов и 1894–1895 годов. Между 1598-м и 1894 годом Китай не участвовал только в двух войнах: сиамско-бирманских 1607–1618 и 1660–1662 годов — и участвовал в трех кратких войнах с Бирмой (1659–1660 и 1767–1771 годов) и с Вьетнамом (1788–1789). Так что в отношении Китая мы можем заявить о пятисотлетнем мире, поскольку в течение

¹ Если в период 1815–1914 годов войны между государствами Европы шли только три с половиной года (включая Крымскую войну), то в предшествующие два столетия (до 1815 года) европейские государства воевали друг с другом в среднем шестьдесят-семьдесят лет. Polanyi (1957: 5).

² См. главы 5 и 8.

двухсот лет до японского вторжения в Корею Китай воевал с другими азиатскими государствами только во время вторжения Вьетнама (1406–1428) для восстановления династии Тран¹.

Редкие войны между восточноазиатскими государствами свидетельствуют о другом фундаментальном различии между двумя системами государств: соревнуясь друг с другом, восточноазиатские государства не обнаруживают ни тенденции строить империи *вне своих границ*, ни стремления участвовать в гонке вооружений, хоть сколько-нибудь похожей на европейскую. Они соревнуются в другом. Сугихара, например, обнаруживает конкуренцию в двух дополняющих друг друга тенденциях в Японии эпохи династии Токугава (1600–1868): в попытке Японии перенести из Китая на свою территорию центр вассальной системы торговли, а также в интенсивном поглощении технологических и организационных новшеств из Кореи и Китая в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых и производстве. Как замечает Хейта Кавакацу (Heita Kawakatsu), таким образом, «Япония пыталась стать маленьким Китаем как идеологически, так и в материальном отношении»². Соревнование такого рода направляло развитие Восточной Азии к созданию государств и национальных экономик, а не к войнам и территориальной экспансии, то есть в направлении, обратном тому, каким шла Европа.

Здесь можно заметить противоречие с тем фактом, что Китай вел длительные войны на своих границах в последние годы правления династии Мин и в первые сто пятьдесят лет правления династии Цин. Как отмечает Питер Пердью (Peter Perdue), история системы государств с центром в Китае предстает в совершенно ином свете, если смотреть «с границы». Особая военная активность Китая на северных и северо-западных границах объясняется обилием там кочевых племен,

¹ На основании фактов, почерпнутых у Guernet (1982); Freeman-Grenville (2002); *Ancient Battles and Wars of Siam and Thailand, Siamese and Thai History and Culture*. <http://www.usmta.com/Thai-History-Frame.htm> (1999); China, 1400–1900 A.D., *Timeline of Art History, The Metropolitan Museum of Art, New York, October, 2004*, <http://www.metmuseum.org/toah/ht/10/eac/ht10eac.htm> and *Southeast Asia, 1400–1900 A.D., in Timeline of Art History, The Metropolitan Museum of Art, New York, October, 2001*, <http://www.metmuseum.org/toah/ht/08/sse/ht08sse.htm>.

² Sugihara (1996: 37–38); Kawakatsu (1994: 6–7).

постоянно опустошавших приграничные поселения и даже доходивших до китайской столицы. Военная деятельность еще усиливается, когда в 1644 году захватчики с севера устанавливают правление династии Цин и начинают укрепляться, чтобы другие пришельцы с севера не поступили с ними так же, как они с династией Мин.

На севере и северо-западе Китай столкнулся с народами гораздо более сильными и своеобразными, чем на других своих границах. Было ясно, что ситуация на севере угрожает всей традиционной системе торговли. И династия Цин смогла предъявить серьезные претензии на роль центра сфокусированной на Пекине вассальной системы только после заключения военных союзов с восточными монголами, истребления соперничавших западных монголов, покорения Синьцзяна и формального объявления Тибета своим сюзеренитетом¹.

Последующая территориальная экспансия и поддерживавшая ее военная активность закрепили границы, которые затем тщательно охранялись следующими китайскими режимами. Все они стремились превратить находившуюся в постоянной опасности границу в мирную периферию, в буферную зону, которая стала бы защитой против набегов завоевателей из Внутренней Азии. Как только к 1760-м годам эта цель была достигнута, территориальная экспансия прекратилась, а военная деятельность приняла вид полицейских акций, поддерживавших монопольное право китайского государства на применение насилия в рамках вновь установленных границ. Несмотря на достаточный размах, эта территориальная экспансия не может сравниться с несколькими волнами европейских экспансий — более ранней испанской экспансией в обеих Америках и в Юго-Восточной Азии, с современной экспансией России на севере Азии и с голландской экспансией в Юго-Восточной Азии, не говоря уже о позднейшей экспансии Великобритании в Южной Азии и Африке и об отголосках этого явления в Северной Америке и Австралии. В отличие от этих следовавших друг за другом захватов экспансия династии Цин была довольно ограниченной как по размерам, так и во времени, преследуя цели опрелделения границ и не будучи звеном в бесконечной цепи связанных территориальных экспансий.

Разница была не только количественной, но и качественной. Территориальная экспансия Китая при династии Цин не

¹ Perdue (2003: 60, 65).

ограничивалась своего рода «саморазворачивающимся циклом», о котором мы говорили в главе 8, когда соперничающие военные машины европейских государств поддерживают экспансию за счет других народов и государств и сами ею поддерживаются. Такого саморазворачивающегося цикла не было в Восточной Азии. Китайская территориальная экспансия эпохи Цин не была вызвана конкуренцией с другими государствами за ресурсы, добываемые на дальних заграничных перифериях, равно как не стала она и результатом этой конкуренции. Политическая экономия, обычно связанная с такой конкуренцией, не имеет ничего общего с практикой ведения хозяйства в Китае: «Вместо того чтобы получать с периферии ресурсы, китайское государство скорее в них инвестирует. Осуществляя политическую экспансию по включению новых территорий, правительство снабжало периферию ресурсами, а не изымало их оттуда»¹.

Это различие в развитии европейской и восточноазиатской систем государств было связано (и в основных чертах определялось) двумя другими различиями — иным распределением власти среди членов системы, а также тем, в какой степени главный источник власти был внутренним или внешним по отношению к системе. Еще до «долгого» XVI века в истории Европы (1350–1650) и до эпохи Мин в истории Восточной Азии (1368–1643) политическая, экономическая и культурная власть в Восточной Азии была гораздо больше сконцентрирована в центре (в Китае), чем это было в Европе, где вообще было нелегко указать истинный центр. Это отличие еще больше усилилось после провала в 1592–1598 годах попытки Японии сменить Китай в качестве военного центра и после институализации европейского баланса сил Вестфальским договором 1648 года.

Структура сбалансированности власти европейской системы сама по себе подталкивала европейские государства к войне друг с другом. Как подчеркивает Полани, механизмы уравнивания власти — механизмы, при помощи которых «три или более членов способны употребить власть... то есть употреблять власть более слабых против увеличения власти более сильных» — были важнейшими для обеспечения «столетнего мира» в XIX веке. Исторически же механизмы уравнивания власти всегда обеспечивали независимость отдельных членов «только при помощи бесконечных войн, в которых воюющие стороны то

¹ Wong (1997: 148).

и дело менялись»¹. И если в XIX веке те же самые механизмы привели не к войне, а к миру, то только потому, что исключительная концентрация политической и экономической власти у Великобритании позволила превратить баланс сил из механизма, который не мог оставаться в руках одного государства и функционировал посредством войн, в инструмент неформальной власти Великобритании, содействовавший миру².

Наращение в XIX веке дисбаланса сил при одновременном сокращении войн в системе европейских государств позволяет нам предположить, что именно неравномерное распределение власти, типичное для государств восточноазиатской системы, было причиной того, что здесь войны не были столь частым явлением. Однако тот факт, что концентрация власти в XIX веке в руках Великобритании сопровождалась усилением конкуренции между государствами как в производстве все более разрушительного оружия, так и в применении его с целью обеспечить себе доступ к ресурсам вне системы, позволяет сделать вывод, что неравномерное распределение власти само по себе не объясняет, почему в восточноазиатской системе государств отсутствовали эти два вида конкуренции. Необходимо выявить какой-то иной ингредиент (присущий европейской системе и отсутствующий в восточноазиатской «смеси»), обусловивший иную модель межгосударственной конкуренции. Самым подходящим кандидатом на это место нам представляется экстравертность европейского пути развития сравнительно с восточноазиатским путем.

Хотя для деятельности обеих систем главной была торговля (внутри государств, между ними, а также трансграничная), для европейской системы гораздо важнее (экономически и политически) была международная, а не внутренняя торговля. Торговля Востока с Западом была важным источником благосостояния и власти прежде всего для европейских, а не для восточноазиатских государств, тем более Китая. Именно эта фундаментальная асимметрия лежит в основе богатства Венеции, она стимулировала иберийские государства, подхлестывала генуэзцев (соперников Венеции) и помогала им искать прямых связей с

¹ Polanyi (1957: 5–7).

² О превращении Великобританией баланса сил в инструмент неформальной власти см.: Arrighi and Silver (1999: 59–64).

Востоком¹. Из-за этой же асимметрии, как мы увидим ниже, невелика была отдача, сравнительно с затратами, от экспедиции к Индийскому океану, предпринятой в XV веке Чжэн Хэ. Если бы не эта недооценка связей с Западом, Чжэн Хэ вполне мог бы проплыть «вокруг Африки и «открыть» Португалию за несколько десятилетий до того, как Генрих Мореплаватель отплыл из Сюты (Испания) на юг»². «Случайное» открытие Колумбом Америки, когда он искал кратчайший путь к богатствам Азии, изменило характер этой асимметрии, дав европейским государствам новые средства поиска выхода на азиатские рынки, а также новые источники обогащения и власти в районе Атлантики. Но даже через двести лет после открытия Колумба Чарльз Давенант (Charles Davenant) по-прежнему считал, что тот, кто контролирует торговлю в Азии, имеет возможность «диктовать свои условия всему миру коммерции»³.

В главе 8 мы утверждали, что экстравертность борьбы за власть европейских государств в основном и определила особую комбинацию капитализма, милитаризма и захвата территорий, сделавшую реальностью глобализацию европейской системы. Развитие восточноазиатской системы в противоположном направлении, когда все возрастающая интроверсия борьбы за власть породила такую комбинацию политических и экономических факторов, где не было стремления к «бесконечной» территориальной экспансии,

¹ Arrighi (1994: глава 2). Асимметрия Восток—Запад имеет долгую историю, еще до «долгого» XVI века и эпохи Мин. См.: Lewis (1970: vii); Cipolla (1976: 206); Abu-Lughod (1989: 106–107). В настоящем исследовании, однако, мы занимаемся только той асимметрией Восток—Запад, которая в результате привела к тому развитию, которое происходило в Европе во время «долгого» XVI века, а в Восточной Азии — в эпоху Мин (и сама видоизменилась в результате).

² Kennedy (1987: 7). Макнил замечает: «Легко можно предположить, что если бы китайцы продолжали свои путешествия за море, то некий китайский адмирал, оседлав Японское течение, приплыл бы в залив Сан-Франциско на несколько десятилетий раньше, чем Колумб натолкнулся на Карибские острова». McNeill (1998: 229). Имея корабли водоизмещением 1500 тонн, притом что водоизмещение флагмана Васко да Гамы составляло 300 тонн, у Китая в это время не было на море соперников. См.: McNeill (1982: 44).

³ Цит. по: Wolf (1982: 125).

теперь можно считать подтверждением этого факта от противного. Но как появление экстравертного европейского пути объяснимо лишь в свете распространения тех стратегий власти, которые появились в итальянских городах-государствах, так и появление интровертного восточноазиатского пути объяснимо лишь в свете успеха политики развития величайшего экономического рынка своего времени при династиях Мин и Цин.

Рыночная экономика и китайский «естественный» путь к изобилию

Национальный рынок, как и национальное государство и система государств, тоже изобретен не на Западе. Как мы уже видели в части I, Смит очень хорошо знал то, что потом забыла западная наука: на протяжении всего XVIII века самые большие рынки были не в Европе, а в Китае. Национальный рынок Китая прошел долгий путь становления, но его конфигурация в XVIII веке сложилась в результате государственного строительства эпохи Мин и ранней эпохи Цин.

В период правления Южной династии Сон (1127–1276) огромные военные расходы и репарации в связи с войнами с монголами и тунгусскими народами вдоль северных границ Китая, а также утрата контроля над Шелковым путем и ослабление таких доходных государственных монополий, как производство соли, железа и вина, побудили китайский двор поощрять частную морскую торговлю как источник государственных доходов. Особое значение имела поддержка судоходства в виде усовершенствования технологии навигации, а также техническая помощь судостроителям. Остроносые, с плоским днищем китайские джонки (с слегка заостренным носом и тупой, обрубленной кормой) были исключительно пригодны для мореходства, тем более что именно на них впервые начали использовать компас. Они могли на большой скорости ходить по бурным морям, как никакие другие суда в мире. Трудности военного времени и территориальные потери на севере вызвали массовую миграцию в южные районы, которые особенно хорошо подходили для выращивания высокоурожайного заливного риса. А поскольку при таком типе культивирования дополнительно вложенный труд может существенно увеличить продуктивность хозяйства, в этих регионах быстро росло население, и его плотность стала выше, чем в Европе. Более того, прибыльное

разведение заливного риса, гарантировавшее получение излишков сверх необходимого для пропитания, позволило увеличивать посевные площади и разнообразить выращиваемые культуры (которые затем продавали), так что возникают и сельскохозяйственные сферы деятельности¹.

Благодаря развитию морской торговли и культивированию заливного риса прибрежные районы переживают продолжительный экономический подъем, основанный на развитии технологий мореплавания, повышении значения морского Шелкового пути и расцвете Гуанчжоу, Цюаньчжоу и других небольших портовых городов на юго-восточном побережье как центров вассальной системы торговли. В то же время китайские поселения на островах Юго-Восточной Азии успешно развивали частную морскую торговлю, так что этот вид торговли (а не официально принятая вассальная система) становился определяющей формой экономического обмена Китая с приморской Азией². При династии Юань (1277–1368) продолжается государственная поддержка частной торговли и миграции населения, и в Юго-Восточной Азии, в южных морях и по всему Индийскому океану формируется столь же развитая торговая сеть, как и современная ей европейская. Так что уже в правление Сон и Юань в Восточной Азии складываются тенденции, которые затем станут типичной характеристикой европейского пути развития³.

Однако в Восточной Азии эти тенденции не привели к соревнованию государств в строительстве заморских коммерческих и торговых империй, как это произошло в Европе. Напротив, в правление Мин возникшие тенденции были взяты государством под контроль благодаря проведению политики приоритетной поддержки внутренней торговли и запрету на внешнюю торговлю. С переносом столицы из Наньцзиня (Нанкина) в Пекин (в целях укрепления северных границ от набегов монголов) на север распространились те схемы рыночного обмена, что возникли на юге. Стремясь обеспечить гарантированную поставку продовольствия в столицу и прилегающий район, правители из династии Мин отремонтировали и расширили

¹ Arrighi, Hui, Hung and Selden (2003: 269–270); Lo (1969: 77–91); Bray (1986: 119); Elvin (1973: ch. 9); Palat (1995: 59).

² Lo (1969: 57–58); Hui (1995: 29–30).

³ Yang (1952); Elvin (1973: ch. 14); Shiba (1983: 106–107); Guan (1994: 57–60).

систему каналов, соединив южные районы, где выращивался рис, с находившимся на севере политическим центром. Эти действия способствовали дальнейшему развитию рыночной экономики и росту «городов на каналах» в долине Янцзы. В начале правления Мин начинают культивировать и хлопок. Последующая специализация севера на производстве хлопка-сырца, а долины Янцзы — на производстве хлопчатобумажных тканей еще больше стимулировали рост внутреннего рынка, развивая торговлю севера с югом по Большому каналу¹.

Формируя и развивая национальный рынок, правители династии Мин стремились также к централизации контроля над доходами и вводили административные ограничения на морскую торговлю и на миграцию населения в Юго-Восточную Азию. Семь великих плаваний адмирала Чжэн Хэ в Юго-Восточную Азию и через Индийский океан (1405–1433) также были задуманы для укрепления государственного контроля над международной торговлей. Однако эти экспедиции оказались чрезвычайно дорогостоящими, а поскольку в это время особую опасность представляли угрозы на северных границах, то с морскими экспедициями покончили. Более чем на столетие режим Мин обратился к внутренним проблемам: внутреннюю торговлю по-прежнему поддерживали, а на негосударственную морскую торговлю ввели строгие ограничения, строжайшие меры принимались против несанкционированной торговли с приморскими районами Азии, было ограничено число пунктов, занимавшихся вассальной торговлей, и даже строительство кораблей для морского плавания было запрещено².

Жанет Абу-Лугход (Janet Abu-Lughod) заявляет, что уход Китая в эпоху Мин из зоны Индийского океана «озадачивал и даже приводил в отчаяние серьезных ученых, по крайней мере в течение последних ста лет»: «Когда Китай был уже близок к тому, чтобы доминировать на значительной территории и пользоваться технологическими новшествами не только на производстве, но также в военном и морском деле... почему в это время Китай делает решительный поворот, отводит свой флот и оставляет за собой огромное незанятое пространство, которое еще не были готовы заполнить торговые суда мусульман, не поддерживаемые морской мощью соответствующих государств, но которое

¹ Arrighi, Hui, Hung and Selden (2003: 271); Hung (2001a: 491–497).

² Wang (1998: 316–23); McNeill (1982:47); Zhang (1991: 49–51); Hui (1995: 34–38, 53).

быстро и с радостью заполнили европейцы — правда, спустя семьдесят лет?»¹

Простой ответ на этот вопрос мы получим, если снова обратимся к несходству способов повышения благосостояния и укрепления власти в Восточной Азии и в Европе. Европейские страны вели бесконечные войны за установление исключительного контроля над морскими путями, связывающими Восток с Западом, потому что контроль над торговлей с Востоком был для них главным источником повышения благосостояния и укрепления власти. Для китайских правителей, напротив, контроль над торговыми путями был не так важен, как мирные отношения с соседними государствами и собирание своих густонаселенных территорий в национальную экономику на основе сельского хозяйства. Так что со стороны правителей Мин было в высшей степени разумно не тратить свои ресурсы на установление контроля за торговыми путями Восток—Запад и вместо этого сосредоточиться на развитии внутреннего рынка, закладывая основы того, что Смит позднее назвал «естественным» путем к изобилию.

В самом деле, даже китайская «вассальная» торговля, масштабы которой должны были расширить экспедиции Чжэн Хэ, а правители Мин их сократили, экономически стоила больше, чем приносила доходов. С тех пор как более тысячи лет назад, при династиях Цинь и Хань, была установлена унифицированная система налогообложения, отношения данничества между китайским императорским двором и государствами-вассалами не были связаны со сбором налогов. Напротив, после династии Тан (за исключением времени правления династии Юань) государства-вассалы предлагали китайскому императорскому двору лишь символические дары, а в ответ получали гораздо более ценные. Так что номинальная «дань» была фактически двусторонней транзакцией, позволявшей Среднему царству «покупать» верность государств-вассалов и в то же время контролировать поток людей и товаров через свои далеко раскинувшиеся границы².

Устойчивость и эффективность этой практики, которая в масштабе всемирной истории стала самым ярким подтверждением истинности максимы Гоббса: «Богатство, соединенное с щедростью, также является могуществом, ибо оно приносит друзей и слуг», зависела от нескольких условий. Китайской экономике нужны были ресурсы, чтобы платить вассальным государствам

¹ Abu-Lughod (1989: 321–322).

² Ср.: Gao (1993: 1–78).

за лояльность; китайское государство должно было иметь возможность распоряжаться этими ресурсами; сопредельные государства не должны были сомневаться, что любые попытки отнять у Китая (государства и экономики) такие ресурсы путем набегов, завоеваний, войн или просто нелегальной торговли не пройдут. Несмотря на успехи в создании и развитии национальной экономики (или, возможно, благодаря им), к началу XVI века политика ориентации на внутренний рынок эпохи Мин столкнулась с трудностями в обеспечении соответствующих условий. Широкая коррупция, растущая инфляция и недостаток финансов внутри страны сопровождались нарастанием давления извне в связи с натиском чжурчжэней на севере и распространением нелегальной торговли в обход государственных сборщиков налогов на юго-восточном побережье. Нелегальную торговлю, которой занимались военизированные китайские и японские предприниматели, активно поддерживали также японские военно-феодалы правители, стремившиеся использовать доходную торговлю китайскими товарами в своей междоусобной борьбе. Испытывая стесненность в финансах и ограничивая затратную вассальную систему торговли, Мин не могли осуществлять действенный военный контроль в южных прибрежных районах, и основной формой экономического обмена здесь снова становится частная торговля¹.

Внутренние неудачи и давление извне накладывались друг на друга, провоцируя напряженность в обществе, грозившую социальным взрывом. Поскольку управлять империей становилось все сложнее, правители Мин попробовали уйти от кризиса, облегчив положение крестьян, реформировав налоги и воспользовавшись доходами от процветающей частной торговли. Барщина и подати в виде части урожая — весьма обременительные для крестьян и вызывавшие социальное напряжение — по большей части были заменены единым налогом, который выплачивался серебром. Пришедшие в негодность бумажные деньги были заменены серебряным стандартом, а в 1560-е годы ради увеличения притока серебра из-за границы ослабили ограничения на торговлю с Юго-Восточной Азией и обложили налогом торговцев, получивших разрешение на морскую торговлю².

¹ Tong (1991: 115–129); Wakeman (1985: ch. 1); Huang (1969: 105–123); Hung (2001c: 12–18); Wills (1979: 210–211).

² Tong (1991); Atwell (1986); Flynn and Giraldez (1995); Wills (1979: 211); Elisonas (1991: 261–262); Hung (2001a: 498–500).

Эти изменения в фискальной, денежной и торговой политике способствовали огромному притоку серебра благодаря морской торговле сначала с Японией (главным поставщиком серебра в регионе), а затем с Европой и обеими Америками¹. Однако несмотря на то, что Испания стала перевозить свое американское серебро в Китай через Манилу и это значительно смягчило финансовый и социальный кризис, финансовые трудности правителей Мин усугубились из-за дорогостоящей войны с Японией в 1590-е годы, полномасштабной войны с маньчжурами в 1610-е годы и возросшей коррупции при дворе и вообще в административном аппарате. Навязанные Японией ограничения на торговлю (1630-е годы) и значительное уменьшение поставок европейского серебра (1630-е и 1640-е) стали последней каплей: с повышением цены на серебро увеличилась налоговая нагрузка на крестьян, так что всю империю охватили волнения, приведшие к падению династии Мин в 1644 году².

С укреплением династии Цин произошел возврат к политике Мин, отдававшей предпочтение внутренней, а не внешней торговле, причем это политика проводилась даже более жестко. В период 1661–1683 годов Цин вновь запрещают частные морские перевозки и проводят такую суровую земельную политику, что юго-восточные прибрежные районы Китая превращаются из основного региона, связывавшего Китай с мировыми рынками, в совершенно обезлюдившие земли, которые не связывают, а разделяют два мира. Запрет на морские перевозки был отменен только в 1683 году, однако вводились строгие ограничения на строительство морских судов, определявшие допустимые размеры и вес торговых джонок, а оружие на борту вообще запрещалось. Так начиналась новая эпоха, когда торговля стала легальной, но Китай как морская держава утратил свою, пусть и относительную, самостоятельность. Затем в 1717 году китайским подданным было вообще запрещено совершать частные поездки морем, а в 1757 году единственным портом для ведения международной торговли был назначен Гуанчжоу, так что развитие всего юго-восточного побережья затормозилось почти на сто лет³.

¹ Atwell (1998: 403–416); Brooks (1998: 205).

² Atwell (1986 and 1998: 407–415).

³ Skinner (1985: 278–279); Wills (1979).

В то время как внешняя торговля сокращалась, присоединение целого ряда приграничных районов не только расширило внутренний рынок, но и сократило защитные издержки по всей империи — это сокращение было проведено правительствами в форме снижения и стабилизации налогов. Низкое и стабильное налогообложение сопровождалось активными действиями государства, которое истребляло коррупцию в среде бюрократов, пресекало уклонение от налогов, производило учет земли по всей империи, осуществляло фискальные реформы и совершенствовало системы сбора информации. Большие результаты принесли также перераспределение земель и их освоение. Для укрепления своей власти над ханьскими землевладельцами правители Цин еще в начале своего правления поощряли дальнейшее деление больших поместий на мелкие клочки земли, а также превращение крепостных в арендаторов. Одновременно были запущены разнообразные программы культивации земли, чтобы восстановить фискальную базу, не поднимая налогов¹.

Проведя «двойную» демократизацию землевладения — в виде дробления больших поместий и через культивацию земель, правительство перешло к развернутым действиям по созданию и развитию инфраструктуры гидросооружений. Высокопоставленный китайский чиновник Чэнь Хонмоу (Chen Hongmou) считал, что, «когда бедные люди вводят в оборот новые земли, администрация должна вовремя обеспечить им помощь в создании локальных ирригационных систем. Если на местном уровне нет возможности финансировать такие проекты, деньги должно выделить государство. Поскольку, если создание систем водоснабжения будет определяться местными возможностями, сделать удастся очень немного»².

Правительственные программы поддержки сельского хозяйства, ирригации и водного транспорта были составляющими борьбы Цин с временной и географической неравномерностью экономического развития страны. Как мы уже отмечали,

¹ Wang (1973); Perdue (1987: 78–79); Hung (2004: 482–483); Bartlett (1991); Huang (1985: 97–105); Jing (1982: 169–181). Когда же политика Цин привела к демографическому взрыву, то целью программ культивации земель стало не восстановление фискальной базы центрального правительства, а обеспечение пропитания быстро растущего населения. Rowe (2001: 56–57).

² Цит. по: Rowe (2001: 223).

методом борьбы с географической неравномерностью была политика подъема периферийных районов с помощью рыночных механизмов. Этому служило содействие миграции в малонаселенные районы через информирование населения, создание инфраструктуры и займы, распространение новых сортов зерновых и новых ремесел, большие вложения в инфраструктуру с целью обеспечить пропитание населения в экологически неблагоприятных районах, а также такое налогообложение земли, которое поддерживало бы беднейшие регионы¹.

Что же до неравномерности временного развития, то здесь Цин действовали прежде всего путем широкого и очень хорошо скоординированного создания постоянно поддерживаемых запасов зерна. Правительство Цин полагалось на рыночные механизмы в деле обеспечения пропитанием огромного и все растущего населения Китая не меньше своих предшественников, а может быть, и больше. Однако оно превзошло все другие правительства в защите населения от изменчивости рынка зерновых, создавая систему зернохранилищ, которые позволяли в плодородные годы закупать и закладывать на хранение зерно по низким ценам, а во времена недорода и высоких цен — продавать его по ценам ниже рыночных. Больше того, чиновники самого высокого уровня занимались координацией притока запасов зерна в местные зернохранилища так, что каждое из них могло быстро и эффективно отреагировать на циклические изменения цен².

Результатом принятых экономических мер были исключительный мир, процветание и демографический рост, которые превратили Китай XVIII века в яркий пример «естественного пути к изобилию», а для европейцев, выступавших за просвещенную монархию, меритократию и сельское хозяйство как основу национальной экономики, это был еще и вдохновляющий пример. И хотя, замечает Роу, ни один из китайских ученых XVIII века не изучал вклад частного предпринимательства в национальную экономику, Чэнь Хонмоу, которого мы уже цитировали, тем не менее считал рынок важным инструментом управления — так же как Смит, Гоббс, Локк или Монтескье.

Чэнь без колебаний прибегает к аргументу о выгоде, когда ему надо заручиться поддержкой местного населения для осуществления различных проектов, таких как

¹ Pomeranz (2000: 250); Mann (1992: 86); Wong (1997: 148).

² Will and Wong (1991); Rowe (2001: 155–185).

строительство новых дорог, введение в региональном производстве новых наименований производимых на экспорт товаров, строительство общинных зернохранилищ и т. д. Опираясь на понятие, очень близкое к «невидимой руке» Смита, Чэнь заявляет, что эти новации принесут выгоду всем... так, что выгоду получит каждый¹.

Однако ни Чэнь, ни его современники «не отвергают конфуцианского идеала общественной гармонии в угоду представлению о ничем не сдерживаемой борьбе на рынках... и откровенной политике *laissez-faire* (полной свободы торговли)»². Хотя Смит не был конфуцианцем, как мы видели в главе 2, он, как и Чэнь, не принимал идею обращения к политике *laissez-faire*, если это идет в ущерб общественному спокойствию и национальной безопасности. И окажись он на месте Чэня, он, наверное, поступал бы так же. Правда, Смит считал, что развитие внешней торговли, в особенности с использованием китайского флота, способствовало бы дальнейшему обогащению Китая. Однако в своем «Богатстве народов» он выступает именно за такое экономическое развитие, которое проводили правители Цин: приоритетное развитие сельского хозяйства, перераспределение земли и ее культивация, создание и расширение внутреннего рынка.

Недостаток представлений Чэня и правителей Цин о развитии страны состоит не в том, что они отвергали безоговорочное обращение к политике *laissez-faire*, а в том, что они не видели, как собирается буря, готовая обрушиться на берега Китая. Как и Смит, они не смогли увидеть, что по видимости «неестественный» путь Европы к изобилию по существу был переустройством мира через созидательное разрушение, чего еще не знала история мира. По словам Макнила, «европейские корабли вернули Евразию наизнанку. Теперь местом столкновения с чужаками становятся не степи, а моря, и автономному существованию азиатских народов и государств приходит конец»³. Если уж Смит, находившийся в эпицентре бури, не видел ее приближения, то надо извинить слепоту Чэня и правителей Цин. Важнее то, что они, как и многие наши современники, не видели фундаментальной разницы между капиталистическим и нека-

¹ Rowe (2001: 201–202).

² Rowe (2001: 204).

³ McNeill (1998: 231).

Капиталисты в некапиталистической рыночной экономике

В заключении своего классического исследования о формировании «самого большого и устойчивого государства в мире» Марк Элвин высказывает мысль, что в результате собственных успехов в развитии гигантского национального рынка Китай попал в *ловушку в высокой точке равновесия*. Из-за быстрого роста производства и населения истощились все ресурсы, *кроме рабочей силы*, и поэтому вводить повышающие доходность инновации становится очень трудно.

Уменьшение излишков сельскохозяйственной продукции, падение доходов и спроса на душу населения, снижение стоимости рабочей силы и рост затрат на ресурсы и капитал, когда технологии в сельском хозяйстве и на транспорте уже достигли такого высокого уровня, что усовершенствования становятся непростыми, привели к тому, что крестьяне и торговцы уже не могли двигаться в сторону трудосберегающей механизации, но только в сторону экономии средств на ресурсах и на основном капитале. Огромные, но практически статичные рынки не могли создать для системы производства тех узких мест, которые стимулировали бы творческую активность. Когда возникает кратковременная нехватка чего-либо, расторопность торговли при дешевом транспорте становится более действенным и надежным средством, чем изобретение новых машин. Эту ситуацию можно характеризовать как «ловушку в высокой точке равновесия»¹.

Из сказанного не вполне понятно, когда конкретно Китай попался в ловушку в высокой точке равновесия. Элвин делает два утверждения, которые не то чтобы помогают ответить этот вопрос, но определяют природу рыночного развития при династии Мин и в начале правления Цин. Первое состоит в том, что с отменой крепостничества и кабального арендаторства в эпоху Цин в сельских районах началось развитие «общества совершенно нового типа». Второе — в том, что «технологические инновации и изобретения в период 800–1300 годов привели к таким невероятным переменам, результат которых может быть описан адекватно только как революция, так что последующее развитие Китая замедлилось не только относительно быстро развивавшейся Европы, но и относительно предшествующего развития самого Китая»².

¹ Elvin (1973: 314).

² Elvin (1973: 318).

Описание развития Китая до 1300 года выходит за рамки нашего исследования. Здесь нам достаточно сказать, что есть надежные основания (включая приводимые Элвином) поверить утверждению Кристофера Чейз-Данна (Christopher Chase-Dunn) и Томаса Холла (Thomas Hall), что «капитализм» едва не состоялся в Китае эпохи Сон¹. В настоящей главе мы уже отмечали, что тенденции, ставшие типичными для развития Европы по капиталистическому пути в «долгом» XVI веке, уже имелись в Китае в эпохи Сон и Юань. Поэтому замедление развития Китая после 1300 года можно рассматривать как первое попадание в ловушку в высокой точке равновесия — что, кажется, делает и сам Смит, когда замечает: «Возможно, еще задолго до Марко Поло Китай приобрел все те богатства, которые можно было приобрести при его законах и институтах»².

Однако приведенная интерпретация противоречит факту необыкновенного экономического роста, который Сутихара называет китайским чудом XVIII века и благодаря которому (как мы видели на графике 1.1) доля Восточной Азии в мировом ВВП продолжала расти еще в течение полувека после начала британской промышленной революции. Как же объяснить этот новый виток экономического роста, если Китай вступил в период застоя около 1300 года или даже раньше? Неужели деятельность правителей Мин и Цин (в начале их правления) по государственному строительству и развитию экономики, а также появление при Цин «абсолютно нового типа общества в деревне» не помогли Китаю освободиться из этой ловушки в высокой точке равновесия? На этот вопрос мы попробуем ответить, опираясь на установленное в главе 3 различие между капиталистическим и основанном на рынке некапиталистическим развитием.

Во-первых, установленная Смитом тенденция попадания в ловушку в высокой точке равновесия не исключает того, что точка равновесия может стать еще выше в случае соответствующих изменений географических и институциональных

¹ Chase-Dunn and Hall (1997: 47).

² Впрочем, Смит немедленно дополняет это утверждение другим, которое приводит (как у Элвина) к невозможности определить, когда же Китай перестал развиваться: «Хотя Китай, может быть, и находится в состоянии застоя, все же, кажется, он не идет назад». Smith (1961: I, 80–81).

условий рассматриваемой экономики. Во-вторых, китайское экономическое чудо XVIII века может быть наилучшим образом интерпретировано именно как переход экономики из высокой точки равновесия в еще более высокую, прежде всего в связи с географическими и институциональными переменами, которые произвели правители Мин и Цин. В-третьих, несмотря на этот новый подъем, рыночное развитие в Китае шло в противоположном (сравнительно с Европой) направлении, поскольку становилось менее, а не более капиталистическим¹.

В главах 3 и 8 мы уже говорили, что капиталистический характер развития, основанного на рынке, определяется не наличием капиталистических институтов и их соотношением, но отношением государственной власти к капиталу. Как бы много ни было капиталистов при определенной рыночной экономике, если государство не подчинено их классовым интересам, эта экономика остается некапиталистической. Даже Бродель приводит императорский Китай в качестве примера страны, где «особенно удачно и настойчиво разделяют рыночную экономику и капитализм». Китай не просто имеет «основательную рыночную экономику... где отдельные местные рынки связаны между собой, а среди населения полно кустарей-одиночек и коммивояжеров, где множество торговых улочек и крупных городов». К тому же торговцы и банкиры из провинции Шаньси, а также живущие за границей китайцы (родом из Фуцзяня и других южных прибрежных провинций) организованы в бизнес-сообщества, которые и были преобладающими капиталистическими организациями Европы XVI века. И тем не менее безусловно враждебное отношение государства «ко всякому, кто «ненормально» богатеет», означает, «что здесь не может быть никакого капитализма, кроме как в строго ограниченных группах, которые поддерживает и контролирует государство и которые в той или иной степени находятся у него во власти»².

¹ Если говорить в терминах графика 2, то наше второе предположение относительно китайского экономического чуда XVIII века представлено подъемом кривой du/y вправо. Наше третье предположение означает, что, несмотря на этот подъем, основанное на рынке экономическое развитие Китая не обнаруживало тенденции к периодическим финансовым экспансиям и «пространственным закреплениям» во все больших масштабах, о чем мы говорили в главе 8.

² Braudel (1982: 153; 588–589). Выделено в оригинале.

Бродель, безусловно, преувеличивает, рассуждая о том, насколько сильно капиталисты находились под властью враждебного к ним государства при правителях Мин и Цин (не говоря уже о более ранних периодах). Однако совершенно верно, что в Восточной Азии мы не найдем аналогов тем сменявшим друг друга и все более укреплявшимся государствам, которые в Европе связывали свое развитие с капитализмом: от итальянских городов-государств, протонационального государства Голландии и до национального государства Британии, становившейся центром опутавшей весь мир морской и континентальной империи. Эта последовательность больше, чем что-либо еще, определяет европейский путь развития как капиталистический, о чем мы уже говорили. И напротив, отсутствие чего-либо похожего на эту последовательность есть самый верный признак того, что в эпоху Мин и в раннем периоде эпохи Цин рыночное развитие в Восточной Азии оставалось некапиталистическим. Непосредственно связано с этой особенностью и отсутствие чего-то, хотя бы отдаленно напоминающего непрерывную гонку вооружений и территориальную экспансию, столь характерные для европейских государств. Как пишет Вон, «европейская торговля процветала благодаря правительствам, которые постоянно нуждались в средствах для покрытия постоянно растущих военных расходов... И европейские купцы, и правительства выигрывали от установившихся между ними сложных отношений: первые получали невиданные прибыли, вторые обеспечивали необходимые доходы. Такой взаимной зависимости богатых купцов и правительства в позднеимператорском Китае не было. Не имея особых финансовых затруднений, как в Европе XVI и XVIII веков, китайские правители не имели и нужды изобретать новые формы финансирования, давать купцам в долг огромные суммы, здесь вообще отсутствовало понятие государственного (или частного) долга¹.

Однако капитализм в Восточной Азии не увял. Внутри Китая большие деловые организации, контролирующие торговых посредников и субподрядчиков, стали неотъемлемой частью национальной экономики. И даже участие в торговле на дальние расстояния для жителей всех районов этой

страны было гораздо доступнее, чем для европейцев¹. В результате капиталисты оставались зависимой социальной группой, не имевшей возможности подчинять общие национальные интересы собственным классовым интересам. Так что в Восточной Азии капитализм мог развиваться не в центрах, а на границах и по окраинам системы государств. Наиболее ярким воплощением такого развития стала китайская диаспора, жизнеспособность которой и экономическое значение имеют очень мало аналогов в мировой истории. Несмотря на ограничения, введенные во времена правления Мин, периодические поражения и вызовы со стороны мусульман и других соперников, диаспора получала высокие прибыли и непрерывно направляла доходы региональным правительствам, доставляя средства в прибрежные районы Китая².

В XVII веке, во времена, когда происходил переход власти от династии Мин к династии Цин, в Китае сложились условия для такого развития, которое напоминало европейское: семья Чжэн создала коммерческую империю, сравнимую с голландской. Строя военные корабли и производя огнестрельное оружие, которые не уступали европейским, Чжэн покончили с конкуренцией португальцев, с успехом уклонялись от сборщиков налогов, действовавших от имени Мин, и оказывали сопротивление их военному флоту, монополизировали торговлю шелком и керамикой и распространили свое влияние от Гуандуна и Фуцзяня до Японии, Тайваня и Юго-Восточной Азии. К 1650 году они создали мятежную провинцию на юго-восточном побережье Китая. Но в 1662 году, не сумев разгромить маньчжуров на материке, они отступили на Тайвань, выгнали оттуда голландцев и создали собственное государство. Бывший голландский губернатор Тайваня был так потрясен их успехами, что в 1675 году сравнивал подъем морской державы Чжэн с подъемом голландцев в Европе за сто лет до того. В этом сравнении есть преувеличение, но Чумэй Хо (Chumei Ho) не без оснований утверждает, что «системы сбора коммерческой и политической информации у Чжэн, должно быть, были по меньшей мере столь же эффективны, как у их главных врагов — маньчжуров и голландцев... Возможно, организация Чжэн была в чем-то похожа на VOC (Verenigde

¹ Hamilton and Chang (2003); Wong (2004).

² Hui (1995: 35–36); Wills (1998: 333); Wang (1991: 85–86; 1998: 320–323).

Oostindische Compagnie — Голландская объединенная Ост-Индская компания; создана в 1602 году. — *Прим. ред.*)»¹.

Не были Чжэн и пассивными участниками при переходе власти от одной династии к другой. На ранних стадиях борьбы за власть они были важным союзником Мин — тогда многие члены семьи Чжэн стали офицерами и генералами в армии Мин, — а когда в 1647 году армия Цин вошла в Фуцзянь, Чжэн Цзилун (Zheng Zhilong) попытался перейти на сторону противника. Это ему не удалось, а Цин в ответ заключили Чжэн Цзилуна в тюрьму и затем казнили. Впрочем, при Чжэн Чэнгуне (Zheng Chenggong) власть Чжэн достигает новых высот. В 1660–1670-е годы их власть на Тайване представляла собой по сути независимое государство, они собирали дань и вели торговлю с испанскими Филиппинами, Рюкю и другими государствами Юго-Восточной Азии. Преемник Чжэн Чэнгуна Чжэн Цзин (Zheng Jing) неоднократно отвергал предложение Цин о предоставлении им статуса полуавтономии и взамен предлагал признать их вассалами Цин, основываясь на исторических прецедентах: Корея и Рюкю. Император Канси настаивает, что «тайваньские разбойники — это фуцзяньцы, и Тайвань нельзя сравнивать с Кореей и Рюкю». Чжэн просили очень много и не получили ничего, а власть их пала в 1683 году в результате военного поражения².

Можно извлечь много поучительного из того, что при всем сходстве торговые империи Чжэн и голландцев имели разные судьбы. В европейском контексте голландцы стали лидерами в институализации баланса сил европейских государств, облечения властью капиталистических слоев общества внутри этих государств и усиления конкуренции разных государств в процессе создания заморских империй. В Восточной Азии, напротив, падение империи Чжэн расчистило путь для демилитаризации китайских купцов, усиленного строительства национальной экономики, как в Китае эпохи Цин, так и в Японии Токугавы, и стремительного упадка власти китайской диаспоры по сравнению с территориальными государствами этого региона. Как отмечает Померанц, империя Чжэн «представляет собой наглядный пример той деятельности, которую вполне можно сравнить с европейской вооруженной торговлей и колонизацией, но которая не характерна для нормальной государственной системы Китая»³.

¹ Wills (1979, 1998); Wong (1983); Coyett ([1675] 1903); Ho (1994: 44).

² Hung (2001c: 33–37).

³ Pomeranz (2000: 204).

Несмотря на успешное продвижение восточноазиатской «революции прилежания» и на дальнейшее увеличение доли Восточной Азии в мировом производстве, внутреннеориентированная политика Китая эпохи Цин и политика Японии Токутавы, как признает и Сугихара, привела к резкому сокращению торговли между азиатскими странами с начала XVIII века¹. Еще хуже то, что в морях Восточной Азии образовалась пустота, которую не могли заполнить плохо экипированные и невооруженные китайские купцы. Эту пустоту постепенно заполнили европейские государства, компании и купцы, которые на рубеже XVIII и XIX веков быстро укрепляли свое господствующее положение на восточноазиатских морях. В этом смысле критическим оказался дальнейший упадок судостроения и навигационных технологий в Китае, при том что в Европе и то и другое в это время быстро развивалось².

Уже приведенное нами выше утверждение Смита, что расширение внешней торговли отвечало бы национальным интересам Китая (в особенности если значительная часть этой торговли велась бы на китайских кораблях), конечно, обосновано не столько чисто экономическими соображениями, сколько соображениями национальной безопасности, а именно способностью Китая отслеживать европейскую угрозу на морях и отвечать на нее. Однако в течение столетия главную проблему в смысле безопасности для Цин представляла северо-западная граница и Ханьский Китай, где все еще ставили под сомнение легитимность их правления, поскольку они были иностранными завоевателями. В этих обстоятельствах, конечно, было бы непозволительной роскошью вкладывать средства в строительство флота, навигацию и внешнюю торговлю, а в худшем случае такая политика привела бы к неблагоразумному расширению границ империи. Да и зачем было чрезмерно расширять свои границы, когда европейские государства соревновались в том, кто больше вложит в Китай серебра в обмен на китайские товары? В результате очень выгодного экспорта китайского шелка, фарфора и чая, а также очень высокого китайского спроса на серебро, который привел к тому, что здесь оно было вдвое дороже, чем в других частях света, в Китай в XVI–XVIII веках поступает три четверти серебра из Нового света³. Трудно

¹ Sugihara (1996: 38–39).

² Cushman (1993: 136); Hui (1995: 79–80).

³ Flynn and Giraldez (1999: 23–24).

представить себе, как при всей успешности интровертного развития, удивлявшей даже европейцев, правители Цин смогли увидеть эту новую силу, которую агрессивные приплывшие по морю «варвары» принесли в регион.

Итак, в Восточной Азии не было характерной для европейского развития неразрывной связи милитаризма, индустриализма и капитализма, которая провоцировала на экстерриториальную экспансию (и ею же поддерживалась). Именно поэтому восточноазиатские государства гораздо дольше, чем европейские, жили в мире между собой и Китай мог укрепиться как величайшая рыночная экономика. Однако, с другой стороны, не принимая, подобно странам Европы, участия в экстерриториальной экспансии и гонке вооружений, Китай и вся восточноазиатская система оказались уязвимыми перед военным натиском расширявших свои территории европейских государств. Вот почему включение Восточной Азии на условиях подчинения в глобализующуюся европейскую систему стало неизбежным.

Включение и соединение

Подчиненное включение Восточной Азии в европейскую систему и сокращение доли этого региона в общем объеме мирового производства (как мы видели на графике 1.1) не были вызваны только лишь конкуренцией западного предпринимательства с восточноазиатским. Как мы предполагали в главе 3, в противоположность утверждению Маркса и Энгельса, что дешевые товары — это «тяжелая артиллерия», с помощью которой европейская буржуазия «разрушит все китайские стены» даже после того, как британские канонерки разрушат стены правительственных ограничений, защищающих внутренний китайский рынок, все-таки британские торговцы и производители с трудом выигрывали в соревновании со своими китайскими соперниками. Импорт британского текстиля после 1830-х годов действительно нанес ущерб ряду секторов китайской экономики и некоторым регионам. Однако в сельских районах британские хлопчатобумажные ткани никогда не выдерживали конкуренции с китайскими тканями более высокого качества. А после того как импорт вытеснил ручное производство хлопчатобумажной пряжи, применение более дешевого машинного прядения дало новый толчок местной текстильной промышленности, что позволило ей не только выстоять, но даже разви-

ваться¹. Западные компании, открывавшие производство в Китае, так и не смогли проникнуть в обширные отдаленные районы страны, так что им приходилось прибегать к услугам китайских торговцев для доставки сырья на производство и для продажи своей продукции. И хотя в некоторых отраслях промышленности западное производство действительно преуспело, китайский рынок в целом (за исключением железных дорог и шахт) разочаровал иностранных коммерсантов².

Включение Китая в структуры британоцентричной капиталистической экономики не только не разрушило местные формы капитализма, но и возобновило распространение китайских торговых общин, которые в свое время появились в переходных зонах, не охваченных синоцентричной вассальной системой торговли. Новые возможности для развития этих общин появились, когда Опиумные войны и восстания внутри страны подорвали способность двора Цин управлять потоком товаров и людей, движущимся через границы Китая. Надежным источником этих новых возможностей стала торговля опиумом; но наибольшие возможности предоставляла «торговля кули» — поставка и переправка за границу рабочей силы по договору, а также финансовые транзакции, связанные с переводом денег обратно в Китай. Торговля кули обогащала не только отдельных торговцев, но и целые портовые города — Сингапур, Гонконг, Пенанг и Макао, которые удостоились чести стать «резервуарами» для денег китайской бизнес-диаспоры. Благодаря ей росли поселения китайцев в Юго-Восточной Азии, увеличивая возможности заморского китайского капитала получать прибыль от коммерческого и финансового посредничества внутри региона и за его пределами³.

Фискальные и финансовые трудности, порожденные войнами, восстаниями, ухудшением условий торговли и стихийными бедствиями, вынудили двор Цин не только ослабить контроль над деятельностью китайцев диаспоры, но даже искать у них финансовой поддержки. Взамен им предоставляли должности, титулы, защиту их имущества и связи в Китае, а также открывали доступ к очень доходной торговле оружием и к бизнесу, связанному с правительственными займами. Эта «политическая» плата не спасла правителей Цин, но вплоть до их

¹ Johnson (1993: 171–174); Feuerwerker (1970: 371–375); Hamilton and Chang (2003).

² Kasaba (1993); Chen (1984: 58–61); So (1986: 103–116); Nathan (1972: 5).

³ Hui (1995: ch. 3); Northup (1995); Headrick (1988: 259–303).

окончательного падения в 1911 году она оставалась главным источником обогащения живших за границей китайских капиталистов¹.

Как мы уже замечали в главе 3, Маркс не был уверен в том, какую роль «артиллерия» дешевых товаров сыграла в переустройстве мира соответственно интересам европейской буржуазии, а Опиумные войны он назвал примером дальнейшего употребления военной силы как «повивальной бабки» этого переустройства. И действительно, именно военная сила оказалась решающим фактором подчинения Восточной Азии Западу. Более того, прибегнуть к военной силе пришлось из-за того, что британские торговцы не смогли проникнуть на китайский рынок законными средствами.

В первой половине XIX века, замечает Джозеф Эшерик (Joseph Esherick), «Запад мог проникнуть в Китай только через опиум»². В отношениях с Британией он играл даже более важную роль, поскольку продажа индийского опиума в Китай была важнейшим условием передачи вассальной дани из Индии в Лондон. Как объяснял глава отдела статистики Ост-Индской компании, «Индия, экспортируя опиум, помогает снабжать Англию чаем. Китай, потребляя опиум, облегчает операции с прибылями между Индией и Англией. Потреблением чая Англия способствует росту спроса на опиум в Индии»³.

Необходимость расширения индо-китайской торговли для облегчения операций с прибылями между Индией и Англией уже с самого начала была главным стимулом опиумной торговли. Еще в 1786 году лорд Корнуоллис, тогдашний генерал-губернатор Индии, указывал, что развитие индо-китайской торговли было совершенно необходимо для оплаты, по крайней мере отчасти, китайского экспорта чая и шелка в Британию и другие европейские страны, в особенности для перевода немалых вассальных выплат Бенгалии в Англию без *значительного обесценения валюты при обмене*⁴. После того как в 1813 году была аннулирована монополия Ост-Индской компании на торговлю в Индии, эта компания удвоила контрабандные поставки опиума в Китай. Быстро росли объемы перевозок по морю — в три раза за период 1803–1813-го и 1823–1833 годов, подтверждая правоту лорда

¹ Tsai (1993: 63); Hui (1995: ch. 3).

² Esherick (1972: 10).

³ Thornton (1835: 89).

⁴ Bagchi (1982: 96); Greenberg (1951: ch. 2).

Корнуоллиса. Как это было описано современниками, от торговли опиумом «почтенная компания годами получала колоссальные доходы, которые давали британскому правительству и государству бесчисленные политические и финансовые преимущества. Смещение торгового баланса между Великобританией и Китаем в пользу первой позволило Индии десятикратно увеличить потребление произведенных в Британии товаров, прямо способствовало поддержанию британского господства на Востоке, оплачивало учреждения Ее Величества в Индии, а за счет валютных операций и перевода средств от чайной торговли британское казначейство получало огромные доходы, порой достигающие шести миллионов фунтов в год»¹.

Упразднение китайской монополии Ост-Индской компании в 1833 году способствовало усилению конкуренции в этой прибыльной отрасли британской торговли и подвигло британских торговцев выступать за «сильную руку Англии», чтобы преодолеть ограничения, которые китайское правительство наложило на опиумную торговлю. Но китайское правительство вовсе не поддалось британскому давлению и быстро справилось с этой торговлей, которая была столь же губительной для Китая, сколь прибыльной она была для Британии. Она не только разрушала общественную ткань из-за роста числа наркоманов, но и оказывала весьма разрушительное влияние на китайскую политическую экономию. Доходами от контрабанды опиума пользовались и китайские официальные лица; будучи коррумпированными, они мешали проведению официальной антиопиумной политики во всех сферах и, прямо или косвенно, способствовали росту общественного недовольства. В то же время благодаря этой торговле из Китая в Индию широким потоком лилось серебро — от 1,6 млн таелов (таел — восточная серебряная монета, мера веса. — *Прим. ред.*) в год в 1814–1824 годах до 5,6 млн за два года до первой Опиумной войны². Когда в 1838 году вышел имперский эдикт, объявлявший решительную борьбу с опиумной торговлей, влияние этого потока серебра на финансовое и фискальное единство Китая было просто разрушительным. «Если мы не примем меры для нашей защиты, — провозглашалось в эдикте, — богатство Китая просто растворится в бездонной пучине далеких стран»³.

¹ *Cum. no: Greenberg (1951: 106–107).*

² *Yen et al. (1957: 34); Lin (1991: 11).*

³ *Cum. no: Greenberg (1951: 143).*

Китайское правительство назначило ответственным за истребление контрабанды опиума энергичного и неподкупного Линь Цзэсюя (Lin Zexu), вовсе не намереваясь подавлять другие виды внешней торговли, такие как торговля чаем, шелком и хлопчатобумажными изделиями, — они получали правительственную поддержку. Сам Линь проводил строгое различие между нелегальной опиумной торговлей, с которой он собирался решительно покончить (с помощью британского правительства или без оной), и легальными формами торговли, о поддержке которых он просил британское правительство, чтобы вытеснить за счет этого торговлю нелегальную¹. Убедить англичан содействовать истреблению наркотрафика во имя законности и морали Линю не удалось, и тогда он начал конфискацию и уничтожение контрабандного опиума, а некоторых контрабандистов бросил в тюрьму. Британский парламент сурово осудил эту полицейскую операцию на китайской территории как «прискорбный грех», «ужасное преступление» и «чудовищное беззаконие», когда «по Божьему и человеческому закону» Англия имеет безусловное право «потребовать возмещения силой, если мирные требования будут отвергнуты»².

Очевидно, что в Британии и Китае царили совершенно разные представления о международном праве и морали. Но если, согласно китайским представлениям, устанавливать законы и требовать их соблюдения китайское правительство могло только у себя в стране, то британцы претендовали на то, чтобы распоряжаться не только дома, но и в Китае. Перефразируя Маркса, можно сказать, что когда права равны, то дело решается силой, а Британия в это время сосредоточила достаточно огневой мощи, чтобы закрепить за собой право выбора в ущерб китайцам. Китаю нечем было ответить на то, что в один день в феврале 1841 года военный пароход уничтожил шесть военных джонок, пять фортов, два военных лагеря и одну береговую батарею³. После ужасной войны, нескольких больших восстаний и второй, еще более

¹ Waley (1958: 18, 28–31, 46, 123); Hao (1986: 113–115).

² Цит. по: Semmel (1970: 153). См. также: Owen (1934).

³ Parker (1989: 96). Как формулирует это К. Н. Чаудури (K. N. Chauduri), «когда по окончании тяжелой войны (1839–1942) китайское правительство согласилось открыть свои порты для британских торговцев опци-
мом, оно сделало это не потому, что выбирало между хорошим и плохим; оно делало выбор между выживанием и полным уничтожением» (1990: 99).

ужасной, войны с Британией (к которой на этот раз присоединилась Франция) Китай просто перестал быть центром относительно замкнутой системы восточноазиатских государств. Следующие сто лет он был все более зависимым и все более периферийным членом всемирной капиталистической системы. Китай отходил на периферию не просто в результате включения Восточной Азии в европейскую систему на правах подчиненности. Другой важной причиной стала радикальная перемена межгосударственных отношений в самой Восточной Азии, вызванная попытками Китая и Японии пойти по европейскому пути развития.

Как подчеркивают Кавакацу и Хамасита, модернизация и территориальная экспансия Японии конца XIX — начала XX века были всего лишь продолжением другими средствами многовековых попыток Японии стать центром восточноазиатской вассальной системы торговли¹. Изменения системных отношений радикально изменили и природу межгосударственной конкуренции, сложившейся в системе восточноазиатских государств после объединения, проведенного режимами Токутавы и Цин. В этом новом контексте конкуренция между восточноазиатскими государствами уже неотделима от попыток достичь высокой производительности западной промышленности в производстве средств производства, модернизация которого (и в Восточной Азии, и в Европе) была тесно связана с ростом военной мощи. Теперь гонкой вооружений была охвачена не только европейская система, но и восточноазиатские государства².

В течение двадцати пяти лет с начала процесса индустриализации в Китае и Японии его результаты были схожими. Накануне китайско-японской войны 1894 года «уровень современного

¹ Kawakatsu (1994: 6–7); Hamashita (1988: 20).

² Опциумные войны грубо продемонстрировали все преимущества военного превосходства Запада, так что правящие классы Китая и Японии поняли необходимость ускоренной модернизации армии. В свете этих новых задач китайский ученый и высокопоставленный чиновник Вэй Юань (Wei Yuan) обращается к старой идее использовать варваров для контроля над варварами, несколько трансформировав ее: использовать вооружение варваров (и средства его производства) для контроля над варварами. В Китае эта идея становится основной в развившемся после второй Опциумной войны «движении самоусиления». Несколькоми годами позже к ней же обращается режим Мэййдзи, и Япония начинает двигаться по пути быстрой модернизации. См.: Tsiang (1967: 144); Fairbank (1983: 197–198); So and Chiu (1995: 49–50).

экономического развития в обеих странах оставался примерно одинаковым»¹. Однако победа Японии в этой войне продемонстрировала фундаментальное различие индустриализации двух стран. В Китае главным проводником индустриализации были власти провинций, значительно усилившиеся по сравнению с центральным правительством во время подавления восстаний 1850-х годов; для них индустриализация была способом укрепления автономности. В Японии же, напротив, индустриализация была неотделима от реставрации династии Мэйдзи, сконцентрировавшей власть в руках национального правительства за счет ослабления власти провинций².

Исход китайско-японской войны усугубил различия китайской и японской индустриализации. Поражение Китая ослабило национальное единство, здесь начался политический хаос, который продолжался пятьдесят лет и был отмечен дальнейшим ограничением суверенитета, послевоенной разрухой и, наконец, падением династии Цин — при одновременном росте автономии полусуверенных военных правителей. Затем японское вторжение и то и дело вспыхивающие войны между националистами и коммунистами. Если отвечать на вопрос О'Брайена (см. главу 1), это разрушение государства было, возможно, единственной важной причиной того, что Китаю понадобилось так много времени на восстановление экономического статуса и ранга, который он имел в середине XVIII века.

Япония же в результате победы над Китаем в 1894 году, а затем и над Россией в войне 1904–1905 годов стала, как пишет Акира Ириэ (Akira Iriye), «уважаемым участником игры, которую вели силы империализма»³. Захват китайской территории, в особенности Тайваня в 1895-м, а затем Ляодунского полуострова; присвоение прав и привилегий в Южной Маньчжурии в 1905 году (раньше принадлежали России), признание Китаем японского сюзеренитета над Кореей, аннексированной как колония в 1910 году, — все это обеспечило Японию теми форпостами, откуда она могла в будущем атаковать Китай, а также обеспечивало ее надежными поставками дешевого продовольствия, сырья и новыми рынками. Одновременно китайские репарации, составлявшие до трети национального дохода Японии, помогли Японии развивать тяжелую

¹ *Feuerwerker (1958: 53).*

² *So and Chiu (1995: 53, 68–72).*

³ *Iriye (1970: 552).*

промышленность и перевести валюту на золотой стандарт. В свою очередь, благодаря этому Лондон повысил кредитный рейтинг Японии, так что увеличилась возможность получения дополнительных средств для индустриализации страны и империалистической экспансии за ее пределами¹.

Окончательно японский и китайский пути развития разошлись в 1930-е годы, когда Японии удалось занять ведущее положение в регионе, вытеснив Британию. Завершая перемещение центра восточноазиатского региона, в 1931 году Япония захватывает Маньчжурию, в 1935-м оккупирует Северный Китай, с 1937 года начинает полномасштабную интервенцию в Китай, а затем захватывает некоторые части Внутренней Азии и большую часть Юго-Восточной Азии. Однако удержаться в положении господствующей силы региона Япония не смогла. Колоссальные разрушения в результате кампании стратегических бомбардировок в последние месяцы войны (еще даже до Хиросимы и Нагасаки) продемонстрировали, что достижения Японии в освоении военных западных технологий несравнимы с достижениями США. Япония не удержала своего первенства еще и потому, что пробудила в Китае силы противодействия как японскому, так и западному господству. После поражения Японии образование Китайской Народной Республики вывело на сцену новые силы борьбы с гегемонией Запада, борьбы за роль центра Восточной Азии, и с тех пор они определяют направления развития и события в этом регионе.

Гегемония США и подъем Японии

Соединение западного и восточноазиатского путей развития было двусторонним процессом. В конце XIX — начале XX века происходила конвергенция преимущественно в сторону Запада — с губительными последствиями для всех восточноазиатских государств, включая Японию, первоначальный успех которых при вступлении в империалистическую игру закончился ядерным кошмаром Хиросимы и Нагасаки. А во второй половине XX века наступила очередь западного пути развития сместиться в сторону Восточной Азии. Эта малозаметная конвергенция началась с установлением Америкой режима холодной войны.

В результате оккупации Соединенными Штатами Японии в 1945 году и раздела региона на два антагонистических блока (после корейской войны) США, как пишет Камингс, создали в

¹ Peattie (1984: 16–18); Duus (1984: 143, 161–162); Feis (1965: 422–423).

регионе «вертикально организованный режим, держащийся на двусторонних договорах (с Японией, Южной Кореей, Тайванем и Филиппинами), причем этот режим проводится Государственным департаментом, стоящим над четырьмя министерствами иностранных дел упомянутых стран».

Будучи полусуверенными, эти страны насквозь пронизаны американскими военными структурами (оперативный контроль над вооруженными силами Южной Кореи, Седьмой флот, патрулирующий Тайваньский пролив, оборонная зависимость всех четырех стран и военные базы на их территориях) и не могут проводить независимую внешнюю политику или проявлять оборонные инициативы... В середине 1950-х произошло несколько небольших демаршей, прорывавших эту военную завесу... Но до 1970-х годов основной оставалась тенденция одностороннего доминирования американского режима с сильной склонностью к военным формам общения¹.

Милитаристская природа навязанного в одностороннем порядке американского режима не имела прецедента в Восточной Азии, за исключением (и то лишь отчасти) режима Юань в конце XIII — начале XIV века и до конца не реализовавшегося японоцентричного режима начала XX века. Американский режим, однако, обнаруживает три важных сходства с синоцентричной вассальной системой торговли. Во-первых, внутренний рынок центрального государства был несравнимо больше рынков вассальных государств. Во-вторых, для легитимации и доступа на внутренний рынок центрального государства вассальные государства должны были занять подчиненное положение по отношению к нему. И в-третьих, в обмен на политическое подчинение вассальные государства получали «дары» и торговые преимущества в отношениях с центральным государством. Это и был тот «великодушный» режим первых послевоенных лет, когда, как считают Одзава и Сугихара, торговля и помощь *Rex Americana* заложили основы восточноазиатского возрождения².

Имея в виду эти сходства, мы можем сказать, что первенство США в Восточной Азии после Второй мировой войны превратило периферию синоцентричной вассальной системы торговли в периферию американоцентричной вассальной системы торговли. Однако у этих систем есть два важных отличия. Первое состоит в том, что американоцентричная система

¹ Cumings (1997: 155).

² Ozawa (1993: 130); Sugihara (2003: 81).

была гораздо более милитаристской по структуре и целям, чем ее синоцентричные предшественники; кроме того, она стимулировала функциональную специализацию между империей и вассальными государствами, чего не было в синоцентричной системе. Как и в иберийско-генуэзских отношениях политического обмена XVI века (о них мы говорили в главе 8), США фокусировались на обеспечении защиты и утверждении своей политической власти как в рамках региона, так и в мировом масштабе, в то время как восточноазиатские вассальные государства в основном были нацелены на торговлю и извлечение прибыли. Именно этот политический обмен сыграл решающую роль в удивительной экспансии Японии, с чего началось возрождение региона. Как писал Шурманн, на ранних этапах этой экспансии, «освободившись от расходов на оборону, правительство Японии... направило все свои ресурсы и энергию на экономическую экспансию, принесшую Японии процветание и распространившую японский бизнес до самых дальних уголков земли»¹.

Второе отличие состоит в том, что американоцентричный режим холодной войны, в противовес предшествующим синоцентричным режимам, был чрезвычайно нестабильным: он начал разрушаться уже вскоре после того, как был установлен. Корейская война установила американоцентричный восточноазиатский режим, исключив КНР из нормального коммерческого и дипломатического общения с некоммунистической частью региона путем блокад и военных угроз при поддержке «целого архипелага американских военных сооружений»². Напротив, поражение во вьетнамской войне заставило США допустить Китай к нормальному коммерческому и дипломатическому общению с остальной Восточной Азией. В результате исключительно возросла степень экономической интеграции и экспансии региона, но соответственно сократилась способность США контролировать этот процесс³.

Кризис американского милитаризма и одновременная экспансия в регионе японского национального рынка и бизнес-структур стали характерными для межгосударственных отношений в регионе и напоминали местную (восточноазиатскую) систему. В этой системе центральное положение

¹ Schurmann (1974: 143).

² Cumings (1997: 154–155).

³ Arrighi (1996); Selden (1997).

определялось в первую очередь сравнительным размером и развитостью входивших в систему национальных экономик, а в насаждаемой здесь (западной) модели центральное положение испокон века определялось сравнительной мощью военно-промышленных комплексов. И если поражение США во Вьетнаме обнажило пределы индустриального милитаризма как источника власти, то рост влияния Японии в мировой политике в 1980-е годы продемонстрировал рост влияния экономических источников власти относительно военных. И не военная машина, а дешевые японские кредиты и товары позволили США в 1980-е годы остановить начавшуюся в 1970-х утрату их власти. Так что политическая и экономическая зависимость Японии от Соединенных Штатов трансформировалась во взаимозависимость: Япония по-прежнему зависела от США в том, что касалось военной защиты, но при этом воспроизведение американского «аппарата защиты» стало критически зависеть от японских денег и промышленности.

Рост японской экономики в 1980-е годы не был обусловлен каким-то большим технологическим прорывом. Главным для этого роста стал организационный фактор. Как говорилось в главе 6, распространение в мире вертикально интегрированных транснациональных корпораций усилило их взаимную конкуренцию, вынуждая идти на субконтракты с мелкими предприятиями, которым стали передавать некоторые виды деятельности, раньше осуществлявшиеся внутри самих этих корпораций. Тенденция к вертикальной интеграции и бюрократизации бизнеса, которая с 1870-х годов приносила огромные доходы американскому капиталу, теперь уступила место тенденции к созданию неформальных сетей и связанному с этим оживлению мелкого бизнеса. Эта тенденция присутствовала повсюду, но особенно успешно она проводилась в Восточной Азии. Как сообщает Japan's External Trade Organization, без многочисленных формально независимых субподрядчиков «японский бизнес утонул бы». С начала 1970-х размеры этой многослойной системы субконтрактов быстро росли, захватывая все больше стран Восточной Азии¹.

При этом, хотя ведущей силой этого распространения был японский капитал, велика была и зависимость от бизнес-сетей китайцев, живших за границей, которые с самого начала стали посредниками между японскими и местными

¹ Okimoto and Rohlen (1988: 83–88); Arrighi, Ikeda and Irwan (1993: 55ff).

предприятиями не только в Сингапуре, Гонконге и на Тайване, но и в большинстве стран Юго-Восточной Азии, где китайские меньшинства занимали командные позиции в местных бизнес-структурах. Так что распространение японской многослойной системы субконтрактов на весь регион поддерживалось сверху политическим патронажем США, а снизу — китайским коммерческим и финансовым патронажем¹.

Со временем, однако, патронаж (как сверху, так и снизу) начал сдерживать способность японского бизнеса возглавлять региональную экономическую интеграцию и экспансию. Как сетовал в начале 1990-х представитель крупного японского бизнеса, «у нас нет военной силы. Японские бизнесмены никак не могут влиять на принятие политических решений другими странами... Иное дело американский бизнес, и над этим японским бизнесменам следует задуматься»².

Указанное отличие означало не только то, что Япония никак не могла сравниться с Соединенными Штатами в способности оказывать влияние на политику третьих стран. Оно означало также то, что собственная политика Японии находилась в гораздо большей зависимости от интересов США, чем политика США от интересов Японии. Эта асимметрия не представляла проблемы, пока действовал послевоенный режим помощи и «великодушной» торговли с США. Однако, как мы уже упоминали в главе 9, к 1980-м — началу 1990-х годов этот режим был вытеснен настоящим «защитным» рэккетом, при помощи которого удавалось получить от Японии торговые уступки — такие как масштабная ревальвация иены и добровольные ограничения экспорта. Велико значение и прямых расчетов за «защиту» вроде тех, что пошли на оплату войны в Заливе. В этих обстоятельствах отношения политического обмена между Японией и США становились все менее выгодными.

Более того, американский бизнес начинает реструктурироваться, чтобы эффективнее конкурировать с японским бизнесом в эксплуатации восточноазиатских запасов рабочей силы и предпринимательских ресурсов — не только путем прямых инвестиций, но прежде всего посредством всякого рода субподрядов в слабо интегрированных структурах. Как отмечалось в главе 10, эта тенденция привела к вытеснению

¹ Hui (1995); Irwan (1995).

² J. Friedland, *The Regional Challenge*. *Far Eastern Economic Review*, June 9, 1994.

американских вертикально интегрированных корпораций вроде General Motors корпорациями, прибегающими к субподрядам, такими как Wal-Mart. Как продемонстрировали Гэри Гамильтон (Gary Hamilton) и Чан Вэй-ан (Chang Wei-An), заключение субподрядов под влиянием спроса, как это сделала Wal-Mart, было отличительной чертой большого бизнеса позд-неимператорского Китая и до сих пор остается преобладающей формой бизнеса на Тайване и в Гонконге¹. Вот почему мы можем считать создание и распространение американских деловых сетей на основе субподрядов еще одним проявлением конвергенции Запада в сторону восточноазиатских моделей бизнеса. Несмотря на эту конвергенцию, не японский и не американский капитал больше всего выиграл от включения восточноазиатских сетей с субподрядами в усиливающуюся конкурентную борьбу между ведущими капиталистическими организациями. Больше всего выиграл еще один участник процесса развития по восточноазиатскому пути — живущая за границами Китая китайская диаспора.

Как мы уже замечали, возможности для роста китайской диаспоры, которая веками оставалась главным источником распространения капитализма, прораставшего в щелях, оставленных синоцентричной вассальной системой торговли, чрезвычайно усилились после включения Восточной Азии в структуры глобализующейся системы с центром в Соединенном Королевстве. В начале XX века некоторые элементы китайской диаспоры попытались обратить свое возросшее экономическое влияние в политическое влияние в материковом Китае, поддержав революцию 1911 года и Гоминьдан в гражданской войне. Но эта попытка провалилась из-за наступившего политического хаоса, захвата прибрежных районов Китая Японией и последующего поражения Гоминьдана в борьбе с Китайской коммунистической партией².

После победы коммунистического режима ряды китайских предпринимателей за границей пополнились в результате новой волны миграции в Юго-Восточную Азию, особенно в Гонконг и на Тайвань, и в США. Вскоре корейская война ожи-вила межрегиональную торговлю, и перед китайцами диаспоры открылись новые возможности; такое же оживление

¹ Hamilton and Chang (2003).

² Об отношениях между китайской диаспорой и китайским национализмом см.: Duara (1997).

произошло и после выхода из региона европейских и американских больших предприятий колониальной эпохи и появления здесь новых транснациональных корпораций, которые нуждались в надежных партнерах по совместным предприятиям¹. Впрочем, когда после корейской войны американцы установили односторонний режим, китайцы диаспоры перестали выступать как коммерческие посредники между материковым Китаем и окружающим его морским регионом. Этому в равной степени способствовали как наложенное Соединенными Штатами эмбарго на торговлю с КНР, так и китайские торговые ограничения. В 1950–1960-е годы распространению китайского капитала мешало развитие национализма, а также идеологии и практики национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии. Однако, несмотря на все эти неблагоприятные условия, деловые сети, созданные китайцами диаспоры, еще больше консолидировались, занимая командные высоты в большинстве стран Юго-Восточной Азии².

Таким образом, заграничному китайскому капиталу удалось занять исключительно выгодные позиции для получения прибыли от трансграничной экспансии японских многослойных систем, использующих субподряды, а также от роста спроса со стороны американских корпораций на партнеров по бизнесу в регионе. Чем больше усиливалась конкуренция за низкооплачиваемую и высококвалифицированную восточноазиатскую рабочую силу, тем значительней становилась роль китайцев диаспоры как создателей действенных капиталистических сетей в регионе, причем эти сети во многом были эффективнее американских и японских транснациональных компаний³. Эти возможности обогащения и усиления многократно возросли, когда в 1980-е годы материковый Китай реинтегрировался в региональный и глобальный рынки. Решающим здесь стало открытие КНР для торговли с другими странами и для иностранных инвестиций, что положило начало совершенно новому этапу восточноазиатского возрождения — этапу перемещения центра региональной экономики в Китай. Теперь мы переходим к рассмотрению этого нового этапа.

¹ Wong (1988); Mackie (1998: 142).

² Baker (1981: 344–345); Wu and Wu (1980: 30–34); Mackie (1992: 165); Hui (1995: 184–185).

³ Arrighi, Hui, Hung and Selden (2003: 316); Ong and Nonini (1997).

Глава 12

Истоки и динамика подъема Китая

Мы не можем согласиться с широко распространенным мнением, будто особая привлекательность КНР для иностранного капитала состоит в огромном и дешевом рынке рабочей силы как таковой: трудовых ресурсов в мире много, но нигде они не привлекали капитал в таких размерах, как в Китае. Особая привлекательность китайской рабочей силы состоит в ее высоком качестве — в смысле здоровья, образования и способности к самоуправлению — в сочетании с быстрым формированием внутри самого Китая условий спроса и предложения для продуктивной мобилизации этих резервов рабочей силы. Причем это сочетание есть не результат деятельности иностранного капитала, но результат процесса развития, основанного на национальных традициях, включая даже революционную традицию, собственно, и породившую КНР. Иностраннный капитал включился в этот процесс позже, в некоторых аспектах поддерживая его, но в чем-то ему и препятствуя.

«Свахой», поспособствовавшей встрече иностранного капитала с китайской рабочей силой, предпринимателями и правительственными чиновниками, стал капитал китайской диаспоры¹. Она смогла сыграть эту роль благодаря решимости, с какой КНР при Дэн Сяопине начала искать помощи живущих за рубежом китайцев, чтобы открыть Китай для торговли с другими странами и инвестиций, а также в деле возвращения Гонконга, Макао и со временем Тайваня по схеме «Одна нация, две системы». Союз с диаспорой оказался для Китая гораздо плодотворнее, чем правительственная политика открытых дверей в отношении американских, европейских и японских корпораций, поскольку последние из-за ограничений в найме и увольнении рабочих, покупке и продаже товаров, вывозе прибылей из Китая сдерживали инвестиции, оставляя их на едва достаточном для пребывания в КНР уровне. В отличие от них китайцы, хоть и живущие вне страны, могли обходить многие правила благодаря знанию местных обычаев, традиций и языков, а также манипулируя родственными и общинными связями, которые они постоянно укрепляли щедрыми пожертвованиями в местные организации, и благодаря

¹ О капитале китайской диаспоры как о «свахе» см. также: Lardy (1992: 37–82); Fukasaku and Wall (1994: 26–42); Kraar (1994: 40). О происхождении китайского капитала в диаспоре см. главу 11.

тому, что официальные лица КНР предпочитали иметь дело с представителями диаспоры. И пока иностранные корпорации продолжали жаловаться на неблагоприятный инвестиционный климат, китайские предприниматели уже разъезжали между Гонконгом и Гуандуном почти так же просто (и почти так же активно), как они ездили из Шанхая в Гонконг сорока годами раньше. Вдохновившись этими успехами, китайское правительство с 1988 года принялось завоевывать доверие и поддержку зарубежного китайского капитала с удвоенной силой, распространив на резидентов Тайваня многие привилегии, какими до того располагали резиденты Гонконга¹.

Таким образом, политическое сотрудничество КПК с китайским бизнесом за границей установилось еще до тяньаньмэнской расправы с демократической демонстрацией. С охлаждением американско-китайских отношений после Тяньаньмэня желание инвестировать в Китай на Западе стало еще меньше. И хотя китайская доля общих инвестиций Японии в Юго-Восточной Азии постоянно возрастала — с 5% в 1990 году до 24% в 1993-м, этот рост не привел к восстановлению положения Японии в качестве лидера региональной экономической интеграции и экспансии, положения, которое она занимала в 1970–1980-х годах (см. главу 11). Скорее этот процесс отражал стремление японского бизнеса догнать китайцев диаспоры в реализации возможностей получения прибыли, которые открылись в связи с экономическими реформами в КНР. К 1990 году, когда японские инвестиции начали расти, 12 млрд долларов, инвестированные Соединенными Штатами в Гонконге и на Тайване, составляли 75% всех инвестиций в Китай и почти в 35 раз превышали инвестиции Японии. И как бы быстро ни росли затем японские инвестиции, они всегда шли в хвосте общего бума инвестиций в Китай². По мере того как подъем Китая в 1990-е годы набирал темп, японский, американский и европейский капитал устремлялся туда все более широким потоком. Прямые иностранные инвестиции, за все десятилетие 1980-х составившие лишь 20 млрд долларов, к 2000 году выросли до 200 млрд, а затем за три года достигли 450 млрд долларов. «Но если иностранцы инвестировали в Китай, — замечает

¹ So and Chiu (1994: ch. 11).

² Arrighi, Hui, Hung and Selden (2003: 316–17). Несмотря на бум прямых иностранных инвестиций 1990-х – начала 2000-х годов, больше половины из них предоставляла китайская диаспора, по-прежнему опережая других. Fishman (2005: 27).

Клайд Престовиц, — то лишь потому, что китайская диаспора инвестировала еще больше»¹.

Другими словами, иностранный капитал вспрыгнул на подножку уходящего вагона экономического подъема, который не им был начат и не им возглавлялся. Прямые иностранные инвестиции действительно сыграли важную роль в расширении китайского экспорта. Однако, как видно на графике 3.1, бум китайского экспорта приходится уже на более поздний период подъема Китая. Впрочем, даже тогда иностранный (в особенности американский) капитал нуждался в Китае больше, чем Китай нуждался в иностранном капитале. Перед американскими компаниями (от Intel до General Motors) стоял простой выбор: инвестировать в Китай и воспользоваться дешевой местной рабочей силой и быстро развивающейся экономикой или проиграть в конкурентной борьбе. Когда-то бывший всего лишь центром обрабатывающей промышленности, теперь Китай предоставлял также возможности производства и продажи высокотехнологичных товаров. «Теперь все стремятся в Китай. Там 1,2 миллиарда потребителей», — говорит глава Американской ассоциации электроники (AEA). С ним согласен вице-президент компании Corning, специализирующейся на производстве технологических компонентов: «Мало найдется стран, которые подавали бы такие надежды стать очень важными»².

Как же Китаю удалось приобрести такое значение? Какое сочетание действий и обстоятельств привело к этому исключительному экономическому преобразованию, «возможно, самому необыкновенному в истории», как утверждал Дж. Штиглиц?³ И как связан нынешний экономический ренессанс с традициями некапиталистического рыночного развития, со столетним провалом после Опиумных войн и с революционной традицией, породившей КНР? В поисках ответов на эти вопросы начнем с развенчания мифа о том, что подъем Китая якобы можно приписать приверженности неолиберальным идеям.

¹ Prestowitz (2005: 61).

² *Is the Job Drain China's Fault?* Business Week Online, October 13, 2003. M. Kessler, U.S. Firms: Doing Business in China Tough, But Critical. USA Today, August 17, 2004: 1–2.

³ J. Stiglitz, *Development in Defiance of the Washington Consensus*. The Guardian, April 13, 2006.

Открытие Китая: Смит против Фридмана

Часто говорят, что экономическая экспансия Китая принципиально отличается от экономической экспансии Японии в ее ранней стадии тем, что Китай был больше открыт для внешней торговли и инвестиций. Это верное наблюдение, но из него делают неверный вывод, будто Китай следовал неолиберальным предписаниям Вашингтонского консенсуса. Такой вывод делали как левые интеллектуалы, так и приверженцы консенсуса. На обложке книги Харви («Краткая история неолиберализма» — *A Brief History of Neoliberalism*) портрет Дэн Сяопина соседствует с портретами Рейгана, Пиночета и Тэтчер, и даже целая глава этой книги посвящена «китайскому» изводу неолиберализма¹. Так же и Питер Квонг (Peter Kwong) утверждает, что и Рейган, и Дэн Сяопин были «большими поклонниками гуру неолиберализма Милтона Фридмана».

Интересно, что китайцы столь рано обратились к идеям Фридмана — всего лишь через год после того, как Тэтчер начала проводить свои жесткие реформы под лозунгом «Альтернативы нет». Так что, когда Рональд Рейган начал в Америке «революцию», освобождая страну от социальной и материальной защищенности, существовавшей здесь со времени Ф. Д. Рузвельта, Дэн Сяопин и его сторонники стали действовать по рецепту Фридмана: «согнуть правительство с шеи народа» — и повели Китай в мир неолиберализма².

На другом краю идеологического спектра институты, продвигавшие идеи Вашингтонского консенсуса, — Всемирный банк, МВФ, министерства финансов США и Соединенного Королевства при поддержке таких влиятельных СМИ, как *The Financial Times* и *The Economist*, заявляли, что сокращение в мире разрыва в доходах и бедности, сопровождавшее экономический подъем в Китае после 1980 года, можно приписать тому, что Китай проводил предписываемую ими политику³. Это утверждение опровергается длинным списком экономических бедствий, спровоцированных именно приверженностью указанной политике, происшедших, в частности, в Центральной Африке, Латинской Америке и бывшем СССР. Имея в виду именно этот печальный опыт, Джеймс Гэлбрейт задается вопросом, следует ли нам и дальше считать 1990-е «золотым

¹ Harvey (2005).

² Kwong (2006: 1–2).

³ Критику этого заявления можно найти в Wade (2004).

временем капитализма» или, может быть, «чем-то вроде золотого времени удачно реформированного социализма (Китай и Индия) — и одновременно бедственным временем для тех, кто последовал предписаниям The Economist».

«И Китай, и Индия в 1970-е сумели выйти из-под влияния западных банков и избежали долгового кризиса. Обе страны и до сегодняшнего дня сохраняют контроль над капиталом, так что горячие деньги не могут свободно поступать в страну и утекать из нее. В обеих странах попрежнему большие сектора тяжелой промышленности принадлежат государству... Да, для Китая и Индии все в целом сложилось неплохо. Но почему: благодаря реформам или за счет постоянного государственного регулирования? Без сомнения, благодаря и тому и другому»¹.

Сосредоточившись пока исключительно на Китае и отложив на время вопрос, что именно там происходило: «реформирование социализма» или своеобразный капитализм, Гэлбрейт заявляет, что китайские реформы проводились не по рецепту неолибералов. Эту точку зрения разделяет и Штиглиц (см. главу 1): «Китай выиграл именно потому, что не отказался от постепенного осуществления преобразований в пользу шоковой терапии, за которую горячо ратовал так называемый Вашингтонский консенсус»; кроме того, в Китае поняли, что стабильность общества можно сохранить только при условии, что перестройка происходит при одновременном создании новых рабочих мест, а также при обеспечении продуктивного перемещения ресурсов, высвобождаемых в результате усиления конкуренции. Начиная реформы, Китай обращался за советом к Всемирному банку и к его помощи — но только на условиях соблюдения своих «национальных интересов», а не интересов министерства финансов США и западного капитала. Вот что вспоминает Рамгопал Агарвала (Ramgopal Agarwala), один из высокопоставленных чиновников Всемирного банка, работавший в Пекине: «Китай представляет собой, может быть, лучший пример страны, прислушивающейся к советам иностранцев, но принимающих решения лишь в свете собственных социальных, политических и экономических обстоятельств... Успех Китая объясняется именно тем, что он не следовал слепо рецептам Вашингтонского

¹ J. K. Galbraith, *Debunking The Economist Again*. <http://www.salon.com/opinion/feature/2004/03/22/economist/print.html>.

консенсуса. Проводить реформы с учетом местной специфики — вот что было отличительной чертой китайских реформ»¹.

Китайское правительство с радостью принимало и прямые иностранные инвестиции, но и в этом руководствовалось исключительно национальными интересами. Так, в начале 1990-х Toshiba и другим крупным японским компаниям было без лишних церемоний заявлено, что если они не приведут с собой в Китай производителей комплектующих, то и сами могут не приходить². В последнее время китайские автомобильные компании оказались в завидном положении, имея совместные предприятия с конкурирующими между собой иностранными компаниями, например Guangzhou Automotive (Гуанчжоу) с Honda и Toyota, — нигде больше на такое Toyota не пошла. Заключив подобное соглашение, китайский партнер научился лучшему у обоих соперников, оставаясь единственным из участников соглашения, кто имел доступ ко всем остальным³.

Так что в целом сокращение государственного регулирования и приватизация были гораздо более избирательными и шли медленнее, чем в странах, которые последовали советам неолибералов. Ключевым в процессе реформ была не приватизация, а развитие на государственных предприятиях конкуренции друг с другом, с иностранными корпорациями и, главное, со всеми новыми частными, получающими и коммунальными предприятиями. В результате конкуренции сильно сократились количество занятых на госпредприятиях и объем производимой ими продукции — по сравнению с тем, что приходилось на их долю в 1949–1979 годах; но, как мы покажем дальше, правительство и впредь не ослабляло своего участия в экономическом развитии страны. Напротив, оно направляло гигантские суммы на развитие новых отраслей промышленности, на организацию особых экспортных зон (ОЭЗ), на развитие и модернизацию высшего образования, на масштабные

¹ Agarwala (2002: 86–89).

² *Far Eastern Economic Review*, September 6, 1994, p. 45.

³ Shenkar (2006: 66); Fishman (2005: 208–10).

⁴ Термин SOE — *state-owned enterprises*, — используемый в английском оригинале, подразумевает не только компании, на 100% принадлежащие государству, но и компании смешанной формы собственности, где государство является одним из акционеров. Далее по тексту эти предприятия для удобства мы будем называть государственными (Прим. ред.).

проекты совершенствования инфраструктуры, причем таких крупных инвестиций не делала никакая другая страна с сопоставимым доходом на душу населения.

Гигантская территория и огромное население позволили китайскому правительству выиграть не только от экспортно-ориентированной индустриализации (в основном за счет иностранных инвестиций), но и от развития национальной экономики в собственных интересах, которому способствовали знание языков, обычаев, связь с национальными учреждениями и сетями — все, что было возможно лишь через местных посредников. Прекрасной иллюстрацией этого стали гигантские ОЭЗ, созданные китайским правительством буквально с нуля, где сейчас занято две трети работников всех мировых ОЭЗ. Благодаря своим колоссальным размерам Китай смог создать три основных производственных кластера, каждый со своей специализацией: дельта реки Перл (Гуанчжоу), специализирующаяся на трудоемких отраслях промышленности, производстве запчастей и их сборке; дельта Янцзы, специализирующаяся на капиталоемкой промышленности и производстве автомобилей, полупроводников, мобильных телефонов и компьютеров; и Чжунгуанцунь в Пекине, китайская Силиконовая долина. В последней прямое государственное вмешательство больше, чем в других: таким образом правительство способствует сотрудничеству университетов, предприятий и государственных банков в развитии информационных технологий¹.

¹ Аи (2005: 10–13). Помимо названных и других ОЭЗ по всей стране появились самые разнообразные производственные кластеры: «И хотя производственные кластеры не новость (особенно их много в Италии), в Китае они получили исключительное развитие». Здесь создаются гигантские промышленные районы, причем каждый «специализируется на производстве какого-то одного, пусть даже самого простого продукта: сигарет, зажигалок, значков, мужских галстуков, застёжек-молний». В районе Датан более 10 тыс. семей в 120 деревнях живут производством носков. В 2004 году они произвели 9 млрд пар носков, в то время как аппалачский город Форт-Пейн, некогда провозгласивший себя «носочной столицей мира», выпускает меньше 1 млрд. Производство носков в Датане обслуживают примерно 1000 текстильных производств, 400 прядильных, 300 швейных, 100 гладильных мастерских, 300 паковщиков 100 экспедиторских, а также тысячи швейных мастерских, где установлено в среднем по восемь трикотажных машин в каждой. D. Lee, *China's Strategy Gives It the Edge in the Battle of Two Sock Capitals*. Los Angeles Times, April 10, 2005.

Разделение труда между ОЭЗ наглядно иллюстрирует политику китайского правительства: развивать наукоемкие производства, но не забывать и о трудоемких. Проводя в жизнь эту политику, которая превратила некоторые китайские города в исследовательские центры высоких технологий, китайское правительство модернизировало и расширило систему образования с такой скоростью и размахом, каких в Восточной Азии не знал никто. Взяв за основу немалые достижения эпохи Мао в развитии начального образования, нынешнее правительство увеличило продолжительность среднего образования примерно до восьми лет, а количество студентов — до 340 миллионов. И теперь количество окончивших китайские государственные колледжи (в абсолютных цифрах) сравнимо с количеством выпускников высших учебных заведений в богатейших странах мира. Например, в 2002 году в Китае 590 тыс. человек получили высшее образование по научным и технологическим специальностям, а в Японии годом-двумя раньше — 690 тысяч. Кроме того, китайские высшие учебные заведения более открыты для внешнего влияния, чем японские или корейские. Ведущие университеты Китая постоянно совершенствуют свою инфраструктуру и качество преподавания, к тому же Китай посылает очень большое количество студентов на учебу за рубеж. Среди иностранных студентов, обучающихся в США, доля китайцев наиболее велика, постоянно растет она и в Европе, Австралии, Японии, других странах. Китайское правительство делает все, чтобы вернуть своих соотечественников, получивших образование за рубежом, но многие из них, включая уже состоявшихся ученых и менеджеров, и сами возвращаются на родину, видя огромные возможности быстроразвивающейся экономики¹.

¹ Guo (2005: 154–155); Au (2005); Shenkar (2006: 4–5); P. Aiyar, *Excellence in Education: The Chinese Way*. *The Hindu*, February 17, 2006; H. W. French, *China Luring Scholars to Make Universities Great*. *The New York Times*, October 24, 2005; C. Buckley, *Let a Thousand Ideas Flower: China Is a New Hotbed of Research*. *The New York Times*, September 13, 2004. По данным, которые приводит *People's Daily* (November 17, 2003), а также согласно статистике министерства образования, со времени начала реформ в 1978 году более 580 тыс. китайских студентов отправились получать образование за рубежом, из них 150 тыс. вернулись в Китай. Те из вернувшихся, кто открыл собственный бизнес (около 5000 по всей стране), принесли доход свыше 10 млрд юаней.

Итак, относительная постепенность в проведении реформ, а также правительственные мероприятия по приведению в соответствие расширившегося национального рынка и новых видов разделения труда в обществе показывают, что утопическая вера неолибералов в шоковую терапию, минималистские действия правительства и саморегулирующийся рынок оказались столь же чуждыми китайским реформаторам, как чужды они были Адаму Смиту. Согласно представлениям Смита о развитии на основе рынка, изложенным в главе 2, правительства должны пользоваться рынком как инструментом управления и, через либерализацию торговли, делать это постепенно, не нарушая «общественного спокойствия». Правительства в таком случае побуждают к конкуренции капиталистов, а не рабочих, так что доходы снижаются до минимально допустимого уровня. Они содействуют разделению труда между производственными единицами и сообществами, а не внутри них, и вкладывают средства в образование, чтобы предотвратить отрицательное воздействие разделения труда на интеллектуальный уровень населения. Они считают приоритетным создание внутреннего рынка и развитие сельского хозяйства как основы индустриализации, а со временем — внешней торговли и инвестирования. Однако, когда (и если) эти приоритеты вступают в конфликт с «первейшей обязанностью правителя» «защищать общество от насилия и вторжения других независимых обществ», считает Смит, следует отдавать предпочтение промышленности и внешней торговле.

По большей части особенности возвращения Китая в рынок отвечают скорее этой концепции рыночного развития, чем концепции развития капиталистического производства Маркса. По Марксу, правительства должны исполнять роль комитетов по управлению делами буржуазии и таким образом способствовать отделению прямых производителей от средств производства и тенденции держателей капитала переносить давление конкуренции на рабочих. Конечно, нынешнее правительство Китая, поддерживая экспорт и импорт технологий, привлекало иностранный капитал и капитал китайской диаспоры в несравнимо больших масштабах, чем это делалось во времена династии Мин и в период до Опиумных войн и, уж конечно, чем в КНР при Мао. В самом деле, отношения с капиталом китайской диаспоры очень похожи на отношения Испании и

Португалии XVI века с капиталом генуэзской диаспоры. Как бы то ни было, и выше мы об этом уже говорили, китайское правительство никогда не выпускало из своих рук бразды правления, само стало одним из главных кредиторов такого ведущего капиталистического государства, как Соединенные Штаты, и принимало помощь лишь на тех условиях, которые отвечали национальным интересами Китая. Так что это правительство ни при каких допущениях нельзя посчитать служителем интересов иностранного капитала или капитала китайской диаспоры¹.

Труднее сейчас определить, не находится ли китайское правительство в процессе превращения в комитет управления делами собственной нарождающейся буржуазии. Позднее мы вернемся к этому вопросу, но пока наличие еще одной смитовской черты в переходе Китая к рыночной экономике заставляет проявить осторожность и пока не называть этот переход переходом к капитализму. Этой чертой является активное поощрение правительством конкуренции не только между иностранными капиталистами, но вообще между капиталами: иностранными и собственными, частными и общественными. В самом деле, в ходе проведения реформ уделялось больше внимания усилению конкуренции (путем разрушения национальных монополий и устранения барьеров), чем приватизации². Результатом стало постоянное перенакопление капитала и давление сверху на норму прибыли — это называли «диким китайским капитализмом», но больше это похоже на смитовский мир капитала, который находится под постоянным прессом конкуренции, чтобы отвечать национальным интересам.

¹ Последним подтверждением этого тезиса является установление новых барьеров для иностранного капитала в 2006 году – включая более пристальное внимание к слияниям, поддерживаемым иностранным капиталом, и введение ограничений в самых разных областях: от банковского дела до розничной торговли и обрабатывающей промышленности. Иностранные компании увидели здесь особую угрозу, поскольку эти действия были вызваны растущей озабоченностью правительства тем, чтобы содействовать развитию и приумножению собственных компаний, а также заниматься социальными проблемами, такими как бедность и неравенство доходов. A. Batson and M. Fong, In *Strategic Shift, China Hits Foreign Investors With New Hurdles*. Wall Street Journal, August 30, 2006, A1.

² Rawski (1999: 142, 145); Agarwala (2002: 103–106).

Как только появляется новый продукт, часто произведенный иностранной компанией, за считанные месяцы огромное количество производителей, многие из которых являются частными китайскими компаниями, бросается производить этот продукт в невероятных количествах. Появляется жестокая конкуренция, снижающая цену. И уже скоро производители начинают искать новые рынки, все больше за рубежом. И все это под действием разных сил, порождающих один из самых конкурентоспособных рынков в мире. Поток инвестиций... принес в Китай и новейшие промышленные технологии. Неукротимый аппетит на иностранные технологии обеспечивает высокую доходность национальной экономики, а всеобщее стремление к занятию бизнесом зародилось на обломках некогда централизованной системы планирования¹.

Беспощадная конкуренция на государственных и частных предприятиях, конечно, в значительной степени уничтожила гарантии занятости, которыми рабочие пользовались в эпоху Мао, и привела к многочисленным случаям сверхэксплуатации, в особенности мигрирующих работников². Как мы постараемся показать в заключительных главах, трудности, с которыми сталкиваются рабочие в городе после сокращения, и сверхэксплуатация рабочих-мигрантов стали главными причинами роста недовольства среди трудящихся и социальных конфликтов в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Тем не менее невзгоды и возмущение трудящихся следует рассматривать в контексте правительственной политики, которая и в этом отношении не имела ничего общего с установкой неолИБЕРАЛОВ на то, чтобы приносить в жертву благополучие рабочих ради увеличения рентабельности. Для работников совместных предприятий расширен социальный пакет, улучшено медицинское обслуживание, повышены пенсии, а уволить сотрудника в официальном секторе китайской экономики стало значительно труднее, чем в странах со сравнимыми или даже более высокими доходами на душу населения. Еще важнее то, что развитие системы высшего образования, быстрое расширение выбора альтернативных мест работы в новых отраслях индустрии, сокращение налогов в сельском хозяйстве

¹ K. Leggett and P. Wonacott, *Burying the Competition*. *Far Eastern Economic Review*, October 17, 2002. См. также: Kynge (2006); S. Kotkin, *Living in China's World*. *The New York Times*, November 5, 2006.

² См. также: Chan (2000); Tang (2003: 4); Lee and Selden (2007).

и другие реформы, побуждающие жителей деревни вкладывать больше труда в экономику сельского хозяйства, — все это, вместе взятое, привело к недостатку рабочих рук, что подрывает самые основы сверхэксплуатации рабочих-мигрантов. «Золотой век дешевой рабочей силы в Китае заканчивается, — заявил один из экономистов Goldman Sachs. «Рабочих множество, но необразованных рабочих становится все меньше... китайские рабочие поднимаются по цепочке создания добавленной стоимости быстрее, чем от них ожидали»¹.

Смитовские черты китайских реформ, на которые мы указали: постепенность реформ и деятельность государства по расширению и повышению уровня социального разделения труда; широкое распространение образования; подчинение интересов капиталистов национальным интересам; активное поощрение конкуренции между капиталистами — все это способствовало появлению дефицита рабочих рук. Но особенно важной стала еще одна смитовская черта китайских реформ: ведущая роль в них отводилась созданию внутреннего рынка и улучшению условий жизни в сельских районах. К этому решающему фактору мы теперь и обратимся.

Накопление без изъятия

Реформы Дэн Сяопина, как и посоветовал бы Адам Смит, были в первую очередь направлены на развитие внутренней экономики и сельского хозяйства. Главным событием стало введение в 1978–1983 годах системы ответственности домохозяйств: принятие решений и распоряжение избытками переходили от коммун обратно к деревенским домохозяйствам. Кроме того, были значительно повышены закупочные цены на сельскохозяйственные продукты в 1979-м и затем в 1983 году. В результате значительно повысилась производительность сельскохозяйственного труда и многие вернулись в деревню, еще более способствуя возникшей еще раньше тенденции, когда общинные и артельные предприятия начинают производить несельскохозяйственные товары. Устанавливая различные институциональные препятствия для перемещения по

¹ D. Barboza, *Labor Shortage in China May Lead to Trade Shift*. *New York Times*, April 3, 2006; Taylor (2006); T. Fuller, *Worker Shortage in China: Are Higher Prices Ahead?* *Herald Tribune Online*, April 20, 2005; S. Montlake, *China's Factories Hit an Unlikely Shortage: Labor*. *Christian Science Monitor*, May 1, 2006; *China's People Problem*. *The Economist*, April 14, 2005.

стране, правительство призывало деревенских работников «оставлять землю, но не оставлять деревню». В 1983 году оно, однако, разрешило деревенским жителям работать на транспорте (дальние перевозки) и в торговле для реализации произведенной ими продукции. Так впервые за время жизни целого поколения китайские фермеры получили право на деятельность вне своих родных селений. В 1984 году ограничения были еще больше ослаблены, и крестьяне получили возможность работать в близлежащих городах, на создававшихся тогда коллективно-муниципальных предприятиях (КМП)¹.

Появлению КМП способствовали еще две реформы: бюджетная децентрализация, предоставлявшая местным правительствам самостоятельность в деятельности по обеспечению экономического роста и в том, чтобы направлять бюджетные избытки на бонусы, и переход к оценке кадров по экономической успешности расположенных на их территории предприятий, так что у местных руководителей появились дополнительные стимулы к обеспечению экономического роста. Таким образом, именно в КМП партийные кадры и правительственные чиновники начали переориентироваться и направлять свои силы на экономическое развитие. КМП, будучи самостоятельными в финансовом отношении, стали также главным инструментом перераспределения излишков сельскохозяйственной продукции, организуя трудоемкую промышленную деятельность, которая эти излишки эффективно использовала².

Следствием этих перемен стал взрывной рост количества сельских работников, занятых несельскохозяйственной деятельностью: с 28 млн человек в 1978 году до 176 млн в 2003-м, причем по большей части они работали в КМП. В период с 1980-го по 2004 год прирост работников КМП вчетверо превысил сокращение работников на государственных и коллективных предприятиях в городе. В 1995–2004 годах эти показатели почти сравнялись, а к концу этого периода на КМП работало в два раза больше людей, чем на всех иностранных, частных и совместных предприятиях, вместе взятых³.

¹ Cai, Park, and Zhao (2004), Unger (2002).

398 ² Oi (1999); Lin (1995); Walder (1995); Whiting (2001); Wang (2005: 179); Tsai (2004); Lin and Yao (без обозначения даты).

³ China Statistical Yearbook 2005 (Zhongguo Tongji Nianjian 2005) Beijing: China Statistics Press and China Agricultural Yearbook 2005 (Zhongguo Nongye Tongji Nianjian 2005) Beijing: China Agricultural Press.

Структура занятости в Китае, 1980–2004 гг. (млн человек)

Год		1980	1990	1995	2000	2004
Всего		423,6	647,5	680,7	720,9	737,4
Городское население		105,3	170,4	190,4	231,5	264,8
	Государственные предприятия	80,2	103,5	112,6	81,0	67,1
	Коллективные предприятия	24,3	35,5	31,5	15,0	9,0
	Иностранные предприятия*		0,7	5,1	6,4	10,3
	Частные предприятия		0,7	4,9	12,7	30,0
	Самозанятое население	0,8	6,1	15,6	21,4	25,2
	Другие виды собственности**		1,0	3,7	13,4	23,0
Сельское население		318,4	477,1	490,3	489,3	487,2
	КМП	30,0	92,7	128,6	128,2	138,7
	Частные предприятия		1,1	4,7	11,4	22,6
	Самозанятое население		14,9	30,5	29,3	20,7
	Земледелие, лесоводство, скотоводство и рыболовство	298,1	333,4	323,3	328,0	306,0

*Производства, финансируемые Гонконгом, Макао и Тайванем плюс производства, финансируемые иностранцами

**Кооперативные, смешанные, с ограниченной ответственностью и акционерные

Источники: China Statistical Yearbook 2005 (Zhongguo Tongji Nianjian 2005) Beijing: China Statistics Press, China Agricultural Yearbook 2005 (Zhongguo Nongye Tongji Nianjian 2005) Beijing: China Agricultural Press

Быстрое развитие предпринимательства в деревне для китайских руководителей стало неожиданностью. «Мы совершенно не ожидали такого развития КМП», — признавался Дэн Сяопин в 1993 году. К этому времени правительство приступило к законодательному оформлению и регулированию деятельности КМП. В 1990 году они находились в общей собственности всех жителей города или деревни. Органы местного управления при этом имели право назначать или увольнять их руководителей, а также передавать эти полномочия правительственному органу. Извне также регулировалось использование доходов, причем больше половины из них реинвестировалось внутри самого предприятия, в модернизацию и расширение производства, либо шло на увеличение фондов социального обеспечения и премиального фонда. Из того, что оставалось, большая часть направлялась на создание сельской инфраструктуры, на техническое обслуживание и на общественные нужды, а также инвестировалось в новые предприятия. В конце 1990-х была предпринята попытка придать больше определенности правам собственности, превратив эти предприятия в акционерные или просто частные. Однако регламентировать их деятельность, в

том числе определить сферы вложения доходов, оказалось весьма непросто, поскольку к тому времени уже существовали самые разнообразные КМП соответственно местным и иным особенностям¹.

Тем не менее КМП благодаря своему организационному разнообразию, возможно, играли в подъеме Китая столь же важную роль, какую играли вертикально интегрированные, бюрократически управляемые корпорации в подъеме США столетием раньше. Они внесли немалый вклад в успех реформ. Во-первых, ориентация на трудоемкие процессы позволила им занять избыточное сельское население и поднять доходы в сельских районах без массовой миграции населения в город. И действительно, в 1980-е годы миграция рабочей силы происходила в виде перехода сельскохозяйственных рабочих с работы в сельском хозяйстве на работу в сельских коллективных предприятиях. Во-вторых, поскольку КМП были относительно самостоятельны, их появление на многочисленных рынках усиливало конкурентное давление, преодолевая границы отдельных районов и заставляя не только государственные, но все городские предприятия совершенствовать производство². В-третьих, КМП стали источником значительных налоговых поступлений, облегчая налоговую нагрузку на крестьян. Поскольку же налоги и прочие обложения были самой большой проблемой крестьянства, КМП содействовали социальной стабильности. Более того, приняв на себя многие налоговые и иные поборы, которые возлагались на крестьян, они защитили крестьянство от хищнической политики местных руководителей³. В-четвертых, и это самое главное, реинвестируя доходы на месте, КМП расширяли внутренний рынок и создавали условия для все новых инвестиций, новых рабочих мест и дальнейшего разделения труда⁴.

Как заметила Джиллиан Харт, суммируя преимущества развития Китая сравнительно с развитием Южной Африки (где крестьянство долгое время не имело средств производства, поскольку не было условий для того, чтобы крестьяне потребовали предоставления им занятости при определенной заработной

¹ Woo (1999: 129–137); Bouckaert (2005); Hart-Landsberg and Burkett (2004: 35); Lin and Yao (без обозначения даты).

² Cai, Park, and Zhao (2004).

³ Wang (2005: 177–178); Bernstein and Lu (2003).

⁴ Lin and Yao (без обозначения даты).

плате), в Китае экономический рост начался с КМП, которые реинвестировали и перераспределяли доходы от производства внутри системы местных предприятий, а также направляли полученные средства на развитие школ, больниц и других форм общественного потребления. Кроме того, в КМП с их относительно уравнилельным распределением земли между домохозяйствами, вроде тех, что Харт посетила в 1992 году в провинциях Сычуань и Хунань, резиденты могли обеспечивать себя, обрабатывая крошечные клочки земли при одновременной занятости в промышленности или иных несельскохозяйственных производствах. Так что «главным для развития КМП стало то, что им, в отличие от аналогичных городских предприятий, не надо было обеспечивать работников жильем, медицинским обслуживанием, платить пенсии и предоставлять другие социальные услуги. И если на деле оплата воспроизводства рабочей силы по большей части не лежала на предприятии, то, по крайней мере в некоторых случаях, она обеспечивалась через механизмы перераспределения». Такая модель, продолжает Харт, действовала не только в Китае, но и на Тайване.

Причем для Китая и Тайваня наиболее характерной чертой, решительно отличавшей их от Южной Африки, стали реформы по перераспределению земли, начавшиеся в конце 1940-х годов и покончившие с властью крупных землевладельцев. Политические силы, продвигавшие эти аграрные реформы в Китае и на Тайване, были связаны между собой, но совершенно противоположны. Однако и в социалистическом, и в постсоциалистическом Китае и на «капиталистическом» Тайване эти реформы, определившие изменения в аграрном секторе, были отмечены быстрым децентрализованным накоплением без изъятия земли... Этот самый поразительный пример организации промышленного производства второй половины XX века, который происходил без изъятия земли у бывших крестьян, ставших рабочими, не только проливает свет на абсолютно «незападные» формы накопления, усилившие глобальную конкуренцию... Он также заставляет нас пересмотреть устоявшиеся представления о «первоначальном накоплении» через изъятие, что считается обязательным условием развития капиталистического производства¹.

В терминах, принятых в нашей книге, стремление Харт пересмотреть представления о первоначальном накоплении можно

¹ Hart (2002: 199–201).

сформулировать следующим образом. Отлучение сельскохозяйственных производителей от средств производства было скорее результатом созидательного разрушения капитализма, нежели одним из его предварительных условий. Самой распространенной и грубой формой первоначального накопления, или, как называет этот процесс Харви, накопления через изъятие, было применение государствами Запада военной силы в целях бесконечного накопления капитала и власти при одновременном пространственном закреплении во все нараставших масштабах. Однако попытка Соединенных Штатов осуществить предельное пространственное закрепление, превратившись в мировое государство, привело к самым нежелательным последствиям. Вместо мирового государства США создали мировой рынок беспрецедентного объема и плотности, где конкурентное преимущество получают регионы с наибольшими запасами дешевой квалифицированной рабочей силы. И исторически вполне оправданно, что таким регионом стала Восточная Азия, имевшая долгую традицию рыночной экономики, которая в наибольшей степени мобилизует именно человеческие (а не иные) ресурсы и защищает (а не разрушает) независимость и благополучие сельскохозяйственных производителей.

Собственно, здесь мы изложили другими словами тезис Сугихары о непреходящем значении восточноазиатской «революции прилежания». Причем наблюдение Харт, что в КМП интенсивное ведение хозяйства на маленьких клочках земли сочетается с работой в промышленности и с другими формами несельскохозяйственного труда при инвестировании в повышение качества труда, еще раз подкрепляет этот тезис. Как и другое наблюдение: даже в городах главным конкурентным преимуществом китайских производителей являются не низкие зарплаты как таковые, а использование технологий, для которых нужен дешевый труд образованных рабочих, а не дорогие машины и менеджеры. Хорошей иллюстрацией в этом отношении может послужить завод по производству автомобилей в Ваньфэне около Шанхая, где «не увидишь ни одного робота». Как и на многих других китайских заводах, здесь у конвейера во множестве стоят молодые люди, недавно окончившие китайские ПТУ (количество которых все время растет), из инструментов имеющие в руках лишь электрические дрели, отвертки и резиновые молотки.

Моторы и панели кузовов, которые на заводах Запада, Кореи и Японии передвигались бы при помощи автоматизированного

конвейера, здесь передвигаются руками или ручными тележками. Вот почему Ваньфэн может продавать свои роскошные, ручной сборки Jeep Tribute за 8–10 тыс. долларов. Эта компания не применяет для производства автомобилей технику, которая сама стоит миллионы, а использует высококвалифицированных рабочих, годовая зарплата которых меньше месячной зарплаты необученных рабочих в Детройте¹.

В общем, как указано в одной из публикаций в *The Wall Street Journal*, расчеты, свидетельствующие о том, что оплата труда при производстве конечного продукта составляет лишь 10% его стоимости, неверны, потому что не учитывают затрат на рабочую силу в производстве всех приобретенных компонентов и общие накладные расходы компании. Если сложить все это, то общая стоимость вложенного труда составит 40–60% конечной стоимости, а в Китае эти затраты на оплату труда гораздо ниже. На самом деле главное конкурентное преимущество Китая состоит не в том, что здесь на зарплату рабочим уходит примерно 5% того, что приходится платить рабочим в США, а в том, что инженерам и менеджерам здесь платят 35% того, что платят в США, или даже меньше. Столь же обманчива и статистика, показывающая, что американские рабочие на капиталоемком производстве трудятся в несколько раз продуктивнее, чем рабочие на таком же производстве в Китае, поскольку она не учитывает, что продуктивность американских рабочих объясняется применением сложной автоматики и автоматизацией погрузочно-разгрузочных операций, за счет чего снижаются затраты рабочих, но увеличиваются вложения капитала и затраты на системы обеспечения. Экономя на капитале и увеличивая роль рабочих, китайские производства идут обратным путем. Например, проектирование компонентов, которые можно изготавливать, перемещать и собирать вручную, почти на треть сокращает общие капиталовложения².

Более того, в полном соответствии с тезисом Сугихары китайские предприниматели заменяют дешевым трудом обученных рабочих не только дорогие машины, но и дорогих менеджеров. Поддерживая основательность невысокого мнения

¹ Fishman (2005: 205–206). Другие примеры использования дешевого труда вместо дорогого оборудования см.: George Stalk and David Young, *Globalization Cost Advantage*, *Washington Times*, August 24, 2004.

² T. Hout and J. Lebreton, *The real Contest Between America and China*, *The Wall Street Journal Online*, 16 Sept. 2003.

Смита о корпоративном бюрократическом менеджменте, использование самоуправляемой рабочей силы «снижает и затраты на менеджмент».

И если рабочих на китайских предприятиях очень много, то управляющих, если исходить из западных стандартов, совсем мало. В некоторых отраслях производства на 5000 рабочих приходится всего 15 менеджеров, и это показывает, насколько успешно здесь рабочее самоуправление¹.

Как мы уже отмечали, политика правительства в области образования обеспечила Китай огромными человеческими ресурсами, причем не только грамотными и трудолюбивыми рабочими, но и быстро растущей массой инженеров, ученых и техников. Этот постоянно растущий слой работников, обладающих необходимыми знаниями, был источником не только замены дорогих машин и менеджеров недорогой образованной рабочей силой, но и — как считал необходимым Смит — повышения уровня общественного разделения труда в направлении наукоемкого производства и инноваций. Достаточно упомянуть, что в 2003 году США, потратив на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы почти в пять раз больше средств, чем Китай, едва удвоили число занятых этой деятельностью (с 743 тыс. до 1,3 млн). Больше того, за последнее десятилетие расходы Китая на НИ-ОКР росли со скоростью 17% в год, а в США, Японии и в Евросоюзе — 4–5%².

Социальные истоки подъема Китая

Надо сказать, что хотя происходящее в Китае преобразование политической экономики по сути очень похоже на концепцию рыночного развития Смита, это не означает, что реформы Дэн Сяопина хоть в какой-то степени были этой концепцией вдохновлены. Нам уже случилось заметить, что деятельность чиновника XVIII века Чэнь Хонмоу предвосхитила то, что позднее теоретически обосновал Смит в «Богатстве народов». В этом случае практическая деятельность основывалась не на теории, но на прагматическом подходе к проблемам управления в Китае середины эпохи Цин, учитывающем китайские традиции. Так что, читал Дэн Сяопин Смита или нет, но и его реформы

¹ Fishman (2004).

² Fishman (2004). G. Naik, China's Spending for Research Outpaces the U.S. The Wall Street Journal Online, September 29, 2006.

были продиктованы прагматическим подходом к проблемам управления Китаем после Мао.

Так, Ван Хуй (Wang Hui) из университета Цинхуа недавно указал, что реформы стали реакцией на «фракционную борьбу и политический хаос последних лет Культурной революции» — реакцией, получившей широкое одобрение внутри КПК и вне ее. Впрочем, заметим, что КПК, решительно отрекаясь от Культурной революции, «вовсе не отрекается ни от Китайской революции вообще и ценностей социализма, ни от идей Мао Цзэдуна». Из этого проистекают два следствия.

Во-первых, социалистическая традиция была своего рода внутренним сдерживающим фактором во время проведения государством экономических реформ. Всякий раз, когда система государство—партия делала резкий поворот в политике, ей приходилось вступать в диалог с этой традицией... Во-вторых, социалистическая традиция давала рабочим, крестьянам и другим общностям людей своего рода законные средства выступать против перегибов в государственной политике или неизбежного при развитии рынка неравенства — либо, по крайней мере, обсуждать их. Так что во время отрицания Культурной революции происходило возрождение китайского наследия, что также открывало возможности для выработки будущей политики¹.

Из связи реформ с социалистической традицией Китая можно вывести по меньшей мере две причины того, что КПК при Дэн Сяопине отсеклась от Культурной революции, но не от традиций самой Китайской революции. Во-первых, фракционная борьба и политический хаос последних лет Культурной революции, завершая Китайскую революцию, грозили покончить со всеми ее достижениями. И во-вторых, нападки на Культурную революцию не обошли стороной и самое КПК, нанося серьезный удар по бюрократическим основам власти и привилегиям партийных кадров и чиновников. Так что реформы Дэн Сяопина сразу приобрели двойную направленность: для партийных кадров и высших чиновников они стали средством восстановления их власти и привилегий на новых основаниях, а для граждан страны в целом — средством консолидации завоеваний революции, которые были поставлены под угрозу Культурной революцией.

Что касается первого направления, то реформы создали несметные возможности направить предпринимательскую

¹ Wang (2006: 34, 44–45).

энергию в новое русло путем переориентации с политических задач на экономические, чем с радостью воспользовались партийные деятели и чиновники, начав обогащаться и консолидировать власть, соединяя свои усилия с правительственными чиновниками и менеджерами государственных предприятий — причем часто речь шла о высших руководителях партии. В ходе этого процесса основой гигантских состояний становились разные формы накопления через изъятие — включая присвоение общественной собственности, расхищение государственных фондов и продажу прав землепользования¹. Хотя все-таки не ясно, привело ли это обогащение и сосредоточение власти к созданию класса капиталистов и, что еще важнее, сумел ли этот класс (если таковой сложился) захватить командные высоты в китайской экономике и в китайском обществе. При Цзян Цзэмине (1989–2002) казалось, что на оба вопроса можно дать положительный ответ. Но при Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, несмотря на то что это более короткие периоды, кажется, проводился противоположный курс, так что положительный ответ, в особенности на второй вопрос, становится менее возможным².

¹ Qian (1999); Ding (2000); Lee and Selden (2007). Эти и другие формы накопления через изъятие существовали наряду с накоплением без изъятия, о котором говорит Харт. И конечно, трудно установить, что преобладало в разное время в такой огромной и сложной стране, как Китай, тем более трудно сказать, какая тенденция станет преобладающей в будущем. Далее мы будем придерживаться той точки зрения, что при Цзян Цзэмине накопление через изъятие набирало силу, и если бы при Ху Цзиньтао политика под давлением нараставшего общественного волнения не изменилась, то оно и оставалось бы преобладающим.

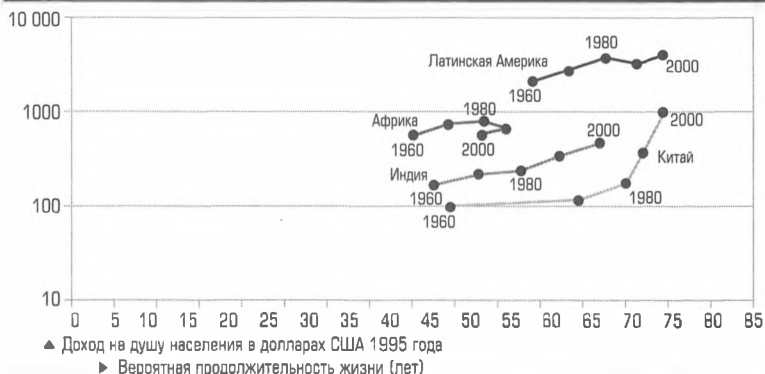
² Об изменении курса свидетельствовали не только изменение политики и повышенное внимание со стороны нового руководства к социальным проблемам, но и проведение антикоррупционной кампании с целью очистки партийного аппарата последователей Цзян Цзэмина, а также для повышения оперативности КПК и правительства в эффективном проведении изменений в политике. См.: J. Kahn, *China's Anti-graft Bid Bolsters Top Leaders. The International Herald Tribune*, October 4, 2006; R. McGregor, *Push to Bring the Provinces into Line. Financial Times*, December 12, 2006. Впрочем, мы так и не можем определенно сказать, усилили или ослабили реформы способность высшего руководства КПК и центрального правительства эффективно проводить свою политику на местном уровне. Противоположную точку зрения можно найти у Edin (2003) and Hung (2006).

Что же до привлекательности реформ Дэн Сяопина для граждан страны вообще, то следует признать, что успех этих реформ в высшей степени зависел от завоеваний и достижений Китайской революции. Когда западные и японские обозреватели одобрительно говорят об образованности, стремлении учиться и дисциплине китайских рабочих, включая переселенцев из деревни, по сравнению, например, с индийскими рабочими, замечает Ау Лун-Ю, «им даже не приходит в голову, что одним из важнейших условий этих достижений была проведенная раньше земельная реформа, а также последующее создание коллективной инфраструктуры в деревне и распространение образования, а не более поздние рыночные реформы»¹. Бум сельскохозяйственного производства в 1978–1984 годах действительно связан с реформами, но лишь потому, что основной реформ было наследие эпохи Мао. В период 1952–1978 годов коммуны более чем удвоили площадь орошаемых земель и повсюду вводили современные технологии, например стали использовать больше удобрений и начали выращивать высокоурожайный полукарликовый рис, на который к 1977 году уже приходилось 80% засеянных рисом земель: «Бум сельскохозяйственного производства стал возможным именно благодаря соединению той производственной базы, которая была заложена при Мао, с новыми стимулами системы ответственности домохозяйств»².

Как видно на графиках 6.1 и 6.2, наибольшее увеличение дохода на душу населения в Китае (движение кривой вверх) произошло после 1980 года. А наибольшее увеличение продолжительности жизни и, в меньшей степени, грамотности взрослых — то есть базовых показателей благосостояния (движение кривых вправо) — имело место до 1980 года. Эти графики наглядно демонстрируют, что экономические успехи Китая строились на исключительных социальных завоеваниях

¹ Ау (2005: 10–13). Ко времени начала реформ Дэн Сяопина Китай уже ушел вперед по сравнению с Индией по всем показателям человеческого развития: уровню грамотности, количеству потребляемых ежедневно калорий, уровню смертности, уровню детской смертности, продолжительности жизни и т. д. См.: Nolan (2004: 118).

² Agarwala (2002: 95–96). Об ирригации, строительстве железных и шоссейных дорог и введении новых гибридных сортов риса в эпоху Мао как о базе развития в эпоху реформ см. также: Bramall (2000: 95–96, 137–138, 153, 248).

Источник: расчеты основаны на показателях ВВП, ожидаемой продолжительности жизни взрослых и численности населения по данным Всемирного банка («Показатели мирового развития, 2004 и 2001 гг.»)

эпохи Мао. В докладе 1981 года даже Всемирный банк признал значение этих достижений.

Самое большое достижение Китая за последние три десятилетия состоит в том, что группы населения с низким доходом улучшали свое положение (в терминах их базовых потребностей) значительно быстрее, чем такие же группы в других бедных странах. Все они имеют работу; их питание гарантировано государственным нормированием при одновременном коллективном самостраховании; по большей части их дети не просто ходят в школу, но получают довольно хорошее образование; и большинство в этой группе населения имеет доступ к медицинскому обслуживанию и службам семейного планирования. Продолжительность жизни, которая зависит от множества экономических и социальных факторов, а значит, является едва ли не самым ярким показателем размеров реальной бедности в стране, в Китае исключительно велика для страны с таким доходом на душу населения¹.

Вопрос о том, способствовали ли реформы Дэн Сяопина дальнейшему развитию этих достижений или подорвали их, мы здесь рассматривать не будем, но сделаем два замечания. Во-первых, еще до начала реформ базовые показатели благосостояния китайского населения (продолжительность жизни и уровень грамотности) улучшились в такой степени, что

¹ Цит. по: Li (2006). См. также: Agarwala (2002: 55).

оставалось мало возможностей их дальнейшего повышения. И тем не менее наши графики показывают, что в эпоху реформ эти показатели продолжают расти, в особенности это касается уровня грамотности взрослого населения. Так что в указанном отношении реформы продолжали укреплять социальные завоевания Китайской революции.

Во-вторых, нельзя преуменьшать важность повышения в Китае доходов на душу населения в эпоху реформ, даже если при этом не происходило пропорционального повышения базовых показателей благосостояния. Мы уже неоднократно подчеркивали, что в капиталистическом мире национальное богатство, измеряемое доходом на душу населения, является основой мощи государства. Так что даже в том случае, когда государство стремилось к укреплению своей мощи ради социалистического преобразования мира, у КПК все-таки не было иного выбора, кроме как участвовать в мировой политике по установившимся правилам капиталистического образа жизни, что прекрасно понимал и Мао. Как только неминуемое поражение во Вьетнаме заставило Соединенные Штаты вновь открыть Китаю возможность нормального коммерческого и дипломатического общения с остальной Восточной Азией и со всем миром вообще, коммунистический Китай, естественно, этой возможностью воспользовался, чтобы приумножать свое национальное богатство и укреплять мощь государства. Еще даже до того, как американское вторжение в Ирак придало подъему Китая новое ускорение, Ричард Бернстайн (Richard Bernstein) и Росс Манро (Ross Munro) дали грубое, но проницательное определение действительного политического значения перехода Китая к рыночной экономике: ирония китайско-американских отношений состоит в том, что, когда Китай был во власти идеологического маоизма и обнаруживал такую идеологическую неистовость, что казался американцам опасным и злоеющим, именно тогда он был «бумажным тигром», слабым, не имевшим почти никакого влияния в мире. Теперь же, когда Китай отбросил маоизм и пошел по пути прагматического экономического развития и широчайшей торговли, он кажется не таким грозным, но на самом деле именно теперь он приобретает необходимые средства и реальную силу для реализации своих амбиций¹.

¹ Bernstein and Munro (1997: 22).

Источник: расчеты основаны на показателях ВВП и количестве населения по данным Всемирного банка — «Показатели мирового развития, 2004 и 2001 гг.», — а также на данных отдела народонаселения ООН за 2005 г. об уровне грамотности взрослого населения

Мы можем сформулировать это наблюдение точнее: пока Китай был отрезан от мировой торговли политикой холодной войны, которую проводили США, и чувствовал военную угрозу со стороны СССР, КПК приходилось использовать идеологию как главное средство в борьбе за укрепление своей мощи и положения на международной арене. Но когда в последние годы Культурной революции начали проявляться ее губительные последствия и примерно в то же время Соединенные Штаты решили объединить усилия с Китаем в холодной войне с СССР, сложились благоприятные условия для прагматического обращения к рынку как инструменту укрепления КПК внутри страны и укрепления позиций КНР в мире. И если по вопросу о влиянии КПК пока нельзя вынести окончательного суждения, поскольку неясно, усилилось или ослабло ее влияние на государство и общество, то по вопросу усиления КНР можно высказаться совершенно определенно: экономические реформы принесли потрясающий успех.

Так зачем же надо было менять курс, как сделало новое руководство КПК? Что вызвало это изменение курса и в каком направлении КПК поведет экономику и общество Китая? Вот в чем видит связь реформ Дэн Сяопина с традициями Китайской революции Хуй: в основе Китайской революции лежал особый китайский извод марксизма-ленинизма, впервые появившийся с созданием Красной армии в конце 1920-х годов, но получивший окончательное развитие только после захвата Японией

китайских прибрежных районов в конце 1930-х. Эта идеологическая инновация имела два главных компонента.

Во-первых, сохранив приверженность ленинскому учению о партии как авангарде рабочего класса, в Китае отказались от особого упора ленинизма на восстание. В разорванном на кусочки гоминьдановском Китае не было Зимнего дворца или, лучше сказать, было слишком много дворцов для штурма, чтобы все они окончились удачно. Поэтому учение о восстании было заменено тем, что Мао позднее определил как ориентирование на массы — идеей, что стоящая в авангарде партия должна быть не только учителем, но и учеником масс. «Это понятие “от-масс-к-массам”, — замечает Фейрбенк, — было тем видом демократии, который отвечал традициям Китая, где представители высшего класса правили особенно успешно тогда, когда принимали близко к сердцу нужды простых людей и действовали от их имени»¹.

Во-вторых, социальной базой для КПК стало крестьянство, а не пролетариат — революционный класс Маркса и Ленина. Как продемонстрировала массовая резня рабочих, руководимых коммунистами, совершенная в Шанхае Гоминьданом (1927), нельзя было полагаться на прибрежные районы, это средоточие пролетариата, в борьбе с засильем иностранцев и властью Гоминьдана над китайской буржуазией. Оттесненные из очагов капиталистической экспансии хорошо обученными западными и гоминьдановскими войсками, КПК и Красная армия были вынуждены отступить и обосноваться среди бедного крестьянского населения отдаленных районов. Результатом стал «двуединный процесс социализации» (по Марку Шелдену), когда партийно-армейские силы превратили низшие слои китайской деревни в мощную революционную силу и сами формировались под воздействием чаяний и ценностей этих слоев².

Эти две особенности вместе с модернизированным марксизмом-ленинизмом, став основой китайской революционной традиции, позволяют объяснить основные аспекты развития Китая до и после реформ, а также новейшие изменения в политике при Ху Цзиньтао. Прежде всего мы сможем понять, почему в маоистском Китае (в отличие от сталинского СССР) модернизация проводилась не путем уничтожения крестьянства, а путем его экономического и образовательного подъема.

¹ Fairbank (1992: 319).

² Selden (1995: 37–38).

Во-вторых, мы сможем понять, почему до и после реформ китайская модернизация взяла себе за основание не просто воспроизведение промышленной революции Запада, но возрождение собственной, имевшей крестьянские корни «революции прилежания». В-третьих, мы сможем понять, почему при Мао тенденция к зарождению городской буржуазии из среды государственно-партийных деятелей и интеллектуалов осуществлялась посредством их «перевоспитания» в деревне. Наконец, мы сможем понять, почему реформы Дэн Сяопина начались в сельском хозяйстве и почему новый курс Ху направлен на расширение медицинских, образовательных и прочих социальных программ в сельских районах и проводится под лозунгом «Новая социалистическая деревня».

В основе описанной традиции лежит сложнейшая проблема управления страной с преимущественно деревенским населением, причем населения здесь больше, чем в Африке, Латинской Америке или Европе. С такой проблемой никогда не сталкивалась ни одна страна, кроме Индии¹. Рассматривая исторический опыт в этом свете, надо сказать, что хотя Культурная революция принесла тяжелейшие испытания городским руководителям и интеллектуалам, она укрепила деревенские корни Китайской революции и заложила основы успеха экономических реформ. Достаточно упомянуть, что отчасти в результате проводимой политики и отчасти в результате разрушения городской промышленности из-за фракционной борьбы исключительно повысился спрос на продукцию сельскохозяйственных предприятий, что привело к стремительной экспансии общинных и бригадных производств, из которых затем выросли коллективно-муниципальные предприятия².

В то же время Культурная революция нанесла исключительный урон не только государственно-партийным деятелям и социальным и политическим завоеваниям Китайской революции, как мы уже отмечали, но вообще модернистскому компоненту революционной традиции. Так что отказ от Культурной революции в пользу экономических реформ стал

¹ Как заметил китайский ученый Пэй Миньсинь (Pei Minxin), если сложить все исторические периоды, когда центральное правительство утрачивало контроль над большими территориями, то Китай пережил тысячу лет хаоса. Цит. по: M. Naim, *Only a Miracle Can Save China from itself*. *The Financial Times*, September 15, 2003.

² Lin and Yao (без обозначения даты); Putterman (1997).

главным условием возрождения этого компонента. Со временем, впрочем, само это успешное возрождение качнуло маятник совершенно в другую сторону, серьезно подрывая революционную традицию в середине и конце 1990-х. Об отказе от революционной традиции прежде всего свидетельствуют огромный разрыв в доходах и рост недовольства населения проведением и результатами реформ.

Общественные противоречия и экономический успех

Появление огромного разрыва в доходах в городских и сельских районах, между городом и деревней, а также между различными классами, социальными слоями и разными провинциями — вот одна из главных реалий перехода Китая к рыночной экономике¹. До тех пор, пока эта тенденция довольно очевидно представлялась результатом стратегии неравномерного развития, создававшего возможности продвижения для большинства, можно было сопротивляться росту этого разрыва, нейтрализовать его и даже подавить. Со временем, однако, возраставший разрыв в доходах пришел в противоречие с революционной традицией и стал серьезной угрозой стабильности общества².

¹ См. также: Wei (2000); Riskin, Zhao and Li (2001); Walder (2002); Wang (2003); Wu and Perloff (2004); Li (2005).

² Объясняя, почему гигантский разрыв в доходах стал дестабилизирующим фактором только в последнее время, следует учитывать три обстоятельства. Во-первых, как уже отмечалось, в ходе проведения реформ продолжался процесс улучшения социального обеспечения. Поэтому заметные недостатки, вызванные растущим неравенством, сопровождались общим (абсолютным) сокращением недостатков в области социального обеспечения. Во-вторых, в Китае углубление неравенства, измеряемое комплексными индикаторами, такими как индикатор Джини, объясняется в большей степени улучшением (а не ухудшением) положения людей со средними доходами. См.: Wu and Perloff (2004: графики 2 и 3). Наконец, Группа по изучению социальной структуры современного Китая (Research Group for Social Structure in Contemporary China, 2005: сн. 4) установила, что углубление неравенства в период проведения реформ сопровождалось и увеличением мобильности между поколениями (занятие родителей/занятие детей) и внутри поколений (первое занятие/нынешнее занятие). Те, кто имел низкооплачиваемые занятия, получили больше возможностей, чем в дореформенное время, превратить разрыв в доходах при различных занятиях в личный доход, переходя к более высокооплачиваемым занятиям, и чем больше был разрыв, тем больше был доход.

Традиции ориентирования на массы и «двуединого процесса социализации» оставались действенными и в период реформ¹. И все-таки, чем больше партийные кадры на местах и в провинциях направляли теперь свою энергию в сферу экономики и переключались на накопление через изъятие, тем больше традиция «ориентирования на массы» становилась всего лишь фикцией, а «двуединый процесс социализации» между партийно-государственным аппаратом и низшими слоями китайского общества вытеснялся схожим процессом между партийно-государственным аппаратом и нарождавшейся буржуазией. Тем не менее, как утверждал Самир Амин (см. цитату, приведенную в главе 1), революционная традиция давала широким слоям китайского общества такую уверенность в себе и такой боевой дух, каких не знали другие народы мирового Юга, а также, можно добавить, мирового Севера. Причем, как замечает Ван Хуй, эта уверенность в своих силах и боевой дух были небеспопеченными именно благодаря приверженности партийно-государственного аппарата революционной традиции.

В результате и в городах, и в сельских районах множились социальные столкновения. По официальным данным, количество «нарушений общественного порядка» — имеются в виду протесты, бунты и другие формы общественного волнения — увеличилось с 10 тыс. в 1993 году до 50 тыс. в 2002-м, 58 тыс. в 2003-м, 74 тыс. в 2004-м и до 87 тыс. в 2005 году, небольшое снижение отмечается только в первые шесть месяцев 2006 года. В сельских районах до 2000 года волнения провоцировались налогами, сборами, выплатами и другими поборами. В последнее время главными причинами таких волнений становятся выведение земли

¹ Характеризуя политических деятелей Китая, Агарвала, например, обнаружил, что «высшее руководство проявляет больше интереса к взаимодействию различных слоев общества, чем можно обнаружить в более демократически организованных обществах, к примеру в Индии». (2002: 90). Штиглиц также заметил, что «Джордж Буш наглядно продемонстрировал, сколь опасна тактика чрезвычайной секретности и передачи функции принятия решений исключительно узкому кругу "придворных угодников". По большей части те, кто не живет в Китае, даже не представляют себе, до какой степени широко китайские руководители вовлекают людей в обсуждение и консультации при решении сложных проблем». *Development in Defiance of the Washington Consensus*. См. также: Rawski (1999: 142).

из сельскохозяйственного оборота под промышленные нужды, под строительство частных зданий и под развитие инфраструктуры, а также коррупция местных партийных и правительственных чиновников и загрязнение окружающей среды. Такие эпизоды, как восстание в Доняне в 2005 году в связи с выбросами в атмосферу пестицидов, когда более 10 тыс. человек маршем прошли к полиции и в результате деятельность фабрики была приостановлена, «вошли в китайский фольклор как свидетельство того, что полные решимости люди, действуя сообща, могут заставить власти изменить курс и учитывать нужды народа»¹.

В городах «старый» рабочий класс, теперь занятый на государственных предприятиях, с конца 1990-х отвечал на массовые увольнения протестами, требуя соблюдения социальной традиции справедливости и в соответствии с доктриной «железной миски риса»² — социального контракта между рабочим классом и государством, которому в КНР строго следовали первые четыре десятилетия. В основном правительство было в состоянии сдерживать эту волну протестов, прибегая то к репрессиям, то к уступкам. Однако в последнее время мощная волна забастовок стала свидетельством того, что социальные волнения охватывают теперь и «новый» рабочий класс, представленный в основном молодыми мигрантами, составляющими хребет китайской промышленности, работающей на экспорт. Вместе с волнениями городских рабочих в сфере услуг эти два потока социальных движений покончили с распространением на Западе мнением, будто «в Китае нет рабочего движения». «Теперь в любом городе страны, — пишет Робин Манро в *China Labour Bulletin*, — одновременно проходит несколько больших выступлений рабочих». Пока мы имеем дело

¹ H. W. French, *Protesters in China Get Angrier and Bolder*. *International Herald Tribune*, July 20, 2005; T. Friedman, *How to Look at China*. *International Herald Tribune*, November 10, 2005; H. W. French, *20 Reported Killed as Chinese Unrest Escalates*. *The New York Times*, December 9, 2005; J. Muldavin, *In Rural China, a Time Bomb Is Ticking*. *International Herald Tribune*, January 1, 2006; C. Ni, *Wave of Social Unrest Continues Across China*. *Los Angeles Times*, August 10, 2006; M. Magnier, *As China's Spews Pollution, Villagers Rise Up*. *Los Angeles Times*, September 3, 2006; M. Magnier, *China Says It's Calmed Down*. *Los Angeles Times*, November 8, 2006; Lee and Selden (2007).

² Поддержание жизненного уровня народа в пределах физического выживания, или, другими словами, политика «железной миски риса» в период Культурной революции. (Прим. ред.)

с зарождающимся спонтанным рабочим движением, но таким же было движение рабочих в США в его золотую эпоху — в 1930-е¹.

Как мы уже отмечали в главе 1, этот массовый подъем социальных волнений в городах и сельских районах поставил перед руководством КПК совершенно новую проблему и заставил изменить не только риторику, но и политику в направлении выравнивания уровня жизни города и деревни, разных районов, в направлении согласования экономической политики с нуждами общества. В последнее время был также принят новый трудовой кодекс с расширением прав рабочих. Впрочем, пока неясно, приведут ли эти изменения к возрождению социалистических традиций и к переориентации развития в сторону большего равенства. Нас здесь больше интересуют не социалистические традиции Китая, а то, как подъем Китая сказывается на отношениях между цивилизациями в мире в целом. К этому мы сейчас и обратимся.

¹ B. Smith, J. Brecher and T. Costello, *China's Emerging Labor Movement*. ZNet <http://www.zmag.org>, October 9, 2006. О ранних социальных протестах см.: Lee (2002) и Lee and Selden (2007). Две стадии социальных протестов сопоставлены в Silver (2005: 445–447; 2003: 64–66).

Эпилог

Главный вопрос, с которого мы начали, состоит в том, может ли подъем Китая (и если да, то при каких условиях) считаться предвестником того великого равенства и взаимного уважения народов европейского и неевропейского происхождения, которое предвидел и проповедовал Адам Смит двести тридцать лет назад. Анализ, проведенный нами в этой книге, подсказывает положительный ответ, но с некоторыми существенными оговорками.

Как мы показали в главах 7 и 9, когда Китай стал действительным победителем в войне США с терроризмом, кардинально изменилось влияние этих двух стран в Восточной Азии и в мире в целом. Проявлением этой полной перемены стало то, что Джошуа Купер Рамо назвал Пекинским консенсусом: Китай указал другим народам «не только путь развития, но и такого вхождения в мировой порядок, который обеспечивает им абсолютную независимость, охраняет своеобразие их образа жизни и политического выбора». Две характерные черты этого нового консенсуса, по Рамо, в особенности привлекательны для мирового Юга. Первая — локализация, признание необходимости согласовывать развитие с потребностями определенного региона, каковы потребности, конечно, весьма различны, что входит в явное противоречие с единообразными предписаниями все более дискредитирующего себя Вашингтонского консенсуса. Вторая — принцип многосторонних отношений, признание необходимости для государств объединять усилия в построении нового мирового порядка на основе экономической взаимозависимости, но при соблюдении политических и культурных различий, что решительно отличается от односторонности американской политики. Как заметил Ариф Дирлик (Arif Dirlik), эти особенности Пекинского консенсуса могут повести мир в самых разных направлениях. Они могут привести к созданию нового Бандунга — то есть новой версии альянса стран третьего мира 1950–1960-х годов, — который, как и прежний, ставил бы себе целью противостоять экономическому и политическому подчинению, но больше соответствовал бы веку беспримерной глобальной экономической интеграции. Или же они приведут к кооптации государств Юга в альянсы Юга и Севера с целью сдерживать руководимое Китаем

ниспровержение установившейся мировой иерархии процветающих стран¹.

Более реалистической альтернативой провалившейся стратегии неоконсерваторов по сдерживанию Китая (о чем мы говорили в главе 10) могли бы стать три типа альянсов Север—Юг. Каждая альтернативная стратегия, как мы уже отмечали, имеет свои недостатки, приводящие к непоследовательности американской политики по отношению к Китаю. Пока Соединенные Штаты завязли в Западной Азии, эта политика так и будет оставаться непоследовательной, независимо от того, кто командует в Вашингтоне. Но, последовательна она или нет, каждая из трех стратегий способна предотвратить создание нового альянса стран Юга в борьбе с господствующим положением Севера.

Особенно болезненной может оказаться пинкертоновская стратегия «третьего радующегося». Согласно этой стратегии, следует вернуться к политике первой половины XX века, когда Соединенные Штаты богатели и становились все сильнее, финансируя и снабжая европейские государства, находившиеся в состоянии войны друг с другом, — с той лишь разницей, что теперь государства будут не европейскими, а азиатскими. Наименее травматичным было бы сдерживание, имплицитно заложенное в стратегии Киссинджера, согласно которой Китай будет кооптирован в новый мировой порядок во главе с Соединенными Штатами, и тогда, в случае успеха, сохранится господство Севера, а Азия и мировой Юг в целом не будут ввергнуты в хаос и войны, что неизбежно при осуществлении стратегии «третьего радующегося». Где-то посередине находится стратегия Каплана с ее издержками и рисками для Юга, предусматривающая окружение Китая военными союзами под руководством США, то есть возобновление холодной войны с переносом ее из Европы в Азию. В таком случае произойдет глубокое разделение азиатских стран и стран Юга, возникнет риск ядерной катастрофы, которой удалось избежать во время прошлой холодной войны, но это заставит Соединенные Штаты уважать интересы своих южных союзников и идти им на уступки, а также остерегаться развязывания войн, в которые США были бы прямо вовлечены. Есть, конечно, и другие

¹ Ramo (2004: 3–4); Dirlik (без обозначения даты: 5–6).

возможности, некоторые из них уже даже проводились в жизнь, но все они представляют собой либо комбинации указанных трех стратегий, либо их варианты¹.

Не следует, конечно, недооценивать желание Китая присоединиться к мировому порядку, где господствуют США или вообще мировой Север, как не следует забывать, что и другие страны Юга ищут поддержки США в своих взаимных претензиях. Но мы не должны и переоценивать способность США (даже вместе с Европой) успешно следовать описанным стратегиям. Не только неудачи в Ираке подтвердили, что есть границы применения Севером мер насилия в преодолении сопротивления Юга. Для мира капитализма гораздо важнее, что шаткими оказались финансовые основы господства США и других стран Севера.

Критическим в этом отношении стал азиатский финансовый кризис 1997–1998 годов. Вейд и Венерозо считают, что он подтвердил правдивость утверждения, которое приписывают Эндрю Меллону (Andrew Mellon): «Во время депрессии активы возвращаются к своим настоящим хозяевам».

Масштабная девальвация, стимулируемая МВФ финансовая либерализация и восстановление экономик с помощью МВФ — все это ускорило, возможно, величайший для мирного времени переход активов к зарубежным собственникам за последние пятьдесят лет и сократило переход латиноамериканских активов к

¹ Эти стратегии могут быть направлены не только против Китая, но и против других стран Юга или против связей Юг—Юг в целом. Так, предложение США Индии о совместном использовании ядерных и космических технологий, без сомнения, имело целью блокировать црано-пакистано-индийский газопровод ради изоляции Ирана, а также для того, чтобы разрушить исключительно важные и ценные связи Юг—Юг. См.: R. Palat, *India Suborned: The Global South and the Geopolitics of India's Vote Against Iran*. Japan Focus, October 24, 2005. Кооптация Соединенными Штатами и Евросоюзом Индии и Бразилии в неформальную группу, известную как «пять заинтересованных сторон», Five Interested Parties (FIPS), куда также входит Австралия, также преследовала цель превратить руководителей нарождавшегося альянса стран Юга (Индия и Бразилия) в партнеров по альянсу Север—Юг на приближавшейся встрече ВТО в Гонконге (2005). Focus on the Global South, *The End of an Illusion. WTO Reform, Global Civil Society and the Road to Hong Kong*. Focus on Trade #108, April, 2005.

собственникам в США в 1980-е и мексиканских — после 1994 года¹.

Совершенно правильно определяя краткосрочные последствия этого кризиса, такой диагноз тем не менее не учитывает его долговременных последствий для отношений Севера и Юга, а также для способности МВФ и дальше содействовать переводу активов Юга к собственникам на Севере. Как показывает график 4, кризис 1997–1998 годов стал началом кардинального расхождения между дефицитом платежного баланса Севера и избытком на текущих счетах стран остального мира. Это расхождение свидетельствует о том, что Север, в особенности США, все в меньшей степени способен производить товары и услуги по ценам ниже тех, что предлагают другие страны. По большей части финансовые излишки большинства стран по-прежнему стекаются в США, этот своеобразный перевалочный пункт мировых финансов, наращивая таким образом дефицит Соединенных Штатов и направляясь оттуда для реинвестирования по всему миру, включая мировой Юг. Однако значительная и все возрастающая часть этого излишка обходит финансовые учреждения США и идет на создание валютных запасов либо прямо направляется в страны Юга, ослабляя таким образом влияние МВФ и других контролируемых Севером институтов на экономику мирового Юга².

Имея массу наличных средств и твердое намерение сохранить контроль над экономикой, страны Юга

¹ Wade and Veneroso (1998).

² Последние финансовые кризисы произвели опустошение валютных резервов стран с низким и средним доходом. Для большинства таких стран «эти резервы были просто гарантией против финансовых потрясений. Множество развивающихся стран за последние пятнадцать лет пережили жестокие кризисы: Мексика в 1994 году, Таиланд, Индонезия и другие азиатские страны в 1997-м; Россия в 1998 году, Бразилия в 1999-м, Аргентина в 2002-м... Когда на руинах разрушенных экономик осела пыль, политики многих бывших «развивающихся» стран выработали новое кредо: накапливать как можно больше валюты». E. Porter, Are Poor Nations Wasting Their Money on Dollars? The New York Times, April 30, 2006; Another Drink? Sure. China Is Paying. The New York Times, June 5, 2005; F. Kempe, Why Economists Worry About Who Holds Foreign Currency Reserves. The Wall Street Journal, May 9, 2006.

выкупили свои долги и уменьшили общую сумму задолженности перед МВФ до самого низкого уровня с 1980-х годов. Уменьшение общей суммы задолженности, замечает *The Wall Street Journal*, «значительно сократило влияние МВФ на глобальную экономику», так что теперь фонду приходится переходить от политики «выкручивания рук» к политике «убеждения», соответственно сократились его процентные доходы и денежные резервы: «Сложилась забавная ситуация (над которой посмеиваются многие министры финансов [стран Юга]): тот, кто давно проповедовал необходимость затянуть пояса, теперь вынужден сам делать это»¹.

Несмотря на то что Китай покупал американские казначейские облигации в огромных количествах, теперь он играет ведущую роль как в перенаправлении финансовых излишков стран Юга в другие страны Юга, так и в предоставлении соседним и дальним странам Юга новых и весьма привлекательных альтернатив взамен торговли с Севером, инвестиций в страны Севера и помощи странам и финансовым институтам Севера. «На сцену выходит очень крупный новый игрок, делающий ставку на блок, способный полностью изменить ситуация с иностранной экономической помощью», — заметил член совета директоров Азиатского банка развития (ADB), представляющий Филиппины, вскоре после того, как Китай объявил о предоставлении Филиппинам ежегодного пакета займов на 2 млрд долларов в течение трех лет, так что предложение Всемирного банка и Азиатского банка развития (200 млн долларов) стало выглядеть мизерным; при этом Китай перекрыл предложение Японии о займе в 1 млрд долларов и защитил Филиппины от гнева Вашингтона, когда президент Арройо вывел из Ирака филиппинские войска. И это лишь одна из множества похожих сделок, в ходе которых Китай предлагает странам Юга гораздо более выгодные условия, чем странам Севера, за доступ к их природным ресурсам, более крупные займы, не обремененные политическими условиями и без чрезмерных консультационных издержек, а также выступает с предложениями создания больших и сложных инфраструктур в отдаленных

¹ M. Moffett and B. Davis, *Booming Economy Leaves the IMF Groping for Mission*. *The Wall Street Journal*, April 21, 2006.

районах почти за полцены от того, что запрашивают соответствующие организации Севера¹.

К тому же в дополнение к китайским инициативам и в благодарность за них нефтедобывающие страны также стали направлять свои излишки в страны Юга. Исключительно важным стало использование Венесуэлой ее внезапно выросших благодаря повышению цены на нефть прибылей на освобождение латиноамериканских стран от их зависимости от стран Севера.

Когда Аргентине понадобились средства, чтобы распрощаться с Международным валютным фондом, Венесуэла дала ей в долг 2,4 млрд долларов. Венесуэла купила у Эквадора облигаций на 300 млн долларов. Исторически Вашингтон имел большое влияние на экономику Латинской Америки именно благодаря своему контролю над крупнейшими кредиторами, включая МВФ, Всемирный банк и Межамериканский банк развития. Теперь это влияние сократилось благодаря новой роли Венесуэлы как «последнего кредитора в критической ситуации»².

Еще более разрушительным для финансового превосходства стран Севера (и исключительно важным) стал недавно принятый Саудовской Аравией и другими странами Западной Азии курс на то, чтобы перенаправлять, по крайней мере отчасти, свои излишки из Соединенных Штатов и Европы в Юго-Восточную и Южную Азию. Как говорят западные банкиры, «мы хорошо видим, как сильно выросла деловая активность между Ближним Востоком и Азией, и Юго-Восточной Азией и Китаем в особенности». И хотя пока инвесторы из Западной Азии не отзывают свои средства из Соединенных Штатов, «большая масса новых денег, полученных за счет повышения цены на нефть, направляется не в Северную Америку». Отчасти это явление имеет политическое объяснение: непопулярная война в Ираке и такие моменты, как недовольство США, заставившее Дубайскую портовую компанию распродать свои американские активы после того, как она приобрела британского портового оператора P&O. Однако главными остаются экономические причины: Китай и

¹ J. Perlez, *China Competes With West in Aid to Its Neighbors*. The New York Times, September 18, 2006; V. Mallet, *Hunt for Resources in the Developing World*. Financial Times, December 12, 2006.

² M. Weisbrot, *The Failure of Hugo-bashing*. The Los Angeles Times, March 9, 2006. См. также: N. Chomsky, *Latin America and Asia are Breaking Free of Washington's Grip*. Japan Focus, March 15, 2006.

другие быстрорастущие экономики Азии нуждаются в западноазиатской нефти, в западноазиатском капитале и ликвидности, приобретаемых благодаря продаже этой нефти; ищут возможности более выгодных инвестиций, чем вложения в американские облигации¹.

Когда в мае на ежегодной встрече Азиатского банка развития премьер-министр Индии Манмохан Сингх (Manmohan Singh) призвал азиатские государства вкладывать излишки капитала в развитие самих азиатских стран, один американский обозреватель назвал этот призыв «ошеломляющим», «предвещающим конец доллара и американской гегемонии»². В главе 7 я указывал несколько иное направление: гегемония Соединенных Штатов, в отличие от простого превосходства, по всей видимости, закончилась, но доллар вполне может еще сохранять свою роль, подобно тому как британский фунт стерлингов оставался международной валютой еще три-четыре десятилетия после утраты гегемонии Великобританией. Главный вопрос состоит вовсе не в том, останется ли доллар валютным средством для стран Азии и других стран мирового Юга, — скорее всего останется, и еще надолго. Вопрос в том, будут ли эти страны оставлять излишки своих платежных балансов на усмотрение контролируемых США агентств, превращая их в инструмент укрепления господства стран Севера, или же они станут использовать их как инструмент экономического освобождения стран Юга. В этом смысле в заявлении Сингха нет ничего «ошеломляющего», он лишь выразил поддержку уже существующей практике. Ошеломляет то, что ни на Юге, ни на Севере не понимают истинных масштабов последствий монетаристской контрреволюции начала 1980-х, создавших благоприятнейшие условия для нового Бандунга, который породит давно предвиденное Смитом содружество цивилизаций.

Потому что новый Бандунг сумеет осуществить то, чего не смог сделать старый: мобилизовать и использовать мировой рынок как инструмент выравнивания соотношения Север—Юг. Основания старого Бандунга были исключительно политико-идеологическими и в качестве таковых были легко сметены монетаристской контрреволюцией. Основания нового

¹ H. Timmons, *Asia Finding Rich Partner in Mideast*. *The New York Times*, December 1, 2006.

² A. Giridharadas, *Singh Urges Asian Self-reliance*. *International Herald Tribune*, May 5, 2006.

Бандунга, который, возможно, нарождается в наше время, будут экономическими и потому гораздо более надежными. Как сказал бывший министр иностранных дел Индии Яшвант Синха (Yashwant Sinha) в своей речи в 2003 году, «в прошлом Индия строила свои отношения в Азии, включая Юго-Восточную и Восточную, исходя из идеалистического представления об азиатском братстве, в основе которого лежали общий опыт пережитого колониализма и культурные связи... Однако ритм развития нашего региона сегодня определяется не только историей и культурой, но также торговлей, инвестициями и производством»¹.

Так что для ниспровержения утвердившейся мировой иерархии благосостояния и власти необходимо широкое сотрудничество стран Юга. В этом отношении решающим станет выбор Китая и Индии, которые сами по себе составляют треть населения Земли. В своих комментариях в *International Herald Tribune* по поводу колоссальных инвестиций Китая и Индии в экономику друг друга, Говард Френч (Howard French) задает уместный вопрос: «Есть ли что-либо более разрушительное для мирового статус-кво, чем вложение денег во имя созидательного разрушения?»

При населении 2,3 млрд человек соглашение между Индией и Китаем по любому стандарту мгновенно придает ему статус претендента на международный стандарт. Что это означает практически? Это означает, что следующим, кто производит общераспространенные продукты вроде Microsoft Office, станет Китай... Это означает, что стандарты мобильной связи в будущем будут определяться в Азии, а не в Европе и не в Соединенных Штатах... Уже сейчас это означает, что быстро приближается к концу то время, когда старый уютный клуб богачей — США, ведущие страны Западной Европы и Япония — задает тон остальному миру, дает распоряжения и ставит оценки².

Добавим, что правящим кругам мирового Юга в целом и Китая и Индии в особенности абсолютно необходимо открыть путь для освобождения не только своих народов, но и всего мира от тех социальных и экологических издержек, которые

¹ *Cum. no: A. Giridharadas, India Starts Flexing Economic Muscle. International Herald Tribune, May 12, 2005.*

² *H. W. French, The Cross-pollination of India and China. International Herald Tribune, November 10, 2005.*

принесло развитие капиталистического производства Запада. Для такого всемирно-исторического преобразования необходимо понимать, что невозможно распространить достижения современности на большую часть народов мира, если только, как говорил Сугихара, западный путь развития не соединится с восточноазиатским путем, а не наоборот. Впрочем, это утверждение не ново. Почти восемьдесят лет назад, в декабре 1928 года, Махатма Ганди писал: «Бог не попустит, чтобы Индия перешла к индустриализации по западному образцу. Империализм одного лишь крошечного острова [Англии] сегодня держит в цепях целый мир. Если путем подобной эксплуатации пойдет страна с населением в 300 миллионов человек [таково было население Индии в то время], она сожрет весь мир, как саранча»¹.

Уже тогда Ганди знал то, что многим лидерам освобождавшихся стран Юга еще предстояло узнать или что они уже забыли: успех Запада, пошедшего путем материального процветания, промышленной революции, строился на лишении большей части населения Земли доступа к природным и человеческим ресурсам, необходимым для получения прибыли, а не только для того, чтобы взвалить на себя тяготы глобальной индустриализации. Это большинство так никогда и не получило такой возможности. Соображения Элвина относительно преимуществ и трудностей развития гигантского национального рынка Китая в XVIII веке показывают абсурдность противоположной точки зрения, которую все еще разделяют историки и социологи самых разных идеологических взглядов. Благодаря огромным размерам рынка Китая здесь складываются возможности для социального разделения труда, что невозможно при небольших рынках. Но те же огромные размеры исключают возможность инноваций, вполне реально осуществляемых при небольших размерах экономики.

Например, в период с 1741-го до начала 1770-х годов с появлением машинного прядения в Великобритании утроилось потребление хлопка-сырца. Китаю же, чтобы произвести трехкратное увеличение за какие-то тридцать лет, понадобилось бы хлопка больше, чем могло быть произведено во всем мире за весь XVIII век. В 1785–1833 годах одна-единственная провинция, Квантун, ежегодно импортировала из Индии в среднем в шесть раз больше хлопка, чем ежегодно потребляла вся

¹ Цит. по: Guha (2000: 22).

Великобритания в период введения кольцепрядильных машин Аркрайта. Размеры китайского экспорта хлопчатобумажных тканей сравнительно с экспортом Великобритании XVIII (по скорости роста и по объему относительно внутреннего рынка) были бы слишком велики для покупательной способности всего мира того времени¹.

Иными словами, экономический успех промышленной революции в Великобритании зависел от небольшого размера британской экономики, как относительного, так и абсолютного. Небольшой размер британской экономики (в абсолютных цифрах) означал, что при определенном увеличении импорта хлопка-сырца и экспорта произведенной продукции показатели экономического роста были гораздо выше того, что было бы в экономике таких размеров, как китайская. Небольшие размеры относительно мировой экономики означали, что весь остальной мир мог поставлять природные ресурсы и покупать продукцию в необходимых для быстрого развития этой экономики масштабах, что было бы невозможно для Китая. Если бы китайские правители эпохи Цин последовали по пути промышленной революции Великобритании, возросшие цены на импорт, падение цен на экспорт и невыносимая социальная напряженность у себя в стране привели бы их в чувство задолго до того, как они сумели бы «сожрать весь мир, как саранча».

Двести лет спустя перед Китаем и Индией в полный рост встала та же проблема. Когда вместо крошечного островного Соединенного Королевства лидером промышленной революции стал остров-континент, Соединенные Штаты, произошло дальнейшее и очень серьезное увеличение интенсивности использования природных ресурсов не только на производстве, но и в потреблении. Это увеличение стало возможным потому, что раньше большей части населения Земли американские стандарты производства и потребления были недоступны. Но как только они стали доступны, хотя бы частично, для меньшинства китайского населения (и для еще меньшей части индийского населения), всем, кроме самых тупоголовых сторонников американского образа жизни, стала очевидна истинность утверждения Ганди: «Как оказалось, мир не может позволить себе, чтобы две страны [с громадным населением] вели себя, как Соединенные Штаты. Миру просто не хватит воздуха... ему также не хватит ресурсов». Билл Маккиббен (Bill McKibben) называет это

¹ Elvin (1973: 313–314).

трагедией: «Экономический рост Китая — дело доброе. Люди начинают есть мясо, отправляют своих детей в школу, отапливают свои хижины. А в это время мы сжигаем в девять раз больше энергоресурсов на человека, чтобы ставить кондиционеры в игротеках, стричь газоны на участках в пол-акра, разъезжать без особой надобности на внедорожниках, есть помидоры, доставленные прямиком из Чили... Вот почему, когда вы попадаете в Китай, вы начинаете понимать, что в XXI веке следует одновременно развивать экономику беднейших стран мира и сдерживать развитие экономики богатых... Нам следует использовать меньше энергии, чтобы они могли использовать больше, есть меньше мяса, чтобы они могли есть его больше... Но попробуйте только представить себе, каковы будут политические последствия в Америке... если мы признаем, что обе [страны] не могут вести себя таким образом, что право на наш образ жизни не принадлежит нам безусловно лишь потому, что мы первыми его заполучили. Отец теперешнего президента [Джордж Буш-старший] по пути на переговоры в Рио, где был разработан Киотский протокол, объявил, что „американский образ жизни не является предметом переговоров“. Вот в чем трагедия»¹.

Последний акт этой трагедии (место действия — Ирак) показал, что у Соединенных Штатов недостаточно сил, чтобы отстаивать свое право на экстравагантный образ жизни, и теперь им приходится платить все дороже за то, чтобы это право вообще сохранить². Между тем непреложным остается факт, что при переходе даже четверти населения Китая и Индии на американский способ производства и потребления погибнут от удушья не только эти «новые» китайцы и индусы, но и все остальные. В этом отношении новое руководство КНР, в отличие от своих предшественников, обнаруживает больше понимания того, какую угрозу окружающей среде несет энергоемкий экономический рост. Создаются «образцовые города», уделяющие особое внимание защите окружающей среды;

¹ McKibben (2005: 52).

² Алчный газетный барон Руперт Мердок, поддерживая войну с Ираком, заметил, что для американской экономики было бы хорошо сократить цену на нефть с 30 до 20 долларов за баррель: D. Kirkpatrick, Mr. Murdoch's War. *The New York Times*, April 7, 2003. Но за четыре года войны в Ираке цена, напротив, увеличилась в четыре раза, в полной мере демонстрируя провал попытки США насильственными методами навязать свое право на безудержное потребление энергии.

восстанавливаются леса; пятилетний план на 2006–2010 годы поставил трудную задачу сократить потребление энергии в экономике на 20%, и для выполнения этой задачи была разработана долгосрочная программа закрытия 399 подотраслей промышленности и сокращения 190 других. Впрочем, до сих пор не ясно, как эти или другие меры могут восстановить серьезно нарушенный экологический баланс, если, как ожидается, в течение следующих пятнадцати лет свыше 300 млн сельских жителей, или даже больше, переселится в города, где уже сейчас автомобили почти вытеснили велосипеды¹.

Итак, слишком полагаясь на энергоемкий западный путь развития, быстрый экономический рост Китая не открыл пока ни для себя, ни для мира экологически рационального пути развития. И выбор энергоемкого пути не только грозит преждевременным концом «экономического чуда» в связи с недостаточностью ресурсов (включая чистый воздух и воду). Этот выбор есть результат и причина все увеличивающегося разрыва между теми, кто по своему положению сумел воспользоваться результатами быстрого экономического роста, и теми, кто вынес на себе тяготы этого роста. Как мы уже говорили в главе 12, такой разрыв выливается в крупные социальные волнения, часто из-за загрязнения окружающей среды, в связи с чем китайские политики стараются переориентироваться на программу более сбалансированного развития города и деревни, разных регионов, а также добиться баланса между экономикой и социальными запросами общества. В завершение нашего исследования следует сказать, что решающими для будущего не только китайского общества, но и всего мира станут именно результаты этой новой политики.

Если при переориентации оживут и окрепнут китайские традиции внутреннеориентированного, основанного на рынке развития, накопления без изъятия, мобилизации человеческих, а не иных ресурсов и управления при массовом участии

¹ Lester R. Brown, *A New World Order*. *Guardian*, January 25, 2006; *Quarterly Update*, World Bank Office, Beijing, February 2006, pp. 13–16; K. Bradsher, *China Set to Act on Fuel Economy*. *The New York Times*, November 18, 2003; J. Kynge, *New Agenda for a New Generation*. *The Financial Times*, December 16, 2003; A. Lorenz, *China's Environmental Suicide: A Government Minister Speaks*. *openDemocracy*, April 5, 2005.

граждан в формировании политики, тогда велики шансы, что Китай сможет внести значительный вклад в создание содружества цивилизаций, где действительно будут уважаться культурные различия. Но если переориентация не удастся, Китай вполне может стать новым центром социального и политического хаоса, что облегчит Западу задачу возрождения своего, сейчас разрушающегося, глобального доминирования. Или, перефразируя Шумпетера, поможет человечеству сгинуть в кошмаре (или в триумфе) растущего насилия, которым сопровождалась ликвидация мирового порядка, сложившегося во время холодной войны.

Библиография

Abu-Lughod, Janet. 1989. *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350*. New York, Oxford University Press.

Adas, Michael. 1989. *Machines as Measure of Men. Science, Technology and Ideologies of Western Dominance*. Ithaca: Cornell University Press.

Agarwala, Ramgopal. 2002. *The Rise of China: Threat or Opportunity?* New Delhi: Bookwell.

Aglietta, Michel. 1979. *A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience*. London: New Left Books.

Agnew, John. 1987. *The United States in the World-Economy: A Regional Geography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Aguilar, Alonso. 1968. *Pan-Americanism from Monroe to the Present: A View from the Other Side*. New York: Monthly Review Press.

Akamatsu, K. 1961. A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy. *Weltwirtschaftliches Archiv* 86 (1): 196–217.

Amin, Samir. 1976. *Unequal Development*. New York: Monthly Review Press.

Amin, Samir. 2005. China, Market Socialism, and U.S. Hegemony. *Review* 28 (3): 259–279.

Amsden, Alice. 2001. *The Rise of 'The Rest.'* New York: Oxford University Press.

Amsden, Alice. 2003. Good-bye Dependency Theory, Hello Dependency Theory. *Studies in Comparative International Development*, 38 (1): 32–38.

Anderson, Perry. 1974. *Lineages of the Absolutist State*. London: New Left Books.

Appiah, K. Anthony et al. 2004. The Election and America's Future. *The New York Review*, November 4: 6–17.

Arendt, Hannah. 1966. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt, Brace and World.

Armstrong, Philip, Andrew Glyn and John Harrison. 1984. *Capitalism since World War II. The Making and Breakup of the Great Boom*. London: Fontana.

Armstrong, Philip and Andrew Glyn. 1986. *Accumulation, Profits, State Spending: Data for Advanced Capitalist Countries 1952–1983*. Oxford: Oxford Institute of Economics and Statistics.

Arrighi, Giovanni. 1983. *The Geometry of Imperialism*. Revised Edition. London: Verso.

Arrighi, Giovanni. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*. London: Verso.

Arrighi, Giovanni. 1996. The Rise of East Asia: World Systemic and Regional Aspects, *International Journal of Sociology and Social Policy*, 16 (7): 6–44.

Arrighi, Giovanni. 2002. The African Crisis: World Systemic and Regional Aspects. *New Left Review*, II/15: 5–36.

Arrighi, Giovanni, Terence K. Hopkins and Immanuel Wallerstein. 1989. *Antisystemic Movements*. London: Verso.

Arrighi, Giovanni, Po-keung Hui, Ho-Fung Hung and Mark Selden. 2003. Historical Capitalism, East and West. In G. Arrighi, T. Hamashita and M. Selden, eds. 2003. *The Resurgence of East Asia. 500, 150 and 50 Year Perspectives*, pp. 259–333. London and New York: Routledge.

Arrighi, Giovanni, Satoshi Ikeda and Alex Irwan. 1993. The Rise of East Asia: One Miracle or Many? In R. A. Palat, ed., *Pacific Asia and the Future of the World-Economy*, pp. 42–65. Westport, CT: Greenwood Press.

Arrighi, Giovanni and Beverly J. Silver. 1984. Labor Movements and Capital Migration: the US and Western Europe in World-Historical Perspective. In Charles Bergquist ed., *Labor in the Capitalist World-Economy*, pp. 183–216. Beverly Hills, CA: Sage.

Arrighi, Giovanni and Beverly J. Silver. 1999. *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Arrighi, Giovanni and Beverly J. Silver. 2001. Capitalism and World (Dis)Order. *Review of International Studies* 27: 257–279.

Arrighi, Giovanni, Beverly J. Silver and Benjamin D. Brewer. 2003a. Industrial Convergence and the Persistence of the North-South Divide. *Studies in Comparative International Development* 38(1): 3–31.

Arrighi, Giovanni, Beverly J. Silver and Benjamin D. Brewer. 2003b. A Reply to Alice Amsden. *Studies in Comparative International Development* 38(1).

Arrighi, Giovanni, Beverly J. Silver and Benjamin D. Brewer. 2005. Industrial Convergence and the Persistence of the North-South Divide: A Rejoinder to Firebaugh. *Studies in Comparative International Development* 40 (1): 83–88.

Atwell, William S. 1986. Some Observations on the 'Seventeenth-Century Crisis' in China and Japan. *Journal of Asian Studies* XLV: 223–44.

Atwell, William S. 1998. Ming China and the Emerging World Economy. C. 1470–1650, Twitchett and Mote, eds. *The Cambridge History of China Vol. 8 (2), The Ming Dynasty*, pp. 376–416. Cambridge: Cambridge University Press.

Au, Loong-Yu. 2005. The Post MFA Era and the Rise of China. *Asian Labour Update*, 56, Fall. Available at <http://www.global-mon.org.hk/eng/Post-MFA-era.pdf>.

Bacevich, Andrew. 2004. A Modern Major General. *New Left Review* II/29: 123–134.

Bagchi, Amiya Kumar. 1982. *The Political Economy of Underdevelopment*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bagchi, Amiya K. 2005. *Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Baker, Christopher. 1981. Economic Reorganization and the Slump in SouthEast Asia. *Comparative Studies in Society and History* 23 (3): 325–349.

Barbour, Violet. 1950. *Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century*. Baltimore: John Hopkins Press.

Barracough, Geoffrey. 1967. *An Introduction to Contemporary History*. Harmondsworth: Penguin.

Barrat Brown, Michael. 1974. *The Economics of Imperialism*. Harmondsworth: Penguin.

Barrat Brown, Michael. 1963. *After Imperialism*. London: Heinemann.

Barrow, Clyde W. 2004. God, Money, and the State. *The Spirits of American Empire*. Forschungsgruppe Europäische Gemeinschaften (FEG) Arbeitspapier Nr. 22. Universität Marburg, Marburg.

Bartlett, Beatrice S. 1991. *Monarchs and Ministers: The Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723–1820*. Berkeley: University of California Press.

Becattini, Giacomo. 1990. The Marshallian Industrial District as a Socio-Economic Notion. In F. Pyke, G. Becattini, and W. Senenberger, eds., *Industrial Districts and Inter-Firm Cooperation in Italy*, 37–51. Geneva: International Institute for Labor Studies.

Benjamin, Daniel and Steven Simon. 2005. *The Next Attack: The Failure of the War on Terror and a Strategy for Getting it Right*. New York: Times Books.

Bergesen, Albert and Ronald Schoenberg. 1980. Long Waves of Colonial Expansion and Contraction, 1415–1969. In A. Bergesen, ed., *Studies of the Modern World-System*. New York: Academic Press.

Bernstein, Richard and Ross H. Munro. 1997. *The Coming Conflict with America*. *Foreign Affairs* 76 (2): 18–32.

Bernstein, Thomas P. and Xiaobo Lu. 2003. *Taxation without Representation in Contemporary Rural China*. New York: Cambridge University Press.

Blackburn, Robin. 2002. *Banking on Death: Or, Investing in Life. The History and Future of Pensions*. London: Verso.

Block, Fred. 1977. *The Origins of International Economic Disorder: A Study of the United States International Monetary Policy from World War II to the Present*. Berkeley: University of California Press.

Bond, Brian, ed. 1967. *Victorian Military Campaigns*. London: Hutchinson.

Bouckaert, Boudewijn R.A. 2005. *Bureaupreneurs in China: We Did It Our Way — A comparative study of the explanation of the economic successes of town-village-enterprises in China*. Paper presented at the EALE Conference. Ljubljana, September.

Boxer, Charles R. 1965. *The Dutch Seaborne Empire 1600–1800*. New York: Knopf.

Bramall, Chris. 2000. *Sources of Chinese Economic Growth, 1978–1996*. New York: Oxford University Press.

Braudel, Fernand. 1977. *Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Braudel, Fernand. 1982. *Civilization and Capitalism, 15th—18th Century, II: The Wheels of Commerce*. New York: Harper & Row.

Braudel, Fernand. 1984. *Civilization and Capitalism, 15th—18th Century, III: The Perspective of the World*. New York: Harper and Row.

Bray, Francesca. 1986. *The Rice Economies: Technology and Development in Asian Societies*. Berkeley: University of California Press.

Braverman, Harry. 1974. *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. New York: Monthly Review Press.

Brenner, Robert. 1977. *The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism*. *New Left Review* 1/104: 25–92.

Brenner, Robert. 1981. *World System Theory and the Transition to Capitalism: Historical and Theoretical Perspectives*. Unpublished English version of a paper published in Jochen Blaschke, ed., *Perspektiven des Weltsystems*. Frankfurt: Campus Verlag, 1983.

Brenner, Robert. 1998. *The Economics of Global Turbulence: A Special Report on the World Economy, 1950–1998*. *New Left Review*, 229 (May/June): 1–264.

Brenner, Robert. 2002. *The Boom and the Bubble: The U.S. in the World Economy*. London: Verso.

Brenner, Robert. 2006. *The Economics of Global Turbulence. The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn, 1945–2005*. London: Verso.

Brenner, Robert and Christopher Isett. 2002. England's Divergence from China's Yangzi Delta: Property Relations, Microeconomics, and Patterns of Development. *The Journal of Asian Studies* 61 (2): 609–662.

Brooks, Timothy. 1998. *The Confusions of Pleasure. Commerce and Culture in Ming China*. Berkeley: University of California Press.

Brzezinski, Zbigniew and John J. Mearsheimer. 2005. Clash of the Titans. *Foreign Policy* January/February, <http://www.foreignpolicy.com>.

Brusco, Sebastiano. 1986. Small Firms and Industrial Districts: The Experience of Italy. In D. Keeble and F. Weever, eds., *New Firms and Regional Development*, pp. 184–202. London: Croom Helm.

Burawoy, Michael. 1982. *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process Under Monopoly Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press.

Burley, Ann-Marie. 1993. Regulating the World: Multilateralism, International Law, and the Projection of the New Deal Regulatory State. In J. G. Ruggie, ed., *Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form*, pp. 125–156. New York: Columbia University Press.

Cai, Fang, Albert Park and Yaohui Zhao. 2004. *The Chinese Labor Market*. Paper presented at the Second Conference on China's Economic Transition: Origins, Mechanisms, and Consequences. University of Pittsburgh, Pittsburgh, November 5–7.

Cain, P. J. and A. G. Hopkins. 1980. The Political Economy of British Expansion Overseas, 1750–1914. *The Economic History Review*, 2nd ser., (33)4: 463–490.

Cairncross, A. K. 1953. *Home and Foreign Investment, 1870–1913*. Cambridge: Cambridge University Press.

Calleo, David P. 1970. *The Atlantic Fantasy*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Calleo, David. 1982. *The Imperious Economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Calleo, David P. 1987. *Beyond American Hegemony: The Future of the Western Alliance*. New York: Basic Books.

Castells, Manuel, and Alejandro Portes. 1989. *World Underneath*:

The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy. In A. Portes, M. Castells, and L. A. Benton, eds., *The Informal Economy. Studies in Advanced and Less Developed Countries*, pp. 11–39. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.

Chan, Anita. 2000. Globalization, China's Free (Read Bounded) Labor Market, and the Trade Union. *Asia Pacific Business Review* 6 (3–4): 260–279.

Chandler, Alfred. 1977. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Cambridge, MA: The Belknap Press.

Chandler, Alfred. 1990. *Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism*. Cambridge, MA: The Belknap Press.

Chapman, Stanley D. 1992. *Merchant Enterprise in Britain: From the Industrial Revolution to World War I*. New York: Cambridge University Press.

Chase-Dunn, Christopher & Thomas Hall. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.

Chaudhuri, K. N. 1990. *Asia before Europe. Economy and Civilization of the Indian Ocean from the Rise of Islam to 1750*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chen Ciyu. 1984. On the Foreign Trade of China in the 19th Century and the China—India—Britain Triangular Trade, *Essays in Chinese Maritime History*, pp. 131–173. Taipei: Sun Yat-sen Institute for Social Sciences and Philosophy, Academia Sinica.

Cipolla, Carlo. 1976. *Before the Industrial Revolution. European Society and Economy, 1000–1700*. New York: Norton.

Clancy, Tom with Anthony Zinni and Tony Koltz. 2004. *Battle Ready*. New York: Putnam.

Clarke, Richard. 2004. *Against All Enemies: Inside America's War on Terror*. New York: Free Press.

Cohen, Benjamin. 1996, Phoenix Risen. *The Resurrection of Global Finance*, *World Politics* 48: 268–296.

Cohen, Jerome B. 1958. *Japan's Postwar Economy*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Coyett, Frederick. 1903 [1675]. *Verwaerloosde Formosa in William Campbell ed. 1903. Formosa Under the Dutch: Described From Contemporary Records*, pp. 383–538. London: Kegan Paul, Trench, Trubner.

Crotty, James. 1999. Review of Turbulence in the World Economy by Robert Brenner, *Challenge*, 42 (3): 108–130.

Cumings, Bruce. 1987. *The Origins and Development of the NorthEast Asian Political Economy: Industrial Sectors, Product*

Cycles, and Political Consequences. In F. C. Deyo, ed., *The Political Economy of the New Asian Industrialism*, pp. 44–83. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Cumings, Bruce. 1993a. *The Political Economy of the Pacific Rim*. In R.A. Palat, ed., *Pacific-Asia and the Future of the World-System*, pp. 21–37. Westport, CT: Greenwood Press.

Cumings, Bruce. 1993b. Global Realm with no Limit, Global Realm with no Name. *Radical History Review* 57: 47–48.

Cumings, Bruce. 1997. Japan and NorthEast Asia into the Twenty-first Century. In P. J. Katzenstein and T. Shiraishi, eds., *Network Power. Japan and Asia*, pp. 136–68. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Curtin, Philip D. 2000. *The World and the West: The European Challenge and the Overseas Response in the Age of Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.

Cushman, Jennifer Wayne. 1993. *Fields from the Sea. Chinese Junk Trade with Siam during the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries*. Studies on SouthEast Asia, SouthEast Asia Program. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Davis, Mike. 2001. *Late Victorian Holocausts: El Nino Famines and the Making of the Third World*. London: Verso.

Davis, Ralph. 1966. The Rise of Protection in England, 1689–1786. *Economic History Review*, 2nd series, 19: 306–317.

Davis, Ralph. 1969. English Foreign Trade, 1700–1774. In W. E. Minchinton, ed., *The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*, pp. 99–120. London: Methuen.

Davis, Ralph. 1979. *The Industrial Revolution and British Overseas Trade*. Leicester: Leicester University Press.

De Cecco, Marcello. 1982. *Inflation and Structural Change in the Euro-dollar Market*. EUI Working Papers, 23. Florence: European University Institute.

De Cecco, Marcello. 1984. *The International Gold Standard: Money and Empire*. 2nd ed. New York: St. Martin's Press.

Dehio, Ludwig. 1962. *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*. New York: Vintage.

De Vries, Jan. 1994. The Industrial Revolution and the Industrious Revolution. *Journal of Economic History* 54(2): 249–270.

Ding, X. L. 2000. The Illicit Asset Stripping of Chinese State Firms. *The China Journal* 43: 1–28.

Dirlik, Arif. n.d. Beijing Consensus: Beijing 'Gongshi.' Who Recognizes Whom and to What End? *Globalization and Autonomy*

Online Compendium. Available at http://www.globalautonomy.ca/global1/position.jsp?index=PP_Dirlik_BeijingConsensus.xml.

Drucker, Peter. 1969. *The Age of Discontinuity*. New York: Harper & Row.

Duara, Prasenjit. 1997. Nationalists Among Transnationals: Overseas Chinese and the Idea of China, 1900–1911. In A. Ong and D. M. Nonini, eds. *Ungrounded Empires: The Cultural Politics of Modern Chinese Transnationalism*, pp. 39–59. New York: Routledge.

Duus, Peter. 1984. Economic Dimensions of Meiji Imperialism: The Case of Korea, 1895–1910. In R. H. Myers and M. R. Peattie, eds. *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945*, pp. 128–171. Princeton: Princeton University Press.

Edin, Maria. 2003. State Capacity and Local Agent Control in China: CCP Cadre Management from a Township Perspective. *The China Quarterly* 173: 35–52.

Edwards, Richard. 1979. *Contested Terrain*. New York: Basic Books.

Eichengreen, Barry and Richard Portes. 1986. Debt and Default in the 1930s: Causes and Consequences. *European Economic Review* (30): 599–640.

Elisonas, Jurgis. 1991. The Inseparable Trinity: Japan's Relations With China and Korea. In John Hall, ed. *The Cambridge History of Japan*, Vol. 4, *Early Modern Japan*, pp. 235–300. Cambridge: Cambridge University Press.

Elliott, John E. 1980. Marx and Schumpeter on Capitalism's Creative Destruction: A Comparative Restatement. *The Quarterly Journal of Economics* XCV (1): 45–68.

Elliott, J. H. 1970. *The Old World and the New 1492–1650*. Cambridge: Cambridge University Press.

Elliott, William Y., ed. 1955. *The Political Economy of American Foreign Policy: Its Concepts, Strategy, and Limits*. New York: Henry Holt and Co.

Elvin, Mark. 1973. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford: Stanford University Press.

Fairbank, John K., ed. 1968. *The Chinese World Order*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Fairbank, John K. 1983. *The United States and China*. Cambridge: Harvard University Press.

Fairbank, John K. 1989. Keeping Up with the New China. *The New York Review*, March 16: 17–20.

Fairbank, John K. 1992. *China. A New History*. Cambridge, MA: The Belknap Press.

Feis, Herbert. 1965. *Europe: The World's Banker, 1870–1914*. New York: Norton.

Ferguson, Niall. 2004. *Colossus: The Price of America's Empire*. New York: The Penguin Press.

Feuerwerker, Albert. 1958. *China's Early Industrialization: Sheng Hsuan-Huai 1844–1916 and Mandarin Enterprise*. Cambridge: Harvard University Press.

Feuerwerker, Albert. 1970. Handicraft and Manufactured Cotton Textiles in China, 1871–1910. *Journal of Economic History* 30 (2): 338–378.

Fishman, Ted C. 2005. *China, INC. How the Rise of the Next Superpower Challenges America and the World*. New York: Scribner.

Flynn, Dennis O. and Giraldez Arturo. 1995. Born with 'Silver Spoon': The Origin of World Trade in 1571. *Journal of World History* 6 (2): 201–211.

Flynn, Dennis O., Lionel Frost and A. J. H. Latham, eds. 1999. *Pacific Centuries. Pacific and Pacific Rim History Since the Sixteenth Century*. London: Routledge.

Frank, Andre Gunder. 1969. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. New York: Monthly Review Press.

Frank, Andre Gunder. 1974. On the Roots of Development and Underdevelopment in the New World: Smith and Marx vs the Weberians. *International Review of Sociology* 2nd series, 10 (2–3): 109–155.

Frank, Andre Gunder. 1978. Multilateral Merchandise Trade Imbalances and Uneven Economic Development, *Journal of European Economic History*, 5 (2): 407–438.

Frank, Andre Gunder. 1998. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press.

Frank, Andre Gunder. 2005. Meet Uncle Sam — Without Clothes — Parading Around China and the World. www.rrojasdatabank.info/agfrank/noclothes.htm.

Frank, Thomas. 2005. *What's the Matter with Kansas?: How Conservatives Won the Heart of America*. New York: Owl Books.

Freeman-Grenville, G. S. P. 2002. *Historical Atlas of Islam*. New York: Continuum Publishing Group.

Friedman, Thomas L. 2005. *The World Is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Fukasaku, Kichiro and David Wall. 1994. *China's Long March to an Open Economy*. Paris: OECD.

Gamble, Andrew. 1985. *Britain in Decline*. London: Macmillan.

Gao, Weinong. 1993. *Zou xiang jinshi de Zhongguo yu 'chaogong' guo guanxi*. (The Relation between China and its Tributary States in Modern Times). Guangdong: Guangdong gaodeng jiaoyu chubanshe.

Giddens, Anthony. 1987. *The Nation-State and Violence*. Berkeley: University of California Press.

Gilpin, Robert. 1987. *The Political Economy of International Relations*. Princeton: Princeton University Press.

Goldstein, Joshua S. and David P. Rapkin. 1991. After Insularity. *Hegemony and the Future World Order*. *Futures* 23: 935–959.

Gordon, David, Richard Edwards and Michael Reich. 1982. *Segmented Work, Divided Workers: The Historical Transformation of Labor in the United States*. New York: Cambridge University Press.

Greenberg, Michael. 1951. *British Trade and the Opening of China 1800–1842*. Cambridge: Cambridge University Press.

Guan Luquan. 1994. *Songdai Guangzhou de haiwai maoyi* (The Guangzhou Sea Trade in the Song Dynasty). Guangzhou: Guangdong renmin chubanshe.

Guha, Ramachandra. 2000. *Environmentalism: A Global History*. New York: Longman.

Guha, Ranajit. 1992. Dominance Without Hegemony and Its Historiography. In R. Gupta, ed. *Subaltern Studies IV* 210–305. New York: Oxford University Press.

Guo, Yugu. 2005. *Asia's Educational Edge: Current Achievements in Japan, Korea, Taiwan, China, and India*. Oxford: Lexington.

Haakonssen, Knud. 1981. *The Science of a Legislator. The Natural Jurisprudence of David Hume and Adam Smith*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hamashita, Takeshi. 1988. The Tribute Trade System of Modern Asia. *The Memoirs of the Toyo Bunko* XLVI: 7–25.

Hamashita, Takeshi. 1993. Tribute and Emigration: Japan and the Chinese Administration of Foreign Affairs. *Senri Ethnological Studies* XXV: 69–86.

Hamashita, Takeshi. 1994. The Tribute Trade System and Modern Asia. In A. J. H. Latham and H. Kawakatsu, eds. *Japanese Industrialization and the Asian Economy*, pp. 91–107. London and New York: Routledge.

Hamashita, Takeshi. 1997. The Intra-Regional System in East Asia in Modern Times. In Katzenstein, Peter. J. and T. Shiraishi, eds. 1997,

pp. 113–35. *Network Power. Japan and Asia*. Ithaca: Cornell University Press.

Hamilton, Gary G. and Wei-An Chang. 2003. The Importance of Commerce in the Organization of China's Late Imperial Economy. In G. Arrighi, T. Hamashita and M. Selden, eds. 2003. *The Resurgence of East Asia. 500, 150 and 50 Year Perspectives*, pp. 173–213. London and New York: Routledge.

Hao, Yen-p'ing. 1986. *The Commercial Revolution in Nineteenth-Century China*. Berkeley, CA: California University Press.

Hardt, Michael and Antonio Negri. 2000. *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Harrison, Bennett. 1994. *Lean and Mean: The Changing Landscape of Corporate Power in the Age of Flexibility*. New York: Basic Books.

Hart-Landsberg and Paul Burkett. 2004. China and Socialism: Market Reform and Class Struggle. *Monthly Review* 56 (3): 7–123.

Harvey, David. 1982. *Limits to Capital*. Oxford, U.K.: B. Blackwell.

Harvey, David. 1995. Globalization in Question, *Rethinking Marxism*, VIII, 4: 1–17.

Harvey, David. 2000. *Spaces of Hope*. Berkeley: University of California Press.

Harvey, David. 2001. *Spaces of Capital: Towards a Critical Geography*. New York: Routledge.

Harvey, David. 2003. *The New Imperialism*. New York: Oxford University Press.

Harvey, David. 2005. *A Brief History of Neoliberalism*. New York: Oxford University Press.

Headrick, Daniel R. 1988. *The Tentacles of Progress: Technology Transfer in the Age of Imperialism, 1850–1940*. London: Oxford University Press.

Heilbroner, Robert. 1991. Economic Predictions. *The New Yorker*, July 8: 70–77.

Hegel, G.W. 1967. *The Philosophy of Right*. New York: Oxford University Press.

Held, David, Anthony McGrew, David Goldblatt and Jonathan Perraton. 1999. *Global Transformations*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Hersh, Seymour M. 2003. The Stovepipe. *The New Yorker*, October 27: 77–87.

Hersh, Seymour M. 2004. *Chain of Command: The Road from 9/11 to Abu Ghraib*. New York: Harper Collins.

Hirschman, Albert O. 1977. *The Passions and the Interests. Political Arguments for Capitalism before Its Triumph*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ho, Chumei. 1994. *The Ceramic Trade in Asia, 1602–82*. In A. J. H. Latham and H. Kawakatsu, eds. *Japanese Industrialization and the Asian Economy*. London and New York: Routledge.

Hobbes, Thomas. 1968. *Leviathan*. Edited by C. B. MacPherson. Harmondsworth: Penguin.

Hobsbawm, Eric J. 1968. *Industry and Empire: An Economic History of Britain since 1750*. London: Weidenfeld and Nicolson.

Hobsbawm, Eric J. 1979. *The Age of Capital 1848–1875*. New York: New American Library.

Hobsbawm, Eric. 1991. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hobsbawm, Eric J. 1994. *The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991*. New York: Vintage.

Hofstadter, R. 1996. *The Paranoid Style in American Politics and Other Essays*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Huang, Philip C. C. 1985. *The Peasant Economy and Social Change in North China*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Huang, Phillip C. C. 1990. *The Peasant Family and Rural Development in the Yangzi Delta, 1350–1988*. Stanford: Stanford University Press.

Huang, Phillip C. C. 2002. Development or Involution in Eighteenth-Century Britain and China? A Review of Kenneth Pomeranz's *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. *The Journal of Asian Studies* 61 (2): 501–538.

Huang, Ray. 1969. *Fiscal Administration During the Ming Dynasty*. In Charles O. Hucker, ed., *Chinese Government in Ming Times*, pp. 73–128. New York: Columbia University Press.

Hugill, Peter J. 1993. *World Trade since 1431. Geography, Technology, and Capitalism*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Hui, Po-keung. 1995. *Overseas Chinese Business Networks: East Asian Economic Development in Historical Perspective*. Ph. D. diss., Department of Sociology, State University of New York at Binghamton.

Hung, Ho-fung. 2001a. Imperial China and Capitalist Europe in the Eighteenth-Century Global Economy. In *Review (Fernand Braudel Center)* 24 (4): 473–513.

Hung, Ho-fung. 2001c. *Maritime Capitalism in Seventeenth-Century China: The Rise and Fall of Koxinga in Comparative Perspective*. Unpublished manuscript. Department of Sociology. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Hung, Ho-fung. 2003. Orientalist Knowledge and Social Theories: China and European Conceptions of East-West Differences from 1600 to 1900. *Sociological Theory* 21:3, 254–280.

Hung, Ho-fung. 2004. Early Modernities and Contentious Politics in Mid-Qing China, c. 1740–1839. *International Sociology* 19(4): 478–503.

Hung, Ho-fung. 2006. Rise of China and the Global Overaccumulation Crisis. Paper presented at the Society for the Study of Social Problems Annual Meeting, Montreal, August.

Hymer, Stephen. 1972. The Multinational Corporation and the Law of Uneven Development. In J. N. Bhagwati, ed., *Economics and World Order*, pp. 113–40. New York: MacMillan.

Ikedo, Satoshi. 1996a. World Production. In T. K. Hopkins, I. Wallerstein, et al. *The Age of Transition: Trajectory of the World-System 1945–2025*, pp. 38–86. London: Zed Books.

Ikedo, Satoshi. 1996b. The History of the Capitalist World-System vs. The History of East-SouthEast Asia. *Review* 19 (1): 49–76.

International Monetary Fund (various years). *International Financial Statistics Yearbook*. Washington D.C.: International Monetary Fund.

Iriye, Akira. 1970. Imperialism in East Asia. In J. Crowley, ed. *Modern East Asia*, pp. 122–50. New York: Harcourt.

Irwan, Alex. 1995. *Japanese and Ethnic Chinese Business Networks in Indonesia and Malaysia*. Ph. D. diss., Department of Sociology, State University of New York at Binghamton.

Israel, Jonathan. 1989. *Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740*. Oxford: Clarendon Press.

Itoh, Makoto. 1990. *The World Economic Crisis and Japanese Capitalism*. New York: St. Martin's Press.

Jenks, Leland H. 1938. *The Migration of British Capital to 1875*. New York & London: Knopf.

Jing, Junjian. 1982. Hierarchy in the Qing Dynasty. *Social Science in China: A Quarterly Journal* 3(1): 156–192.

Johnson, Chalmers. 2004a. Why I Intend to Vote for John Kerry. *The History News Network*, June 14, <http://hnn.us/>.

Johnson, Chalmers. 2004b. *The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the Republic*. New York: Metropolitan Books.

Johnson, Chalmers. 2005. No Longer the 'Lone' Superpower: Coming to Terms with China. Japan Policy Research Institute, www.jpri.org.

Johnson, Linda Cooke. 1993. Shanghai: An Emerging Jiangnan Port, 1638–1840, Linda Cooke Johnson, ed. *Cities of Jiangnan in Late Imperial China*, pp. 151–82. Albany: State University of New York Press.

Johnson, Russell. 2003. 'Pre-Conditioning' for Industry: Civil War Military Service and the Making of an American Working Class. Paper presented at 25th Annual North American Labor History Conference, Wayne State University, Detroit, October 16–18.

Judt, Tony. 2005. Europe vs. America. *The New York Review*, February 10: 37–41.

Kaplan, Robert D. 2005. How We would Fight China. *The Atlantic Monthly*, June, pp. 49–64.

Kasaba, Resat. 1993. Treaties and Friendships: British Imperialism, the Ottoman Empire, and China in the Nineteenth Century. *Journal of World History* 4 (2): 213–241.

Kawakatsu, Heita. 1994. Historical Background. In A. J. H. Latham and H. Kawakatsu, eds. *Japanese Industrialization and the Asian Economy*, pp. 4–8. London and New York: Routledge.

Kennedy, Paul. 1976. *The Rise and Fall of British Naval Mastery*. London: Scribner.

Kennedy, Paul. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House.

Kennedy, Paul. 2004. Mission Impossible? *The New York Review of Books*, June 10, pp. 16–19.

Kissinger, Henry. 1964. *A World Restored: European After Napoleon: The Politics of Conservatism in a Revolutionary Age*. New York: Grosset & Dunlap.

Kojima, K. 2000. The 'Flying Geese' Model of Asian Economic Development: Origin, Theoretical Extensions, and Regional Policy Implications. *Journal of Asian Economics* 11: 375–401.

Kojima, K. and Terutomo Ozawa. 1985. Toward a Theory of Industrial Restructuring and Dynamic Comparative Advantage. *Hitotsubashi Journal of Economics* 26 (2): 135–145.

Koning, Rachel. 2004. Dethroning the Dollar. *CBS MarketWatch*, September 7, cbs.marketwatch.com.

Kraar, Louis. 1993. The New Power in Asia. *Fortune*, October 31: 38–44.

Krasner, Stephen. 1988. A Trade Strategy for the United States. *Ethics and International Affairs* 2: 17–35.

Kreisler, Harry. 2002. Through the Realist Lens. *Conversations with History: Conversation with John Mearsheimer*, Institute of International Studies, UC Berkeley, April 8; available at <http://globetrotter.berkeley.edu/>.

Kriedte, Peter. 1983. *Peasants, Landlords, and Merchant Capitalists: Europe and the World Economy, 1500–1800*. Cambridge: Cambridge University Press.

Krippner, Greta R. 2005. The Financialization of the American Economy. *Socio-Economic Review* 3: 173–208.

Krugman, Paul. 1994. The Myth of Asia's Miracle. *Foreign Affairs* 73 (6): 62–78.

Kwong, Peter. 2006. China and the US are Joined at the Hip. *The Chinese Face of Neoliberalism*. Counterpunch, Weekend Edition, October 7/8.

Kynge, James. 2006. *China Shakes the World*. Boston, MA: Houghton Mifflin Company.

Landes, David S. 1969. *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lardy, Nicholas R. 1992. *Foreign Trade and Economic Reform in China, 1978–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lee, Ching Kwan. 2002. From the Specter of Mao to the Spirit of the Law: Labor Insurgency in China. *Theory and Society* 31 (2): 189–228.

Lee, Ching Kwan and Mark Selden. 2007. *Durable Inequality: The Legacies of China's Revolutions and the Pitfalls of Reforms*. In J. Foran, D. Lane and A. Zivkovic, eds., *Revolution in the Making of the Modern World: Social Identities, Globalization, and Modernity*. London: Routledge.

Lee, John. 1999. Trade and Economy in Preindustrial East Asia, c. 1500–1800: East Asian in the Age of Global Integration. *The Journal of Asian Studies* 58 (1): 2–26.

Lefebvre, Henri. 1976. *The Survival of Capitalism: Reproduction of the Relations of Production*. New York: St. Martin's Press.

Leibenstein, Harvey. 1963. *Economic Backwardness and Economic Growth*. New York: Wiley.

Lewis, Archibald. 1970. *The Islamic World and the West, A.D. 622–1492*. New York: Wiley.

Li, Yi. 2005. *The Structure and Evolution of Chinese Social Stratification*. Lanham, MD: University Press of America.

Li, Yuyu. 2006. *The Impact of Rural Migration on Village Development: A Comparative Study in Three Chinese Villages*. PhD diss., Department of Sociolog. Baltimore MD: The Johns Hopkins University.

Lin, Justin Yifu and Yang Yao. n.d. *Chinese Rural Industrialization in the Context of the East Asian Miracle*. China Center for Economic Research, Beijing University. Available at http://www.eso-cialsciences.com/articles/displayArticles.asp?Article_ID=647

Lin Manhong. 1991. *The Silver Drain of China and the Reduction in World Silver and Gold Production (1814–1850)*. In *Essays in Chinese Maritime History IV*, pp. 1–44. Taipei: Sun Yat-sen Institute for Social Sciences and Philosophy, Academia Sinica.

Lin, Nan. 1995. *Local Market Socialism: Local Corporatism in Action in Rural China*. *Theory and Society* 24: 301–354.

Liu Binyan and Perry Link. 1998. *A Great Leap Backward? The New York Review*, October 8, pp. 19–23.

Lo, Jung-pang. 1969. *Maritime Commerce and its Relation to the Sung Navy*. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* XII: 57–101.

Lynn, Barry. 2006. *The Case for Breaking Up Wal-Mart*. *Harper's Magazine*, July 24.

MaCkie, Jamie. 1992. *Changing Patterns of Chinese Big Business*. In R. McVey, ed., *SouthEast Asian Capitalists*. SouthEast Asian Program. Ithaca, NY: Cornell University Press.

MaCkie, Jamie. 1998. *Business Success Among SouthEast Asian Chinese: The Role of Culture, Values, and Social Structures*. In R. W. Hefner, ed. *Market Cultures. Society and Morality in the New Asian Capitalism*. Boulder: Westview Press.

Maddison, Angus. 2007. *Contours of the World Economy: The Pace and Pattern of Change, 1–2030 AD*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magdoff, Harry and John Bellamy Foster. 2004. *China and Socialism: Market Reform and Class Struggle*. Editors' Foreword *Monthly Review* 56 (3): 2–6.

Mamdani, Mahmood. 2004. *Good Muslim, Bad Muslim: America, the Cold War, and the Roots of Terror*. New York: Pantheon.

Mann, Michael. 2003. *Incoherent Empire*. London: Verso.

Mann, Susan. 1992. *Household Handicrafts and State Policy in Qing Times*. In J. K. Leonard and J. Watt, eds., *To Achieve Security and Wealth: The Qing State and the Economy*, pp. 75–96. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Marks, Robert B. 2007. *The Origins of the Modern World. A Global and Ecological Narrative from the Fifteenth to the Twenty-first Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Marshall, Alfred. 1919. *Industry and Trade*. London: MacMillan.

Marx, Karl. 1959. *Capital*. Vol. I. Moscow: Foreign Languages Publishing House.

Marx, Karl. 1962. *Capital*. Vol. III. Moscow: Foreign Languages Publishing House.

Marx, Karl. 1973. *Grundrisse. Foundations of the Critique of Political Economy*. New York: Vintage.

Marx, Karl. 1978. *Crisis Theory (from Theories of Surplus Value)*. In R. C. Tucker, ed., *The Marx—Engels Reader*. New York: Norton.

Mathias, Peter. 1969. *The First Industrial Nation: An Economic History of Britain 1900–1914*. London: Methuen.

Mayer, Arno J. 2003. *Beyond the Drumbeat: Iraq, Preventive War, 'Old Europe.'* *Monthly Review* 54 (10), March.

McCormick, Thomas J. 1989. *America's Half Century: United States Foreign Policy in the Cold War*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

McElwee, William L. 1974. *The Art of War, Waterloo to Mons*. London, Weidenfeld & Nicolson.

McKibben, Bill. 2005. *The Great Leap. Scenes from China's Industrial Revolution*. *Harper's Magazine*, December: 42–52.

McNamara, Robert. 1970. *The True Dimension of the Task*. *International Development Review*, 1.

McNeill, William. 1982. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000*. Chicago: The University of Chicago Press.

McNeill, William. 1998. *World History and the Rise and Fall of the West*. *Journal of World History* 9 (2): 215–37.

Mearsheimer, John J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W. W. Norton.

Medley, Richard. 2004. *Why Bush Must Bow to Japan's Desire For Dollars*. *The Financial Times*, March 4, p. 15.

Minchinton, W. E., ed. 1969. *The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth And Eighteenth Centuries*. London: Methuen.

Moffitt, Michael. 1983. *The World's Money. International Banking from Bretton Woods to the Brink of Insolvency*. New York: Simon & Schuster.

Muralidharan, Sukumar. 2004. *Israel: An Equal Partner in*

Occupation of Iraq. *Economic and Political Weekly*, October 9, www.epw.com.in.

Nakamura, Takafusa. 1981. *The Postwar Japanese Economy*. Tokyo: Tokyo University Press.

Nassar, David. 2004. Dollar at a Discount. CBS MarketWatch, December 7, cbs.marketwatch.com.

Nathan, Andrew J. 1972. Imperialism's Effects on China. *Bulletin of Concerned Asian Scholars* 4 (4): 3–8.

Nelson, Richard. 1956. A Theory of the Low-level Equilibrium Trap in Underdeveloped Economies. *The American Economic Review* 46(4): 894–908.

Nolan, Peter. 2004. *Transforming China. Globalization, Transition and Development*. London: Anthem Press.

Northup, David. 1995. *Indentured Labor in the Age of Imperialism, 1834–1922*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nye, Joseph S. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books.

O'Brien, Patrick. 2001. Metanarratives in Global Histories of Material Progress. *The International History Review* 23 (2): 345–367.

O'Connor, James. 1973. *The Fiscal Crisis of the State*. New York: St. Martin's Press.

Oi, Jean. 1999. *Rural China Takes Off: Institutional Foundations of Economic Reform*. Berkeley: University of California Press.

Okimoto, Daniel I. and Thomas P. Rohlen. 1988. *Inside the Japanese System: Readings on Contemporary Society and Political Economy*. Stanford: Stanford University Press.

Ong, Aihwa and Donald M. Nonini, eds. 1997. *Ungrounded Empires: The Cultural Politics of Modern Chinese Transnationalism*. New York: Routledge.

Owen, D. E. 1934. *British Opium Policy in China and India*. New Haven, CT: Yale University Press.

Ozawa, Terutomo. 1979. *Multinationalism, Japanese Style: The Political Economy of Outward Dependency*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ozawa, Terutomo. 1993. Foreign Direct Investment and Structural Transformation: Japan as a Recycler of Market and Industry. *Business and the Contemporary World* 5 (2): 129–50.

Ozawa, Terutomo. 2003. Pax Americana-Led Macro-Clustering and Flying-Geese-Style Catch-Up in East Asia: Mechanisms of Regionalized Endogenous Growth. *Journal of Asian Economics* 13: 699–713.

Palat, Ravi A. 1995. Historical Transformations in Agrarian Systems Based on Wet-Rice Cultivation: Toward an Alternative Model of Social Change. In P. McMichael, ed., *Food and Agrarian Orders in the World-Economy*, pp. 55–77. Westport, CT: Praeger.

Panich, Leo and Sam Gindin. 2003. *Global Capitalism and American Empire*. In L. Panich and C. Leys, eds., *The New Imperial Challenge*. London: Merlin Press.

Parboni, Riccardo. 1981. *The Dollar and its Rivals*. London: Verso.

Parker, Geoffrey. 1989. Taking Up the Gun. *MHQ: The Quarterly Journal of Military History* 1 (4): 88–101.

Parsons, Talcott. 1960. The Distribution of Power in American Society. In *Structure and Process in Modern Societies*. New York: Free Press.

Parsons, Talcott. 1964. Some Reflections on the Place of Force in Social Process. In H. Eckstein, ed. *Internal War*, 33–70. Glencoe, IL: The Free Press.

Peattie, Mark. 1984. Introduction, to Ramon Myers and Mark Peattie, *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945*, pp. 3–26. Princeton: Princeton University Press.

Perdue, Peter C. 1987. *Exhausting the Earth: State and Peasant in Hunan, 1500–1850*.

Perdue, Peter C. 2003. A Frontier View of Chineseness. In G. Arrighi, T. Hamashita and M. Selden, eds., *The Resurgence of East Asia. 500, 150 and 50 Year Perspectives*, pp. 51–77. London and New York: Routledge.

Phelps Brown, E. H. 1975. A Non-Monetarist View of the Pay Explosion. *Three Banks Review*, 105: 3–24.

Pinkerton, James P. 2005. *Superpower Showdown*. The American Conservative, November 7, <http://www.amconmag.com>.

Piore, Michael J., and Charles F. Sabel. 1984. *The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity*. New York: Basic Books.

Polanyi, Karl. 1957. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.

Pomeranz, Kenneth. 2000. *The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press.

Prestowitz, Clyde. 2005. *Three Billion New Capitalists. The Great Shift of Wealth and Power to the East*. New York: Basic Books.

Putterman, Louis. 1997. On the Past and Future of China's Township and Village-Owned Enterprises. *World Development* 25 (10): 1639–1655.

Qian, Yingyi. 1996. Enterprise Reforms in China: Agency Problems and Political Control. *Economics of Transition* 4 (2): 427–447.

Quesnay, Francois. 1969. From Despotism in China. In F. Schurmann and O. Schell, eds. *Imperial China*, 115–120. New York: Vintage.

Ramo, Joshua Cooper. 2004. *The Beijing Consensus: Notes on the New Physics of Chinese Power*. London: Foreign Affairs Policy Centre.

Raspberry, William. 2003. The Iraqi Monkey Trap. *The Washington Post*, October 20, www.washingtonpost.com.

Rawski, Thomas G. 1999. Reforming China's Economy: What Have We Learned? *The China Journal* 41: 139–156.

Research Group for Social Structure in Contemporary China, Chinese Academy of Social Sciences. 2005. *Social Mobility in Contemporary China*. Montreal: America Quantum Media.

Rosenberg, Nathan. 1965. Adam Smith on the Division of Labour: Two Views or One? *Economica* 32 (127): 127–139.

Rowe, William. 1990. Modern Chinese Social History in Comparative Perspective. In P. S. Ropp, ed., *Heritage of China: Contemporary Perspectives on Chinese Civilization*, pp. 242–262. Berkeley: University of California Press.

Rowe, William T. 2001. *Saving the World. Chen Hongmou and Elite Consciousness in Eighteenth-Century China*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Rozman, Gilbert. 1991. *The East Asian Region: Confucian Heritage and its Modern Adaptation*. Princeton: Princeton University Press.

Saul, S. B. 1969. *The Myth of the Great Depression, 1873–1896*. London: MacMillan.

Schlesinger, Arthur Jr. 2004. The Making of a Mess. *The New York Review*, September 22: 40–43.

Schumpeter, Joseph. 1954a. *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press.

Schumpeter, Joseph. 1954b. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. London: George Allen & Unwin.

Schumpeter, Joseph. 1961. *The Theory of Economic Development*. New York: Oxford University Press.

Schumpeter, Joseph. 1964. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York: McGraw Hill.

Schurmann, Franz. 1974. *The Logic of World Power: An Inquiry into the Origins, Currents, and Contradictions of World Politics*. New York: Pantheon.

Selden, Mark. 1995. Yan'an Communism Reconsidered. *Modern China* 21 (1): 8–44.

Selden, Mark. 1997. China, Japan and the Regional Political Economy of East Asia, 1945–1995. In P. Katzenstein and T. Shiraishi, eds. *Network Power. Japan and Asia*, pp. 306–40. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Semmel, Bernard. 1970. *The Rise of Free Trade Imperialism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Shiba, Yoshinobu. 1983. Sung Foreign Trade: Its Scope and Organization. In M. Rossabi, ed. *China among Equals: The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th–14th Centuries*, pp. 89–115. Berkeley: University of California Press.

Segal, Adam. 2004. Is America Losing Its Edge? *Foreign Affairs* (November–December), www.foreignaffairs.org.

Shaikh, Anwar. 1999. Explaining the Global Economic Crisis. *Historical Materialism*, 5: 103–144.

Shambaugh, David. 2004. China and Europe: The Emerging Axis. *Current History* 103 (674): 243–8.

Shenkar, Oded. 2006. *The Chinese Century*. Upper Saddle River, NJ: Wharton School Publishing.

Silver, Beverly J. 2003. *Forces of Labor: Workers' Movements and Globalization Since 1870*. Cambridge: Cambridge University Press.

Silver, Beverly. 2005. Labor Upsurges: From Detroit to Ulsan and Beyond. *Critical Sociology* 31 (3): 439–451.

Silver Beverly J. and Giovanni Arrighi. 2003. Polanyi's 'Double Movement': The Belle époques of British and U.S. Hegemony Compared. *Politics and Society*, 31 (2): 325–355.

Skinner, W. G. 1985. The Structure of Chinese History. *Journal of Asian Studies*, 44 (2): 271–292.

Sklar, Martin J. 1988. *The Corporate Reconstruction of American Capitalism, 1890–1916. The Market, the Law, and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Smith, Adam. 1961. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. 2 Vols. London: Methuen.

Smith, Neil. 1984. *Uneven Development. Nature, Capital and the Production of Space*. Oxford: Basil Blackwell.

So, Alvin Y. 1986. *The South China Silk District*. Albany: State University of New York Press.

So, Alvin Y. and Stephen W. K. Chiu. 1995. *East Asia and the World-Economy*. Newbury Park, CA: Sage.

Soros, George. 2004. *The Bubble of American Supremacy: Correcting the Misuse of American Power*. New York: Public Affairs.

Stedman Jones, Gareth. 1972. The History of US Imperialism. In R. Blackburn, ed., *Ideology in Social Science*, pp. 207–37. New York: Vintage.

Stinchcombe, Arthur L. 1968. *Constructing Social Theories*. New York: Harcourt, Brace & World.

Stiglitz, Joseph. 2002. *Globalization and Its Discontents*. New York: Norton.

Stopford, John M., and John H. Dunning. 1983. *Multinationals: Company Performance and Global Trends*. London: MacMillan.

Strange, Susan. 1986. *Casino Capitalism*. Oxford: Basil Blackwell.

Sugihara, Kaoru. 1996. The European Miracle and the East Asian Miracle. Towards a New Global Economic History. *Sangyo to keizai* XI, 12: 27–48.

Sugihara, Kaoru. 2003. The East Asian Path of Economic Development: A Long-term Perspective. In G. Arrighi, T. Hamashita and M. Selden, eds. 2003. *The Resurgence of East Asia. 500, 150 and 50 Year Perspectives*, pp. 78–123. London and New York: Routledge.

Sugihara, Kaoru. 2004. The State and the Industrious Revolution in Japan. Working Paper No. 02/04, Global Economic History Network, Department of Economic History, London School of Economics, London.

Summers, Lawrence H. 2004. America Overdrawn. *Foreign Policy* 143: 46–49.

Suskind, Ron. 2004. *The Price of Loyalty: George W. Bush, the White House, and the Education of Paul O'Neill*. New York: Simon and Schuster.

Sweezy, Paul. 1946. *The Theory of Capitalist Development*. London: Dobson.

Sylos-Labini, Paolo (1976). Competition: The Product Markets. In T. Wilson & A. S. Skinner, eds., *The Market and the State: Essays in Honor of Adam Smith*, pp. 200–232. Oxford: Clarendon Press.

Tang, Jun. 2003–4. Selection from Report on Poverty and Anti-Poverty in Urban China. *Chinese Sociology and Anthropology* 36 (2–3).

Taylor, Peter. 1994. Ten Years that Shook the World? The United Provinces as First Hegemonic State. *Sociological Perspectives* 37 (1): 25–46.

Therborn, Goran. 1995. *European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000*. London: Sage Publications.

Thornton, Edward. 1835. *India, its State and Prospects*. London: Parbury, Allen & Co.

Tilly, Charles. 1985. War Making and State Making as Organized Crime. In P. B. Evans, D. Rueschemeyer, and T. Skocpol, eds., pp. 169–191. *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tomlinson, B. R. 1975. India and the British Empire, 1880–1935. *The Indian Economic and Social History Review* 12 (4): 337–380.

Tong, W. James. 1991. *Disorder Under Heaven: Collective Violence in the Ming Dynasty*. Stanford: Stanford University Press.

Tronti, Mario. 1971. *Operai e Capitale*. Turin: Einaudi.

Tsai, Jung-Fang. 1993. Hong Kong in Chinese History: Community and Social Unrest in the British Colony, 1842–1913. New York: Columbia University Press.

Tsai, Kellee S. 2004. Off Balance: The Unintended Consequences of Fiscal Federalism in China. *Journal of Chinese Political Science* 9 (2): 7–26.

Tsiang, Ting-fu. 1967. The English and the Opium Trade. In F. Schurmann and O. Schell, eds. *Imperial China*, pp. 132–45. New York: Vintage.

Unger, Jonathan. 2002. *The Transformation of Rural China*. Armonk NY: M. E. Sharpe.

Urquhart, Brian. 2004. The Good General. *The New York Review* 51(4) (September 23): 28–33.

Veblen, Thorstein. 1978. *The Theory of Business Enterprise*. New Brunswick, N.J.: Transaction Books.

Vernon, Raymond. 1966. International Investment and International Trade in the Product Cycle. *Quarterly Journal of Economics*, 80 (2): 190–207.

Versluysen, Eugène L. 1981. *The Political Economy of International Finance*. New York: St. Martin's Press.

Wade, Robert. 1992. East Asian Economic Success: Conflicting Perspectives, Partial Insights, Shaky Evidence. *World Politics*, 44: 270–320.

Wade, Robert and Frank Veneroso. 1998. The Asian Crisis: The High Debt Model Versus the Wall Street-Treasury-IMF Complex. *New Left Review* 1/228: 3–22.

Wade, Robert. 2004. Is Globalization Reducing Poverty and Inequality? *World Development* 32 (4): 567–589.

Wakeman, Frederic. 1985. *The Great Enterprise: The Manchu Reconstruction of Imperial Order in Seventeenth-Century China*. Berkeley: University of California Press.

Walder, Andrew. 1995. Local Governments as Industrial Firms: An Organizational Analysis of China's Transitional Economy. *American Journal of Sociology* 101 (2): 263–301.

Walder, Andrew. 2002. Markets and Income Inequality in Rural China: Political Advantage in an Expanding Economy. *American Sociological Review* 67 (2): 231–253.

Waldinger, Roger, Chris Erickson, Ruth Milkman, Daniel J. B. Mitchell, Abel Valenzuela, Kent Wong, and Maurice Zeitlin. 1998. Helots No More: A Case Study of the Justice for Janitors Campaign in Los Angeles. In K. Bronfenbrenner, S. Friedman, R. W. Hurd, R. A. Oswald, and R. L. Seeber, eds., pp. 102–19, *Organizing to Win*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Waley, Arthur. 1958. *The Opium War through Chinese Eyes*. London, Allen & Unwin.

Walter, Andrew. 1991. *World Power and World Money*. New York: St. Martin's Press.

Wang, Gungwu. 1991. *China and the Chinese Overseas*. Singapore: Times Academic Press.

Wang, Gungwu. 1998. Ming Foreign Relations: SouthEast Asia. In Twitchett and Mote, eds. *The Cambridge History of China Vol. 8 (2), The Ming Dynasty*, pp. 301–32. Cambridge: Cambridge University Press.

Wang, Hui. 2003. *China's New Order: Society, Politics and Economy in Transition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wang, Hui. 2006. Depoliticized Politics, From East to West. *New Left Review* 11/41: 29–45.

Wang, Juan. 2005. Going Beyond Township and Village Enterprises in Rural China. *Journal of Contemporary China*. 14 (42):177–187.

Wang, Yeh-chien. 1973. *Land Taxation in Imperial China, 1750–1911*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Washbrook, David. 1990. South Asia, the World System, and World Capitalism. *The Journal of Asian Studies* (49) 3: 479–508.

Weber, Max. 1961. *General Economic History*. New York: Collier.

Weber, Max. 1978. *Economy and Society*. Berkeley, CA: University of California Press.

Weij, Yehua D. 2000. *Regional Development in China. States, Globalization and Inequality*. New York: Routledge.

Weigall, David. 1987. *Britain and the World, 1815–1986: A Dictionary of International Relations*. New York: B. T. Batsford Ltd.

Werhane, Patricia. 1991. *Adam Smith and His Legacy for Modern Capitalism*. New York: Oxford University Press.

West, E. G. 1964. Adam Smith's Two Views on the Division of Labour. *Economica* 31 (122): 23–32.

Whiting, Susan H. 2001. *Power and Wealth in Rural China: the Political Economy of Institutional Change*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wilkins, Mira. 1970. *The Emergence of Multinational Enterprise*. Cambridge: Cambridge University Press.

Will, Pierre-Etienne and R. Bin Wong. 1991. *Nourish the People: The State Civilian Granary System in China, 1650–1850*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Wills, John E. Jr. 1979. Maritime China From Wang Chih to Shih Lang: Themes in Peripheral History. Jonathan D. Spence & John E. Wills, Jr. eds. *Conquest, Region, and Continuity in Seventeenth Century China*, pp. 203–238. New Haven & London: Yale University Press.

Wills, John E. Jr. 1998. Relations With Maritime Europeans. In Denis Twitchett and Frederick Mote, eds. *The Cambridge History of China. Vol. 8 (2), The Ming Dynasty*. Cambridge: Cambridge University Press, 333–375.

Winch, Donald. 1978. *Adam Smith's Politics. An Essay in Historiographic Revision*. Cambridge.

Winch, Donald. 1983. Science of the Legislator: Adam Smith and After. *The Economic Journal* 93: 501–520.

Wolf, Eric. 1982. *Europe and the People without History*. Berkeley, CA: California University Press.

Wong, R. Bin. 1997. *China Transformed. Historical Change and the Limits of European Experience*. Ithaca: Cornell University Press.

Wong, R. Bin. 2004. *The Role of the Chinese State in Long-distance Commerce*. Working Paper No. 05/04, Global Economic History Network, Department of Economic History, London School of Economics, London.

Wong, Siu-lun. 1988. *Emigrant Entrepreneurs*. Hong Kong: Oxford University Press.

- Wong, Young-tsu. 1983. *Security and Warfare on the China Coast: The Taiwan Question in the Seventeenth Century*. Monumenta Serica. XXXV: 111–196.
- Woo, Wing Thye. 1999. The Real Reasons for China's Growth. *The China Journal* 41: 115–137.
- World Bank. 1984. *World Tables*. Vols. 1 & 2. Washington D.C.: World Bank.
- World Bank. Various years. *World Development Indicators*. CD ROM. Washington D.C.: World Bank.
- Wright, Steve. 2002. *Storming Heaven: Class Composition and Class Struggle in Italian Autonomist Marxism*. London: Pluto.
- Wright, Steve. 2004. Children of a Lesser Marxism? *Historical Materialism* 12 (1): 261–276.
- Wrigley, E. A. 1988. *Continuity, Chance and Change: The Character of the Industrial Revolution in England*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wrigley, E. A. 1989. The Limits to Growth: Malthus and the Classical Economists. In M. S. Teitebaum and J. M. Winter, eds., *Population and Resources in Western Intellectual Traditions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wu, Ximing and Perloff, Jeffrey M. 2004. China's Income Distribution Over Time: Reasons for Rising Inequality. KUDARE Working Paper 977, University of California at Berkeley. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=506462>.
- Wu, Yuan-li and Chun-hsi Wu. 1980. *Economic Development in SouthEast Asia. The Chinese Dimension*. Stanford: Hoover Institution Press.
- Yang, Lien-sheng. 1952. *Money and Credit in China. A Short History*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Yen Zhongping, et al. 1957. *Zhongguo jindai jingjishi tongji* (Collections of Statistical Data of Modern Chinese Economic History). Beijing: Scientific Publishers.
- Zhang, Binchuan. 1991. Mingqing haishang maoyi zhengce: biguanzishou? (The Sea Trade Policy of Ming and Qing: Closed Door and Conservative?) *Selected Essays in Chinese Maritime History IV*: 45–59. Taipei: Academia Sinica.
- Zolberg, Aristide R. 1995. Response: Working-Class Dissolution. *International Labor and Working-Class History* 47:

Джованни Арриги

Адам Смит в Пекине

Что получил в наследство XXI век

Литературный редактор Гелена Сает

Выпускающий редактор Ася Аракелян

Корректоры Ольга Венцковская, Елена Пылаева

Верстка: Наталья Стародубова

Графики: Петр Кузьмин

Подписано в печать 19. 12. 2008 г.

Печать офсетная. Тираж 2000 экз.

Заказ 3126

Отпечатано в ОАО «Типография „Новости“», 105005, Москва,
ул. Фридриха Энгельса, д. 46

Джованни Арриги (р. 1937) – социолог и экономист, профессор социологии Университета Джона Хопкинса (Балтимор, США). Среди его научных интересов сравнительная и историческая социология, анализ мировых систем и экономическая социология. Опираясь на исследования процессов на рынке труда, в образовании и экономическом развитии, в своих работах Арриги рассуждает о причинах и последствиях неравенства в богатстве, о власти и статусе наций. Одна из самых его известных работ – «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени».

В своей новой книге «Адам Смит в Пекине», написанной в продолжение и развитие предыдущих, автор рассматривает два главных фактора, которые предопределили расстановку политических и экономических сил в начале нового тысячелетия. Один из них – появление и провал неоконсервативного проекта «За новый американский век», другой – выдвижение Китая в качестве лидера восточно-азиатского экономического возрождения. В свете теории Адама Смита Арриги показывает, почему эпицентр мировой политической экономии перемещается из Северной Америки в Восточную Азию и какова роль двух государств – США и Китая – как главных действующих лиц разворачивающегося преобразования мира.